Л. В. Перескоков

ОБРАЗ ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ МИХАИЛА АЛЕКСАНДРОВИЧА В КОНТЕКСТЕ ВРЕМЕНИ

Региональное отделение
«Российское военно-историческое общество»
В Пермском крае
Пермский государственный архив
социально-политической истории

Л. В. Перескоков

ОБРАЗ ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ МИХАИЛА АЛЕКСАНДРОВИЧА В КОНТЕКСТЕ ВРЕМЕНИ

Научно-популярное издание

Пермь
2022

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)53
П 26

Перескоков Л.В.
Образ Великого Князя Михаила Александровича в контексте времени: монография. – Пермь: ИП «Дунаева Л. А.», 2022.– 296 с.

Рецензенты:
Лыкова Л.А., д.и.н. (Российский государственный архив социально-политической истории, г. Москва);
Лушников О.В., к.и.н. (директор Центра Евразийских исследований им. Г.В. Вернадского Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета).

Редактор – *Софьина М.В.,* к.и.н. (доцент кафедры библиотечных и документально-информационных технологий Пермского государственного института культуры, заместитель начальника отдела научно-публикаторской деятельности Пермского государственного архива социально-политической истории)

Автор выражает благодарность за помощь,
оказанную в издании книги,
Председателю регионального отделения
«Российское военно-историческое общество» в Пермском крае
Гладневу И.А. и частному предпринимателю ***Черкасову А.А.***

100-летие Великой Русской революции 1917 года вызвало большой интерес к Дому Романовых. Наряду с Царской семьей в центре внимания сейчас оказался Великий Князь Михаил Александрович, родной брат Николая II, которому государь передал верховную власть. Однако он решение о принятии Престола отложил до определения вопроса о государственном устройстве Учредительным собранием.

Найти ответ, почему Михаил Александрович не стал императором, поможет анализ общественного мнения о нем в историческом контексте.

Великий князь своим Актом отложенного права фактически предложил альтернативный путь выхода России из глубокого политического кризиса посредством широкого общественного обсуждения будущего страны. К сожалению, он не был поддержан теми политическими и военными силами, которые определяли на тот момент ход исторического развития. Тем не менее, современные исследователи считают, что Михаил Александрович сыграл важную роль в этот критический момент истории России.

Издание адресовано специалистам-историкам, исследователям и всем тем, кто интересуется эпохой императора Николая II.

ISBN 978-5-6047268-1-5

© Перескоков Л. В., 2022

К читателю!

Личность Человека многогранна. Особенно личность такого масштаба, как Великий Князь Михаил Александрович.

Государственные и военные заслуги Великого Князя Михаила Александровича не оценены до сих пор политологами, военными историками.

Историческая общественность, не смотря на открытие архивных источников, не уделяет должного внимания личности Великого Князя Михаила Александровича. В основном современная историография представлена краеведческой литературой.

Вот перед нами удивительный труд краеведа и подвижника Л. Перескокова. Его книга – это результат не только научных изысканий, но и многолетней работы по популяризации личности Великого Князя Михаила Александровича.

Исследование Л. Перескокова отвечает на многие вопросы, которые ставят историки, краеведы и просто люди, интересующиеся историей России в переломные годы начала XX века.

Напомним, что Михаил Александрович был официальным наследником Престола до рождения царевича Алексея в 1904 г. Одним из лучших фронтовых командиров Первой Мировой войны.

В тяжелые дни марта 1917 г. Михаил Александрович мужественно и безропотно выполнил волю старшего брата, императора Николая Александровича. Именно в эти дни, или даже часы, проявились лучшие качества Великого Князя Михаила Александровича как государственного деятеля. В течение одного дня он должен был принять единственно верное политическое решение.

Все исторические и личностные перипетии, связанные с подписанием так называемого «Отречения» Великого Князя Михаила Александровича, являются предметом исследований историков и политологов. И понять действительные мотивы и поступки очень сложно, если не обратиться к личностным характеристи-

кам Великого Князя Михаила Александровича. Книга Л. Перескокова вводит читателя в более глубокое погружение познания личности Великого Князя Михаила Александровича. Со страниц книги перед читателем встает образ Личности в оценке современников. Это очень важный исторический прием – представить Портрет в интерьере эпохи.

ЛЫКОВА Людмила Анатольевна,
доктор исторических наук,
главный специалист Российского государственного архива
социально-политической истории (г. Москва).

В своем исследовании автор поставил задачу дать комплексный портрет «последнего российского императора» – Великого Князя Михаила Александровича Романова – на фоне эпохи и в отражении современников. И можно констатировать, что эта актуальная задача автору вполне удалась. Привлечение широкого пласта источников, архивных документов, воспоминаний, публицистических текстов эпохи позволило автору раскрыть многогранный образ великого князя.

Монография построена логично с точки зрения материала. Л.В. Перескоков разделил исследование на 2 этапа. Сначала проследил биографию Великого Князя Михаила Александровича от рождения до трагической гибели в Перми 12 июня 1918 г., раскрыв этапы формирования его личности, характера, особенностей его отношения к власти. Потом осветил историографический контекст эпохи в воспоминаниях современников – родственников из правящего дома, думских деятелей, представителей бизнеса, военных и даже новой советской власти и краеведов, что позволило максимально объективно рассмотреть имеющийся фактический материал и возможные альтернативы исторического развития России.

К сожалению, элита страны, находясь в очередной точке исторической бифуркации, не справилась с возникающими в геометрической прогрессии трудностями, и упустила шанс направить энергию революционно настроенных масс в конструктивное русло. Страну охватил хаос. И были пролиты реки крови. И последний представитель династии – Великий Князь Михаил Александрович – стал одной из первых жертв Гражданской войны.

Монография Л.В. Перескокова возвращает забытые имена и ставит перед нами задачи сохранения исторической памяти.

ЛУШНИКОВ Олег Вадимович,
кандидат исторических наук,
доцент, директор Центра Евразийских исследований
им. Г.В. Вернадского
Пермского государственного гуманитарно-педагогического
университета.

Образ великого князя Михаила Александровича в контексте времени

Введение

100-летие Великой русской революции вызвало особый интерес к событиям в России 1917 года, династии Романовых, в том числе и к историческим фигурам второго ряда, которым ранее в историографии уделялось недостаточное внимание. В настоящее время российское общество пытается осмыслить исторические процессы эпохи тех глобальных потрясений. Наряду с царской семьей сейчас в центре внимания оказался Великий Князь Михаил Александрович, родной брат Николая II, в связи с тем, что ему 2 марта 1917 г. государь передал верховную власть. Однако он власть не принял, сохранив при этом право на престол до разрешения вопроса о государственном устройстве Учредительным собранием.

В настоящем аналитическом исследовании ставится задача реконструкции образа Михаила Александровича на основе документальных источников, отзывов современников, мемуарной литературы, научных изысканий и публицистики, что позволяет очертить его облик в исторической традиции и расширить представление о династии Романовых в предреволюционную эпоху. Полученный таким образом конструкт объясняет мотивацию действий политиков и генералитета, способных в тот период влиять на ход исторических событий в России

и позволяет воспроизвести решающий момент для российской монархии – совещание на Миллионной улице 3 марта 1917 г., на котором Великий Князь подписал акт непринятия верховной власти (акт отложенного права).

Возникающий на основе отзывов современников конструкт образа великого князя эволюционирует во временном контексте, обретает противоречивые черты и даже противоположные оценки, поэтому правомерно говорить не об одном многоликом образе, а о ряде последовательно меняющихся образов одной личности. Реконструируемые в настоящем исследовании образы Михаила Александровича, сложившиеся к 1917 г., помогут найти ответы на вопрос, почему 3 марта он не был поддержан ни Романовыми, ни политическими лидерами Февральской революции, ни высшим генералитетом, ни, тем более, левыми партиями.

Весь содержательный исторический нарратив в ходе исследования был организован в отдельные коллективные дискурсы[1] по времени и по идеологическим лагерям авторов. Благодаря этому на основе дискурсов возникает возможность реконструкции образа Михаила Александровича в разных аспектах эпохи Николая II и последующей научной историографии, мемуарной литературе и публицистике.

В первой главе книги раскрывается личность Великого Князя Михаила Александровича в восприятии современников на основе единовременных событиям сообщений и высказываний. Материал представлен в хронологическом порядке: отзывы довоенной поры (§ 1), сведения о Великом Князе в годы Великой войны (§ 2) и Михаил Александрович в контексте событий 1917–1918 гг. (§ 3). В этой главе делалась попытка воспроизвести динамику изменения образа Михаила Александровича на основе нарратива отзывов его современников.

[1]Дискурс (от лат. discursus – рассуждение, довод, беседа), связный текст в совокупности с социокультурными, психологич. и др. факторами; текст, взятый в событийном аспекте; речь, рассматриваемая как целенаправленное социальное действие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей и в механизмах сознания.

Основными документальными источниками первой части настоящего исследования являются дневники и переписка Великого Князя Михаила Александровича (1915–1918), императрицы Марии Федоровны (1914–1920, 1923), императора Николая II и Александры Федоровны, Великой Княгини Ксении Александровны и других представителей императорской фамилии, в частности Великой Княгини Елизаветы Федоровны, Великих Князей Андрея Владимировича и Николая Михайловича. По этим документам стало возможным увидеть Михаила глазами его ближайших родственников.

Облик Михаила Александровича в отзывах лиц близкого окружения дополняется прижизненными воспоминаниями других представителей Дома Романовых, друзей, сослуживцев, воспитателей и преподавателей. Более объективные характеристики о Михаиле оставили С.Ю. Витте, преподававший великому князю, и его адъютант А.А. Мордвинов. Витте и Мордвинов, а также представители генералитета, не связанные родственными узами, дают о нем независимые отзывы.

До скандала, вызванного морганатическим браком (16 октября 1912 г.), Великий Князь ничем особо себя не проявил, поэтому и отзывов о нем, в общем, немного. Начиная с истории морганатического брака, сообщения дифференцируются в зависимости от того, к какой социальной группе принадлежат их авторы, а также от политической конъюктуры.

В годы Первой мировой войны Михаил Александрович Романов как офицер неплохо себя зарекомендовал, поэтому появляются положительные отзывы в воспоминаниях представителей военного генералитета и сослуживцев (А.А. Брусилова, Ю.Н. Данилова, Б.В. Никитина П.А. Половцева) и в периодической печати (Н. Брешко-Брешковского, С. Уошберна).

В исследовании периода Русской революции используются в качестве источников дневники, протоколы заседаний и допросов, телефонные и телеграфные переговоры, выступления и публикации политических лидеров, а также воспоминания, написанные на осно-

ве дневниковых записей, широкого круга политических и военных деятелей, многочисленные материалы и документы, размещенные в историческом журнале «Красный архив». Уникальный случай мы имеем с трудами сотрудника Отдельного корпуса жандармов А.И. Спиридовича. В феврале 1917 г. он был в Петрограде, оказался непосредственным свидетелем революционных событий и по свежим следам, имея доступ к конфиденциальной информации, приступил к анализу причин падения монархии. Как источники оперативного характера рассматриваются публикации в печатных средствах массовой информации того времени. В 1917 г. на основе ложной информации складывается образ Михаила как контрреволюционера, а в 1918–1919 гг. формируется легенда о его чудесном спасении после «побега».

Резко отрицательное отношение большевистской власти к Михаилу Романову и к династии вообще, как главным политическим противникам, раскрывается, прежде всего, в выступлениях и публикациях вождя пролетарской революции В.И. Ленина. О Романовых отзывались также некоторые представители меньшевистского крыла российской социал-демократии. Все они в той или иной мере категоричности рассматривали Романовых как непримиримых врагов революции, заявляли о совершенной невозможности вообще какого-либо с ними сотрудничества и говорили о необходимости их физического уничтожения, во всяком случае Николая «Кровавого».

Следует отметить существование целого пласта опосредованных оценок личности Михаила Александровича в обществе – это невыполнение его просьб и требований, неприятие его супруги (а, значит, и неуважение к нему), неинформирование его (в некоторых случаях) о важных событиях и решениях как со стороны императора, так и со стороны высшего генералитета армии и т.п., а также затягивание или отказ от решения тех проблем, с которыми он обращался в разные инстанции.

Во второй главе Михаил Александрович представлен как литературный герой 1920–2020-х годов. В этой час-

ти работы рассмотрен источниковедческий материал, появившийся уже после его гибели и представляющий собой результат авторского осмысления трагических событий, систематизирован по жанровой принадлежности. Задача реконструкции образа Михаила Романова здесь решалась в следующей последовательности: по воспоминаниям (§ 1), научной историографии (§ 2) и публицистике (§ 3). Исследуемый материал также представлен в формате дискурсов, в которых участвовали авторы разных политических ориентаций.

Практически во всех мемуарах и публикациях, посвященных Февральской революции, присутствует эпизод передачи трона императором Николаем II своему родному брату Михаилу Александровичу. В этих работах, прежде всего, фиксируется сам факт его отказа от верховной власти. Однако авторов собственно Михаил уже не интересует, теперь он рассматривается только как знаковая политическая фигура. В дискурсах оценивается правомерность его решения о передаче полномочий верховной власти Временному правительству и о способе выбора будущего государственного устройства через определение Учредительного собрания.

Особенно ценны научные работы и воспоминания участников и непосредственных свидетелей февральских событий 1917 г., в которых М.А. Романов эпизодически упоминается. В исследовании выделены труды таких авторов, как П.Н. Милюков, С.П. Мельгунов, Н.Н. Суханов, М.В. Родзянко, А.Ф. Керенский. Эти люди, придерживаясь различных политических взглядов, влияли на события и, естественно, давали различные оценки действиям Михаила Александровича. Если лидер кадетов П.Н. Милюков склонялся к сохранению монархии и готов был признать его монархом, то энес Мельгунов считал, что Михаил мог бы взять верховную власть только при условии его поддержки армией. Поражает переменчивость позиций председателя Государственной думы октябриста М.В. Родзянко, действовавшего в зависимости от политической ситуации. Меньшевик Суханов и трудовик Керенский 3 марта 1917 г. считали, что

революция уже свершилась, монархия рухнула, и поэтому разговора о династии быть не может.

Так случилось, что Михаил Александрович явился официальным представителем царствующей династии на финальном событии фактического падения российской монархии в ходе Февральской революции. Совещание 3 марта 1917 г. на квартире князя Путятина (улица Миллионная, 12) описывают присутствовавшие там П.Н. Милюков, А.Ф. Керенский, В.В. Шульгин, Н.Н. Иванов. Лидеры революции поняли, что монархия фактически утеряла власть, и поэтому отвергли Михаила. Даже монархист Шульгин посчитал, что он не был способен на тот момент овладеть ситуацией.

Важен взгляд на события зарубежных послов Франции Мориса Палеолога и Британии Джорджа Бьюкенена – мнение представителей союзников. Их теперь больше волновала не судьба династии, а возможность и перспективы России продолжать участие в войне.

Во 2-й главе есть параграф, посвященный историографии вопроса, в котором проанализированы наиболее значительные для настоящего исследования публикации. Собственно Михаилу Александровичу фактически посвящены лишь работы отечественного историка-архивиста В.М. Хрусталева («Великий Князь Михаил Александрович» и «Первая мировая. Во главе "Дикой" дивизии. Записки Великого князя Михаила Романова»), написанные на основе результатов многолетних поисков.

Также обращает на себя внимание книга Р. Кроуфорд «Михаил и Наталья. Жизнь и любовь»/Розмари Кроуфорд, Дональд Кроуфорд/, вышедшая на русском языке в 2008 г. Супругов-журналистов Розмари и Дональда Кроуфордов из Британии прежде всего заинтересовал любовный сюжет из жизни великого князя, его коллизии личной жизни. Поэтому, фактически, их работа является не столько научным трудом, сколько историко-художественным романом, хотя авторы использовали многочисленные архивные источники (что важно, и зарубежных фондов).

В этих изданиях на документальной основе подробно изложен жизненный путь Михаила Романова.

Книга американского историка, журналиста и писателя Роберта Мэсси «Николай и Александра» («Nicholasa nd Alexandra», 1967) посвящена царской семье, однако автор многократно упоминает о Великом Князе Михаиле Александровиче. Энергичные штрихи Мэсси выделяют характерные черты личности брата императора.

К биографическим работам можно также отнести книгу шведского писателя-слависта С. Скотта «Романовы. Царская династия. Кто они были? Что с ними стало?» (1993), в ней Михаилу Александровичу посвящен отдельный параграф. Уже сам заголовок книги предполагает популярное издание. Автор представил великого князя «славным малым», эдаким «плейбоем» и «бравым офицером» – в результате у автора сложился романтический образ героя, что также характерно для художественного произведения.

В советское время почти ничего не было известно о Михаиле Александровиче. Он не интересовал историков, как фигура второстепенная. Впервые история гибели Михаила Романова была рассказана пермским краеведом С.А. Тороповым в очерке «Самосуд» (1990). Затем Пермская областная библиотека им. А.М. Горького издала небольшой сборник документов из пермских архивов и публикаций в местных газетах, касающихся пермского периода жизни Великого Князя, тоже под названием «Самосуд» (1992). В этом сборнике впервые был опубликован дневник Михаила Александровича пермского периода. А в 1996 г. вышел сборник документов «Скорбный путь Михаила Романова: От престола до Голгофы: Документы, материалы следствия, дневники, воспоминания» (сост. В.М. Хрусталев и Л.А. Лыкова). В него были помещены не только ранее опубликованные материалы, но и новые документы из столичных архивов.

Историк-архивист Л.А. Лыкова в различных изданиях также публиковала архивные материалы о Михаиле

Александровиче, хотя предметом ее научного исследования были обстоятельства гибели царской семьи.

Благодаря столь плодотворной работе архивистов в научный оборот вошел важный пласт документов, ставший на сегодня важнейшей источниковедческой базой.

Идеолог и организатор убийства Михаила Романова Г.И. Мясников оставил по этому поводу целый трактат «Философия убийства...». Впоследствии все исполнители расправы по заданию Пермского Истпарта написали воспоминания. На основе этих воспоминаний Пермское бюро Истпарта подготовило статью для проекта сборника «Борьба за власть» (которая не была опубликована). Исполнители писали, что Михаил Романов – личность ничтожная, но может возглавить контрреволюционное движение, поэтому в интересах революции его необходимо было физически уничтожить.

Кроме непосредственных исполнителей расправы над Михаилом воспоминания оставили многие из тех, кто имел косвенное отношение к операции. Все они также подтверждают мнение, что, исходя из революционной целесообразности, великого князя оставлять живым было нельзя.

В качестве источников оперативных сведений в исследовании использовалась информация печатных средств как центральных, так и региональных издательств. Если до 1912 г. газеты упоминали о Михаиле Александровиче как представителе Дома Романовых, участвовавшего на тех или иных официальных мероприятиях, то в годы войны писали о боевом пути «Кавказской туземной конной дивизии», затем 2-го кавалерийского корпуса, возглавляемых Великим Князем, и о его героизме, непритязательности в условиях фронтовой жизни. После Февральской революции недолго говорили о его «благородстве», а затем прошла волна дезинформации о якобы его участии в контрреволюционных заговорах.

Воспоминания лиц, которые знали Михаила Александровича, общались с ним, проходили военную службу, состояли с ним в дружеских отношениях, появились по истечении времени (в 1920–1950-е гг.), поэтому та-

кие материалы являются уже результатом осмысления прошедших событий и несут в той или иной мере печать субъективной оценки.

Выделяются мемуары о Великом Князе, которые написаны в стилистике некролога (воспоминания великой княгини Ольги Александровны, сослуживцев Б.В. Никитина, А.А. Мордвинова). Эти воспоминания изложены с большой теплотой, а упоминания о его недостатках выражены очень тактично. Авторы обращают внимание на такие черты его характера, как доброта, отзывчивость, внимание к людям, непритязательность в повседневной жизни и веселый нрав.

Другая достаточно обширная группа авторов придворного круга вспоминает и оценивает действия Михаила Александровича в связи с февральскими событиями 1917 г. Это Великие Князья Андрей и Кирилл Владимировичи, Александр Михайлович, княгиня О.В. Палей, фрейлины Александры Федоровны А. Вырубова и С. Буксгевден, князь С.Е. Трубецкой, придворные А.А. Мосолов, В.Н. Воейков и В.Ф. Джунковский. В большинстве случаев высказывалось недоумение по поводу его отказа от верховной власти. Многие в падении монархии обвиняют именно Михаила Александровича, проявившего «безволие» и «доверчивость». Высший же генералитет соглашался на регентство Михаила, а когда произошло отречение Николая II, призывал Думу принять его манифест к исполнению (т.е. признать Михаила Александровича как монарха), однако в критический момент армия не оказала Михаилу необходимой поддержки.

Среди работ по историографии революции в России, в которых Великий Князь Михаил Александрович упоминается лишь в связи с эпизодом передачи ему верховной власти Николаем II 2 марта 1917 г., в настоящем исследовании для более глубокого анализа с целью сопоставления выбраны труды авторов разных школ и эпох. Взяты «Мартовские дни 1917 года» белоэмигрантского историка С.П. Мельгунова, «Февральская революция» историка русского зарубежья Г.М. Каткова, «История

Великого Октября. Свержение самодержавия» советского академика И.И. Минца, «Русская революция» американского историка Р. Пайпса и «Великокняжеская оппозиция в России 1915–1917 гг.» современных российских исследователей Е.Е. Петровой и К.О. Битюкова. Мельгунов делает вывод, что в той ситуации без поддержки (реально только со стороны армии) Михаил Александрович был обречен. Катков обращает внимание на то, что Великий Князь находился под влиянием думских либералов.Минц, со своей стороны, эпизод, связанный с Михаилом, считает совершенно несущественным, потому что в общественном развитии, согласно марксистко-ленинской теории революции, действуют объективные законы. Пайпс же делает акцент на противозаконности передачи Михаилу верховной власти со стороны Николая II, а поэтому все действия Великого Князя, как преемника престола, не имеют юридической силы. Петрова и Битюков на примере действий Михаила демонстрируют беспомощность великокняжеской оппозиции в дни Февральской революции.

В современной историографии традиции придворного направления отчетливо видны в работах потомка известного грузинского дворянского рода Д.П. Чавчавадзе и в исследованиях личного секретаря Российского Императорского Дома А.Н. Закатова. Д.П. Чавчавадзе, родившийся в 1924 г., естественно, не мог встречаться с Михаилом Александровичем. Сведения он черпал из рассказов своих родителей, представителей белой эмиграции, а также из дневников и переписки великих князей и княжон. По его утверждению, Михаил Александрович был умным, энергичным и «милым» человеком. Женившись на Наталье Вульферт, он понимал, что «удалится от общественной жизни». А нынешний директор Канцелярии Российского Императорского Дома А.Н. Закатов в книге «Император Кирилл I» выступает с противоположных позиций. Оправдывая действия великого князя Кирилла Владимировича в дни Февральской революции, всю ответственность за крушение монархии он возлагает на Михаила Александровича.

Ряд публикаций имеют явно выраженную политическую окраску. К таким работам можно причислить «Двадцать три ступени вниз» М.К. Касвинова, «Убийство царской семьи» О.А. Платонова и «Дон Кихот пролетарской революции: Документальная повесть о том, как мотовилихинский рабочий Гавриил Мясников боролся с ЦК РКП(б) за свободу слова и печати (1920–1922 годы)» Н.А. Аликиной.

По мнению М.К. Касвинова, защитники монархии делали на Михаила последнюю ставку, но генералу Н.И. Иванову не удалось восстановить порядок в столице, и народ «отнял» власть у «романовского чудища». Н.А. Аликина вслед за своим героем Г.И. Мясниковым рисует образ Михаила Романова как личности ничтожной, которая, однако, представляла опасность для революции. Современный исследователь О.А. Платонов придерживается диаметрально противоположного мнения: убийство царской семьи и Михаила Александровича, по мнению исследователя, это преступление, которое активно прикрывалось дезинформацией в печати. Таким образом, все авторы, не зависимо от их оценки великого князя, видят в нем знаковую политическую фигуру.

Михаил Александрович в годы Великой войны раскрывается в работах двух современных исследователей: О.Л. Опрышко «Кавказская конная дивизия. 1914–1917. Возвращение из небытия» (2007) и В.М. Хрусталева «Первая мировая. Во главе "Дикой дивизии". Записки Великого князя Михаила Романова» (2014). В назначении начальником Кавказской туземной конной дивизии брата царя О.Л. Опрышко видит знак особой «милости» государя. Великий Князь своими поступками и добрым отношением к людям вызвал у кавказцев глубокое уважение и гордость. Однако книга Опрышко посвящена Кавказской дивизии, а Великий Князь в ней – на втором плане. В этих книгах описаны подвиги, за которые великий князь был награжден Георгиевским крестом и Георгиевским оружием. Здесь Михаил Александрович предстает перед нами истинным героем Великой войны.

Во второй главе также исследуются публицистические материалы. Работы пермских журналистов В.Ф. Гладышева и С.А. Тупицына можно отнести к биографическим, так как в них повествуется о пермском периоде жизни Михаила Романова. Акцент делается на положительные черты его характера, в результате чего складывается вполне позитивный образ, вызывающий симпатии. Граф А.Н. Каменский (так подписано автором) из Москвы и Н.Д. Чернышова-Мельник из Санкт-Петербурга проводят мысль о возможном чудесном спасении великого князя в 1918 г. А.Н. Каменский, внимательно исследуя текст манифеста Николая II, приходит к выводу, что Михаила Александровича правомерно называть «последним российским императором».

Гражданин США, уроженец Перми, В.Г. Краснов в своих многочисленных публичных выступлениях, в социальных сетях и в СМИ обращает внимание на демократизм Михаила Александровича и не оцененный по достоинству его манифест, в котором впервые в истории России и многих зарубежных стран был провозглашен принцип всеобщего, равного, прямого и тайного голосования.

Обзор нарратива о Великом Князе Михаиле Александровиче периода 1920–2020 годов показывает, что мнения о нем не только различны, но и даже нередко диаметрально противоположны: от ничтожества до героя войны и от глупца до спасителя Отечества. Однако такая сложившаяся на сегодня разноплановая картина не позволяет объяснить в полной мере роль и место Михаила Александровича в контексте событий 1917 г. в России. В настоящей работе опубликованные документы, материалы, воспоминания и результаты исследований складываются в коллективные дискурсы, анализ которых позволяет воссоздать разноплановый, меняющийся во времени и, в сущности, противоречивый образ героя в отражении общественного мнения, зависящий от текущей конъюктуры и политического контекста.

Исследование образа великого князя в исторической традиции и отражение его в общественном сознании

посредством углубленного анализа достаточно обширного и разнообразного материала стало возможно при его четкой систематизации по времени и по принадлежности участников дискурсов к тем или иным политическим группам.

Михаил Александрович на самом деле был всегда знаковой фигурой, но до морганатического брака он оставался в тени общественной жизни. Коллективные дискурсы демонстрируют тот факт, что в сознании людей бытовали стереотипы, определявшие общественное мнение. На основе утвердившегося образа Великого Князя Михаила Александровича в сознании людей складывалось мнение, которое определило его роль и место в 1917 г.

Принципиальным вопросом исторической науки является вопрос о документе. Важно не только определить степень его истинности, но и «...восстановить то вставшее за ним прошлое, откуда он родом»[2]. В этой связи в исследовании уделялось внимание контексту, в котором появился тот или иной отзыв.

В настоящей работе весь источниковедческий материал выстраивается как нарратив о Михаиле Александровиче Романове в исторической ретроспективе, то есть как последовательное изложение логически связанной информации в отзывах его современников и до публикаций сегодняшнего дня. В настоящем нарративе отражается (протоколируется) общественное мнение (мнение различных слоев, групп и политических партий) о великом князе, что позволяет сопоставить реальную личность и ее отражения в общественном сознании. При этом необходимо раскрыть, что представляло собой российское общество в начале XX в. и как складывалось общественное мнение. В современном понимании гражданского общества в России тогда не существовало. Общественная жизнь имела место только в столицах и крупных городах, прежде всего губернских. В сельской же местности большинство населения было неграмотно,

[2]Фуко, Мишель. Археология знания: Пер. с фр./Общ. ред. Бр. Левченко. – К.: Ника-Центр, 1996. – С. 10.

поэтому говорить о какой-либо там общественной жизни не имеет смысла.

Для формирования общественного мнения необходимо, чтобы среди населения были общественно-активные, образованные личности, средства передачи информации (тогда печатные СМИ, произведения художественной литературы, философские трактаты и др.), возможность обсуждения актуальных вопросов и дискуссии (тогда – университеты, клубы, творческие сообщества и др.). Немногочисленное российское общество в начале XX в. делилось на группы – это придворные круги, дворянство, буржуазия и купечество, интеллигенция, а также другие общественные объединения. Однако наиболее важной общественной организацией, определившей судьбу монархии в 1917 г., стала Государственная дума.

Нарратив о М.А. Романове в настоящем исследовании рассматривается, прежде всего, в трех аспектах:

– Михаил Александрович как представитель Дома Романовых и законный наследник престола;

– Великий Князь в контексте Великой русской революции;

– Акт Великого Князя Михаила Александровича как возможная альтернатива исторического развития России в 1917 г.

Основополагающим методологическим принципом исследования является принцип историзма, подразумевающий изучение исторических процессов и явлений в их развитии и динамике изменений. В данном случае выявляется динамика общественного представления о Великом Князе в развитии контекста исторического процесса.

Другим методологическим принципом настоящего исследования стало стремление к объективности посредством более обстоятельного анализа дискурса. Производился анализ всех известных публичных источниковедческих материалов, как носителей коллективной памяти. В исследовании не осуществлялась идеологическая выборка источников, а использовались все из-

вестные материалы, исходящие от представителей различных политических, профессиональных и социальных групп. В то же время сохранялось критическое отношение к материалам, определялась мотивация автора того или иного отзыва о Михаиле Романове.

Третьим примененным методологическим принципом является диалогичность исследования в форме сопоставления различных и даже противоположных взглядов, мнений и оценок. Сравнивались отзывы его современников и мемуарной литературы различных периодов жизни Михаила Александровича.

В качестве одного из основных инструментов исследования использовался системный подход, выразившийся, прежде всего, в систематизации исследуемого материала. Для начертания образа Великого Князя Михаила Александровича, складывавшегося в общественном сознании на каждом определенном этапе его жизни, использовались только единовременные источники. Выдерживался принцип единства места и времени события.

В исследовании выбраны наиболее важные, этапные сюжеты из жизни Михаила Александровича в хронологическом порядке:

– личность Великого Князя, его позиция в придворных кругах;

– Великий Князь как участник Великой войны;

– роль Великого Князя в падении монархии;

– положение Великого Князя после Февральской революции 1917 года и гибель.

В ходе раскрытия дискурсов складывается ряд его многоликих образов.

– В династическом плане Михаил Александрович – второстепенная, безликая личность среди представителей Дома Романовых, занятый устройством своей личной жизни, увлеченный спортом и автомобилями. Заключив вопреки воле государя морганатический брак, он тем самым, по действовавшим тогда законам и традициям, лишился перспектив стать первым наследником престола.

— Отзывы в офицерских кругах и публикациях о Михаиле Александровиче времен Великой войны рисуют образ отважного и уважаемого боевого командира. Однако нет сообщений о его полководческих качествах, в гвардии он служить не хотел, а во второй половине 1916 г., в связи с ухудшением состояния здоровья и депрессивным психическим состоянием, попросил у Николая II должность нестроевой службы.

— Отзывы монархического плана связаны, прежде всего, с февральскими событиями 1917 г. В одних случаях говорится, что он не проявил силы воли в других, что у него не было другого выхода, а в третьих — он не имел юридических оснований. Однако, так или иначе, его действия — демонстрация слабости династии, ее неспособности управлять империей. Михаил, будучи совершенно не готовым к роли монарха, оказался жертвой манипуляций сильных политических фигур. Однако с позиции сегодняшнего дня можно со всей определенностью утверждать, что намечаемая линия в разрешении политического кризиса Михаила Александровича была возможной альтернативой исторического развития России.

— Большевистская власть считала Михаила Александровича личностью ничтожной, но способной возглавить контрреволюцию и поэтому представляющей угрозу революции. Михаил Романов, по их мнению, исходя из революционной целесообразности, должен был быть уничтожен. Однако, иронизируя, участники расправы первыми назвали Михаила Александровича «божеским воплощением».

— В 1920—1970-е гг. интерес к личности великого князя в советской историографии почти не проявился, потому что эпизод передачи ему верховной власти Николаем II и последующим его отказом от престола исследователям представлялся как несущественный, формальный акт, который никак не повлиял на ход исторических событий. В белой эмиграции выходили публикации в стилистике некролога. Многие участники событий Февральской революции, оправдывая свои

действия, говорили, что готовы были бы поддержать Михаила Александровича, но он не был способен удержать верховную власть.

– В современной литературе наблюдается глорификация (прославление) Великого Князя Михаила Александровича как мученика, исповедника, богатыря, инициатора демократических преобразований в России.

Таким образом, один персонаж в исторической традиции оставил разнообразные и противоречивые проекции в общественном сознании. Это объясняется тем, что Михаил Александрович по рождению своему был знаковой фигурой (символом). От него ожидали таких действий и поступков, которые, согласно устоявшемуся мнению, соответствовали бы статусу Великого Князя. Однако он далеко не всегда соответствовал этим представлениям. В его сознании происходило столкновение различных идеологий и взглядов на общественное развитие. С женитьбой на Наталии Сергеевне Михаил Александрович начал часто вращаться в буржуазной среде и стал более демократичен, а ужасы войны заставили его мучительно размышлять о причинах происходящего безумия. Всю ответственность он возлагал на верховную власть, к которой он сам же и относился.

Глава 1. **Великий Князь Михаил Александрович в восприятии современников**

§ 1. Кто он, наследник Престола?

Образ Великого Князя Михаила Александровича[1] в отзывах современников на протяжении всей его жизни менялся, при этом становился многоликим и даже противоречивым, во многом зависящим от политической конъюктуры. В этой связи можно говорить о череде образов одной личности, возникающих в ходе дискурсов на определенных этапах ее жизни.

В нарративе о Михаиле Александровиче довоенного периода совершенно определенно выделяется три периода: это период детства, отрочества, юности до момента наступления совершеннолетия и объявления его наследником престола (1898–1899), затем следует период, когда Михаил является наследником престола (1899–1904), и третий период, время личных коллизий, определивших его образ в общественном сознании к началу Первой мировой войны (1904–1914).

До скандала, вызванного любовным романом с женой своего однополчанина Наталией Сергеевной Вульферт (морганатический брак был заключен в 1912 г.), отзывов о Михаиле Александровиче было сравнительно немного, и звучали они от лиц близкого круга – это члены царской семьи, родственники, представители Дома Романовых, главы и представители королевских Домов Европы, преподаватели и наставники.

1.1. Великий Князь в детстве, отрочестве, юности (1878–1899)

Период детства, отрочества и юности Великого Князя раскрывается, прежде всего, из дневниковых записей его родителей – Великого Князя Александра Александровича (Александр III – император Всероссийский, 1881–1894) и Великой Княгини Марии Федоровны, братьев и сестер (Великого Князя Николая Александровича, Великих Княжон Ксении Александровны и Ольги Александровны). В царской семье обязывали детей вести дневники, в которых они отражали повседневные события. Обычно это были короткие и сухие записи. Однако изредка в сообщениях о наиболее важных или примечательных событиях давались характеристики и оценки. Дневники детей отличаются своей непосредственностью, где они не только выражали свои эмоции, но даже иногда пытались иллюстрировать. Кроме дневников в качестве источников этого дискурса используется переписка. Старшим детям Александра Александровича вменялось в обязанность (а чувствуя ответственность, они это делали с удовольствием) сообщать письмами обо всех событиях, происходивших дома, когда родители или один из них были в отъезде.

В настоящем обсуждении используются опубликованные отзывы о Михаиле Александровиче датского короля Христиана IX, греческих принцев Георгия и Николая, германского императора Вильгельма II, английской королевы Виктории. Все они были связаны родственными узами с царствовавшим Домом Романовых и находились в дружеских отношениях, эпизодически встречались и вели переписку. Необходимо также учитывать принятый этикет общения монарших особ, который обязательно предполагал уважительное отношение к собеседнику. Обычно высказываются только положительные отзывы и нередко в восторженной форме. От представителей Дома Романовых включен отзыв князя императорской крови Гавриила Константиновича.

Семья императора Александра III в саду Гатчинского дворца. Около 1885 г. Предоставлено ГМЗ «Гатчина».

Воспитатели и преподаватели августейших детей, не связанные родственными узами, оставили более независимые оценки. В этом дискурсе в качестве источников приводятся высказывания наставника, генерал-адъютанта Г.Г. Даниловича, всю свою карьеру преподававшего в различных военных учебных заведениях, также известного государственного и политического деятеля С.Ю. Витте, преподававшего Великому Князю экономику и государственное управление, выдающегося ученого, профессора С.Ф. Платонова, преподававшего Михаилу историю.

Итак, анализируя состав участников дискурса, можно сказать, что это был действительно крайне узкий круг лиц, в который входили члены царской семьи, близкие родственники, представители и главы Королевских Домов Европы, а также те лица, которые в силу своих служебных обязанностей были вовлечены в сферу частной жизни царской семьи. Фактически это была семейная дискурсия, содержание которой не предполагалось выносить за пределы царского дворца. В таких замкнутых

дискурсивных сообществах сведения обращались только в закрытом пространстве, «чтобы можно было распределять их лишь в соответствии со строгими правилами...»[2]

Каково было назначение этой информации? Во-первых, это были просто частные сведения повседневной жизни большой семьи. Во-вторых, в этих записях фиксировалась хроника событий царствовавшей династии, что само по себе имело большое значение. И, в-третьих, возможно, самое главное, в ходе такой дискурсии у всех участников складывалось представление обо всех членах династии и определялось собственное мнение о возможности ими занятия тех или иных государственных постов. На основе такой дискурсии также формировалось мнение узкого семейного круга о способности претендентов на престол выполнять функции главы государства. Окончательное же решение об этом, конечно, должно было приниматься в соответствии с Основным законом.

22 ноября[3] 1878 г. пушечные выстрелы с Петропавловской крепости возвестили о рождении Великого Князя Михаила Александровича. Событие было обставлено со всей подобающей торжественностью. Его отец, тогда еще цесаревич Александр Александрович, записал, в частности, в своем дневнике: «<...> И в $^1/_2$ 10 ч. родился Михаил Александрович. Мини[4] и я были страшно счастливы, и благодарили Господа за Его милость к нам и что Он благословил мою милую душку жену... Я счастлив! Очень счастлив!»[5] Это первое упоминание о Михаиле Александровиче в его историографии, сообщающее нам, что он был желанным ребенком в семье. Поэтому неслучайно, что у родителей он впоследствии стал любимым сыном.

Братья и сестры между собой придумывали Мише разные забавные имена: «Floppy» («Увалень»)[6], «Мишкин», «Мишай». Ему нравилось, когда его так называли. Такими именами он мог в детстве даже подписывать свои письма братьям и сестрам. Особенно теплые отношения у Миши сложились с младшей сестрой Ольгой[7]. Она давала ему ласкательные прозвища, чаще она его

называла «милый дорогой шалунишка»[8], которое так и осталось за ним на всю жизнь.

Вот несколько наблюдений, записанных самими детьми в письмах и дневниках. Так, в начале сентября 1882 г. царская семья со старшими сыновьями уехала в Москву. Ксения[9] писала своему брату Николаю из Гатчины: «Милый Ники, Миша каждый день играет в солдаты и я тоже. Я всегда бываю офицером и командую Мишай».[10]

Миша с сестрой Ольгой на яхте. Около 1886 г.

7 сентября 1886 г. цесаревич Николай сообщает письмом отцу, находившему тогда на военных маневрах: «Мы нашли Ксению и Мишу у нашего домика, и, когда мы к ним подошли, они по обыкновению слегка сконфузились, но это тот час прошло, потому что мы сели обедать и Мишкин всех начал смешить; между прочим, он за наше отсутствие выучил множество французских слов, которые и твердил, как попугай, за обедом, прибавляя к каждому слову monsieur...»[11]

В периоды, когда родители длительное время отсутствовали, Николай, как старший из сыновей, регулярно посылал им письма с подробным изложением всех домашних событий: «...Сегодня Хисыч[12] посоветовал Мише попечь картофель, только не в самой печке, а на костре за домом. Жоржи[13] условился с Мишей, чтобы каждый раз, что патрон подаст свисток, помощник приносил бы ему испеченную картошку; и действительно Мишкин ухитрялся поспевать за часто следовавшими свистками, что, конечно, смешило всех нас!..»[14]

Все эти эпизоды из жизни детей можно было бы принять за нормальные обычные детские отношения, если

Михаил за выполнением уроков. Около 1891 г.

бы не то обстоятельство, что эти дети – царские. Михаилу, как младшему сыну, заведомо отводилась роль второстепенная, и впоследствии она только закреплялась. Сам же мальчик Миша был веселым, добрым, общительным ребенком и вел себя со всей детской непосредственностью.

Михаилу, как любимому ребенку в семье, прощались шалости, которые были не позволительны для старших братьев. Греческий принц Георгий[15] вспоминает случай, когда в теплый летний день царская семья с гостями отдыхала на террасе. Александр, будучи в хорошем настроении, подозвал сына и из лейки побрызгал на него водой. Тогда Миша потребовал, чтобы отец тоже встал на его место и вылил на императора полную лейку воды[16].

Известный государственный и политический деятель граф С.Ю. Витте[17], долгое время наблюдавший отношения в царской семье, писал в своих воспоминаниях: «Больше всех император Александр III любил своего сына Михаила Александровича... Михаил Александрович был чуть ли не единственным, кто держал себя с отцом совершенно свободно...»[18] Здесь Витте подметил еще одну черту, ставшую для Михаила характерной, – это определенная независимость от условностей царской семьи.

В другом случае Витте сообщает, что на официальной встрече датский король Христиан IX[19] поинтересовался, «что из себя представляет мой внук Миша?» – «... Я ему сказал, что ... имею высокую честь и радость препо-

Последняя семейная фотография императора Александра III. Ливадия, 1893 г.

давать великому князю и его знаю хорошо, но что мне очень трудно обрисовать его личность в нескольких словах... Так я приблизительно, именно в самых таких общих контурах..., сказал бы так: император Николай есть сын своей матери и по своему характеру и по натуре, а Великий Князь Михаил Александрович есть больше сын своего отца»[20]. Примечательно, что Витте не мог «обрисовать его личность в нескольких словах», вероятно, потому, что Михаил особо не проявлял каких-либо способностей. По-видимому, в этом отзыве Витте обращал внимание собеседника на те качества Михаила, которые достались ему от отца[21] — это прекрасные физические данные, сравнительную непритязательность, простоту, открытость, доступность, но и отсутствие особого интереса к образованию, прямолинейность в суждениях.

6 мая 1984 г., в день рождения цесаревича Николая Александровича, Михаилу было присвоено звание подпоручика.

Михаил с воспитателем К. Тормейером. Около 1895 г.

Анализ текстов дневников Михаила детского периода позволяет выявить, что он часто делал записи небрежно, а в некоторых случаях дневник заполнял кто-то из взрослых (видно по почерку)[22].

Дети императора Александра III первые восемь лет получали домашнее образование на основе гимназического курса, а мальчики последующие четыре года – знания и навыки по военным специальностям. Большое внимание уделялось физической подготовке. В апреле 1901 г. Михаил окончил Михайловское артиллерийское училище.

Учеба Михаила шла под общим руководством наставника генерал-адъютанта Г.Г. Даниловича[23], прошедшего за годы своей службы путь от учителя в Дворянском полку до директора Петербургской военной гимназии и члена Главного военно-учебного комитета. В отчете за 1896 г. им отмечалось: «Дарования Великого Князя Михаила Александровича и его всегда радушное отношение к учебным занятиям позволяют надеяться, что весь обширный и разносторонний учебный материал, указанный выше, может быть проработан с Его Императорским Высочеством в течение четырех лет – к осени 1900 года»[24]. То есть в годы учебы Михаил все-таки проявил достаточное усердие для усвоения учебного материала.

Отзывы наставников и преподавателей более сдержанны и раскрывают иные грани его личности. В воспоминаниях С.Ю. Витте имеется такая краткая характеристика Великого Князя: «Как по уму, так и по образованию Великий Князь Михаил Александрович представляется

Миша и Ольга. 1896 г.
Фотография с ретушью

мне значительно ниже способностей своего старшего брата Государя императора, но по характеру он совершенно пошел в своего отца»[25]. Тот факт, что Витте неоднократно повторяет мнение о сходстве характеров Михаила и его отца, свидетельствует о том, что, действительно, это достаточно объективная характеристика. А императору Александру III были свойственны такие черты, как консерватизм, упрямство, архаичность, миротворчество, определенное невежество, приверженность к семейным ценностям.

Профессор С.Ф. Платонов[26], преподававший Михаилу Александровичу историю, дал в 1903 г. члену Государственного Совета, руководителю Императорского Русского Исторического Общества А.А. Половцову отличную от того образа Великого Князя, который складывается в дискурсе членов императорской фамилии, характеристику: «имеет чрезвычайно сильную волю и без торопливости, с неуклонной твердостью достигает раз намеченной цели. К сожалению, умственно ленив»[27]. Значит, Михаил на самом деле не был склонен к усидчивым занятиям и не стремился к знаниям, но мог проявить упорство и даже упрямство.

В 1897 г. Михаилу было присвоено звание корнета, а 28 апреля1900 г. он начал действительную воинскую службу в 5-й гвардейской конно-артиллерийской бригаде. 6 мая 1899 г. (в день рождения императора Николая II) Михаил стал флигель-адъютантом Его Императорского Величества. Все офицеры Свиты императора носили

Молодой офицер Михаил Романов. 1898 г. Фотография с ретушью.

эполеты, в том числе и Михаил. К 23-летию (22 ноября 1901 г.) ему было присвоено звание поручика.

Михаил Александрович прекрасно выполнял представительские функции. Так, после пребывания Михаила с официальным визитом в Германии император Вильгельм II[28] писал 17 декабря 1901 г. по этому поводу Николаю II: «... Он очаровательный и необыкновенно милый молодой человек, пленивший здесь всех, даже мою дочь! Он очень хорошо стрелял и молодцом выполнил все "corvees" (повинности) официального обеда... Все, видевшие его, поражались его ясным, открытым, мужественным лицом и чистосердечным выражением. Вообще он имел большой успех»[29].

Юношей он очаровал даже английскую королеву Викторию[30]. Михаил встречался с ней дважды. Первый раз – во время пребывания семьи Романовых в 1896 г. на юге Франции. В Ницце мать Михаила Мария Федоровна представила сына «дорогой бабушке». Вторая встреча состоялась позднее, когда Михаил навестил королеву Викторию в ее шотландском замке Балморал. В тот вечер она записала в дневнике, что он был «удивительно симпатичен, приятен и приятной наружности»[31].

Эти два отзыва свидетельствуют о том, что те, кто встречался с Михаилом один-два раза, могли обратить внимание лишь на его внешние данные: атлетическое телосложение, прекрасную физическую подготовку, привлекательную наружность, ясное мужественное лицо. От

общения с Великим Князем у всех оставалось самое приятное впечатление.

По отзывам современников, Михаил был прекрасный гимнаст, лихой наездник и охотник. Свое умение он нередко демонстрировал гостям. Кузен и друг великого князя греческий принц Николай[32] сообщает: «Он был ревностным солдатом и истинным спортсменом; веселый, общительный нрав делал его всеобщим любимцем. Он был красивым, атлетически сложенным молодым человеком, который любил спорт и занимался им, словно профессиональный гимнаст»[33]. Однако отметим, что в то время занятие спортом не было столь популярно как теперь, и в глазах высшего общества представлялось как увлечение несерьезное. О другом его увлечении, увлечении техникой, особенно автомобилями и самолетами, сообщает князь императорской крови Гавриил Константинович[34]: «... Миша покатал нас по Гатчинскому парку на своем автомобиле, он им прекрасно управлял»[35].

Михаил с матерью Марией Федоровной и сестрами в саду Гатчинского дворца. 1899 г.

Отзывы родственников и преподавателей не противоречат друг другу, а раскрывают разные грани одного образа. Если родственники пишут о Михаиле как близком и дорогом человеке, то преподаватели характеризуют его как ученика и воспитанника, предъявляя ему определенные требования. Родственники дают сугубо субъективные оценки, а преподаватели и воспитатели демонстрируют взгляд более независимый. Важно отметить, что на этом этапе мы не встречаем предвзятых суждений, вызванных политической, династической или иной целесообразностью.

Итак, отзывы периода детских, отроческих и юношеских лет к наступлению совершеннолетнего возраста (22 ноября 1898 г.), когда Михаил Александрович принял присягу как офицер императорской армии, а также к моменту, когда согласно Высочайшему манифесту (от 28 июня 1899 г.), в связи со смертью среднего брата Георгия Александровича[36], он был объявлен наследником престола Всероссийского, сложилась его следующая характеристика.

– Михаил – младший сын императора Александра III – унаследовал от отца физические данные, многие черты характера (простота, непритязательность в быту, упрямство), семейные ценности и примитивные представления о российском обществе, средние умственные способности и отсутствие особого интереса к образованию.

– Он был любимым ребенком в семье, поэтому ему прощались многие шалости, не позволительные другим детям. Братья и сестры его называли «Милый шалунишка». Как младший среди детей, он всегда исполнял второстепенные, подчиненные роли. Михаил был веселым, живым, добродушным, искренним и доверчивым молодым человеком, но, вместе с тем, проявлял своеволие.

– В период детства, отрочества, юности Михаил Александрович, младший сын императора Александра III, не рассматривался как возможный наследник престола, тем более что он не проявлял особого интереса к учебе.

Такие характеристики, полученные в молодом возрасте, еще не могут рассматриваться как определяющие на перспективу, однако отмеченные качества раннего периода жизни Михаила Александровича получили в дальнейшем развитие. Именно в эти годы и формируется личность.

1.1.2. Наследник Престола – Великий Князь Михаил Александрович (1899–1904)

Михаил Александрович, как сын императора Александра III, безусловно, состоял в череде претендентов на российский престол. Тем не менее, будучи по старшинству четвертым сыном[37] государя, который, кстати, при его здоровье, казалось, будет царствовать очень долго,

не имел никаких реальных перспектив его занять. Но 20 октября 1894 г. в возрасте сорока девяти лет Александр Александрович скоропостижно умирает от заболевания почек. На Российский престол взошел его старший сын Николай.

С 1899 и по 1904 гг. разворачивается дискурс о Михаиле Александровиче как наследнике престола в связи с тем, что в 1899 г. происходит новый неожиданный поворот в судьбе царской семьи. В своем доме на Кавказе от чахотки умирает средний сын Александра III Георгий. У Николая же к тому моменту было две дочери. Согласно закону Михаил Александрович был объявлен наследником престола, тогда ему не было еще и двадцати одного года. Однако он, в отличие от скончавшегося брата, не был титулован «цесаревичем». Можно предположить, что Михаила никто серьезно как претендента на престол не рассматривал, и поэтому указ государя носил некий формальный характер. Это обстоятельство сразу же породило много слухов и толков. С одной стороны, если Георгий был назван «цесаревичем», то и Михаил, сменивший его в этом качестве, должен был также именоваться «цесаревичем». С другой стороны, С.Ю. Витте считал, что вообще не надо было издавать никакого указа, так как у Николая мог родиться сын (что и произошло), а Михаил, в случае преждевременной смерти Николая, становился бы императором по закону. Однако если рассуждать с юридической точки зрения, то необходимо отметить, что понятие «наследник» имеет широкое толкование, и реальных наследников на престол обычно бывало несколько (в частности, на тот момент следующим за Михаилом претендентом на престол был великий князь Кирилл Владимирович). Поэтому гипотетически, если бы встал такой вопрос, то его решение было бы не столь однозначно, а титул «цесаревич» закреплял бы престол именно за Михаилом. И хотя Михаил не стремился его занять, по утверждению (много позже) Д. Чавчавадзе[38], он все же обиделся и понял, что его серьезно, как кандидата на роль императора, не рассматривают.

В рассуждениях по вопросу статуса Михаила Александровича как наследника престола в настоящем исследовании приняты высказывания представителей Дома Романовых, находящихся особо близко к престолу (Великие Князья Кирилл Владимирович, Константин Константинович, Михаил Николаевич и Николай Николаевич), а также высокопоставленные политические деятели, члены правительства, которые во многом определяли политику империи, – это председатель Комитета министров (с 1905 г. – председатель Совета министров) С.Ю. Витте, министр Императорского Двора В.Б. Фредерикс, министр иностранных дел В.Н. Ламсдорф, военный министр Российской империи А.Ф. Редигер. В дискурсе участвует также адъютант Великого Князя Михаила Александровича А.А. Мордвинов (1906–1912) и известный публицист-славянофил А.А. Киреев.

Показателен эпизод, когда осенью 1900 г. на отдыхе в Крыму император Николай II тяжело заболел брюшным тифом, министр Двора барон В.Б. Фредерикс[39] спросил больного, не вызовет ли он своего брата для замещения его на время болезни, на что Николай ответил: «Нет-нет! Миша мне только напутает в делах – он такой легковерный...»[40] Действительно, его излишняя доверчивость отмечалась многими современниками.

В связи с тревожной ситуацией, вызванной болезнью государя, состоялось совещание, о котором сообщает С.Ю. Витте: «... Я поехал к Сипягину[41] в гостиницу "Россия", где он жил, и застал у него графа Ламсдорфа[42] – министра иностранных дел, министра двора барона Фредерикса и Великого Князя Михаила Николаевича. Как только я приехал, был поднят вопрос о том, как поступить в том случае, если случится несчастье и Государь умрет? <...> Меня вопрос этот очень удивил и я ответил, что, по моему мнению, здесь не может быть никакого сомнения, так как наследником престола Его Величеством уже объявлен Великий Князь Михаил Александрович; но, если бы даже он не был объявлен, то это нисколько не меняло бы положения дела, ибо согласно нашим законам о престолонаследии, по точному смыс-

лу и духу этих законов, Великий Князь Михаил Александрович должен немедленно вступить на престол»[43].

И хотя был издан манифест, который подтверждал, что первым наследником престола является Михаил, то даже при этом основании у царедворцев были сомнения в целесообразности гипотетической передачи ему верховной власти.

Михаил Александрович с сестрой Ольгой Александровной в день ее бракосочетания 27 июля 1901 г.

Происшедшая история возымела последствия не только для С.Ю. Витте, но и для отношений их величеств с Михаилом Александровичем, которые приняли характер скрытой недоброжелательности.

Все же болезнь заставила императора определить роль младшего брата в аппарате государственного управления. 7 мая 1901 г. он был назначен членом Государственного Совета. Вскоре ему было предписано присутствовать в Комитете Министров и в Комитете финансов.

Войдя в правительственные структуры, Михаил Александрович с неизбежностью был втянут в противостояние различных политических группировок высшего руководства империи. В начале 1900-х гг. резкой критике подвергся С.Ю. Витте, занимавший тогда пост министра финансов. Его упрекали в том, что он «забрал себе слишком много власти», что проводил ошибочную политику на Дальнем Востоке. Во главе оппонентов стоял В.К. Плеве[44]. Плеве доложил государю, что «все недовольные элементы в своей противоправительственной работе» находят «поддержку и опору у Витте». Вопрос о снятии С.Ю. Витте был решен государем еще в январе 1903 г., но поддержка его со стороны императрицы Ма-

Михаил (на яхте). 1902 г.

рии Федоровны и наследника престола Великого Князя Михаила Александровича отодвинули исполнение этого решения более чем на полгода. Последовавшая 16 августа 1903 г. отставка С.Ю. Витте с поста министра финансов и назначение на номинально высокий пост председателя Комитета министров означала победу Плеве и его окружения. Однако смерть В.К. Плеве (15 июля 1904 г.) вновь открыла перспективу Витте для активной политической деятельности. По мнению А.А. Киреева[45], «С.Ю. Витте повел "двойную игру", выступая против земства, рассчитывая на дворцовый переворот, чтобы свергнуть Николая II, посадить на его место ограниченного вел. кн. Михаила Александровича ("регентом" или "царем"?) и самому стать "деспотическим первым министром"»[46]. Таким образом, если верить домыслам А.А. Киреева, то план свержения Николая II и передачи власти «ограниченному» Михаилу Александровичу с целью фактического управления государством в данном случае опытным царедворцем С.Ю. Витте в роли премьер-министра возник еще в 1903–1904 годах.

С 19 по 26 июля 1905 г. Михаил Александрович участвовал в «Совещаниях под личным Е.И.В. председательством для обсуждения предначертаний, указанных в Высочайшем рескрипте 28 февраля 1905 г.» («Петергофские совещания»). Он был также приглашен в состав «Совещания под личным Е.И.В. председательством для рассмотрения предложений Совета министров и способов осуществления... Манифеста 17 октября

1905 г.». Можно предположить, что участие великого князя в этих мероприятиях представляло собой своеобразный тест, на способность им заниматься государственными делами. Кроме того, Михаил состоял покровителем нескольких десятков научных, общественных, благотворительных, культурных и т.п. учреждений, обществ, комитетов, организаций. На Михаила легли многочисленные обязанности, главным образом представительского характера.

Его Императорское Высочество Великий Князь Михаил Александрович. Почетный Председатель Комитета по усилению флота. Одесса, 10 сентября 1904 г. Фотографическая открытка.

С провозглашением Михаила Александровича наследником престола возросло внимание придворной знати к его персоне. Однако он, при своих прямодушии, скромности и простоте манер, начал порождать вокруг себя интриги и сплетни, упоминание о которых имеются не только в воспоминаниях графа С.Ю. Витте, а также в дневниках других царедворцев. Совершенно очевидно, что отдаление Михаила Александровича наблюдается не только от царской семьи, представителей Дома Романовых, но и от придворных кругов. Началось расхождение внешнего официального образа и реальной личности Великого Князя. Объяснение этому явлению находим в воспоминаниях Великого Князя Константина Константиновича[47]: «... Витте был очень высокого мнения о наследнике, отмечая, что в обществе наследника не очень хорошо знают и не ценят по достоинству, сам «Витте видит в нем светлый ум, непоколебимую твердость убеждений и кристальную душевную чистоту. Миша сторонится от дел, – пишет далее Константин со слов Витте, – не вы-

сказывается, и, быть может, даже прикрывается сложившимся о нем мнением как о весёлом незначительном мальчике»[48]. Предположение, что Михаил «прикрывается» распространенным о себе мнением «как незначительном мальчике», подтверждается его перепиской последующих лет, где он демонстрирует уже себя не как «незначительный мальчик», а как рассудительный, наблюдательный и порядочный человек.

В 1902 г. Михаил Александрович принял под командование роту Е.И.В. л.-гв. Преображенского полка, в 1904 г. был назначен старшим офицером эскадрона лейб-гвардии Кирасирского полка Ее Величества.

После почти 10-летнего ожидания, 30 июля 1904 г., в царской семье родился наследник. Теперь, как часто злословили в кулуарах великосветских салонов, «брат царя получил отставку»[49]. Сам же Михаил не только не грустил по этому поводу, но даже наоборот, внешне радовался тому, что вопрос о престолонаследии, наконец-то, счастливо разрешился. Великий Князь Константин Константинович записал в своем дневнике 2 августа 1904 г. эпизод: «В пять часов мы с женой поехали навестить вдовствующую императрицу... Был и отставной наследник Миша; он сиял от счастья, что больше не наследник»[50]. Вероятно, это была защитная реакция. Михаил действительно не стремился занять престол, но был огорчен тем, что им легко манипулируют. Об этом много позже сообщает Д. Чавчавадзе.

С рождением цесаревича Алексея Высочайшим Манифестом от 14 августа 1904 г. Михаил Александрович перестал быть наследником престола, но получил звание «правителя государства», подразумевавшее регентство (как и императрицы) на случай смерти императора Николая II до наступления совершеннолетия цесаревича Алексея.

22 ноября 1904 г. (к 26-летию со дня рождения) Михаилу было присвоено звание штабс-ротмистра.

К концу 1905 г., когда события первой русской революции достигли особого размаха и в Москве разразилось вооруженное восстание рабочих, поддержанное бунта-

ми некоторых воинских частей, Великий Князь Николай Николаевич предложил послать туда шефа полка Великого Князя Михаила Александровича. «Посылку Великого Князя Михаила Александровича Государь отклонил, сказав, что у брата слабое сердце и его посылать нельзя»[51]. Ответ Николая II означает, что он усомнился в способности брата успокоить воинские части, шефом которых он сам же и являлся. «Слабое сердце» – здесь имеется в виду, что Михаил со своим мягким характером с поставленной задачей бы не справился. О «слабом сердце», безусловно, знал и Николай Николаевич, но он решил испытать Михаила в условиях революционной смуты. Однако бытовало мнение, что представителям рода Романовых в усмирительных операциях участвовать не следует. Если бы Михаил Александрович сумел успешно проявить себя в годы первой русской революции в части нормализации обстановки, то его авторитет, как одного из лидеров Дома Романовых, существенно бы возрос.

Михаил. Берлин, 1905 г. Фотография с ретушью.

Есть сведения, что 22 декабря 1905 г. Великий Князь Михаил Александрович был награжден орденом Святого Владимира 4-й степени. Однако в ходе данного исследования подтвердить этот факт и установить основание для награждения не удалось.

В 1906 г. (на 28 году жизни) Михаил назначен командующим эскадроном Е.И.В. л.-гв. Кирасирского Е.И.В. императрицы Марии Федоровны полка. 26 мая 1908 г. (в день рождения императора Николая II) ему было присвоено звание ротмистра.

Несмотря на тревожные события в годы первой русской революции, Михаил Александрович был занят проблемами устройства личной жизни. В этом, конечно, нет ничего предосудительного, – ему было 27 лет, и

он был все еще не женат. Однако этот дискурс косвенно свидетельствует, что государственными делами он не был обеспокоен. Например, относительно политических беспорядков в письме своей матери Марии Федоровне от 2 ноября 1906 г. он пишет: «... Хотя убийства и продолжаются иногда, но ведь этим занимаются только бешеные собаки, которые всегда были и будут и поэтому надо построже с ними обходиться иначе никогда, ничего хорошего не будет. Аграрные беспорядки почти совсем прекратились, да и общество понемногу приходит в более нормальный образ мыслей»[52]. Так что, вопрос о его способности нормализовать ситуацию в Москве со своим «слабым сердцем» в 1905 году остается открытым. Речь идет не обязательно только о репрессивных мерах. Предпосылки же для этого были.

Широко известно огромное живописное полотно художника И.Е. Репина «Торжественное заседание Государственного совета 7 мая 1901 года в честь столетнего юбилея со дня его учреждения. 1903 г.»[53], на котором Великий Князь Михаил Александрович изображен по правую руку императора. Он – брат царя и наследник престола. Этот живописный образ носит официальный характер, имеет, безусловно, знаковый смысл.

Михаил Александрович принял живое участие в знаменитом костюмированном балу, состоявшемся 11 и 13 февраля 1903 г. в Зимнем дворце, посвященном 290-летию Дома Романовых. Все приглашенные на бал были одеты в роскошные костюмы времени царствования Алексея Михайловича. Этот бал – самый известный праздник Санкт-Петербурга эпохи Николая II – остался запечатленным на многочисленных фотографиях.

Итак, в период с 1899 и по 1904 гг. в силу сложившихся обстоятельств обсуждается вопрос о статусе Михаила Александровича как наследника престола, в ходе которого дается оценка его способности быть во главе государства. Со смертью среднего брата Георгия (1899) Михаил стал первым наследником престола, но не был титулован «цесаревичем». Занять престол он не имел желания и государственными делами по-настоящему

не интересовался («сторонился от дел»). Царская чета сделала вывод, что Михаил не способен быть во главе империи, потому что «он такой легковерный». То, что он не был титулован «цесаревичем», вызвало множество разных толков, при этом создавалось мнение, что он «прикрывался сложившимся о нем мнением как о веселом незначительном мальчике».

Круг лиц, с которыми ему теперь приходилось общаться, существенно расширился. По материалам дискурсии этих лет в общественном сознании начинает складываться неоднозначный образ великого князя.

С рождением сына у Николая II (30 июля 1904) «брат царя получил отставку» (как наследник престола), он стал именоваться «правителем государства». Звание «правителя государства» законодательно утверждало его право на регентство в случае смерти государя до наступления совершеннолетия Алексея Николаевича.

Имея привлекательный и эффектный внешний вид, владея иностранными языками, Михаил, по многочисленным отзывам, прекрасно исполнял представительские функции, возглавлял многочисленные научные, благотворительные и общественные организации, участвовал в работе высших государственных учреждений.

В период революции 1905–1907 гг. Михаил Александрович продемонстрировал психологическую неподготовленность к самостоятельному действию в случаях форс-мажорных обстоятельств и раскрыл свое примитивное представление о внутриполитических событиях в стране.

> *Вывод по итогам дискурса о Михаиле Александровиче как наследнике престола (1899–1904): занять престол он не имел желания и государственными делами не интересовался, психологически не был готов к самостоятельному действию в условиях форс-мажорных обстоятельств Первой русской революции, однако прекрасно исполнял возложенные на него обязательства и оставался наследником престола, следующим за цесаревичем Алексеем.*

1.1.3. Период коллизий в личной жизни (1904–1914)

Блок высказываний 1904–1914 годов, объединяющий отзывы о событиях, которые определили всю дальнейшую жизнь Великого Князя Михаила Александровича и косвенно повлияли на ход российской истории, – это коллизии его личной жизни, закончившиеся против воли императора морганатическим браком. Главными участниками дискуссии здесь выступили его старший брат Николай II, император Всероссийский[54], и его мать, вдовствующая императрица Мария Федоровна[55]. В настоящей подборке высказываний из монарших особ участвовали Великая Княгиня Ксения Александровна и английский король Георг V. Приводятся также изречения уже цитируемого ранее С.Ю. Витте. Однако этот дискурс уже выходит за рамки участников близкого круга царской семьи. Так, в частности, мы имеем высказывания адъютанта Великого Князя А.А. Мордвинова[56] и Л.Н. Воронцовой-Дашковой[57], жены друга Михаила Александровича И.И. Воронцова-Дашкова. Взгляд со стороны оставил бывший лейб-гусар поэт Мятлев.

Женщины всегда проявляли внимание к Великому Князю Михаилу Александровичу. Так, Николай подметил, когда он в юности гостил вместе со всей императорской семьей в Копенгагене, то «три ... прелестных кузины – дочери герцога Кумбернлендского – не отходили от Михаила, этого греховодника», и что «на прогулках две из них всегда виснут на нем!»[58] Возможно, данное высказывание о Михаиле как «греховоднике» было шуткой, а описанная сцена – просто легкий флирт, однако именно эта особенность личности впоследствии получила продолжение.

Тем не менее, личная жизнь у первого жениха в Европе не складывалась. Великому Князю самим рождением было предназначено жениться на принцессе крови. Его первым серьезным увлечением была хорошенькая английская принцесса Беатриса. Но, увы, она приходилась ему кузиной, а такой брак, по распространен-

ной версии, не могла допустить Русская Православная Церковь. Возможно, были и другие основания. Второй роман с фрейлиной А. Коссиковской был обречен с самого начала, так как она была дочерью обыкновенного юриста из Орловской губернии.

Михаил. 1906 г. Графический портрет по фотографии.

После возвращения из заграничной поездки в июле 1906 г. Михаил написал письмо императору с настойчивой просьбой удовлетворить его желание жениться на Коссиковской. На что Николай II в письме матери от 25 июля 1906 г., в частности, пишет: «... Изменить закон для этого случая, в такое опасное время, я считаю решительно невозможным. Бедный Миша пишет вздор, что, так как закон, утвержденный Папа, не прошел через Государственный Совет, поэтому его легче отменить. Это ровно никакой разницы не составляет. Я боюсь, что кто-то помогал Мише писать его письмо, там много казуистики, которая на него не похожа! <...>»[59] Помогал ему, скорее всего, отец-адвокат Коссиковской.

Михаил, как и в детстве, считал, что ему позволено больше, чем другим представителям династии, и рассчитывал на снисхождение родного брата, однако Николай оценил его просьбы и доводы как «вздор». В ответе же Михаилу император сообщает: «... Твое письмо меня глубоко опечалило. <...> Но то, что я как брат с радостью желал бы видеть осуществленным, я же, как глава семьи, к моему большому огорчению, разрешить не могу. Справедливость требует, чтобы я одинаково строго отнесся к тебе, как и к остальным членам семьи, нару-

Великий Князь верхом на коне во время военных учений. 1906–1909 годы.

шившим фамильные законы. Если, тем не менее, ты ослушался бы моей воли, то я принужден буду исключить тебя из списков армии, и Свиты и отправить на жительство за границу»[60].

Николай был категорически против такого брака. Эти два высказывания прекрасно иллюстрируют, как один и тот же ответ государя сформулирован в первом случае «прямым текстом», а во втором – языком принятого этикета. И хотя он, «как брат, с радостью желал бы видеть осуществленным», тем не менее, совершенно определенно предупредил брата, какие последствия его ожидают, если тот ослушается. Брак Михаила Александровича с А.В. Коссиковской, конечно, не состоялся, ее выслали из России.

Третья возможная для Михаила партия закончилась, не начавшись. Родственники посчитали, что вполне достойную пару ему могла бы составить английская принцесса Патриция. Но Михаил Александрович на тот момент уже всем сердцем полюбил Н.С. Вульферт, урожденную Шереметевскую. Семья, обеспокоенная тем, что он где-нибудь за границей тайно женится на Коссиковской, не сразу обратила внимание на его новое увлечение. На полковом празднике синих кирасир в Гатчине Великий Князь с первого взгляда влюбился в жену своего сослуживца, ротмистра Владимира Вульферта Наталию Сергеевну. Их любовный роман, по воспоминаниям графини Л.Н. Воронцовой-Дашковой, развивался бурно.

Чтобы прервать эту новую любовную историю, император в мае 1909 г. отсылает Михаила (с присвоением

Михаил Александрович на прогулке с Наталией Сергеевной, ее зятем А. Матвеевым, И. Воронцовым-Дашковым и его супругой. Гатчина, около 1908 г.

звания полковника) командовать 17-м Гусарским Черниговским полком, расквартированным в Орле. Однако Наталия переехала в Москву, где они и встречались. Его постоянные отлучки не остались незамеченными орловским обществом. Местный поэт, служивший ранее в этом же полку, Мятлев посвятил пребыванию Михаила Александровича в Орле длинное стихотворение, ставшее известным в петербургских гостиных. В нем есть такие строки:

Все покрыто мутной дымкой. Все закутано во мгле
Августейшим невидимкой. Проживаю я в Орле!..[61]

Материалы обсуждений 1904—1914 годов четко определяют, что Михаил был полностью погружен в разрешение вопросов личной жизни.

В марте 1910 г. Михаил сообщил Николаю II, что в июле у них с Н.С. Вульферт должен родиться ребенок, и просил его «только из-за ребенка» содействия в ее разводе с мужем, при этом заверил, что «намерения жениться не имеет...» 24 июля 1910 г. у Михаила родился сын, которого назвали Георгием в память о покойном брате. Однако пикантность ситуации заключалась в том, что Наталия Сергеевна формально оставалась супругой В. Вульферта, а значит, юридически Георгий — его ребенок. Огласка этой истории привела бы к большому публичному скандалу и непредсказуемым последствиям.

Наталия Сергеевна и Михаил Александрович. 1910 г.

Несмотря на то, что семейство Романовых пыталось скрыть факт рождения внебрачного сына у Михаила Александровича, слухи об этом событии стали быстро распространяться в обществе. Такие истории в офицерской среде, как известно, разрешались дуэлью. И вызов Великий Князь получил, но до дуэли дело бы довести никто не позволил. В конце концов, В. Вульферт подписал официальный документ о том, что он фактически не приходится отцом ребенка, и дал согласие на развод за весьма внушительную по тем временам сумму – 200 тыс. рублей[62]. Ему также было предоставлено престижное и хорошо оплачиваемое место службы. Кроме того, пришлось вносить поправки в метрическую книгу.

Положение также осложнялось тем, что Великий Князь вместе с военной службой продолжал нести и представительские обязанности как член императорского Дома Романовых. Так, при покровительстве Михаила Александровича в 1909 г. был организован строительный комитет по воздвижению в С.-Петербурге храма в память 300-летия царствования Дома Романовых. Закладка храма состоялась 5 августа 1911 г. «в присутствии августейшего покровителя по постройке храма...»[63]

В апреле 1910 г. Михаила направили с очередным официальным визитом в Англию на похороны короля Эдуарда VII (дяди Берти).

24 июля 1912 г. Великий Князь присутствовал при открытии памятника генералу М.Д. Скобелеву в Москве[64].

После «орловской ссылки» в апреле 1911 г. Мария Федоровна решает назначить Михаила командиром своих кавалергардов[65] в надежде, что он не «потащит» Наталию в столицу. Когда же надежды не оправдались, то министр Двора граф В.Б. Фредерикс был уполномочен передать Великому Князю, чтобы тот «удовлетворился казенной квартирой в Кавалергардском полку». Офицеры полка, несомненно, осведомленные о скандале, встретили нового командира холодно. Здесь служба Михаила Александровича не сложилась.

Михаил Александрович с собакой. Орел, 1909–1911 годы.

Любовную историю Михаила общество оценило крайне негативно. Естественно, имя Великого Князя Михаила Александровича нигде открыто не упоминалось, общение же с Н.С. Вульферт становилось если не преступлением, то, во всяком случае, явлением предосудительным. Она стала изгоем общества. Соответственно, отношение общества к Великому Князю также приняло негативный характер.

Подобные истории представляют собой опосредованные отзывы о Михаиле Александровиче. Граф С.Ю. Витте с сожалением писал: «Теперь Великому Князю Михаилу Александровичу 33 года. Последнее время говорят, что он будто бы запутался в каком-то романе; впрочем, мне этому не хочется верить. Но если бы даже случилось такое несчастное обстоятельство, то я должен сказать, в этом во многом виновато его воспитание. Его ведь воспитывали совершенно как молодую девицу и тогда, когда ему минуло 29 лет»[66].

История связи Михаила Александровича и Наталии Сергеевны все больше становились достоянием гласно-

сти среди членов императорской фамилии и ближайшего окружения.

В сентябре 1911 г. начальник Петербургского охранного отделения А.В. Герасимов получил поручение Николая II воспрепятствовать возможному браку Михаила Александровича, который, по имевшимся сведениям, тот намеревался заключить за границей. Герасимов имел полномочия в случае, если Великий Князь Михаил Александрович будет венчаться в церкви, то от имени государя арестовать его и препроводить в Россию. Однако за время их заграничной поездки 1911 г. брак заключен не был, он был заключен тайно в следующем году 16 октября в сербской православной церкви Вены. Свадьба была предельно скромная, свидетелями были старик церковной службы и его жена (!!!). Наталии была присвоена фамилия Брасова, по названию главного имения Михаила Александровича.

Царская семья узнала о женитьбе Михаила Александровича в самый неподходящий для этого момент – при возвращении из охотничьего имения в Польше вместе с цесаревичем Алексеем, который там ударился при катании на лодке и находился в очень тяжелом состоянии. Николай II записал в дневнике: «7 ноября. Среда. – Царское Село. На пути сюда получил от Миши письмо из Канн, в кот[ором] он сообщает, что он женился на особе, с кот[орой] жил пять лет. Повенчался в Вене в сербской церкви. – Единственный брат и тот нарушил данное слово!!! ...»[67] Николай оценил этот поступок брата как «безрассудный».

Женитьба Михаила Александровича навсегда изменила его отношения с братом и со всеми родственниками. Так, в дневнике Ксении Александровны от 4 ноября 1912 г. имеется следующая запись: «... Жизнь свою он окончательно исковеркал – бедный Мишкин»[68]. Все говорит о том, что замысел тайно заключить морганатический брак у Михаила родился давно. Болезнь цесаревича Алексея заставила Михаила поспешить «с этим безрассудным шагом», потому что в случае осложнения ситуации со здоровьем Алексея и провозглашения его

регентом, как он считал, жениться на Наталии Сергеевне он бы уже не смог.

Николай II выставляет Михаилу ультиматум: или он разводится и сохраняет все известные привилегии, или же он лишается всего. Адъютант А.А. Мордвинов был направлен государем в Канны, чтобы склонить Михаила к отречению от всех прав на престол, но «Михаил Александрович, под настойчивым настоянием различных тогда за границей окружающих его лиц, от этого отказался...»[69] Он не подписал отречение от своих прав, но и не пошел на развод с супругой.

Семейные дебаты о дальнейшей участи Михаила Александровича продолжались. В начале декабря Мария Федоровна просит своего старшего сына дать Михаилу одиннадцатимесячный отпуск и не торопиться с решением. Николай пошел навстречу, но оказался в сложном положении: он не мог дать поблажку нарушившему закон о престолонаследии брату в преддверии торжеств, посвященных 300-летию Дома Романовых. Семейный скандал получал все более и более широкую огласку.

Николай II был уверен, что Михаил попал под сильное влияние Наталии Сергеевны. В письме Марии Федоровне от 21 ноября 1912 г. он, в частности, говорит: «Бедный Миша, очевидно, стал на время невменяемым, он думает и мыслит, как она прикажет, и спорить с ним совершенно напрасно...»[70]

Указ царя Правительствующему Сенату фактический низвел Великого Князя до уровня психически ненормального, недееспособного человека:

«Находя ныне соответственным учредить над личностью, имуществом и делами Великого Князя Михаила Александровича опеку. МЫ признали за благо взять на СЕБЯ главное руководство означенного опекою, а непосредственное заведование всеми принадлежащими Великому Князю Михаилу Александровичу движимыми и недвижимыми, а также капиталами возложить на Главное Управление Уделов. <...>

Опальная семья.
Замок Небворт близ Лондона (?).
1912–1914 годы.

На подлинном Собственною ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА рукою начертано: "Николай"

Царское Село 15 декабря 1912 г.»[71]

Такое суровое решение государя, которое многие расценили как чрезмерное, объясняется его попыткой вынудить Михаила пойти на расторжение брака.

Августейшее семейство продолжало обсуждать создавшееся положение. Им сочувствовали особо приближенные к императорской фамилии, что питало среду для возникновения разного рода слухов и сплетен. Со слов Великой Княгини Ксении Александровны: «Была З. Юсупова. Говорила про Мишу и уверена, что это целый заговор». И далее: «Видела Ларьку В[оронцова], который только что вернулся от Миши. Вынес впечатление, что М[ихаил] грустный, ждет решения своей участи ... Она (Н.С. Брасова) его всецело забрала в свои руки – он пишет даже под ее диктовку. Характер через чур прескверный и с ним ни раз обращалась гадко. – Бедный Мишкин»[72] .

С Михаила Александровича были сняты обязанности «правителя государства». Он был вынужден теперь жить со своей семьей за границей как частное лицо.

В последующие месяцы со стороны царской семьи предпринимались попытки достичь перемирия и компромисса. В марте 1913 г. с Михаилом встречалась Ксения Александровна.

Вдовствующая императрица Мария Федоровна по возвращении в Сандрингем[73] писала 27 июля 1913 г. Николаю II о встрече с Михаилом в Лондоне: «... Я была счастлива увидеть, что он остался таким, каким он всегда был: милый, добрый и даже более ласковый, чем когда-либо...»[74]

Михаил и Наталия с сыном Георгием на скамейке. 1913 г.

В августе 1913 г. Михаил Александрович с женой и детьми поселился в Англии, в арендованном у лорда Литтона замке Небворт, в 20 милях севернее Лондона. С декабря 1912 г. новым его секретарем стал Брайан (Николай Николаевич) Джонсон[75].

В марте 1913 г. Николай II через Ксению Александровну передает Михаилу свое разрешение на въезд в Россию для участия в торжественных мероприятиях, посвященных 300-летию Дома Романовых, но без жены. Михаил, конечно, не принял такие условия. – Наследник престола не присутствовал на 300-летнем юбилее Дома Романовых!

Вопреки внешней респектабельности Михаил за границей чувствовал себя подавленно. Он очень страдал от разрыва отношений с родными и близкими. Из Романовых с опальным великим князем встречался только его кузен и друг Андрей Владимирович. Не исключено, что он приезжал, не только следуя дружеским чувствам, но и с целью разведать, в каком состоянии находится Михаил.

> *Таким образом, дискуссия 1904–1914 годов, связанная с коллизиями личной жизни Михаила Александровича и его морганатическим браком с дважды разведенной Наталией Вульферт, раскрывает разразившийся скандал в обществе, известие о котором быстро распространилось не только по российским столицам и губернским городам, но и по Европе. В дискурсе появляются такие оценки Михаила: как «греховодник», «запутался в романе», в письмах «пишет вздор», «выкинул такую глупость», «исковеркал жизнь», стал «не-*

вменяем», совершил «безрассудный поступок». Этот «безрассудный» поступок, естественно, сказался и на его военной карьере – его исключили из рядов армии, а сами молодожены стали изгоями. Наложение опеки на имущество и личность Михаила Александровича со стороны Николая II поставило его в ранг недееспособных, психически ненормальных людей. Фактически он, нарушив присягу и обещание государю не жениться, отрекся от династии (возможно, в полной мере и не осознавая свой поступок). «Бедный Мишкин» попал под сильное влияние жены и «стал на время невменяемым».

Обобщив отзывы тех лет, можно сказать, что к началу Первой мировой войны за великим князем Михаилом Александровичем в придворном обществе, в том числе и среди Романовых, утвердилось мнение, что он не склонен к политической и государственной деятельности, легко попадает под чужое влияние, способен на «безрассудные шаги», а Указ Николая II низвел великого князя до уровня психически ненормального или недееспособного человека. За Михаилом Александровичем тянулся шлейф слухов, сплетен и скандалов.

§ 2. Михаил Александрович в годы Великой войны.

К началу Первой мировой войны Михаил вместе с семьей проживал в Англии. Однако ситуация у него была сложная. Запрет на въезд в Россию лично ему был снят еще в 1913 г. разрешением на участие в праздновании 300-летия Дома Романовых, но без семьи, что принять он не мог. Кроме того, опека не только над его имуществом, делами, но и над ним, как личностью, ставила его в унизительное и двусмысленное положение.

Образ Михаила Александровича военного времени раскрывается в двух дискурсах: первого года Великой войны (август 1914 г. – январь 1916 г.) и, соответственно, второго года войны (январь 1916 г. – январь 1917 г.).

1.2.1. Начальник Кавказской туземной конной дивизии – первый год Великой войны (август 1914 г. – январь 1916 г.)

В подборке рассуждений о великом князе Михаиле Александровиче первого года войны участвует более широкий круг лиц, нежели ранее. Значительную группу, как и прежде, составляют родственники и особо приближенные лица. Однако среди них теперь необходимо выделить представителей царской семьи (император Николай II, императрица Александра Федоровна, вдовствующая императрица Мария Федоровна, великая княгиня Ксения Александровна) и представителей близкого круга лиц Великого Князя (супруга Н.С. Брасова, Л.Н. Воронцова-Дашкова). В дискурсе также участвуют сослуживцы великого князя. Военная служба под началом родного брата царя – ситуация исключительная. В нарративе, прежде всего, фиксировались какие-либо примечательные события или собственные впечатления фронтовой жизни. Однако самое главное отличие этого дискурса – особое внимание к личности Михаила Александровича со стороны печатных средств массовой информации. Опубликованная в СМИ информация представляет собой уже совершенно открытый формат.

Михаил и Наталия в кресле. Сентябрь 1914 г.

В середине августа 1914 г. Михаил с семьей все же приехал в Петербург. «На приеме

у Государя Великий Князь, раньше командовавший Кавалергардским полком, просил дать ему в командование какой-нибудь полк в действующей армии, но Государь приказал оставаться в Петербурге...»[76] Быть брату царя во главе полка в условиях военного времени не соответствовало его статусу. Однако можно допустить, что такова была его собственная оценка своих возможностей. Помощь в разрешении сложившейся ситуации оказал упоминаемый И.И. Воронцов-Дашков, близкий друг Михаила. Его отец, наместник Кавказа, имея на тот момент план формирования Кавказской туземной конной дивизии, обратился с просьбой к государю о назначении Великого Князя стать ее начальником, что было, действительно, весьма подходящим предложением.

23 августа 1914 г. Михаил Александрович получил воинское звание генерал-майора с зачислением в Свиту императора и назначение начальником[77] Кавказской туземной конной дивизией. Великая Княгиня Ксения Александровна писала на фронт 14 сентября 1914 г. Великому Князю Николаю Михайловичу: «Миша, кажется, доволен своим назначением, но не знает еще, когда едет... – Надеюсь, справится со своей ордой и что все будет благополучно. Он ведь почти три года был вне строя...»[78] Близкие родственники переживали за Михаила, потому что не были уверены, сможет ли он успешно командовать дивизией в реальных боевых условиях.

Назначение Михаила Александровича начальником Кавказской туземной конной дивизии, сформированной из северокавказских горцев «магометанского вероисповедания», никогда прежде не служивших в регулярной армии, стало для всех неожиданностью. Общественность ожидала, что Михаилу будет предложена более престижная должность. Многие видели в этом решении напоминание о том, что он за свой «проступок» еще не прощен. Перед отъездом Михаил посетил мать императрицу Марию Федоровну. 23 сентября она с тревогой записала в дневнике: «К чаю был Миша. Потом мы прощались, и я благословила его. Очень горестное прощание! Да будет Десница Господня простерта над ним!»[79] Из этой

цитаты видно, что мать с тяжелым чувством на сердце благословила сына.

Сначала Михаил Александрович направился на Кавказ, а в первых числах октября выехал на Юго-Западный фронт в район Винницы, где формировалась Кавказская туземная конная дивизия, очень скоро прозванная «Дикой». Она состояла из трех кавалерийских бригад, в каждой из которых было по два полка. В конном полку числилось 625 всадников и офицеров. В 1-ю бригаду входили Кабардинский и Дагестанский; во 2-ю – Татарский (азербайджанский) и Чеченский; в 3-ю – Ингушский и Черкесский конные полки. Дивизии были приданы: Осетинская пехотная бригада, 8-й Донской казачий артиллерийский дивизион и команды (конно-подрывная, связи и т.д.). В дивизии рядовых называли «всадниками». Служба здесь считалась престижной. Воины получали хорошее жалованье (25 руб. в месяц). Среди офицеров было немало русских, главным образом гвардейцев из аристократических семей, а также представителей родовитых фамилий кавказских народов и

Михаил Александрович с сыном и офицерами в Гатчине перед отъездом на фронт. Сентябрь 1914 г.

зарубежных стран. По представительству знаменитых имен «Дикая» дивизия могла соперничать с гвардейскими частями, и многие имена ее офицеров можно было найти на страницах «Готского альманаха»[80]. Начальником штаба был назначен полковник Я.Д. Юзефович.

Ближайшее окружение Михаила Александровича на фронте составляли адъютант граф И.И. Воронцов-Дашков (в обыденном общении «Ларька»), адъютант и управляющий делами барон Н.А. Врангель, ординарец князь В.А. Вяземский, адъютант (с 1916 г.) Керим Хан Эриванский и начальник штаба Я.Д. Юзефович.

«Дикая» дивизия входила в состав 2-го Кавалерийского корпуса, который возглавлял генерал-лейтенант Гуссейн Хан Нахичеванский (13 окт. 1914 – 23 окт. 1915), а затем генерал-лейтенант Г. О. Раух (14 ноября – 8 декабря 1915). 2-й Кавалерийский корпус сражался на территории Галиции[81] в составе 8-й армии (командующий генерал-адъютант А.А. Брусилов). С 1915 г. корпус перевели в состав 9-й армии (командующий генерал от инфантерии П.А. Лечицкий). Юго-Западный фронт

Во главе «Дикой» дивизии. Конец 1914 г.

(главнокомандующий генерал от артиллерии Н.И. Иванов, начальник штаба – генерал от инфантерии М.В. Алексеев) был развернут против Австро-Венгрии.

По случаю своего назначения Михаил Александрович 24 октября 1914 г. прибыл для представления в Ставку Верховного главнокомандования. В этот момент там оказался и государь. Об их встрече Николай II упоминает в дневнике и в телеграмме Александре Федоровне от 27 октября 1914 г.: «Всю субботу имел удовольствие провести с Мишей, который стал совершенно как прежний и опять такой милый. Мы вместе ходили к всенощной и расстались после обеда»[82]. Казалось бы, что отношения Михаила с царской семьей стали налаживаться, однако в полной мере они так и не восстановятся. Причина объясняется не только личностным фактором, но и объективной ситуацией в стране.

Великий Князь вышел с дивизией на передовые позиции в конце октября, когда война была уже в полном разгаре. Жизнь начальника дивизии на фронте подвергалась, конечно, меньшей опасности, чем жизнь рядового воина или младшего офицера, однако ни звание, ни положение в обществе не могли защитить ни от шальной пули, ни от артиллерийского огня. Один из его старших офицеров вспоминал: «Единственной заботой, которую он нам доставлял, было его постоянное стремление быть на передовой, и порой нам было очень нелегко уберегать его от опасности»[83]. Опасность же, как показали последующие события, была постоянно рядом. Известный военный корреспондент Н.Н. Брешко-Брешковский[84], побывавший на позициях «Дикой» дивизии, сообщает, что начальник штаба дивизии Д.Я. Юзефович после своего назначения «был вызван в Киев по указанию Верховного главнокомандующего великого князя Николая Николаевича на встречу с императрицей Марией Федоровной», на которой она попросила: «Полковник, прошу Вас, как мать, берегите Мишу...»[85] Офицерам ближайшего окружения было дано задание оберегать великого князя.

Первые месяцы войны характеризуются высокой маневренностью воинских частей. Русское командование

сначала большую ставку делало на кавалерию. Однако скоро стало ясно, что кавалерия в современной войне уже не носит столь универсальный характер, как раньше. Теперь чаще стала применяться практика вылазок небольших кавалерийских отрядов вглубь территории противника для разведки и нанесения точечных ударов. Кавалерия также использовалась для преследования противника в случае успешных наступательных операций и, главное, для нанесения фланговых ударов в ходе сражения.

1 декабря 1914 г. Михаил Александрович получил сообщение о том, что 23-го ноября[86] он награжден орденом Святого Владимира 3-й степени с мечами[87].

Как в Европе, так и в России, господствовало мнение, что война закончится быстро, к Рождеству 1915 г. Этого мнения придерживался и Михаил Александрович. Российская империя, действительно, была способна вести эффективные боевые действия в течение трех-четырех месяцев. Победа французов при Марне (сентябрь 1914 г.) положила конец германским планам «молниеносной» победы. В этой связи Германия изменила свою стратегию: теперь направлением главного удара стал восточный фронт. Перебросив войска с западного фронта на восток, к сентябрю 1915 г. она увеличила свой контингент на русском фронте более чем в два раза.

На Рождество 1915 г. Михаил взял небольшой отпуск. 2 января он был уже дома с семьей и ожидал приезда в гости своего командира Хана Нахичеванского. Но тот ему сообщил, что возобновились боевые действия, и просил срочно прибыть во вверенное ему воинское соединение. Вслед отъехавшему на фронт супругу Н.С. Брасова писала: «... Я ужасно беспокоюсь за тебя, мой дорогой, и умоляю тебя быть осторожным, ты не имеешь права рисковать собою и должен подумать о нас всех ..., и поверь мне, милый Миша, что бы ты ни делал и как бы собою ни рисковал, все равно никакой благодарности не дождешься, и никто ничего не оценит. Голову себе расшибешь, а все равно никому ничего не докажешь... Мой дорогой Мишечка, будь совсем спо-

коен за меня, ты знаешь, что я люблю одного тебя и всегда полна только одним тобою, но всякою любовью нужно дорожить, и нельзя приносить ее всегда и всему в жертву»[88]. Здесь явно чувствуется не просто ирония, а бестактная назидательность, сарказм, забота о себе и своем сыне. Она просто по-женски его шантажирует. Такой характер общения между супругами подразумевал, по мнению Брасовой, его неспособность самостоятельно принимать решения.

15 января 1915 г. Михаил был уже на фронте в районе Ломны[89]. С 19 января его дивизия совместно с 12-й армейской дивизией генерала А.М. Каледина пошла в наступление. Русским войскам на этом участке фронта противостояли венгерские части, которые «дрались очень упорно». Кроме того, сложились тяжелые погодные условия: постоянный снегопад и сильные морозы. Потери в пехоте, приданной «Дикой» дивизии, были очень большие. В эти зимние месяцы и сам Михаил сильно простудился.

Упоминаемый корреспондент Н. Брешко-Брешковский писал о Михаиле, что он «всегда хотел быть там, где опасно и где противник развил губительный огонь. Толкала Михаила Александровича в этот огонь личная отвага сильного физически, полного жизни спортсмена и кавалериста... Полки, видя великого князя на передовых позициях своих, воспламенялись, готовые идти за ним на верную смерть»[90]. Безусловно, личный пример великого князя вдохновлял бойцов дивизии. Между тем, публицист также пишет, что Михаила вынуждала идти на «верную смерть» еще и «мысль, чтобы кто-нибудь из подчиненных не заподозрил его в том, что своим высоким положением он желает прикрывать свою собственную трусость»[91]. Действительно, в дискурсе встречаются отзывы подчиненных о том, что нередко великий князь рисковал своей жизнью совершенно напрасно.

В настоящем исследовании использован материал художественного произведения Н. Брешко-Брешковского «Дикая дивизия», написанного по непосредственным впечатлениям автора от поездки на фронт и репортажам

в газетах. У него встречается множество фактических ошибок, да и сам жанр романа предполагает вымысел, а не документальную достоверность. Но для нашего исследования интересен тот знаковый образ великого князя, который возникает в СМИ военного времени. Именно по газетным публикациям складывалось представление о царственной особе в общественном сознании.

На страницах периодической печати стали появляться отдельные фронтовые очерки, посвященные Михаилу Александровичу и боевому пути «Дикой» дивизии. В публикациях отмечалось, что Великий Князь – превосходный наездник с «данными исключительно выдающегося кавалериста», прекрасный фотограф-художник, в чем «угадывается артистическая, любящая природу натура». В быту он довольствуется скромными и простыми условиями. Примечательно, что люди со стороны (журналисты, сослуживцы) выделяли трудно совместимые черты его личности: «выдающийся кавалерист» и «артистическая натура».

Несмотря на то, что «Дикая» дивизия состояла из непривычных к дисциплине кавказских горцев, за несколько месяцев войны она превратилась в сильное, боеспособное воинское соединение. «Мы все его очень любили», – воспоминает один из офицеров дивизии. Простые всадники называли его между собой «джигит Миша», как бы признавая его «за своего». Ни один другой русский офицер этой чести от них не удостоился[92].

Складывается поистине эпический образ героя Великой войны.

«Какая-то бодрая, ритмическая, – да, это ритм, – четкость движений. Высокая мускулистая фигура спортсмена английской складки. И что-то английское же в легком холщевом кителе с генеральскими погонами. На груди Георгиевский крест. Желтые сапоги. На бледном, особенной здоровой бледностью слоновой кости, бритом, с удлиненном овалом лица, сияют приветливо и мягко светлые, пытливые глаза... <...>

Великий Князь первый въехал в этот город, встретивший его свинцовым ливнем. Тогда старый, с изрублен-

ным лицом всадник, герой нескольких войн... отвесил низкий селям изумившему его молодому храбрецу-генералу. <...>

— Львиное сердце и святая душа — характеризуют офицеры своего дивизионного. И вот уже все, до последнего человека готовы пойти за него в огонь и воду, вместе со своими всадниками... <...>

Великий Князь трогательной, скромной и простой любовью, он весь в этой чарующей простоте, — любит Россию и все русское...

И в религиозности Великого Князя есть что-то напоминающее древнюю васнецовскую Москву, которая, к слову сказать, всегда так по сердцу Его Высочеству. Особенно чувствуешь человека во время молитвы. В действующей армии Великий Князь не пропускал ни одной обедни и храм так гармонирует со всем его обликом...

Заканчивая беглую характеристику светлого облика Великого Князя Михаила Александровича, скажем несколько слов об Его Высочестве — спортсмене. Великий Князь по справедливости считается одним из лучших наших кавалеристов. Превосходный полевой ездок, безукоризненно красивой посадки, в совершенстве изучивший лошадь, — он имеет все данные исключительно выдающегося кавалериста...»[93] Автор этого документа из ГАРФа не указан, но по стилистике слога чувствуется, что это публицистика, возможно, Н.Н. Брешко-Брешковского. Перед нами возник превосходный образ героя Великой войны.

В феврале 1915 г. австрийцы вновь заняли Черновцы и Станиславов[94]. 2-й кавалерийский корпус переориентировали на это направление «исправлять дела». 18 февраля корпус вплотную подошел к Станиславову, а на следующий день вошел в город. 1-я и 2-я бригады «Дикой» дивизии были посланы в разведку по разным направлениям, а 3-я оставлена в городе. 21 февраля выступили из Станиславова на Тлумач[95]. Михаил Александрович пошел с главными силами (2-я бригада), но получил донесение о том, что местечко Тлумач занято противником. Татарский полк был выслан вперед с двумя сотнями чечен-

цев. Вскоре разыгрался бой. Австрийцы были выбиты, и около $3^1/_2$ часов дня штаб дивизии вступил в город. 3-я бригада продолжала преследование противника.

Николай II сообщает письмом от 2 марта 1915 г. Александре Федоровне из Ставки: «Вчера Н.[96] принес мне донесение Иванова от Брусилова и Хана-Нахичеванского о превосходном поведении Мишиной дивизии в февральских боях, когда их атаковали в Карпатах две австрийские дивизии. Кавказцы не только отразили неприятеля, но и атаковали его и первыми вошли в Станиславов, причем сам Миша все время находился в линии огня. Все они просят меня дать ему Георгиевский крест, что я и сделаю»[97].

1 марта Михаил приехал во Львов для встречи с супругой. Вечером следующего дня он получил телеграмму от Николая II, в которой было сказано: «Утвердил с удовольствием представление о награждении тебя орд[еном] Св. Георгия 4 ст.»[98]. В письме Николай своей жене говорит, «что эта военная награда действительно заслужена им на этот раз, и это покажет ему, что, в конце концов, к нему относятся совершенно так же, как и к другим, и что он, хорошо исполняя свой долг, также получает награду»[99]. На что императрица Александра Федоровна отвечает в назидательном тоне: «Насчет Миши я так счастлива. Напиши об этом Мамаше. Ей будет приятно это узнать. Я уверена, что эта война сделает из него настоящего человека. Если бы только можно было удалить ее от него. Ее деспотическое влияние для него так дурно»[100]. Михаил в глазах ближайших родственников все еще оставался «большим ребенком», находящимся под сильным влиянием «деспотической» супруги.

За героизм, проявленный в боях за Карпатские перевалы в феврале 1915 г., Михаил Александрович был представлен к ордену св. Георгия 4-й степени[101]. В периодическом издании «Летопись войны» от 28 марта 1915 г. было дано описание его боевого подвига: «Командующему кавказскою дивизиею, Свиты Его Величества генерал-майору Его Императорскому Высочеству Великому Князю Михаилу Александровичу, за то, что,

Михаил Александрович с Орденом Святого Великомученика и Победоносца Георгия. После марта 1915 г.

командуя отрядом в период январских боев – за обладание проходами в Карпатах, подвергая свою жизнь явной опасности и будучи под шрапнельным огнем противника, примером личной храбрости и мужества воодушевлял и ободрял войска своего отряда, причем выдержал, с 14 по 25-е января, натиск превосходящих сил противника, прикрыв весьма важное направление на Ломна – Старое место, а затем, при переходе в наступление, активными действиями содействовал успешному его развитию»[102]. Примечательно, что лишь со второй подачи документов о награждении и после личного ходатайства командующего армией А.А. Брусилова, Николай II подписал наградной лист. Государь, прекрасно зная своего брата, сомневался, что Георгиевский крест является для него заслуженной наградой.

В марте 1915 г. командование фронтом приняло решение двигаться через Карпаты в Венгрию. 3-я и 8-я армии начали бои за Бескидский хребет. По другую сторону фронта на помощь австрийцам германское командование перебросило три дивизии, сведенные в особый Бескидский корпус, а затем еще четыре вновь образованных «молодых» корпуса, из которых была сформирована новая 10-я германская армия. Русские войска вступили в упорные и кровавые бои, стоившие неслыханных потерь. Михаил, участвовавший в переходе, был потрясен бесчисленными человеческими жертвами. Однако, несмотря на все трудности, русская армия все-таки преодолела Бескидский перевал и начала спускаться в долину.

Однако уже 28 мая начался отход русских армий по всем фронтам, получивший название «Великое отступление». Это был большой стратегический маневр, также сопровождавшийся большими потерями, но позволивший сохранить армию. По этому поводу в переписке высказалась Н.С. Брасова, что вероятно, коррелировалось с позицией широкого круга общественности: «...Не проще ли было остаться на месте и окопаться или укрепиться сильнее? Как страшно и как грустно жить. Мне кажется, что если даже все и уцелеем, то здоровья хватит ненадолго после всех пережитых волнений...»[103] Она предложила перевести лазарет из Львова, который, возможно, сдадут, в Тарнополь[104], с чем Михаил согласился. Моральный дух обоих супругов начинает падать, ухудшилось также и состояние их здоровья.

После падения Перемышля (9 марта 1915 г.) немцы решили спасать своего главного союзника Австро-Венгрию. Был разработан план, согласно которому совместными усилиями наносится удар с целью отсечения прорвавшихся на Венгерскую равнину русских армий. С 1 по 6 мая 1915 г. произошел известный германо-австрийский прорыв под Горлицей-Тарновым. К 11 мая 3-я русская армия была полностью разбита. Остальным армиям приходилось спешно оставлять свои позиции.

Положение России на фронтах летом 1915 г. сложилось очень тяжелое. Интенсивность огня германо-австрийской артиллерии потрясала воображение. Многие воины, попавшие под обстрел крупнокалиберной вражеской артиллерии, сходили с ума. Дивизия Михаила Александровича продолжала дислоцироваться в районе железнодорожной станции Тлустэ[105]. За последние месяцы она хорошо себя показала и генерал Г.О. Раух, сменивший Хана Нахичеванского, остался ею доволен. В дивизию подвезли несколько крупнокалиберных пушек. Поступили также новые самолеты, использовавшиеся в основном для разведки.

Согласно Высочайшему приказу, отданному июня 27-го дня 1915 г., «Государь Император всемилостивейше соизволил пожаловать за отличия в делах против не-

приятеля Георгиевское оружие[106]: Свиты Его Величества Генерал-Майору, командующему Кавказскую туземную конною дивизиею **Его Императорскому Высочеству Великому Князю Михаилу Александровичу** за то, что 21 февраля 1915 года, получив приказание наступать с вверенной Ему дивизиею на м. Тлумач и выяснив из донесений, что таковое занято противником, а находящиеся там части Терской дивизии еще накануне вечером отошли на север, поставил себе задачей выбить противника из м. Тлумача, для чего выдвинул вперед весь Татарский конный полк, а затем на поддержку к высоте 307 и Чеченский конный полк, а Сам с 1-ю бригадою безостановочно, смело двинулся к Тлумачу и энергично повел атаку, находясь в сфере ружейного и артиллерийского огня и Лично руководил боем, овладел важным пунктом неприятельского расположения, выбив австрийцев из м. Тлумача; затем, притянул двигавшуюся из гор. Станиславова 3-ю бригаду, выдвинул ее на м. Езержаны, имея целью одновременными действиями окончательно отбросить разбитого неприятеля: силою более 2-х батальонов был разбит и поспешно отступил за Езержаны, следствием чего явилось не только занятие м. Тлумача, но и всей впереди лежащей полосы, одновременно с занятием 12-ю кавалерийскою дивизиею м. Калинце»[107].

Как ни странно, Михаил столь важное событие не отразил в своем дневнике, поэтому в работах исследователей факт награждения его Георгиевским оружием, которое приравнивается к ордену Святого Георгия, не всегда упоминается. Замечена также путаница в датировке награждения. Возможно, эти неточности объясняются тем, что приказ вышел через четыре месяца после фактически происшедших героических событий. В условиях военного времени подобные задержки случались нередко. Кроме того, летом 1915 года дивизия участвовала в непрерывных тяжелых боях с большими потерями.

Михаил уделял большое внимание работе и состоянию собственных лазаретов, и при любой возможности их посещал.

Посещение собственного лазарета. После марта 1915 г.

В начале июня пришло сообщение о смерти Великого Князя Константина Константиновича. Михаил Александрович на похороны не поехал, сославшись на «сложную обстановку на фронте» (что соответствовало действительности). Однако многие из Дома Романовых оценили такой шаг крайне отрицательно. За Михаилом все более и более закреплялась репутация отлученного от Династии. Не исключено, что он и сам не хотел встречаться со своими родственниками. Возможно, что информация о нетрадиционной сексуальной ориентации покойного дяди Кости доходила до царской семьи.

Великого Князя продолжали преследовать сплетни, скандалы и пересуды, связанные с Наталией Сергеевной. Многих раздражало то, что она слишком часто приезжала в прифронтовую зону и один раз даже побывала в Ставке, чтобы встретиться с мужем. Это стало известно императрице.

В 1915 г. в личной жизни Михаила разыгрывается очередная коллизия: Наталия начала испытывать симпатии к великому князю Дмитрию Павловичу, чего она даже и не скрывала. Далее в переписке супругов тема отношений Наталии Сергеевны и Дмитрия Павловича постоянно присутствует.

Н.С. Брасова была всегда недовольна своим мужем. То она считала, что Юзефович позволяет себе чрезмерно удерживать ее мужа на фронте и мешает им встречаться, то она была крайне возмущена военной формой своего

супруга. Кроме того, Наталия была обеспокоена тем, что Михаил может осуществить свою давнюю мечту и начнет летать на самолете. Все эти примеры свидетельствуют о том, что, по мнению Наталии Сергеевны, Михаил не был способен самостоятельно принимать решения и за ним требовался постоянный присмотр. Заметна некая случайная перекличка оценки Михаила Наталии Сергеевны и Указа Николая II об опекунстве.

С лета 1915 г. Михаил Александрович начинает обращаться с просьбами к Николаю II о каком-либо новом его нестроевом назначении, которое давало бы ему возможность чаще бывать дома.

В середине июля Михаил все же смог вырваться в Ставку и взять отпуск, а 19 июля он был уже в Гатчине. 22 июля у него повысилась температура и заболело горло. Врачи сначала диагностировали ангину, но 25 июля утром гатчинский доктор К.А. Котон сообщил, что в анализе найдены дифтеритные палочки. Состояние самочувствия ухудшилось. Лишь с 5 августа он начал вставать с постели, а в Гатчине он оставался до 10 сентября.

30 сентября начальник Гатчинского дворцового управления привез приятную весть о полном снятии опеки, а вечером Михаил Александрович получил уже от графа Фредерикса копию Высочайшего Указа (от 29 сентября 1915 г.). Теперь с ноября 1915 г. у него постоянно бывал с докладами заведующий делами и имуществом Н.П. Лавриновский.

В конце 1915 г. Михаил Александрович оказался втянутым в очередной скандал, связанный с проектом изобретателя А.А. Братолюбова. 3 декабря он принял изобретателя А.А. Братолюбова, академика Берггольца и Л.Л. Жирова. Гости рассказали ему о проекте нового оружия – огнемета, устанавливаемого на бронемашину. Проект показался великому князю интересным. Михаил обращается к Николаю II с ходатайством о выдаче им крупного кредита[108] на развертывание производства. В письме Великий Князь отмечает, что должен быть строжайший контроль расходования средств, а также просит освободить его «от денежной части дела»[109]. Го-

сударь дал согласие. Однако эта история имела нежелательные последствия. Испытания опытного изделия не дали положительных результатов, поэтому программа была свернута. Кроме того, при испытании погиб один военнослужащий. Разразился скандал, в котором опять упоминается имя Великого Князя. Депутаты были возмущены, что вопрос о выделении столь крупной суммы (был выдан аванс) решался вне Думы.

Подводя итог дискурса первого года Великой войны (август 1914 г. – январь 1916 г.), следует констатировать, что официальный статус Великого Князя Михаила Александровича в полной мере был восстановлен:

– ему было дано разрешение вернуться с семьей в Россию;

– присвоено звание генерал-майора;

– он был назначен начальником Кавказской туземной конной дивизии;

– была полностью снята опека над его имуществом и над ним как личностью;

– он восстановил в основном отношения с родственниками, в том числе и с царской семьей;

– за отвагу, проявленную в январских и февральских боях 1915 г., награжден Георгиевским крестом и затем Георгиевским оружием, о чем ходатайствовали главнокомандующий Юго-Западным фронтом генерал Н.И. Иванов, командующий 8-й армией генерал-адъютант А.А. Брусилов и командир 2-го кавалерийского корпуса генерал-лейтенант Хан Гуссейн Нихичеванский.

В печатных СМИ рисуется образ эпического героя:

– «львиное сердце и святая душа»;

– всегда был там, где опасно;

– спортсмен и превосходный наездник с артистической душой;

– богатырь, идущий во главе своих воинов «под свинцовым ливнем»;

– молитвенник, сошедший с васнецовских полотен древней Москвы;

– кавказцы его любовно называли «джигит Миша» и признавали «за своего».

Такова внешняя, официальная, сторона образа великого князя как участника и героя Великой войны, соответствующая его знаковому статусу.

Однако отзывы близкого круга лиц раскрывают иной, неофициальный, ракурс образа Михаила Александровича. Ближайшие родственники, конечно, были рады, что он вернулся в Россию и что он «опять такой милый». Они очень переживали за него и опасались, «справится ли он со своей ордой (Кавказской дивизией – **Л.П.**)». Офицеры дивизии имели приказ оберегать его от опасностей. Романовы продолжали воспринимать Михаила как «большого ребенка». Поэтому Николай II не сразу подписал наградной лист, так как не был уверен, что брат способен на героические поступки. «Война сделает из него человека», – считала Александра Федоровна. Ему давали понять, что «к нему относятся совершенно так же, как и к другим». Наталия Сергеевна, в свою очередь, относилась к Михаилу с бестактной назидательностью и считала, что он не способен самостоятельно принимать адекватные решения. Звучали неоднократные высказывания (особенно со стороны Наталии Сергеевны), что Михаил рискует жизнью совершенно напрасно, так как на фронт его послали в наказание. Михаил доставлял ближайшим офицерам «много хлопот своим стремлением всегда быть на передовой». Брешко-Брешковский даже высказал предположение: он рисковал «из-за боязни, что его заподозрят в трусости».

1.2.2. Командир Кавалерийского корпуса – второй год Великой войны (январь 1916 – январь 1917)

В начале 1916 г. Михаил Александрович покинул Кавказскую туземную конную дивизию, получив пост командира 2-го кавалерийского корпуса, вошедшего в состав 7 армии генерала Д.Г. Щербачева, также на Юго-Западном фронте. 2-й кавалерийский корпус дислоцировался в районе города Гусятина[110]. Всю группу ближайших офицеров он взял с собой на соответствующие должности в корпус.

1916 год начался для Михаила Александровича еще одним почетным назначением – 17 января он стал председателем вновь образованного Георгиевского комитета[111], который был назван его именем. 10 февраля после совершения молебна в церкви Генерального и Главного штабов во имя св. Георгия Победоносца Михаил обратился к государю императору с ходатайством о принятии его императорским величеством звания почетного председателя Георгиевского комитета, на что государь ответил телеграммой о своем «удовольствии принять на себя звание почетного председателя Георгиевского комитета».

В подборке отзывов второго года войны наиболее активное участие принимает супруга Михаила Александровича Наталия Сергеевна Брасова. В настоящем исследовании также приводятся высказывания командующего войсками гвардии В.М. Безобразова[112], заместителя министра внутренних дел С.П. Белецкого[113], военного цензора штабс-капитана М.К. Лемке[114], сослуживцев великого князя Н.А. Врангеля и И.И. Воронцова[115] (ранее упоминаемых), врачей, в частности лейб-медика Л.Б. Бертенсона, министра внутренних дел А.Д. Протопопова. Использован иллюстративный материал и многочисленные эпизоды, косвенно дополняющие образ Михаила Александровича. В этом дискурсе исследуемый нарратив посвящен вопросам вхождения великого князя в элиту генералитета царской армии и становления его как политической фигуры. Есть в дискурсе также значительный блок отзывов, характеризующих Михаила в повседневной обстановке.

В узкий круг друзей семьи Михаила Александровича входили: секретарь Н.Н. Джонсон, семьи князей Путятиных, семья ординарца князя В.А. Вяземского, семья графа А.П. Капниста[116], семья коллежского секретаря, попечителя лазарета великого князя А.Н. Шлейфера, зять Н.С. Брасовой А.С. Матвеев[117], знакомая Н.С. Брасовой М.Н. Тростянская, семья Н.Н. Абакановича[118]. Часто у Михаила бывал граф М.Л. Толстой[119], сын Льва Николаевича, служивший поручиком 2-го Дагестанского конного полка.

Отзывы о Михаиле Александровиче 1916 г. создает иной ракурс сложившегося образа в предыдущий период. В этот год уже не говорят о нем, как об успешном офицере,что не является случайностью – ресурс имиджа брата царя был исчерпан. Михаил, будучи командиром кавалерийского корпуса, не играл существенной роли на фронте ни по статусу, ни по фактическому участию. Вернуться в гвардию он не хотел, и более того, в связи с депрессивным состоянием, психической подавленностью и ухудшением здоровья настойчиво просил Николая II дать ему назначение нестроевой службы.

Командующий войсками гвардии генерал В.М. Безобразов при встрече с Михаилом высказал мнение, что ему следует находиться в гвардии и что об этом он готов ходатайствовать перед государем. Однако Великий Князь ему ответил, «что лучше об этом не поднимать вопроса, тем более что теперешнее назначение только что вышло и неудобно его теперь менять...» Затем уже в письме супруге он разъясняет: «В настоящее время меня в гвардию совсем не тянет, ибо там поневоле придется заниматься политиканством, а я этого не умею и ненавижу. Кроме всего этого, туда будет входить и Кирасирский полк, значит, мне постоянно придется сталкиваться с офицерами этого полка, ты будешь против этого, и вообще с этим назначением было бы связано столько новых осложнений в моей жизни, что и конца не было бы всем этим неприятностям ...»[120] На самом деле причина была в том, что скандальные истории бурного романа, тайного морганатического брака и опеки над ним как личностью стали известны всей гвардии, поэтому он и не хотел ни с кем из гвардейцев встречаться. Этот эпизод демонстрирует, что Михаил находился под влиянием супруги, важные и ответственные должности занимать не хотел, а предпочитал жить частной жизнью и больше бывать с семьей.

В марте 1916 г. на всех фронтах русские армии начали проявлять активность. Австрийцы были успешно отброшены на правый берег Днестра.

Михаил же с середины марта 1916 г. вновь начинает обращаться к Верховному главнокомандующему с

просьбой о переводе его в Ставку, где он был бы менее связан службой и мог бы чаще находиться с семьей. Его морально-психическое состояние продолжало ухудшаться. «... Нравственно я себя чувствую очень и очень скверно, униженным, пришибленным и без всяких надежд в будущем, – пишет Михаил Наталии. – Самое главное то, что ты меня больше не любишь...»[121] Она обычно ему отвечала, что ты «сам во всем виноват»[122], потому что постоянно находишься так далеко от семьи. Совершенно очевидно, что коллизии личной жизни вновь полностью завладевают великим князем и становятся более важными факторами по отношению к воинской службе.

22 мая 1916 г. на Юго-Западном фронте русская армия начала 4-ю Галицийскую операцию, вошедшую в историю как Брусиловский прорыв. Боевые действия продолжались до начала сентября. Михаил Александрович находился в Брасово до 13 июня, и только 15 числа прибыл в штаб своего корпуса. Обращает на себя внимание тот факт, что командир корпуса приехал на фронт почти через месяц после того как крупномасштабная операция уже началась. Следовательно, офицеры корпуса хорошо справлялись и без своего командира.

Приведем в пример один из эпизодов успешной боевой операции 2-го Кавалерийского корпуса летней кампании 1916 г. при непосредственном командовании Михаила Александровича. 20 июня его корпус совместно с 33-м Армейским корпусом вступил в жестокий бой с противником. Великий князь с офицерами штаба следил из наблюдательного пункта. Бой закончился успешно. Отлично себя показала наша артиллерия. Австрийцы медленно начали отступать. Было взято много пленных. Лазарет был переполнен. Великий князь вручал награды отличившимся войнам в сражении. При осмотре хода работ по укреплению новых позиций и строительству понтонного моста он постоянно попадал под обстрел вражеских разведчиков.

20 июля 1916 г. Михаил получил извещение о том, что его произвели в генерал-лейтенанты. Однако это

Михаил Александрович при посещении 2-го Сибирского Авиаотряда. Тарнополь, 1916 г.

радостное известие было неожиданно омрачено. По случаю повышения в звании он заказал «золотой прибор» — новые генерал-адъютантские погоны и аксельбанты. Но вдруг выяснилось, что его повысили в звании, но не оставили в Свите императора, значит, он должен был носить обычную генеральскую форму. Это, естественно, не было случайностью, но и не было абсолютным исключением. При Александре III с тремя членами Императорской фамилии поступили точно так же.

Впечатление, которое мог произвести Михаил Александрович при встрече со случайным человеком, передает штабс-капитан М.К. Лемке, служивший в Ставке обер-офицером управления генерал-квартирмейстера. 15 февраля 1916 г. он был приглашен на обычный царский обед. Многих из присутствовавших он знал, но вот «... вошел еще какой-то худощавый свитский генерал с порядочной лысиной, весь бритый, с узкой низкой талией, в казачьем бешмете, мило обошел всех поздоровался и присоединился к разговору великих князей. "Кто это?" — "Великий князь Михаил Александрович". Вот бы не сказал, судя по тому облику, который рисовался в старой юнкерской памяти»[123]. Этот отзыв передает сильный контраст между официальным образом великого князя и реальным его воплощением. Примечательно, что совершенно разные люди употребляют одно и то же слово в описании своего впечатления от встречи с Михаилом: «милый». А ведь эта встреча состоялась в Ставке главко-

Перед отъездом с фронта. 1916 г.

верха в условиях военного времени, и определение «милый» относилось в данном случае к боевому генералу.

31 августа 1916 г., встретившись в Ставке с Михаилом, Николай II сказал, что «берет его в свое распоряжение». На этом Великая война для брата царя фактически закончилась. Он получил, наконец, нестроевое назначение. А 1 сентября Михаил Александрович был назначен генерал-адъютантом Свиты императора.

В течение 1916 г. Михаил Александрович становится весьма заметной политической фигурой. Еще в первых числах февраля стало известно, что царь решил лично посетить Думу. Очевидно, что это была еще одна попытка повлиять на Думу и представить нового премьера Б.В. Штюрмера. Царский визит состоялся 9 февраля, в день открытия сессии. Императора сопровождал Великий Князь Михаил Александрович. Появление нового премьера в Думе произвело впечатление «полного провала». Штюрмер тихим голосом произнес вступительную речь, в которой заявил о «незыблемости исторических устоев».

Упоминаемый оппозиционно настроенный капитан штаба Ставки в Могилеве М.К. Лемке от 9 февраля 1916 г. фиксирует:

«Телеграмма о совершенно неожиданном посещении сегодня царем молебна, отслуженного в день возобновления Госуд[арственной] Думы по случаю взятия Эрзерума, произвела здесь сильное впечатление ... В приезде царя в Думу с Михаилом Александровичем некоторые видят ловко рассчитанный ход. Во-первых, это – как бы извинение перед Думой за последнее ее закрытие и признание ошибочности этого шага; во-вторых, это подчеркивание своей близости к ней; в-третьих, это желание

показать свою близость с братом, в-четвертых – желание показать, что брат не чужд влияния на государственные дела, в-пятых, – дальнейшее присутствие Михаила на самом открытии Думы показывает, что глаз государев лично наблюдает за работой Думы... Вообще, Михаил выдвигается. 17 января он назначен председателем Георгиевского комитета его имени и сегодня просил царя принять звание почетного председателя комитета»[124].

В 8 $^1/_2$ ч. вечера того же 9 февраля Михаил Александрович и Его Величество поехали на открытие Государственного Совета. Был также отслужен молебен, затем Николай II сказал речь, после чего уехал. А великий князь пошел в ложу, где сидели Наталия Сергеевна, Вяземские, Капнисты и Джонсон.

Действительно, эти события свидетельствуют о том, что Михаил Александрович уже с февраля 1916 г. «выдвигается» и становится государственной фигурой.

Значительная часть отзывов раскрывает образ великого князя в неофициальной повседневной обстановке.

В этом году следует отметить повышенный интерес Михаила Александровича к чтению, театру, изобразительному искусству, в чем, несомненно, заслуга Наталии Сергеевны.

На фронте у начальника дивизии свободного времени было мало, но Михаил все же выбирал время для чтения книг и не упускал возможности познакомиться с достопримечательностями той местности, где дислоцировалось его воинское соединение. Книги ему присылала Наталия Сергеевна. Изредка у него бывали офицеры, которые играли на музыкальных инструментах. Дружеские отношения у великого князя сложились с графом М.Л. Толстым.

Бывая в отпуске, Михаил Александрович старался отвлечься от фронтовых забот и насладиться простой мирной жизнью. То, что он встречался с выдающимися представителями творческой интеллигенции, косвенно характеризует ее позитивное отношение к великому князю. Так, приехав 3 октября с супругой в Москву, он сразу же окунулся в столичную жизнь. Уже на следую-

щий день они отправились в Художественный театр, где давали «На дне» М. Горького: «Играли идеально, – во время антракта предложили чай, и приходили в ложу Москвин, Вишневский, Качалов и Масалитинов»[125]. На следующий день в Большом театре слушали «Севильского цирюльника», пел Ф. Шаляпин. Они сидели в директорской ложе с Вяземскими, Оболешевым, Алексеем Матвеевым, Джонсоном. К ним в антрактах заходили Обухов, Штер и Шаляпин.

Вечером 7 октября Михаил и Наталия после обеда отправились в Малый театр и заняли директорскую ложу. Шел спектакль «Волки и овцы» с участием Садовской и Правдина. Инициатором посещения театров и художественных выставок была Наталия Сергеевна, но Михаил постепенно увлекся и театром, и искусством.

Днем 9 октября они были в мастерской художника С.Ю. Жуковского, где смотрели заказанные ранее картины комнат брасовского дома (ныне хранящиеся в Третьяковской галерее). На картинах известного мастера показаны интерьеры богатого и уютного барского дома, в котором великий князь находил для себя полное отдохновение. После обеда супруги поехали в Художественный театр на спектакль «Хозяйка гостиницы». К ним в ложу заходили К.С. Станиславский с женой, А.Л. Вишневский и В.И. Немирович-Данченко.

Многих великих артистов Михаил Александрович приглашал на организуемые благотворительные концерты Георгиевского комитета.

В связи с нервными потрясениями, постоянными стрессами в 1916 г. у него ухудшилось состояние здоровья, вновь начали появляться боли в области желудка. Он также жаловался на вялость, головные боли, «томление душевное и нравственное». 18 марта в своем дневнике он записал: «Настроение у меня вообще ужасное, как поется, "грусть и горькая мечта"». Наталия Сергеевна пришла к убеждению, что характер ее мужа «неприменимый к жизни и самый несчастный»[126].

17 марта 1916 г. Михаил Александрович написал на Наталию Сергеевну духовное завещание. Осенью, когда

болезнь вновь обострилась, Н.А. Врангель[127] по этому поводу выражает серьезные опасения: «Был у Воронцова. Он высказал, что Н.С. Брасова нисколько не бережет нашего Михаила Александровича: завещание сделано в ее пользу, смерть Михаила Александровича была бы ей выгодна, она его не любит, позорит и унижает флиртом с великим князем Дмитрием Павловичем, – теперь его не будет лечить и беречь, а в случае несчастия обвинят нас во всем...»[128] Ситуация складывалась такая, что даже близкие друзья Михаила высказывали озабоченность за его жизнь.

Душевная травма от охлаждения супружеских отношений оказалась для Великого Князя просто катастрофой. Наталия Сергеевна ему отвечает, что она ужасно устала от такой жизни, от постоянных переездов, а главное, от частых и продолжительных разлук, которые и отдаляют его от нее.

Михаил постоянно оказывался втянутым в какие-либо скандалы, которые множили слухи и сплетни. Получалось так, что в общественном сознании выстраивалась целая череда скандалов, начавшаяся с истории его бурного романа и тайного морганатического брака.

Михаил Александрович был сильно обижен на известного ювелира К. Фаберже. Сделав заказ на изготовление подарка для Наталии Сергеевны в мае месяце, в конце августа он получил ответ мастера, что тот сможет исполнить работу только к Рождеству 1917 г., объяснив тем, что «не хватает рабочих»[129]. То есть Фаберже отложил выполнение заказа великого князя более чем на полгода.

В начале августа месяца вновь произошел очередной скандал. Петроградское фотоателье Boissonnas, в котором готовились портреты Наталии в «глубоко декольтированном платье», выставило их в качестве своей рекламы (вероятно, с согласия) на витрины. Александру Федоровну эта выходка возмутила, и она распорядилась их убрать. Михаил же Александрович тем самым был оскорблен и пожаловался министру Двора гр. Фредериксу, а также петроградскому градоначальнику

А.Н. Оболенскому. Александра Федоровна считала возможным для себя такое унижение Великого Князя.

Представленные эпизоды являются примерами опосредованных отзывов о Великом Князе, то есть примеры его игнорирования и неуважения, которые раскрывают фактическую значимость Михаила Александровича в общественном понимании, главным образом, представителей аристократической элиты.

В середине октября 1916 г. Великого Князя вновь начали беспокоить боли в области желудка. Был вызван лейб-медик Л.Б. Бертенсон[130]. Врач посоветовал ему поехать на отдых в Крым. 7 ноября состоялся врачебный консилиум. «Все трое докторов решили, что происхождение ... болей нервное и что поэтому следует ехать на юг, в Крым или на Кавказское Черноморское побережье...»[131] 1 ноября (еще до заключения врачебного консилиума) Михаил письмом известил брата о необходимости поездки на лечение и 17 ноября с супругой, Джонсоном и личным врачом К.А. Котоном выехал в Крым. Следует отметить, что в Крыму он никаких лечебных процедур не принимал, во всяком случае, о них нет упоминаний. Важный аспект отмечает А.И. Спиридович[132], который, будучи тогда градоначальником Ялты, представился великому князю: «Около Ай-Тодора, на одной из дач Шелапутина, в семье московского фабриканта Гужона, отдыхал Вел. Князь Михаил Александрович со своей супругой Наталией Сергеевной Брасовой... Здесь царила буржуазная простота. Красивая и обаятельная, когда хотела, Наталия Сергеевна окутала своего доброго и мягкого супруга атмосферой московской коммерческой буржуазии, со всеми ее характерными черточками, что совсем не шло ни к Великому Князю, ни к его высокому положению»[133]. Здесь Спиридович приводит еще один пример, как «добрый и мягкий» Михаил оказался благодаря Наталье Сергеевне введенным в среду крупной московской буржуазии, совершенно чуждую ему, как по воспитанию, так и по положению.

Следует сказать, к концу 1916 г. Михаил Александрович находился в очень тяжелом душевном и физическом

состоянии. Ему, человеку с тонкой и чувствительной душевной конституцией, суждено было, единственному из Романовых, познать в полной мере ужасы войны. Психологически он не был готов к такому жестокому испытанию. Единственный человек, с которым он мог делиться самым сокровенным, – Наталия Сергеевна – считала его «неприменимым к жизни и самым несчастным»[134].

Во второй год войны образ Великого Князя все более и более начал рассматриваться в политическом контексте, ставший к 1917 году доминирующим.

Во второй половине 1916 г. политическая обстановка в стране стала катастрофически ухудшаться. Записывая свою беседу с князем В.М. Волконским, барон Н.А. Врангель, в частности, отметил: «Положение могло бы быть спасено выступлением всей императорской семьи incorpore, заявившей Государю об опасности, о необходимости уступить общественному мнению... Искали, кто из великих князей мог бы взять на себя руководящую роль. Михаил Александрович болен, ехать не может (возможно, это был только повод. – **Л.П.**). Остановились на великом князе Николае Михайловиче...»[135] Однако единства среди членов императорской фамилии не было, и поэтому к согласию они прийти не могли.

В ноябре месяце Великие Князья Георгий Михайлович и Николай Михайлович написали императору письмо с предложением создать «ответственное правительство». Михаил Александрович также решился внести свою лепту в общее дело и «раскрыть глаза царю». В письме от 11 ноября 1916 г. он выразил обеспокоенность по поводу складывающейся тревожной внутриполитической обстановки и сообщил, что «... требование перемены уже открыто высказывается при всяком случае...»[136] По некоторым сведениям, проект письма составил барон Н.А. Врангель, а редактировать его помогал известный кадет В.А. Маклаков[137]. Михаил через Наталию Сергеевну сближается с некоторыми либеральными депутатами Думы.

Великий Князь, очевидно, понимал опасность нахождения Распутина при императорском дворе, но публично не осуждал царскую семью за приближение «старца».

По утверждению и.о. директора Департамента полиции и заместителя министра внутренних дел С.П. Белецкого, «Распутин все время поддерживал в императрице опасность популярности Михаила Александровича в армии и народе. Когда Великий Князь Михаил Александрович, после недолгого пребывания на театре боевых действий, вернулся с супругой в Гатчину, то императрица обратила внимание на его личную жизнь... Нам было поручено, возможно подробнее осветить его жизнь, так как императрица и Вырубова видели в замкнутой жизни семьи великого князя в Гатчине, в его знакомствах и в особенности во влиянии его жены, обладавшей сильным характером и большим честолюбием, – указания на возможность тайных династических притязаний. Однако мои данные не дали никаких для этого материалов»[138]. Сложилось так, что Михаил Александрович оказался в оппозиции к дворцовой партии и царской семье. Их отношения стали заметно ухудшаться.

Некоторые важные штрихи к портрету Михаила Александровича добавил на допросе Чрезвычайной следственной комиссии министр внутренних дел А.Д. Протопопов[139].

«... Вся семья б. царя была против настроения б. царицы, требовавшей мер более решительных для приведения великих князей к покорности воле б. царя и более дружелюбному к ней, б. царице, отношению. ... Под конец, в феврале, б. царем и б. царицей было решено встать на путь компромиссных мер с возвращением к обычной жизни князей, посланных как в войска, так и в свои деревни. Эта политика, предложенная мною, встретила поддержку и вел. кн. Михаила Александровича; б. царица тоже на нее согласилась»[140].

«Летом 1916 г. ко мне обратился Лука Лукич Зотов из Нижнего Новгорода, ... Они желали построить оружейный завод, обусловив эту постройку определенным заказом от казны. Во главе дела стоял Л. Нобель. Условия по их словам были выгодны для казны. Я посоветовал им сходить к г-же Лунц, которая через Распутина доведет их план до сведения царя. По словам Зотова, хлопотал за это дело и вел. кн. Михаил Александрович...»[141]

«...Царица сообщила мне о намерении царя сослать вел. кн. Дмитрия Павловича в русский отряд, действовавший в Персии ..., она была недовольна, находила необходимым передать суду участников убийства, жаловалась на членов царской семьи, отговаривавших царя поступить построже... Царица согласилась на его высылку, но только не в Киевскую губернию, где находилось главное имение Юсуповых, это было, по ее мнению, слишком близко от Киева и проживающей там вдовствующей царицы Марии Федоровны, около которой «собираются все недовольные члены семьи». Царица указала на Курскую губ., где у Юсуповых было еще имение... От царицы и прошел к царю. Он интересовался впечатлением, какое произвело на общество убийство Распутина, и настроением, которое создалось; к смерти его относился спокойно. Я передал царю справку о дознании...; сказал, что присутствие в оппозиции великих князей и членов его семьи создает большую опасность монархическому началу..., указав, что убийство Распутина, вероятно, есть начало террористических актов, и надо заботиться о безопасности царицы. Царь сознавался в распущенности великих князей; видимо, хотел взять их в руки и делал исключение для вел. кн. Михаила Александровича и Павла Александровича, в преданность и послушание которых верил»[142].

«... За время моего управления наиболее интересные письма касались событий, связанных со смертью Распутина; они давали понятие об отношении великих князей и знати к убийству и, в связи с ним, – к царице. Такие письма я доводил до ее сведения; иногда представлял и царю, если в письмах его резко не осуждали. Ему я посылал перлюстрацию писем к великим князьям оппозиционного характера или касающихся событий в Государственной думе, вообще, – деловой политики. Я отослал царю письмо г. Клопова к вел. кн. Михаилу Александровичу по поводу назначенной царем Клопову аудиенции. Оппозиционное направление письма заставило меня опасаться, не произведет ли он покушения на царя. Я сообщил об аудиенции В.Н. Воейкову и написал

свои сомнения царю, представив письмо г. Клопова к вел. кн. Михаилу Александровичу»[143].

Сведения Протопопова, представленные на допросе Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства, демонстрируют определенную активность Михаила Александровича в конце 1916 – начале 1917 годов в политической сфере (великокняжеская оппозиция, переписка и встречи с царем и царицей, которые испытывали к нему доверие) и в экономической сфере (лоббирование инвестиционных проектов). Однако некоторое недоверие со стороны царской семьи распространялось и на Михаила Александровича.

Итак, во второй год войны на основе дискурса складывается следующий образ великого князя:

- *став командиром корпуса и получив звание генерал-адъютанта, он вошел в элиту генералитета Российской императорской армии, однако в гвардии служить не хотел и просил у Николая II должность нестроевой службы, чтобы чаще бывать дома с семьей, поэтому, естественно, в этот период о нем нет отзывов как успешном офицере;*
- *в связи с неурядицами в личной жизни, перенесенными стрессами на фронте у него вновь ухудшилось состояние здоровья, обострилась язва желудка, по мнению врачей – происхождение болей «нервное», начал разрушаться его идеал тихой и счастливой частной жизни, сформировавшийся еще в детстве, многие при встрече с ним отмечали его болезненный вид;*
- *хотя отношения с родственниками у него после возвращения в Россию восстановились, отчужденность все же сохранялась (особенно с Александрой Федоровной), потому что он был способен сделать и уже сделал ранее «большую глупость», а также, учитывая болезнь цесаревича Алексея, мог претендовать на престол, тем не менее, в конце 1916 – начале 1917 гг. он пользовался доверием царя, но не царицы;*
- *Михаила продолжали преследовать скандалы, виновником которых он обычно не был.*

С такой репутацией и в таком состоянии Михаил Александрович встретил 1917 год.

§ 3. Восприятие Великого Князя Михаила Александровича участниками и свидетелями Русской революции.

Михаил Александрович предпочитал тихую частную жизнь, но его мечтам не суждено было сбыться. События в стране развивались так, что он против своей воли все более и более вынужден был погружаться в жизнь общественно-политическую. Соглашаясь с необходимостью либеральных преобразований, Михаил не проявлял собственной инициативы, держался в стороне от, так называемого, «кружка великих князей»[144]. Тем не менее имя младшего брата царя все чаще стало упоминаться в высказываниях представителей различных партий и придворных группировок, что особенно стало заметно в января-феврале 1917 г. В таком контексте он совершенно определенно в общественном сознании становился знаковой политической фигурой. Михаил Александрович – Великий Князь и вновь реальный наследник престола. Начали говорить и о «политической роли» салона Н.С. Брасовой. Михаил при каждом удобном случае старался поднять общественное положение супруги, что особенно не нравилось многим представителям Дома Романовых.

О ситуации в общественных кругах, сложившейся в обеих столицах, сообщает, упоминаемый ранее А.И. Спиридович: «Петербург кипел тогда всякими сенсационными слухами. Была предреволюционная горячка. Кое-что из конспиративных заговорщичьих кружков, хотя и в искаженном виде, но проникало в гостиные и кулуары Г. Думы. Из Москвы шли самые сенсационные слухи. Чуть не открыто говорили, что Государя принудят отречься. Имя будущего регента – Вел. Князя Михаила Александровича произносилось громко. Шел слух, что Вел. Кн. Мария Павловна приняла у себя его морганатическую супругу, как жену будущего регента... Все ждали какой-то развязки»[145].

Среди авторов рассуждений, посвященных Великому Князю Михаилу Александровичу периода Русской революции 1917 года, пронимали участие представители широ-

кого круга общественных, политических и военных деятелей, Дома Романовых и большевистской власти. Передача ему верховной власти стала для всех полной неожиданностью. Обсуждались вопросы правомерности такого решения Николая II и способности Михаила стать государем. В настоящем исследовании приведены отзывы:

– военачальников (начальника штаба Верховного главнокомандующего М.В. Алексеева, командующего Юго-Западным фронтом А.А. Брусилова, начальника штаба 12-й пехотной дивизии А.Е. Снесарева);

– начальника дворцовой охраны А.И. Спиридовича;

– политических и общественных деятелей (председателя IV Государственной думы М.В. Родзянко, лидера Конституционно-демократической партии и организатора Прогрессивного блока в Государственной думе П.Н. Милюкова, лидера партии «Союз 17 октября» А.И. Гучкова, депутата II, III и IVсозывов Государственной думы, националиста и монархиста В.В. Шульгина, депутата IV Государственной думы, активного участника Февральской революции в России А.Ф. Керенского);

– Великих Князей (Павла Александровича, Сергея Михайловича, Андрея Владимировича);

– юристов (В.Д. Набокова, Б.Э. Нольде, Н.Н. Иванова);

– зарубежных послов в Российской империи (посла Франции Жоржа Мориса Палеолога, посла Великобритании Джорджа Уильяма Бьюкенена);

– эсера-террориста, военного министра Б.В. Савинкова;

– российского революционера, советского политического и государственного деятеля, создателя Российской социал-демократической рабочей партии (большевиков), главного организатора и руководителя Октябрьской социалистической революции 1917 г. в России В.И. Ленина;

– рабочего-революционера, одного из лидеров мотовилихинских большевиков, члена ВЦИК, инициатора расстрела Великого Князя Михаила Александровича Г.И. Мясникова.

В настоящем дискурсе также использованы материалы Пермского Совдепа и печатных средств массовой информации.

В январе А.А. Спиридович получил несколько писем из Петрограда. «В письме из Гатчины, – пишет Спиридович, – один из моих младших бывших подчиненных, сообщал ..., что в Гатчине, где жил Вел. Кн. Михаил Александрович, много говорят о том, что на престоле скоро будет Цесаревич Алексей Николаевич, а Великий Князь будет Регентом. Письмо пришло с обыкновенной почтой, и я был тем более удивлен, что в нем были подробности "неприемлемые". И я тем более удивлялся, что в Императорской резиденции так просто говорят о предстоящей перемене Монарха»[146]. Свидетельства бывшего начальника императорской дворцовой охраны демонстрируют открытое хождение слухов о том, что верховная власть скоро будет передана цесаревичу Алексею, регентом которого станет Михаил Александрович. Однако прибыв в Петроград, Спиридович, повидав кое-кого из Охранного Отделения, понял, что они смотрели на положение дел – безнадежно. Надвигается катастрофа, а министр, видимо, не понимает обстановки, и должные меры не принимаются. «Будет беда. Убийство Распутина положило начало какому-то хаосу, какой-то анархии. Все ждут какого-то переворота. Кто его сделает, где, как, когда – никто ничего не знает. А все говорят и все ждут»[147].

После отдыха в Крыму Михаил Александрович вернулся в Гатчину 30 декабря 1916 г. Его новое назначение на должность генерал-инспектора кавалерии вступало в силу с 29 января. 19 числа он выехал на фронт, чтобы передать командование и попрощаться с корпусом. На обратном пути Михаил заехал в Каменец-Подольский, чтобы повидаться с главнокомандующим армиями Юго-Западного фронта генерал-адъютантом А.А. Брусиловым[148]. Его сопровождали Я.Д. Юзефович, Н.А. Врангель, В.А. Вяземский и полковник Дараган из 9-го уланского Бугского полка.

Михаил Александрович по этому случаю в дневнике за 1 февраля 1917 г. записал: «В 11 ч. мы приехали

в Каменец, ко мне в вагон зашел главнокомандующий Юго-Западным фронтом генерал-адъютант Брусилов с начальником штаба Сухотиным (правильно: С.А. Сухомлиным) и губернатором Мякининым. В 12 ч. мы поехали к Сухотину, а в 1 ч. завтракали с Брусиловым в его помещении. Потом я с Вяземским поехал с визитом к архиепископу Митрофану, затем к Мякинину... До отхода поезда приехали ко мне Брусилов и Мякинин...»[149] Запись свидетельствует, что великий князь рассматривал эту встречу как жест вежливости, которая стоит в одном ряду встреч с губернатором и архиепископом. Вдобавок, он перепутал фамилию начальника штаба фронта, что опять же подтверждает тот факт: Михаил не придавал особого значения этим встречам. Да и на самом деле, он уходил с фронта на спокойную мирную жизнь.

Позднее А.А. Брусилов так описал эту последнюю встречу: «В начале января 1917 года (здесь неточность. – **Л.П.**) вел. кн. Михаил Александрович, служивший у меня на фронте в должности командира кавалерийского корпуса, получил назначение генерал-инспектора кавалерии и по сему случаю приехал ко мне проститься. Я очень его любил, как человека, безусловно, честного и чистого сердцем, непричастного ни к какой стороне, ни к каким интригам и стремившегося лишь к тому, чтобы жить честным человеком, не пользуясь прерогативами императорской фамилии..., он был храбрый генерал и скромно, трудолюбиво выполнял свой долг. Ему, брату Государя, я очень резко и твердо выяснил положение России и необходимость тех реформ, немедленных и быстрых, которых современная жизнь неумолимо требует; <...>, я его умолял разъяснить все это царю, и если он (великий князь) разделяет мое мнение, то поддержать содержание моего доклада и со своей стороны. Он мне ответил, что он со мной совершенно согласен, и как только увидит царя, он постарается выполнить это поручение. "Но, – добавил он, – я влиянием никаким не пользуюсь и значения никакого не имею...."»[150]

С воспоминаниями А.А. Брусилова мы имеем особый случай. Генерал закончил свои мемуары в 1923 г., нахо-

дясь в Чехословакии на лечении, когда уже закончилась и Первая мировая война, и Февральская революция, и Гражданская, и Советско-Польская войны. Романовы, кто не уехал за границу, к тому времени были убиты. Брусилов никогда не вел дневников, хотя в годы войны делал записи и хранил переписку, а также карты с обозначением боевых операций. Весной 1920 г. он добровольно вступил в Красную Армию, некоторое время работал сотрудником-составителем Военно-исторической комиссии по изучению и использованию опыта войны 1914–1918 гг. Но вскоре ему пришлось прервать работу, так как в июне 1920 г. он был назначен председателем Особого совещания при главнокомандующем вооруженными силами республики. В белом движении Брусилова обвинили в предательстве и пособничестве коммунистам. Так что завершал он свои мемуары, находясь за границей, большей частью по памяти, которые фактически являлись оправданием перед бывшими сослуживцами того, что он не предотвратил падение монархии и принял решение служить в РККА. В этом свете и необходимо понимать приведенную цитату. А.А. Брусилов хорошо отзывается о Великом Князе Михаиле Александровиче как человеке и генерале, хотя в этих добрых словах есть известная доля общепринятой этической вежливости. «Ему, брату Государя, я очень резко и твердо выяснил положение России и необходимость тех реформ, немедленных и быстрых, которых современная жизнь неумолимо требует; ..., я его умолял разъяснить все это царю, и если он (великий князь) разделяет мое мнение, то поддержать содержание моего доклада и со своей стороны», – этим бывший генерал-адъютант подчеркивает, что он прилагал все усилия. Важна заключительная фраза, приписанная великому князю: «... влиянием никаким не пользуюсь и значения никакого не имею», – означающая, что политический вес брата царя был равен нулю. Следовательно, и рассчитывать на Михаила в дни революции не было никакого смысла. Произнесенная фраза, предназначенная для его бывших сослуживцев, означает, что он готов был

принять меры к сохранению монархии, но передать верховную власть было некому.

Возможно, что такого разговора и с таким содержанием вообще не было. Брусилов передает эту фразу великого князя как прямую речь, причем, сказанную в присутствии сопровождавших его лиц. Возникает вопрос, мог ли Брусилов, будучи больным человеком, вспомнить дословно, что сказал Михаил, через пять лет после стольких событий и потрясений? Так что данная цитата вызывает сомнение. Возможно, если что-то подобное и сказал Михаил Александрович, то в более мягкой форме. Однако, несомненно, эта фраза Брусилова означает, что Михаил Александрович не мог рассматриваться как реальная фигура на верховную власть.

Февральская революция, первый акт Великой русской революции 1917 г., случилась, казалось бы, без особых на то оснований. Да, были проблемы военного времени (перебои со снабжением продуктами питания, топливом, сбои в работе транспорта), которые сопровождались стихийными протестами. Но в 1916 г. был преодолен «снарядный голод», успешно проведена масштабная военная операция на Юго-Западном фронте, известная как «Брусиловский прорыв», – все это должно было бы поднять боевой дух воинов, вселить в них уверенность в скорой победе над врагами и мобилизовать тыл. Иными словами, должен был бы наступить патриотический подъем и консолидация общества, однако этого не произошло.

Причины Февральской революции в настоящее время изучены достаточно подробно. Если коротко, то революция случилась в результате обострения внутренних противоречий Российской империи вследствие Первой мировой войны, возникших задолго до 1917 г. Эти противоречия в течение военных лет только усиливались, переросли в конфликт и в итоге вылились в революцию[151].

О событиях 23–24 февраля в Петрограде Михаил Александрович, вероятно, ничего не знал, так как находился в Гатчине, в кругу семьи.

Вечером 26-го Хабалов получил телеграмму от царя, которая поставила его в тупик: «Повелеваю завтра же прекратить в столице беспорядки, недопустимые в тяжелое время войны с Германией и Австрией».

Но уже на следующий день, 27 февраля, М.В. Родзянко[152] настоятельно просит Михаила Александровича приехать в столицу и пытается убедить его «явочным порядком принять на себя диктатуру над городом Петроградом». Великий Князь отказался, потому что фактически это означало захват власти, а во-вторых, он не считал, что за какие-нибудь сутки ситуация сделалась вдруг критической. А.И. Спиридович поясняет: «Верный своему брату, В. Князь на регентство не мог согласиться. Принять же на себя высшее командование всеми войсками столицы, объединить вокруг себя всех верных Государю людей и обрушиться на революцию — на такой смелый подвиг Великий Князь, по своему характеру, был неспособен. Это не пришло тогда в голову даже и самому старшему из бывших в столице Великих Князей — В. К. Павлу Александровичу, которому по новой его должности подчинялись как раз те самые войска гвардии, которые теперь бунтовали. Опять-таки на лицо была бездеятельность высшего начальства»[153].

Тогда было принято другое решение: убедить императора назначить Михаила регентом в Петрограде с правом выбора нового премьер-министра. Но кого? Родзянко надеялся, что великий князь назовет его кандидатуру, Михаил же Александрович указал на князя Г.Е. Львова[154], который пользовался широкой поддержкой Прогрессивного блока. Через три дня, решая эту же дилемму, царь отдал предпочтение М.В. Родзянке. В той крайне неустойчивой ситуации даже такое разногласие могло повлиять на развитие событий. Николай II ответил: «Никаких перемен не делать до моего приезда в личном составе. Отъезд из Ставки назначен завтра к 2.30 дня...»[155] Обращает на себя внимание то, что император не пожелал говорить непосредственно с Михаилом. Общение шло через начальника штаба Верховного главнокомандующего М.В. Алексеева[156]. Это свидетельствует о

том, что государь не считал Михаила той личностью, с которой можно обсуждать важные политические вопросы. Алексеев же в полной мере разделял озабоченность по поводу сложившейся ситуации. По завершении разговора он добавил: «...Позвольте закончить личною просьбою о том, чтобы высказанные Вашим Императорским Высочеством мысли в предшествовавшем сообщении Вы изволили настойчиво поддержать при личных докладах Его Императорскому Величеству как относительно замены современных деятелей Совета Министров, так и относительно способа выбора нового Совета, и да поможет Вашему Императорскому Высочеству Господь Бог в этом важном деле. Генерал Алексеев»[157].

«Ответ Государя обескуражил всех. Когда Беляев привез и прочел его в Совете министров, все были подавлены, а Голицын лишь спрашивал растерянно: – Что же делать, что делать?»[158]

После убийства Г. Распутина наиболее активные представители Дома Романовых были удалены из Петрограда. И хотя Михаил Александрович не играл самостоятельной роли, он фактически оказался на тот момент главой великокняжеской оппозиции, продемонстрировавшей свою полную беспомощность.

Утром 25 февраля Михаил с Наталией приехал в Петроград. День прошел в обычном порядке: он принимал в своем Управлении (Н.А. Врангеля, А.А. Клопова, Я.Д. Юзефовича), постригался, недолго занимался с преподавателем музыки, обучавшим его игре на гитаре. Вечером, пока все были в театре, он встречался с Алексеем Матвеевым, исполнявшим обязанности управляющего делами. С позиции стороннего наблюдателя в тот день он записал в дневнике: «... Сегодня были беспорядки на Невском проспекте. Ходили рабочие с красными флагами, бросали в полицию ручные гранаты и бутылки, войскам пришлось стрелять. Главная причина беспорядков – отсутствие муки»[159]. И хотя на улицах столицы уже происходят уличные столкновения, Михаил не придал этому особого значения, а просто фиксировал события как

факт. Спокойная тональность записи говорит о том, что он не испытывал никакой тревоги. Кроме того, были должностные лица, которые должны были быть обеспокоены этими событиями.

26 февраля (воскресенье), когда революция принимала уже необратимый процесс, Михаил Александрович приехал в Петроград и сразу же с Великой Княгиней Ксенией Александровной направился в Петропавловский собор на панихиду[160], где кроме них никого не было. Вероятно, остальные представители Дома Романовых были более озабочены обстановкой в столице. В его дневнике появилась запись: «Беспорядки в Петрограде усилились, на Суворовском проспекте и Знаменской убитых было 200 чел.»[161]. Тем не менее, он не предпринимал без санкций государя никаких шагов для нормализации обстановки.

Днем 27 февраля на заседании Совета старейшин был сформирован новый орган власти – Временный комитет Государственной думы («Комитет членов Государственной думы для водворения порядка в столице и для сношения с лицами и учреждениями»).

Поздно вечером царское правительство собралось на свое последнее заседание в Мариинском дворце и приняло решение о роспуске. К утру Мариинский дворец был разгромлен, министерство путей сообщения захвачено представителем Комитета Думы промышленником А. А. Бубликовым, а большинство министров были арестованы или скрылись.

Депутаты Думы и, независимо от них, комитеты революционных партий осознали, что настало время немедленных политических действий. Фактически царское правительство перестало существовать только в ночь с 27 на 28 февраля, а на следующее утро военный министр Беляев приказал частям, которые сохраняли верность режиму, разойтись по казармам, предварительно сложив оружие в здании Адмиралтейства, их последней боевой позиции. Вакуум, созданный крушением царского правительства, быстро заполнился сформированным новым правительством.

Поздно вечером 27 февраля после безуспешной попытки выехать на автомобиле из охваченного революцией Петрограда в Гатчину Михаил возвращается в город и принимает решение переночевать в Зимнем дворце. Там были военный министр М.А. Беляев[162] и командующий войсками Петроградского военного округа С.С. Хабалов[163], в распоряжении которых было около тысячи человек, в том числе часть батальона Преображенского полка, рота Гвардейского экипажа, Донской казачий полк. Великий князь убедил их отказаться от защиты дворца, чтобы «избежать неминуемого его разгрома», перевести людей в здание Адмиралтейства, а сам решил перейти на квартиру Путятиных на Миллионной улице, 12. А.И. Спиридович так описывает этот эпизод: «В. Князь просил генералов увести войска из дворца, заявив: — "что он не желает, чтобы войска стреляли в народ из дома Романовых". Генералы ушли, и Беляев отдал распоряжение Занкевичу: очистить Дворец от войск и снова перейти в Адмиралтейство. Изумленному Занкевичу Беляев не раз повторил странную фразу Великого Князя. Генералы стали совещаться, что же делать. Кто-то предложил занять Петропавловскую крепость. Хабалов вызвал к телефону помощника коменданта барона Сталя и начал переговоры. Сталь предупредил, что площадь перед крепостью занята толпой. Там есть и броневики. Кажется, занят и Троицкий мост. Придется пробиваться. Занкевич находил, что рисковать пробиваться в крепость невозможно. Решили уходить обратно в Адмиралтейство. Отдали приказания. Стали уходить. Оставление дворца, по приказанию брата Государя, произвело удручающее впечатление. Особенно на офицеров. Никто, ни правительство, ни брат Государя, никто не поддерживал горсточку верных долгу и присяге людей. Никто не поддерживал, а каждый мешал им выполнить свой долг. Успех в тот день Революции. Благодаря бездействию правительства, к вечеру 27 февраля почти весь Петроград был во власти революционной толпы»[164].

Михаил Александрович фактически снял охрану с последнего бастиона, символа Российской монархии.

Трудно комментировать такое решение. Вероятно, он дал этот приказ, чтобы не провоцировать дальнейшее развитие мятежа и, доверяя лидерам революции, надеялся, что волнения будут успокоены.

«Новая власть совершенно игнорировала Монарха. В ту ночь (с 27 на 28 февраля), без официального, по-видимому, обсуждения Временный Комитет уже решил низвергнуть Государя и возвести на престол Цесаревича при регенте Вел. Кн. Михаиле Александровиче»[165]. П. Милюков рассчитывал на конституционную монархию, номинально возглавляемую несовершеннолетним Алексеем, при регентстве великого князя Михаила, «законченного дурака»[166] (по выражению Милюкова). Это решение было согласовано как с лидерами Думы, так и военным руководством.

В ночь на 28 февраля Временный комитет Государственной думы, «ввиду прекращения деятельности царского правительства», взял власть в свои руки. Можно сказать, что с этого момента для них обратной дороги уже не было. Все последующие высказывания со стороны лидеров Февральской революции о желательности сохранения монархии было лицемерием. М.В. Родзянко дал указание думскому депутату А. Бубликову взять под свой контроль министерство путей сообщения в качестве комиссара Временного комитета Государственной думы. В 16:00 в Петрограде были арестованы генералы Хабалов, Беляев, Балк и другие. Все эти действия свидетельствуют о том, что Временный комитет встал на сторону революции.

С 28 февраля оппозиционная Государственная дума сливается со стихийным уличным движением народного возмущения, фактически предоставила ему центр, «дала ему знамя и лозунг» и восстание обратилось в революцию. Революция победила! Однако теперь уже впереди выступали не либералы «Прогрессивного блока» и даже не только что образованное Временное правительство, а Временный исполнительный комитет Петросовета, переименованный в Исполком Петроградского совета рабочих депутатов (с 1 марта – Петроградский совет ра-

бочих и солдатских депутатов), разместившийся также в Таврическом дворце.

Утром того же 28 февраля императорские поезда вышли из Могилева. Родзянко приказал Бубликову остановить поезда в Бологом, где он намеревался встретиться с императором. Через сутки, то есть к утру 1 марта, Николай II добрался через Бологое до Малой Вишеры. Здесь он был вынужден развернуться и двигаться на Псков в связи с блокадой железнодорожного пути. К вечеру государь прибыл в Псков. Бубликов прилагает усилия, чтобы император не «пробрался в армию».

28 февраля пересылка воинских частей с фронта в Петроград по указу государя была остановлена. Алексеев примирился с революцией и начал полностью поддерживать Родзянко.

Однако все-таки еще 1 марта по настоянию Родзянко Алексеев подготовил и отправил на подпись императору в Псков проект манифеста, согласно которому Родзянко назначается премьер-министром и уполномочивается сформировать новое правительство, ответственное перед Думой. Алексеев также приложил все усилия к тому, чтобы предупредить столкновение между Георгиевским батальоном генерала Иванова и петроградским гарнизоном. Если петроградский гарнизон примыкает к думскому Комитету, если Родзянко назначается формировать новое правительство, то проблема восставшего петроградского гарнизона сама собой снимается. Однако Родзянко, главный политический игрок в дни Февраля, на самом деле дезинформировал всех. В сообщениях императору и Алексееву он обычно преувеличивал масштабы народного возмущения, при этом ничего не предпринимая, чтобы его успокоить. Он рассчитывал, что сможет на волне революционного движения достичь своих политических целей. Но он им не сообщал, что в его Комитете нет единства и что кадеты не допустят его назначения председателем правительства. Родзянко уверял, что контролирует и удерживает протестное движение в Петрограде, в действительности все было не так.

В Пскове Николай II получает от М.В. Алексеева телеграмму, в которой в частности сказано: *«...Подавление беспорядков силою, при нынешних условиях, опасно и приведет Россию и армию к гибели...»* Начальник штаба Верховного главнокомандующего настаивает: *«Ради спасения России и династии, поставить во главе правительства лицо, которому бы верила Россия, и поручить ему, образовать кабинет»*. Через несколько часов этот проект оказался «запоздалым». Николай II попал в западню заговорщиков. Лидеры революции на тот момент уже отказались от плана дворцового переворота и двигались дальше на революционной волне. Самого же Родзянко все больше и больше начинает охватывать страх, так как ситуация, действительно, совершенно вышла из-под контроля. Если бы он известил Алексеева об истинном положении дел в Петрограде, то, вероятно, Иванову был бы дан приказ восстановить порядок силами экспедиционных войск.

1 марта состоялся «парад» поддержки и признания новой власти: началось восстание в Кронштадтской военно-морской базе, к Таврическому дворцу явились сотня Его Императорского Величества Конвоя, один жандармский эскадрон, гвардейский казачий полк, представители Собственного Его Величества железнодорожного полка и императорской дворцовой полиции. А в 16 часов с поддержкой явился Гвардейский флотский экипаж во главе с Великим Князем Кириллом Владимировичем. Императора уже не вспоминали. В этой ситуации Родзянко сообщает, «что теперь уже совершенно недостаточно произвести смену министерства и образовать новое, ответственное перед Государственной Думой, а ставится вполне определенно вопрос об отречении государя от престола».

По мнению Г.М. Каткова, «в создавшейся ситуации отречение определенно привлекало его (Николая II). Это было достойнее, чем позволить ограничить свои права, приняв роль конституционного монарха. Это решение давало ему возможность снять с себя ответственность за те беды, которые, по его убеждению, не-

избежно обрушатся на страну, как только управление перейдет в руки властолюбивых политиков, которые так самоуверенно утверждают, что пользуются народным доверием»[167]. Кроме того, в некотором смысле это был шаг назад по сравнению с предыдущим проектом, так как ни слова не говорилось о переходе к парламентскому строю и правительстве, ответственном перед Думой.

Во второй половине дня командующий Московским военным округом И.И. Мразовский докладывает Алексееву, что «в Москве полная революция».

У Государственной думы была договоренность с Исполкомом Петросовета о праве на формирование правительства. Согласована была и программа, которая фактически исключала сохранение монархии. Тем временем Петроградский совет опубликовал Приказ № 1 по Петроградскому гарнизону, подчинив себе столичные войска. Таким образом, уже 1 марта возникло двоевластие. Временное правительство не располагало никакой реальной властью.

2 марта генерал Алексеев, получив запись разговора Рузского с Родзянко, по собственной инициативе составил его краткое изложение и разослал всем командующим фронтами с такими словами: «...Теперь династический вопрос поставлен ребром, и войну можно продолжать до победоносного конца лишь при исполнении предъявляемых требований относительно отречения от престола в пользу сына при регентстве Михаила Александровича...». Почти все командующие фронтами и Великий Князь Николай Николаевич в ответных телеграммах просили императора отречься от престола «ради единства страны в грозное время войны». Получив от них ответы, государь согласился на отречение в пользу сына Алексея Николаевича при регентстве Михаила Александровича. Однако, ожидая приезд представителей Временного комитета Госдумы А.И. Гучкова и В.В. Шульгина, Николай II передумал и принял другое решение – отречься за себя и своего сына в пользу Михаила Александровича.

Вопрос отречения Николая II на тот момент публично не обсуждался и даже не поднимался. В этом смысле роковым стало выступление П.Н. Милюкова перед революционными солдатами, в котором он начал говорить об отречении «старого деспота», приведшего страну «на грань катастрофы». В ответ послышались лозунги: «Да здравствует республика! Долой династию!» «...Под напором столичных слухов и сплетен, действительно уничтожена была "мистика" царской власти, о чем в связи с проявлениями антидинастического движения не раз говорили записки органов департамента полиции. Все это облегчало республиканскую пропаганду»[168].

Родзянко просит Алексеева, ссылаясь на солдатский бунт, не публиковать манифест Николая II и не приводить войска к присяге, иначе бы манифест государя вступил в законную силу. На самом деле уже разыгрывался политический спектакль. Лидеры Февральской революции для себя решили, что им вообще не нужен царь. Они прекрасно осознавали: «Если революция закончится восстановлением старой династии, то это уже не революция, а бунт, за участие в котором при изменившейся конъюнктуре могло грозить возмездие».

Взаимодействия Михаила Александровича с М.В. Родзянко начались еще с 3 января 1917 г., когда он сам приехал к председателю Государственной думы. В разговоре Родзянко не поднимал вопроса об «ответственном министерстве», но активно продвигал мысль о назначении его председателем правительства. Возможно, им на этой встрече и была высказана идея о регентстве Великого Князя.

Думские либералы к февралю 1917 г. исходили из предположения, что в результате переворота Николай II будет отстранен от престола и власть перейдет законному наследнику цесаревичу Алексею при регентстве до его совершеннолетия Михаила Александровича. «Мягкий характер великого князя и малолетство наследника казались лучшей гарантией перехода к конституционному строю. Разговоры на эти темы, конечно, происходили в эти дни и помимо (Прогрессивного) блока»[169].

С таким планом соглашался и генералитет. Однако антимонархическое и антивоенное движения достигли такого масштаба, что произошла революция.

28 февраля революция фактически победила! Временный комитет на тот момент уже определил состав Временного правительства. Родзянко остался не у дел. Он пытался убедить общественность, считать Думу «носительницей верховной власти», чему решительно воспротивилась кадетская партия. В понимании председателя Думы монархия уже была не нужна, поэтому он теперь не поддерживал Великого Князя.

Следует сказать, что на 1 марта преобладающим мнением было все же не свержение монархии вообще, а требование отречения Николая II в пользу наследника цесаревича Алексея при регентстве Михаила Александровича, хотя Великие Князья Павел Александрович[170] и Кирилл Владимирович[171] были против этого.

Интересна их переписка в первые дни марта. Из письма Великого Князя Павла Александровича Великому Князю Кириллу Владимировичу от 2 марта 1917 года: «...Вчера вечером мне ужасно не понравилось новое течение, желающее назначить Мишу регентом. Это недопустимо и возможно, что не только интриги Брасовой. Может быть, это только сплетни, но мы должны быть начеку и всячески, всеми способами, сохранить Ники престол...»[172] Совершенно очевидно, что Романовы не только не видели Михаила в роли государя, но и даже в роли регента. Они все еще не воспринимали Михаила серьезно. Назначение его регентом означало бы ко всему прочему не просто признание брака Михаила Александровича и Наталии Сергеевны, но и введение ее в Дом Романовых, что было совершенно для них недопустимо. Эта цитата свидетельствует о том, что Романовы не только не осознавали всей опасности ситуации, но и не владели сведениями, что Николай II уже блокирован в Пскове.

Интересное замечание есть в дневниках Великого Князя Андрея Владимировича[173]: «Дума предложила государю отречься от престола в пользу Алексея Николае-

вича, а регентом – Михаил Александрович, но государь, соглашаясь на отречение, хотел установить регентство в четырех лицах, но опять по слухам, Николай Николаевич не нашел это возможным»[174]. Во всяком случае, данное высказывание свидетельствует о том, что Великими Князьями рассматривались также другие варианты по вопросу регентства.

В этой ситуации родился «манифест великих князей». Дж. Бьюкенен сообщает: «В среду, 14 (1) марта, великий князь Михаил, проживавший на частной квартире около посольства, попросил меня зайти к нему[175]. Он сказал мне, что, несмотря на случившееся в Бологом, он все-таки надеется, что император приедет в Царское Село около шести вечера и Родзянко предложит его величеству на подпись манифест о даровании конституции и полномочиях Родзянко избрать членов нового правительства. Сам он вместе с великим князем Кириллом поставили свои подписи под проектом манифеста, чтобы подкрепить позицию Родзянко»[176]. То есть даже 1 марта Михаил еще надеялся, что Николай приедет в Петроград. И план действий был разработан, но Романовы уже не управляли ситуацией в стране.

Однако «манифест великих князей» появился на свет слишком поздно, его уже никто не рассматривал. «И в ночь на 1 марта Алексеев круто меняет свое отношение к происходящей революции. Он начинает помогать ей. Он начинает исполнять то, о чем убеждали его приезжавшие к нему в Севастополь общественные деятели-заговорщики. (...) К телеграммам Родзянко о захвате власти генералы Ставки относятся спокойно. С главой революционного правительства Алексеев дружески беседует по прямому проводу»[177].

Записью от 3 марта посол Франции в России М. Палеолог сообщает, что Исполнительный комитет Думы и Совет Рабочих и Солдатских Депутатов сговорились на счет регентства Великого Князя[178]. В действительности такой договоренности с Советом рабочих и солдатских депутатов не было, а была попытка прийти к другому соглашению. Поздно вечером 1 марта во Временный ко-

митет Думы явилась делегация Совета в составе Чхеидзе, Стеклова, Суханова, Соколова, Филипповского и др. с предложением обсудить условия поддержки правительства демократическими организациями. Они принесли готовый текст этих условий, среди которых имелось требование созыва Учредительного собрания, которое установит форму правления. Однако когда договоренность была уже достигнута, появился Гучков, уезжавший с Бубликовыми блокировать железную дорогу для императора и войск, и начал возражать. Принятие решения было отложено на следующий день, но к утру 2 марта настроение делегации изменилось, и соглашение не состоялось[179]. Можно только предполагать, была ли эта ошибка французского посла вызвана неточной информацией или результатом его сознательного искажения. Во всяком случае, звучит так, что вопрос контролировался, но все пошло иначе совершенно случайно. Важно обратить внимание на то, что идея созыва Учредительного собрания, на котором будет установлена форма правления в России, бытовала уже на тот момент. На самом деле Мориса Палеолога волновал не вопрос сохранения власти у династии Романовых, а вопрос продолжения Россией войны. «Пришел французский посол Палеолог, – вспоминал Милюков, – и очень настаивал, чтобы в нашей декларации мы заявили о верности союзникам. Я ему обещал это»[180]. Получив заверение от Временного комитета Думы о продолжении войны, Палеолог уже не беспокоился за Романовых.

Ту же цель преследовал и посол Великобритании Дж. Бьюкенен[181]: «Моей единственной целью было не дать России выйти из войны»[182].

К вечеру 2 марта 1917 г. в России уже было новое Временное правительство. В него вошли люди, которых ранее предлагали в «правительство народного доверия». Официальное отречение царя должны были привести из Пскова Гучков и Шульгин. Однако государь к тому моменту решил сделать своим преемником не больного сына, «с которым не желал расстаться», а своего родного брата Михаила Александровича, что противоречило

закону о престолонаследии. Несколько дней спустя за завтраком в военном ведомстве Великий Князь Сергей Михайлович заявил, «что, конечно, все великие князья сразу поняли незаконность акта императора»[183]. Они выступали за неукоснительное соблюдение закона о престолонаследии, хотя самодержавие на тот момент не было еще отменено.

Возникает, все-таки, логичный вопрос: «Почему же Дума, соглашавшаяся на регентство Михаила Александровича, посчитала "воцарение его как императора абсолютно неприемлемо"?» Казалось бы, разница несущественная (всем было известно, что Алексей неизлечимо болен), а решение Николая II вполне разумно. Разница, на самом деле, существенная. Во-первых, передача престола Алексею Николаевичу при регентстве Михаила Александровича законна, что давало возможность политическим силам принять это решение и вселяло надежду успокоить народные волнения. Во-вторых, лидеры Прогрессивного блока считали, что больной малолетний царь и слабовольный регент позволят им в полной мере осуществлять фактическую верховную власть. И, в-третьих, такие перестановки верховной власти придавали бы Временному правительству бóльшую легитимность. Авторитет монархии на тот момент был крайне низким, а ситуация менялась буквально каждый час. И когда стало ясно, что происходит не переворот, а революция «снизу», и Романовы не имеют никакой поддержки, то и Дума стала ориентироваться уже на требования «улицы». П.Н. Милюков[184] считал: «К идее о наследовании малолетнего Алексея публика более или менее привыкла: эту идею связывали, как сказано выше, с возможностью эволюции парламентаризма при слабом Михаиле»[185]. Отсюда вытекает, что думских либералов, наоборот, привлекали «слабые» стороны личности великого князя, что позволяло бы им манипулировать регентом. Нельзя не учитывать и тот факт, что в случае принятия верховной власти Михаилом Александровичем реальная власть оказалась бы в руках честолюбивой Наталии Сергеевны, на что, естественно, согласиться никто не мог.

Депутаты Государственной думы принимают решение встретиться с великим князем. 3 марта в 9.15 началось совещание на Миллионной улице, 12. Собрались члены нового Временного правительства и депутаты Государственной думы во главе с М.В. Родзянко. Между делегатами состоялся предварительный сговор. Подавляющее большинство придерживалось мнения о необходимости отказа Михаила Александровича от верховной власти. Оппоненты вспомнили, что он никогда не интересовался государственными делами, вспомнили также интриги его супруги. В Петрограде фактически уже не было войск, которые бы поддержали монархию. Однако наиболее сильным фактором на этом совещании оказался аргумент личной безопасности, как представителей Дома Романовых, так и членов Временного правительства (опасность жизни членов Временного правительства на тот момент была преувеличена. – **Л.П.**). Наиболее активно выступали о возможной угрозе для жизни великого князя А.Ф. Керенский[186] и М.В. Родзянко. Нет сомнения, что, по их мнению, это был сильный аргумент. Если при обсуждении вопроса о верховной власти перешли к частному моменту личной безопасности, то главная проблема снималась сама собой. Можно сказать, что делегаты проверяли Михаила на готовность к риску принятия верховной власти. Милюков позднее вспоминал: «Мои противники вместо принципиальных соображений перешли к запугиванию великого князя». Он, а также приехавший позднее Гучков, считали что утрата «символа власти, привычного для масс»[187], каковым является монархия, намного опаснее. Михаил Александрович принял решение: условно отречься от престола, чтобы Временное правительство восстановило порядок в стране и довело войну с Германией до победного конца. Он испытывал иллюзии, что Романовы имеют какое-то значение, на самом же деле в тот момент ситуация уже кардинально изменилась.

«Вопрос о правах великого князя Михаила на престол все еще не был решен, и в течение всего четверга (2 марта – здесь ошибка: 2 марта – пятница) члены Временного

правительства совещались с ним по этому поводу. Только Милюков и Гучков поддерживали его права, утверждая, что кто-нибудь должен быть главой государства. <...> Наконец, великий князь, не имевший честолюбивого желания возлагать на себя бремя власти, уступил призыву Керенского и подписал манифест, в котором заявил, что примет верховную власть только по желанию народа, выраженному Учредительным собранием, избранным для окончательного определения будущей формы правления»[188]. (Вероятно, здесь речь идет о событиях 3 марта.)

Монархист В.В. Шульгин[189], видевший Михаила Александровича лишь один раз, на совещании 3 марта 1917 г., вспоминает: «Он был хрупкий, нежный, рожденный не для таких ужасных минут, но он был искренний и человечный. На нем совсем не было маски. И мне думалось: "Каким хорошим конституционным монархом он был бы..."»[190]. Но в тот момент Шульгин, считая, что Михаил не способен удержать власть, принял мнение большинства делегатов, потому что «совет принять престол обозначал в эту минуту: – На коня! На площадь! Принять престол сейчас – означало во главе верного полка броситься на социалистов и раздавить их пулеметами»[191]. «Хрупкий, нежный» образ великого князя, представленный Шульгиным, совершенно не вяжется с Михаилом Александровичем – спортсменом, прекрасным наездником, кавалеристом и Георгиевским кавалером. Здесь автор, не лишенный художественного дара, имел, вероятно, в виду, что по натуре Михаил Александрович совершенно не соответствовал той личности, которая могла бы пойти на риск и попытаться в тот момент взять реальную власть в свои руки. Здесь в нашем исследовании мы обнаружили феномен дискурса, когда соприкоснулись два лика образа Михаила Александровича: воин, герой, защитник и слабый, безвольный, «хрупкий», не имеющий собственного мнения и желания взять ответственность на себя, человек.

В.В. Шульгин писал свои мемуары в 1920-е годы, будучи в эмиграции. Его труды являются попыткой осмыслить происшедшее и оправдать свои действия в качестве

депутата Государственной думы в дни Февральской революции.

Оценку Шульгина подтверждает в своих воспоминаниях присяжный поверенный Н.Н. Иванов[192], также присутствовавший на совещании 3 марта: «Нежелание брать верховную власть, могу свидетельствовать, было основным его, так сказать, желанием. Он говорил, что никогда не хотел престола, и не готовился, и не готов к нему. Он примет власть царя, если все ему скажут, что отказом он берет на себя тяжелую ответственность, что иначе страна пойдет к гибели»[193]. На самом деле все получилось как раз наоборот. На тот момент лидеры Февральской революции считали, что они смогут справиться с управлением страной, но действительность разрушила их планы. Слова Михаила Александровича можно объяснить свойственной ему воспитанностью, тактичностью и уважением к собеседнику. Кроме того, Михаил Александрович, действительно, был не готов к роли монарха.

Михаил подписал манифест[194], согласно которому решение о государственном устройстве относится на усмотрение Учредительного собрания. Манифесты Николая II и Михаила Романова были обнародованы одновременно 4–5 марта 1917 г.

Керенский, мастер эффектных сцен, в конце совещания восторженно воскликнул «экзальтированным» голосом: «Ваше высочество, вы – благородный человек! Я теперь везде буду говорить это!»[195]

В печати имя Великого Князя Михаила Александровича упоминалось лишь в связи с передачей ему Николаем II верховной власти и последующим отказом от ее восприятия. Либеральная газета «Русское слово»[196] описала несколько облагороженную картину отречения от престола Михаила Александровича:

«Во дворце великого князя вновь состоялось совещание членов нового правительства совместно с членами исполнительного комитета...

В час дня вышел Великий Князь Михаил Александрович и обратился ... с краткой речью. Великий Князь

заявил, что у него не было бы никаких колебаний, если бы он с уверенностью знал, что полезнее для России – принятие ли им престола или отречение от него. Ему тем труднее принять определенное решение, что ему известно, что по этому вопросу и в составе временного правительства нет полного единодушия. Так как благо России является для великого князя решающим обстоятельством, и это благо, по-видимому, лучше всего обеспечивается его отречением, то он и отрекается, передавая верховное право правительству, назначенному Государственной Думой, с возложением на это правительство обязанностей созвать учредительное собрание для определения формы правления и для начертания основных законов.

Текст отречения Великого Князя Михаила Александровича составлен князем Г.Е. Львовым, В.В. Шульгиным и А.Ф. Керенским»[197].

Опять же, для придачи солидности происходящему историческому моменту газета «ошиблась», указывая авторов текста. На самом деле, его составляли В.Д. Набоков, Б.Э. Нольде и В.В. Шульгин. Другая очень важная «неточность» – акт, подписанный Великим Князем, не является отречением, а есть отложенное право. Однако его акт был сразу же определен как «отречение».

«Сегодня, как громом, нас обдало известие об отречении государя за себя и Алексея от престола в пользу Михаила Александровича, – записал в своем дневнике от 4 марта 1917 г. великий князь Андрей Владимирович. – Второе отречение – в[еликого] кн[язя] Михаила Александровича – от престола еще того ужаснее... В один день все прошлое величие России рухнуло. И рухнуло бесповоротно, но куда мы пойдем! Призыв Михаила Александровича к всеобщим выборам ужаснее всего. Что может быть создано, да еще в такое время!»[198] Андрей Владимирович считал, что Михаилом была совершена катастрофическая ошибка по отношению к монархии, и никаких выборов в военное время провести невозможно.

Экстренное приложеніе
къ № 4.
3 марта 1917 г.

ИЗВѢСТІЯ ПЕТРОГРАДСКАГО СОВѢТА
Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ.

ОТРЕЧЕНІЕ ОТЪ ПРЕСТОЛА.

Депутатъ Карауловъ явился въ Думу и сообщилъ, что государь Николай II отрекся отъ Престола въ пользу Михаила Александровича. Михаилъ Александровичъ въ свою очередь отрекся отъ Престола въ пользу народа.

Въ Думѣ происходятъ грандіознѣйшіе митинги и оваціи. Восторгъ не поддается описанію.

Тип. «Совѣта Рабоч. и Солдатск. Депутатовъ». Сайкинъ, 6.

Отречение от престола. «Известия Петроградского Совета Рабочих и Солдатских Депутатов». Экстренное приложение к № 4. 3 марта 1917 г.

Чрезвычайно важны отзывы о Михаиле Александровиче упоминаемого посла Франции в России Мориса Палеолога[199], потому что раскрывают преобладающее общественное мнение, а также и взгляд представителя союзников на Великого Князя как возможного императора. Его мнение основывалось на высказываниях посетителей петроградских салонов, представителей политической и военной элиты, с кем ему приходилось встречаться. Сам же он ни с Михаилом, ни с Наталией лично знаком не был. Симптоматично, что речь о великом князе он начинает с сообщения о Наталии Сергеевне. «Она немедленно стала его любовницей, всецело завладев им; с тех пор он стал послушным орудием ее замыслов». «Г-жа Вульферт, – продолжает Палеолог, – особа интеллигентная, ловкая и энергичная, повела дело необычайно искусно. Прежде всего, она развелась с Вульфертом. Потом родила. Тогда великий князь объявил о своем решении вступить с ней в брак, несмотря на крайнее недовольство государя». – «Извещенный об этом браке, Николай страшно прогневался. Он издал торжественный манифест, лишавший своего брата права условного регентства, которое он ему даровал по случаю рождения наследника. Кроме того, он учредил над ними, по сенатскому указу, опеку, как это делается над несовершеннолетними или слабоумными»[200]. Такова, вероятно, и была оценка светского общества. Своим морганатическим браком Михаил не только вычеркнул себя из наиболее вероятного претендента на регентство, но и пытался ввести своим браком в круг аристократической элиты «такую хитрую бестию», которую Романовы в абсолютном большинстве своем принять не могли. Кроме того, наложенная государем опека поставила Михаила Александровича в ряд психически ненормальных людей, причем, находящегося в полной зависимости от своей супруги. Человек с такой репутацией, безусловно, не мог рассматриваться как претендент ни на регента, ни на престол. Н.С. Брасова представляется более активной личностью в политическом и общественном плане, чем великий князь. Не исключено, что идея отстранения от

власти Николая II и передача престола Алексею при регентстве Михаила Александровича разрабатывалась с ее участием.

«После объявления войны, – продолжает М. Палеолог, – им было дозволено вернуться в Россию. Великий князь был назначен командиром казачьей бригады». Михаил «проявил боевое мужество» на фронте, подтверждает французский посол, «но его слабое здоровье скоро расстроилось и ему пришлось оставить полевую службу, и получить какие-то неопределенные обязанности по инспекторской части, он жил то в Гатчине, то в Петрограде»[201]. Фактические неточности в повествовании М. Палеолога означают, что великий князь, действительно, командовал иррегулярным соединением, которое не играло на фронте решающей роли. Подводя итог, Морис Палеолог так охарактеризовал великого князя: «Михаил был человек в высшей степени слабый в смысле воли и ума. Но в то же время он был сама доброта и скромность, и очень привязчив»[202]. Подобная характеристика, конечно, не допускала рассмотрения варианта передачи такому человеку верховной власти. В этой связи, можно предположить, что одной из причин невозможности восприятия верховной власти Михаилом Александровичем стало отсутствие его поддержки и со стороны союзников.

Генерал-майор А.Е. Снесарев[203] к 1917 г. относился, как и великий князь, ко второму звену генералитета русской армии. Более того, они оба служили не только на одном Юго-Западном фронте, но и в одной, 8-й армии, неоднократно взаимодействовали в военных операциях. В дневниках А.Е. Снесарева Михаил упоминается лишь один раз. Это объясняется тем, что он вел свои дневники лишь с 1916 года. 15 марта 1917 г. Снесарев выразил отношение армии к революции и сочувствие Михаилу Александровичу: «От женки вчера получил славное письмо от 7 марта – бодрое и прочное. Мои мальчики ведут себя с достоинством: старший не хочет ни за что надевать красного банта, младший негодует, что вынесли портрет Государя... Словом, ведут себя благороднее и

строже, чем Рузский, Брусилов, Воейков и большинство вел[иких] князей...»[204] Этот отзыв демонстрирует, что в армии были люди, которые поддерживали великого князя.

Вождь пролетарской революции В.И. Ленин всю ответственность за судьбу России до 1917 г. возлагает на династию Романовых и совершенно не приемлет какие-либо формы их участия в дальнейшем управлении страной. «Обещая свободы, новое правительство (Временное. – **Л.П.**) на деле повело переговоры с царской семьей, с династией, о восстановлении монархии, – пишет В. Ленин. – Оно предложило Михаилу Романову стать регентом, т.е. временным царем. Монархия была бы уже восстановлена в России, если бы Гучковым и Милюковым не помешали рабочие. ... Союзник Гучковых-Милюковых, Михаил Романов, догадался, что при таком положении дела благоразумнее отказаться, пока его не выберет на трон Учредительное собрание, и Россия осталась временно республикой»[205]. Михаил Романов, как личность, Ленина совершенно не интересует. Он рассматривает его с классовых позиций только как возможного регента малолетнего Алексея и претендента на трон.

После Февральской революции Михаил Александрович неприметно жил в Гатчине, однако внимательно следил за событиями в стране, в правительстве и на фронте. 31 марта 1917 г. он был уволен с военной службы в отставку.

21 августа М. Романову вручили приказ, подписанный управляющим Военным министерством Б. Савинковым[206], о домашнем аресте «как лица, деятельность которого представляется особо угрожающей обороне Государства, внутренней безопасности и завоеванной Революцией Свободе...»[207] В действительности арест был связан с корниловским мятежом. Однако 24 августа на письмо Керенскому был получен ответ: что «... Временное правительство не сомневается в лояльности (Михаила Александровича. – **Л.П.**) ...» На запрос об отъезде за границу, сообщалось, что «в настоящее время это со-

вершенно невозможно»[208]. Получается, что с просьбой о разрешении выехать за границу великий князь все же обращался.

Стресс, вызванный арестом, привел к очередному сильному обострению язвы желудка.

13 сентября арест с Михаила Романова был снят.

С 1 сентября 1917 г. в России была введена республиканская форма государственного правления. «Не все ли равно, какая будет форма правления, лишь был бы порядок и справедливость в стране»[209], — записал в своем дневнике Великий Князь. Он все еще оставался в своих иллюзиях. Идея созыва Учредительного собрания, вроде бы, потеряла актуальность, но в действительности решение Временного правительства не было легитимно. А Михаил Александрович не отказывался от трона вообще, а лишь отложил решение вопроса, поэтому гипотетически возможность возвращения Романовых в большую политику, прежде всего в лице Михаила Александровича, сохранялась.

После Февральской революции в печатных средствах массовой информации периодически начинают появляться ложные сведения о якобы участии Михаила Александровича в контрреволюционной деятельности, что могло бы стать впоследствии основанием для ограничения его свободы и репрессий.

Так из сводки донесений старшего милиционера от 29 октября 1917 г. в Петроградский ВРК: *«В Гатчине мы стояли около пяти часов, вчера вечером там я от известного в Латышском корпусе Альмана-Бридица узнал, что Керенский вместе с Корниловым и Михаилом Александровичем находятся в Гатчине и штаб ихний помещается в Гатчинском замке. Действуют они совместно. Город Гатчина объявлен на военном положении, и там же учрежден революционный суд. Всякие сборища свыше 3 человек воспрещены. В распоряжении Керенского находится одна казачья дикая дивизия и гатчинские юнкера...»*[210]

В сентябре и октябре 1917 г. Михаил Александрович был, действительно, почти безвыездно в Гатчине и проживал в собственном доме на ул. Николаевской, 24.

Однако целый месяц (сентябрь) он был болен в связи с обострением язвы желудка. 27 октября в Гатчину прибыли казачьи части под командованием генерала П.Н. Краснова[211] (а не Корнилова), его штаб, действительно, размещался в Гатчинском дворце. В Гатчину приехал и бежавший из Петрограда А.Ф. Керенский. Однако в их распоряжении была не дивизия, а всего 700 казаков. Удержать им Гатчину и Царское Село не удалось. Свидетельств об участии Михаила Александровича в этом эпизоде нет. Хотя возможно, они и встречались в эти дни, так как хорошо друг друга знали. Да и Великий Князь не мог ничем помочь.

24–26 октября 1917 г. в России произошел большевистский переворот. Временное правительство было свергнуто. Романовы оказались запертыми во враждебно настроенной к ним собственной стране. Принимая во внимание ту активность, мощь и агрессию, с которой вышло на политическую арену левое крыло российской социал-демократии в 1917 г., и отсутствие на тот момент какой-либо существенной социальной поддержки у монархии, можно сказать, что Романовы были обречены.

В феврале 1918 г. в связи с германским наступлением на Петроград Совнарком принимает решение о высылке М.А. Романова в Пермскую губернию. Место ссылки было выбрано не случайно, здесь у Я.М. Свердлова еще с 1905 г. было много верных и надежных товарищей по революционной борьбе.

Михаил Романов прибыл в Пермь 17 марта. Большевистская власть на месте рассматривала появление великого князя с непримиримых революционных и классовых позиций. В расписке горисполкома Пермского Совдепа о доставке ссыльных из Петрограда в Пермь Романов именуется как «арестант», как «бывший великий князь». В этой связи не удивительно, что постановлением Пермского губисполкома от того же 17 марта 1918 г. арестант Романов заключается в тюремную больницу (он, действительно, себя очень плохо чувствовал. – **Л.П.**), а остальные лица, его сопровождавшие, в тюрьму на общий режим. Лишь обращения в самые высокие ин-

Последняя фотография. Михаил Александрович с секретарем Н. Джонсоном (П. Знамеровским?). Пермь, 9 апреля 1918 г.

станции новой власти позволили им 9 апреля выйти из заключения на «свободное проживание». Однако ссыльным предписывался гласный надзор сначала в милиции, а с 20 мая – в Пермской губернской ЧК.

Идеологом и организатором операции по уничтожению М.А. Романова считается мотовилихинский рабочий Гавриил Ильич Мясников[212]. Более того, всю ответственность за злодеяние он совершенно сознательно взял на себя, хотя непосредственно в расстреле не участвовал.

Узнав, что ссыльный М. Романов находится в Перми, Мясников сразу говорит об опасности делу революции: «Михаил II может стать знаменем, программой для всех контрреволюционных сил. Его имя сплотит все силы, мобилизует эти силы, подчиняя своему авторитету всех генералов, соперничающих между собой. Фирма Михаила II с его отказом от власти до Учредительного собрания очень удобна как для внутренней, так и для внешней контрреволюции»[213].

Наблюдаются абсолютно противоположные оценки: если высшая аристократия считала, что Михаил, как слабый человек «в смысле воли и ума», не может рассматриваться в качестве претендента на престол, то революционеры видели в нем возможного вождя контрреволюции.

«Ведь что такое Михаил? – продолжал размышлять Г. Мясников. – Очень глупый субъект. Одеть его в блузу рабочего, запретить называться Михаилом Романовым, заставить работать, ну, хотя бы молотобойцем, и он будет выглядеть не очень развитым, недалеким рабочим. А вот, поди, же ты! Получилась такая расстановка борющихся сил, что этого недалекого человека выдвигают на роль вершителя судеб величайшей страны, и из него может получиться впоследствии некое божеское воплощение на земле»[214]. По иронии судьбы именно сам Ганька Мясников (правда, случайно) первым назвал Михаила Александровича «иконой», «божеским воплощением».

Удивительно, но мнение о Михаиле как «глупом» человеке у революционера Мясникова совпадает с мнением посла Французской республики М. Палеологом. Хотя ни тот, ни другой не были с ним лично знакомы. Ими рассматривался некий смысловой образ Великого Князя: у одного сложившийся на основании слухов и сплетен, у другого – из идеологической непримиримости к классовым врагам и революционных ценностей. Мясников в своих рассуждениях низводит личность Великого Князя до уровня вредного насекомого, паразита, которого не просто желательно уничтожить – его необходимо уничтожить.

«...А пристрели столько, сколько пристрелили провокаторов, из членов Дома Романовых, – решительно утверждает Ганька, – толк будет, и большой: уничтожение икон, которым молятся и служат эти провокаторы и жандармы ..., надо проветрить комнату от 300-летней нечисти, надо перебить всех клопов, вшей, блох и прочих паразитов, но надо бить не щадя ни одного из этих паразитов, и чем жирнее он, чем знатнее, тем скорее кончать с ним»[215]. Это звучит как жестокий приговор. Низведя Романовых до враждебного «ничтожества», вопрос об уничтожении решался сам собою. (В нашем исследовании пример жандарма, который «молится» на Романовых, – это А.И. Спиридович).

И вот в печати появилась информация о похищении Михаила Романова: «В ночь с 12 на 13 июня в начале

первого часа по новому времени в Королевские номера, где проживал Михаил Романов, явилось трое неизвестных в солдатской форме, вооруженных. Они прошли в помещение, занимаемое Романовым... Его и Джонсона силой увели, посадили в закрытый фаэтон и увезли по Торговой (ныне Советской. – **Л.П.**) улице по направлению к Обвинской (ныне улица 25 Октября. – **Л.П.**).

Вызванные по телефону члены Чрезвычайного Комитета прибыли в номера через несколько минут после похищения. Немедленно было отдано распоряжение о задержании Романова, по всем трактам разосланы конные отряды милиции, но никаких следов обнаружить не удалось. <...>»[216]. По этому происшествию Пермской ЧК было возбуждено следствие. Кстати, сообщение о побеге Великого Князя никого не удивило.

Г. Мясников своей фейковой версией о похищении Михаила Романова заложил основу легенды о чудесном спасении Великого Князя. Факт убийства первые годы тщательно скрывался. В этой связи появляются сфабрикованные сообщения о деятельности Михаила Романова после «побега». Дезинформация такого содержания имела хождение не только внутри страны, но и за рубежом. Слухам о судьбе Михаила II посвящена телеграмма американского посла в Стокгольме А. Морриса госсекретарю Р. Лансингу от 29 июня 1918 г.:

«Я хочу обратить Ваше внимание на движение чехословаков, которое... быстро усиливается, распространяясь на Западную и Южную Сибирь, включая индустриальные районы Урала. (...) Привожу письмо, врученное мне помощником военного атташе в Стокгольме лейтенантом Л. Стинесом. В письме, адресованном в Выборг и датированном 12 июня, сказано: "Продолжается течение в пользу брата бывшего царя Михаила Александровича, которого прочат в новые монархи и который, якобы, отправился в настоящее время к чехословакам, действующим между Самарой и Омском". Эти войска ведут операции в контакте с Семеновым и Дутовым, ставя своей целью организацию правительства, которое смогут поддержать союзники...»[217]

Примечательно, что фальшивка датирована (возможно,

задним числом) как раз днем тайного убийства Михаила Александровича и Джонсона.

Из хроники белогвардейской газеты «Свободный путь»[218] от 2 июля 1918 г.

Москва. 21 июня. «Нашей Родине» сообщают из Вятки: «Здесь распространились слухи, что Михаил Романов находится в Омске, и принял главенство сибирскими повстанцами. Им якобы издан манифест к народу с призывом к свержению Советской власти и обещанием созвать Земские соборы для решения вопроса, какая власть необходима России»[219].

Телеграмма РОСТА[220] по прямому проводу из Москвы в Киев от 20 сентября 1918 г. о задержании Михаила Романова и его секретаря Н.Н. Джонсона:

«Пермь. 18 сентября. В 10 верстах от Чусовского завода агентом Пермского губчрезкома задержаны Михаил Романов и его секретарь. Они препровождены в Пермь»[221].

Выписка из белогвардейской газеты «Современная Пермь» от 26 мая 1919 г.

Во время пребывания Михаила Александровича в Перми, пор[учик] Соссионкин (реально существовавшее лицо — Л.П.) находился все время около князя, исполняя обязанности осведомителя Мих[аила] Алекс[андровича] о событиях в России и за границей. Они виделись каждый день, вплоть до того времени, когда летом прошлого 1918 г., в июне месяце, через несколько дней после симуляции с арестом князя Мих[аила] Алекс[андровича], со своим секретарем Джонсоном и матросом сели в моторную лодку и благополучно отбыли вверх по Каме, имея у себя строго обдуманный план дальнейших действий. Им удалось благополучно добраться до Иркутска, откуда пор[учик] Соссионкин и получил последнее извещение от князя. Дальнейшее пребывание Мих[аила] Алекс[андровича] неизвестно[222].

В настоящее время нет возможности установить истинные источники происхождения той или иной дезинформации. Анализируя подобные фальшивки, можно сказать, что сначала (в 1917 г.) проводилась мысль, что Михаил Романов занимается контрреволюционной деятельностью и, как вывод, согласно революционной це-

лесообразности должен быть уничтожен. В 1918–1919 гг. внедрялась легенда о его чудесном спасении с целью сокрытия факта его расстрела и обоснования расстрела заложников. Интересно, что эта легенда была подхвачена и белогвардейскими газетами, вероятно, для поднятия морального духа. У многих жила надежда, что герой Великой войны вновь проявит себя как освободитель страны от большевизма.

Итак, в судьбоносный момент для российской монархии Великий Князь Михаил Александрович совершенно неожиданно для всех, в том числе и для самого себя, оказался держателем верховной власти. В дни Февральской революции Михаил, как личность, никем не анализировался, а воспринимался как сформировавшаяся знаковая фигура: Великий Князь, вероятный регент малолетнего императора, первый претендент на царский престол, которому 2 марта 1917 г. Николай II передал власть. Разные политические силы, естественно, по-разному восприняли это событие. На самом деле, Михаил Александрович не имел желания и не имел возможности возглавить империю. Однако если бы в тот момент ему была оказана необходимая поддержка, то катастрофу монархии можно было бы избежать, и страна пошла бы без особых потрясений по либеральному пути конституционных реформ. Но в дни революции его роль определялась уже не манифестом отрекшегося императора, а позициями тех политических и военных деятелей, которые могли как-то влиять на ход истории. Общественное мнение о Великом Князе было таково, что практически никто в критический момент не увидел в нем возможного партнера и лидера, а потому никто ему и не оказал поддержку. В придворных кругах и среди Романовых его считали несерьезным, слабовольным и находящимся под сильным влиянием супруги, «известной своими политическими интригами», то есть совершенно не подходящим не только для роли монарха, но даже и для роли регента несовершеннолетнему цесаревичу Алексею.

Думские же либералы, решившись на переворот, видели в лице Михаила Александровича регента, что соответство-

вало закону о престолонаследии, кроме того, он разделял многие их инициативы. «Слабый» регент, по их мнению, и больной малолетний император позволили бы им провести конституционные реформы. Однако эта поддержка оказывалась ими до тех пор, пока Романовы держали власть в своих руках. Решение Николая II о передаче престола непосредственно Михаилу противоречило их планам и, в этой связи, не было принято. Михаил Александрович выполнил все требования думской политической оппозиции, но монархия на тот момент фактически уже была свергнута. Михаил им теперь был не нужен. В критический момент истории он психологически не был готов взять верховную власть и не имел возможности сформировать правительство. На совещании 3 марта 1917 г. им ловко манипулировали: заявление о неспособности им принять верховную власть, и отказ от нее было оглашено непосредственно самим Михаилом Александровичем.

Участники совещания оставили о нем такие характеристики: «он был хрупкий, нежный, рожденный не для таких ужасных минут, но он был искренний и человечный», «благородный человек», мог бы быть «хорошим конституционным монархом».

Мнение союзников совершенно четко выразил французский посол М. Палеолог: «Михаил был человек в высшей степени слабый в смысле воли и ума».

Однако отзывы о Михаиле Романове последнего периода его жизни имеют еще более контрастный характер. Уже в августе 1917 г. Временное правительство рассматривало его как лицо, деятельность которого «представляется особо угрожающей обороне Государства, внутренней безопасности и завоеванной Революцией Свободе», поэтому он был определен под домашний арест.

Большевистская власть рассматривала «бывшего великого князя» как «союзника Гучковых-Милюковых», как «калифа на час» («временного царя»), как «очень глупого субъекта», как «нечисть» и в то же время признавала, что для некоторой части населения Михаил – это «икона», «божеское воплощение». По ее мнению, он мог возглавить контрреволюцию. В этой связи, согласно логике революционного

развития, Романовы, как непримиримые классовые враги, должны были быть физически уничтожены. Михаил Александрович был «положен на алтарь революции» и стал первой жертвой большевистского террора в отношении царствовавшего Дома Романовых.

Достоверно место гибели и захоронения великого князя не известно, останки не найдены и по сей день.

[1] Михаил Александрович, Великий Князь,родился 22 ноября 1878 г. в семье цесаревича Александра Александровича (будущего императора Александра III) и великой княгини Марии Федоровны (датской принцессы Марии-Софии-Фредерики Дагмар) в Аничковом дворце Санкт-Петербурга. Он был пятым, предпоследним ребенком у родителей. (Второй сын, Александр Александрович, умер в младенчестве.) Различия в возрасте между Михаилом и его здравствовавшими старшими братьями Николаем и Георгием составляли соответственно 10 и 7 лет, что было достаточно для разделения детей на старших и «маленьких». У Михаила не было общего детства с братьями, поэтому он больше общался с сестрами Ксенией, которая была старше его на 3 года, и Ольгой, младше его на 3 $^1/_2$ года.

[2] Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. Пер. с франц. – М., Касталь. 1996.– С. 71.

[3] Все даты до 1918 г. указаны по юлианскому календарю, а с 26 января 1918 г. – по григорианскому.

[4] В узком семейном кругу Марию Федоровну, супругу Александра Александровича, звали Мини.

[5] ГА РФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 307. Л. 181–182.

[6] Цит. по: Чавчавадзе Д.П. Михаил и Наталья. / Князь Давид Чавчавадзе. Пер. с англ. Г. Авдониной // Романовы. Подвиг во имя любви. / Сост. В.П. Долматов, Л.А. Лыкова. – М.: «Достоинство», 2010. С. 111–126.

«Floppy» от английского глагола «flop» – плюхаться, шлепаться. Д. Чавчавадзе сообщает, что Михаила так звали «из-за его худого угловатого тела и привычки разваливаться на стуле в самой расслабленной манере».

[7] Ольга Александровна (1882–1960) – Великая Княгиня, дочь императора Александра III и Марии Федоровны, младшая сестра императора Николая II и Великого Князя Михаила Александровича. В годы Первой мировой войны работала сестрой милосердия в военных госпиталях. В 1917 г. жила в Крыму. В феврале 1919 г. с семьей эмигрировала из России. Жила в Дании. В годы Второй мировой войны оказывала моральную поддержку русским эмигрантам, сражавшимся в рядах вермахта. В 1948 г. уехала в Канаду. Умерла в Торонто.

[8] Хрусталев В.М. Великий Князь Михаил Александрович./В.М. Хрусталев. – М.:, «Вече», 2008. – С. 62.

[9] Ксения Александровна (1875–1960) – Великая Княгиня, дочь императора Александра III и Марии Федоровны, сестра императора Николая II и Великого Князя Михаила Александровича. Она была четвертым ребенком (один сын умер в младенчестве) и старшей дочерью в семье. Детство и юность, как и всех детей Александра III, прошли в Гатчине. Она очень походила на свою мать и была

ее любимицей. Первой и единственной любовью Ксении стал Великий Князь Александр Михайлович (Сандро), приходившийся ей двоюродным дядей. В 1894 г. состоялась свадьба. У них родились одна дочь и шестеро сыновей. Однако ее супружеская жизнь не сложилась, так как у мужа появились новые увлечения. На развод она не согласилась. Во время Первой мировой войны Ксения Александровна вела активную деятельность в сфере милосердия: имела собственный санитарный поезд, с командой которого неоднократно выезжала на места боевых действий, в Петрограде создала и возглавила госпиталь для раненых. В 1919 г. вместе с матерью и родственниками эмигрировала сначала в Данию, а после смерти матери переселилась в Англию. Скончалась в 1960 г. Согласно предсмертной воле, погребена на юге Франции рядом с могилой мужа.

[10] ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1274. Л. 248.

[11] Цит. по: Хрусталев В.М. Указ. соч. – С. 63.

[12] Тесть А.А. Мордвинова К. Хисе.

[13] Средний сын Александра Александровича Георгий Александрович.

[14] ГА РФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 919. Л. 103–104 об.

[15] Георгий (Георг, 1869–1957) – принц Греческий и Датский из Дома Глюксбургов, второй сын короля Греции Георга I и Великой Княгини Ольги Константиновны. Кузен императора Николая II, с которым был очень дружен и с которым в юности совершил большое морское путешествие. Прошел курс обучения во флоте Дании и России, активно участвовал в организации Олимпийских игр в Афинах в 1896 г. В 1898–1906 гг. был правителем Критского государства. Выступив против греческого политика Элефтериоса Венизелоса и его идеи присоединения Крита к Греции, потерпел неудачу и вынужден был покинуть свой пост. Оставив политику, Георг уехал во Францию, где женился в 1907 г. на принцессе Марии Бонапарт. Проживая в Париже, Георг до конца своей жизни исполнял обязанности посла Греции.

[16] См.: Витте С.Ю. Избранные воспоминания, 1849-1911. М., 1991. – С. 282–283.

[17] Витте, Сергей Юльевич (1849–1915) – граф (1905 г.), российский государственный деятель. 15 февраля 1892 г. Витте занял пост управляющего Министерства путей сообщения, а 30 августа 1892 г. был назначен управляющим Министерства финансов. В 1903 г. стал председателем Комитета министров. Витте возглавлял русскую делегацию на переговорах с Японией в Портсмуте (США) по итогам русско-японской войны (1904–1905 гг.). Николай II поручил Витте подготовить проект Манифеста о даровании населению политических свобод (подписан царем 17 октября). В 1905 г. Витте первым в истории России занял пост председателя Совета министров. В апреле 1906 г. он ушел в отставку из-за разногласий в правительстве.

[18] Витте С.Ю. Указ. соч. – Там же.

[19] Христиан IX (1818–1906) – король Дании (1863-1906) из династии Глюксбургов, окончил Боннский университет, воинское звание – генерал. Христиан находился в тесных родственных связях со многими королевскими домами Европы. Он приходится отцом двух королей – своего преемника Фредерика VIII и короля Греции Георга I, британской королевы Александры, жены Эдуарда VII, и российской императрицы Марии Федоровны, жены Александра III. Таким образом, Христиан IX приходился дедом Николая II и его родного брата Великого Князя Михаила Александровича.

[20] Витте С.Ю. Указ.соч.– С. 383.

[21] В историографии прочно утвердился образ Александра III как политика-консерватора. Представители консервативного лагеря отмечали его мирную внешнюю политику, расположение к православной церкви, уверенность в непреходящем значении для России самодержавия, покровительство отечествен-

ной исторической науке. Либералы же говорили о несостоятельности политики «народного самодержавия». Биографы обращали внимание на такие качества императора, как твердость, неуступчивость, прямолинейность убеждений, простоту и обходительность в частной жизни. Советские историки смещали акцент на недостатки личности Александра III: «невежество», «архаичность», «узость мышления», «тупость», «упрямство», «примитивизм ума», но при этом не отказывали ему в здравом смысле. Обладая царственным обликом, российский самодержец не скрывал своего предпочтения жизни частного человека и пытался совместить ее с государственной деятельностью. Разделяя и утверждая семейные ценности, он большое внимание уделял своим детям. Многие из этих черт характера достались в наследство его сыну Михаилу. См.: Барыкина И. Е. Внутренняя политика и личность императора Александра III: источники и историография // Вестник РХГА. 2013. № 4. – С. 226–236.

[22] Например, см.: ГАРФ. Ф. 668. Оп. 1. Д. 4. – Дневник Михаила Александровича за 1892 г., когда ему было 13 лет.

[23] Данилович, Григорий Григорьевич (1825-1906) из дворянского рода Даниловичей Черниговской губ., окончил Полоцкий кадетский корпус. В 1845 г. поступил в Михайловскую артиллерийскую академию и окончил по второму разряду. 1848–1854 гг. – учитель в Дворянском полку и помощник начальника отделения штаба военно-учебных заведений; 1854–1863 гг. – инспектор классов; 1863–1866 гг. – директор 2-го кадетского корпуса. В 1866 г. Данилович получил звание генерал-майора. 1866–1877 гг. – директор 2-й Петербургской военной гимназии. С апреля 1877 г. – член Главного военно-учебного комитета, 1 января 1878 г. произведен в генерал-лейтенанты. С февраля 1881г. и по октябрь 1894 г. он служил воспитателем Великих Князей Николая, Георгия и Михаила Александровичей. В 1881 г. ему присвоено звание генерал-адъютанта, в 1892 произведен в генералы от инфантерии, в 1895 г. удостоен звания генерала, состоящего при особе его величества.

[24] Цит. по: Хрусталёв В.М. Указ. соч. – С. 88.

[25] Витте С.Ю. Указ. соч. – С. 389.

[26] Платонов, Сергей Федорович (1860–1933), выдающийся русский историк и педагог. Родился в семье коренных москвичей, заведующего Черниговской губернской типографией Ф.П. Платонова. В 1869 г. семья переехала в Санкт-Петербург. Учился в частной гимназии, в 1878 г. поступил в Петербургский университет на историко-филологический факультет. Под впечатлением лекций профессора К.Н. Бестужева-Рюмина увлекся русской историей. В 1888 г. он опубликовал и успешно защитил диссертацию на степень магистра русской истории, что позволило ему через год занять должность приват-доцента, а в 1890 г. – профессора по кафедре русской истории Петербургского университета. В 1895–1902 гг. был приглашен в качестве преподавателя русской истории к Великим Князьям Михаилу Александровичу, Дмитрию Павловичу, Андрею Владимировичу и Великой Княжне Ольге Александровне. В 1899 г. защитил докторскую диссертацию. С 1900 по 1905 год – декан историко-филологического факультета Санкт-Петербургского университета. В связи с 30-летием преподавательской деятельности (1912) Платонов был утвержден в звании заслуженного ординарного профессора, после чего в январе 1913 г. перешел на ставку сверхштатного профессора. К Октябрьской революции отнесся отрицательно, но уже в 1918 г. включился в работу по спасению петроградских архивов и библиотек. В 1920 г. Общим собранием Российской академии наук был избран ее действительным членом, в 1922 г. возглавил Постоянную историческую комиссию Академии. В 1925 г. стал директором Пушкинского Дома, а затем директором Библиотеки АН СССР. В 1929 г. Платонов на сессии АН СССР был избран академиком-секретарем Отделения гуманитарных наук и членом Президиума АН. Однако в ночь на 13 января 1930 г. был

арестован по обвинению в создании подпольной монархической организации. Постановлением Коллегии ОГПУ от 8 августа 1931 года Платонов был приговорен к 3 годам административной ссылки в Самару, где в 1933 г. и умер. 20 июля 1967 г. Платонов был полностью реабилитирован определением Военной коллегии Верховного Суда СССР.

[27] Цит. по: Мельгунов С.П. Мартовские дни 1917 года. Париж, 1961. – С. 229.

[28] Вильгельм II Гогенцоллерн (Фридрих Вильгельм Виктор Альберт Прусский, 1859–1941), последний германский император и король Прусский (1888–1918), сын принца и впоследствии императора Германии Фридриха Прусского и Виктории Великобританской. Приходился двоюродным братом британскому королю Георгу V, а также российской императрице Александре Федоровне. При родах получил тяжелую травму левой руки и искривление шеи. Эти недуги, с которыми он боролся всю жизнь, повлияли на его психику и характер. Царствование Вильгельма было ознаменовано усилением Германии как мировой державы, развязыванием и поражением Германии в Первой мировой войне, что привело к свержению монархии. В 1869 г. Вильгельм получил чин лейтенанта, в 1879 г. – окончил Боннский университет, в 1880 г. стал капитаном. В 1881 г. он женился на Августе Виктории, дочери герцога Шлезвиг-Голштейнского. В 1885 г. Вильгельм стал полковником гусарского полка, а еще через три года был произведен в бригадного генерал-майора. В 1886 г. он совершил свою первую поездку в Россию, в ходе которой будущему императору Николаю II вручил орден Черного орла. На престол Вильгельм вступил 15 июня 1888 г. в возрасте 29 лет. Молодой кайзер начал активную внешнюю политику и особо озаботился о повышении боеспособности армии. При нем укрепился Тройственный союз (Германия, Италия, Австро-Венгрия), к таможенному союзу были привлечены Швейцария и Бельгия. Растущие противоречия между европейскими державами привели в 1914 г. к мировой войне. Поражение в войне и революция в Германии вынудили Вильгельма II покинуть страну, отречься от обоих престолов и поселиться в Нидерландах. Согласно Версальскому мирному договору (1919) Вильгельм был объявлен военным преступником и главным виновником мировой войны, но правительство Нидерландов выдать его отказалось.

[29] Переписка Вильгельма II с Николаем II. 1894–1914гг. – М. – Пг., 1923. – С. 37.

[30] Виктория (Alexandrina Victoria, 1819–1901) – королева Великобритании и Ирландии (1837–1901), императрица Индии (1876–1901). При крещении она была названа Александриной в честь одного из ее крестных, российского императора Александра I, и Викторией в честь матери. Она унаследовала престол в 18 лет. К этому времени Соединенное королевство представляло собой уже сложившуюся конституционную монархию, однако королева Виктория оказывала влияние на правительство. В 1840 г. она вышла замуж за Альберта Саксен-Кобург-Готского. Браки их девяти детей с представителями королевских и знатных семей укрепили связи между династиями Европы и принесли Виктории прозвище «Бабушка Европы». Так, в частности, российская императрица Александра Федоровна приходится внучкой, а германский император Вильгельм II внуком королевы Виктории. В 1877–1878 гг. она оказывала давление на свое правительство, чтобы оно действовало против России в Русско-турецкой войне, но ее угрозы не повлияли на ход событий. В правление Виктории продолжился постепенный переход формы государственного управления к современной системе конституционной монархии. Младший сын Виктории Леопольд был болен гемофилией и две из ее пяти дочерей, Алиса и Беатриса, были носителями болезни. Среди потомков Виктории, страдавших от гемофилии, были ее

правнуки – российский цесаревич Алексей, принц Астурийский Альфонсо и испанский инфант Гонсало.

[31] Цит. по: Кроуфорд Р. Михаил и Наталья. Жизнь и любовь / Розмари Кроуфорд, Дональд Кроуфорд. – М.: Захаров, 2008. – С. 8.

[32] Николай (1872–1938) – принц Греческий и Датский из дома Глюксбургов, третий сын короля Греции Георга I, женат на великой княжне Елене Владимировне. Вместе с братьями он участвовал в организации Олимпийских игр в 1896 г. в Афинах, был талантливым художником. С 1900 г. числился в списках Невского императорского полка. В 1917 г. в связи с отречением короля Константина I Николай уехал в Швейцарию, а затем во Францию, где давал уроки рисунка и живописи. За два года до смерти вернулся в Афины.

[33] Цит. по: Кроуфорд Р. Михаил и Наталья. Жизнь и любовь / Розмари Кроуфорд, Дональд Кроуфорд. – М.: Захаров, 2008. – С. 8.

[34] Гавриил Константинович (1887–1955) – князь императорской крови, второй сын великого князя Константина Константиновича и Елизаветы Маврикиевны. В возрасте 3-х лет переболел брюшным тифом. В 1900 г. был зачислен в Первый Московский Кадетский корпус, затем учился в Николаевском кавалерийском училище. В 1908 г. принял присягу как флигель-адъютант. В 1910 г. получил воспаление легких, лечился в Швейцарии. Будучи в отпуске по болезни, окончил Александровский лицей. С осени 1913 г. возобновил военную службу. С началом Великой войны вместе с братьями ушел на фронт, но после гибели брата Олега был отозван в Петроград. Осенью 1916 г. поступил в Академию Генерального штаба, в возрасте 29 лет дослужился до полковника. После Февральской революции был уволен со службы. Несмотря на заболевание туберкулезом, после Октябрьского переворота был арестован. По ходатайству А.М. Горького был освобожден и получил разрешение на выезд в Финляндию. Через Финляндию он с женой добрался до Франции, с 1920 обосновались в Париже. Умер 28 февраля 1955 г., похоронен на кладбище Сент-Женевьев-де-Буа.

[35] Великий Князь Гавриил Константинович. В Мраморном дворце // Великий Князь Гавриил Константинович – М.: Вече, 2017. – С. 62.

[36] Георгий Александрович (1871–1899) – Великий Князь, наследник цесаревич (1894–1899), третий сын Александра III и Марии Федоровны, брат Николая II и Михаила Александровича. У братьев были одни преподаватели. Георгию прочили карьеру на флоте, пока он не заболел туберкулезом. Георгий Александрович вынужден был жить на Кавказе, где 28 июня 1899 г. скоропостижно скончался.

[37] Второй сын Александр Александрович умер в младенчестве.

[38] Чавчавадзе, Давид Павлович (1924–2014) – потомок известного грузинского дворянского рода и российской императорской семьи. (По материнской линии – праправнук (через вел. кн. Михаила Николаевича) и одновременно прапраправнук (через королеву Греции Ольгу Константиновну) Николая I. Родился в Лондоне, в 1927 г. семья переехала в США. С 1943 – служба в армии США, во время Второй мировой войны служил в войсках связи ВВС США по ленд-лизу в СССР. Окончил Йельский университет. Более двух десятилетий – офицер ЦРУ в отделе Советского Союза. С выходом на пенсию (1974) изучал историю дворянства царской России, автор нескольких трудов и переводов.

[39] Фредерикс, Владимир Борисович (Адольф Андреас Волдемар Фредерикс, 1838–1927), барон (с 21.02.1913 г. – граф) – российский государственный деятель, последний в истории министр Императорского Двора (1897–1917); канцлер российских, Императорских и Царских орденов, генерал от кавалерии, генерал-адъютант, член Государственного совета с 1897 г. Родом из дворян Санкт-Петербургской губернии, сын генерала Б.А. Фредерикса, происходившего из нарвского мещанского рода, состоявшего на службе с первой пол.

XVIII в. и получившего в 1773 г. баронский титул. Получил домашнее образование. С началом Первой мировой войны находился с Николаем II, сопровождал его во всех поездках, пользовался его исключительным доверием. К моменту Февральской революции 79-летний больной старик страдал потерей памяти. 9 марта 1917 г. был арестован в Гомеле железнодорожными рабочими, отправлен в Петроград, допрашивался Чрезвычайной следственной комиссией. В 1924 г. обратился к советскому правительству с просьбой о выезде за границу. Получив разрешение, вместе с младшей дочерью Эммой выехал в Финляндию. Поселился в городе Кауниайнен, близ Гельсингфорса (Хельсинки с 1926 г.). Скончался 1 июля 1927 г. в возрасте 88 лет.

[40] Мосолов А.А. При дворе последнего императора. – СПб., 1992. – С. 30.

[41] Сипягин, Дмитрий Сергеевич (1853–1902) – русский государственный деятель, министр внутренних дел (1899–1902).

[42] Ламсдорф (Ламздорф), Владимир Николаевич (1844–1907) – граф, русский дипломат родом из остзейских дворян, министр иностранных дел Российской империи (1900–1906). До конца 1880-х годов придерживался прогерманской ориентации, но после отказа Вильгельма II возобновить тайный русско-германский «договор перестраховки» 1887 г., поддерживал линию на франко-русский союз. В 1897 г. был назначен товарищем министра иностранных дел М.Н. Муравьева, в июне 1900 г. – управляющим министерством, а с 25 декабря 1900 г. – министром иностранных дел, продолжал политику своего предшественника. В связи с начавшейся в России революцией 1905–1907 гг. стремился к объединению действий монархических режимов, в первую очередь России и Германии. В мае 1906 г. Ламсдорф получил отставку. Неприятели Ламсдорфа открыто говорили о его нетрадиционной сексуальной ориентации.

[43] Витте С.Ю. Указ. соч. – С. 386–387.

[44] Плеве, Вячеслав Константинович (1846, Калужская губерния – 15 [28] июля 1904, Санкт-Петербург) – российский государственный деятель. Сенатор (1884), статс-секретарь (1895), действительный тайныйсоветник (1899). В 1867 г. закончил юридический факультет Московского университета со степенью кандидата прав и определен на судебные должности при прокуроре Московского окружного суда. В 1879 г. назначен прокурором Петербургской судебной палаты. В 1881 г., после убийства императора Александра II, был назначен директором Департамента государственной полиции. В 1885 г. занял пост товарища (заместителя) Министра внутренних дел. В 1899 г. назначен исполняющим должность Министра – статс-секретаря Великого Княжества Финляндского с оставлением в должности Государственного секретаря. 4 апреля 1902 г., после убийства Д.С. Сипягина назначен министром внутренних дел и шефом Корпуса жандармов. Убит эсером Егором Созоновым в Петербурге.

[45] Киреев, Александр Алексеевич (1833, Москва – 1910, Павловск) – русский военный деятель, видный публицист-славянофил.

[46] Цит. по: Ремнёв А.В. Самодержавное правтельство: Комитет министров в системе высшего управления Российской империи (вторая половина XIX–XX века). – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. – С. 432.

[47] Константин Константинович, Великий Князь (1858, Стрельна – 1915, Павловск) – член Российского Императорского Дома, генерал-адъютант (1901), генерал от инфантерии (1907), генерал-инспектор Военно-учебных заведений, президент Императорской Санкт-Петербургской академии наук (1889), поэт (поэтический псевдоним К.Р.), переводчик и драматург. Второй сын Великого Князя Константина Николаевича и Великой Княгини Александры Иосифовны, внук Николая I. Получил разностороннее домашнее образование. Участник Русско-турецкой войны (1877–1878), награжден орденом св. Георгия 4 степени. В 1878 произведен в лейтенанты флота, назначен флигель-адъютантом.

В 1880 г. командовал ротой гвардейского экипажа, назначен вахтенным начальником на корабль «Герцог Эдинбургский». В 1882 г. по болезни переведен в сухопутное ведомство и в августе произведен в штабс-капитаны гвардии. В 1883 г. назначен командиром роты Его Величества лейб-гвардии Измайловского полка. В 1887 г. произведён в капитаны гвардии, а в 1891 – в полковники и назначен командующим лейб-гвардии Преображенским полком. В 1894 г. произведен в генерал-майоры, с утверждением в должности командира полка. Почетный член Московского университета (1895).

[48] Цит. по: Кроуфорд Р. Указ. соч. – С. 40–41.

[49] Эта фраза широко распространилась в придворных кругах. См., например: Витте, С.Ю. Воспоминания: Царствование Николая II. Берлин: Слово, 1922. Том I. – С. 172.

[50] Цит. по: Мейлунас А., Мироненко С. Николай и Александра. Любовь и жизнь. М., 1998. – С. 247.

[51] Редигер А.Ф. История моей жизни. Воспоминания военного министра. Т. 1. М., Канон-Пресс-Ц: Кучково поле, 1999. – С. 516–517.

[52] Цит. по: Хрусталёв В.М. Указ. соч. – С. 130.

[53] Холст, масло, 400×877 см. ГРМ. Санкт-Петербург.

[54] Николай II (1868–1918) – император Всероссийский, царь Польский, великий князь Финляндский (1894–1917), полковник (1892), от британских монархов имел чин адмирала флота (1908) и фельдмаршала британской армии (1915). Из Императорского Дома Романовых, старший сын императора Александра III и императрицы Марии Федоровны. После гибели его деда (1881), императора Александра II, вследствие теракта, совершенного народниками 1 марта 1881 г., получил титул наследника цесаревича. В связи с событиями на Ходынке и 9 января 1905 г. прозван радикальной оппозицией «Николаем Кровавым»; с таким прозвищем он фигурировал в советской историографии. Близкие родственники приватно звали его «Ники», горцы из Кавказской туземной конной дивизии величали его «Белым Падишахом». Николай получил домашнее образование в рамках большого гимназического курса (8 лет) и специальной программы по экономическим, юридическим, военным и др. дисциплинам (5 лет). После смерти отца 14 ноября 1894 г. сочетался браком с Александрой Федоровной (Викторией Алисой Еленой Луизой Беатрисой Гессен-Дармштадтской). Правление Николая II было ознаменовано экономическим развитием России и одновременно ростом социально-политических противоречий, революционного движения, вылившегося в революцию 1905-1907 гг. и Февральскую революцию 1917 г.; во внешней политике – экспансией на Дальнем Востоке, войной с Японией, а также участием России в военных блоках европейских держав и Первой мировой войне. С целью снижения революционной напряженности и восстановления порядка в стране в период революции 1905–1907 гг. верховной властью был принят ряд важных постановлений: «Манифест об усовершенствовании государственного порядка» (Манифест 17 Октября 1905 года) и «Манифест об учреждении Государственной Думы» (6 августа 1905 г.). С 1907 г. начала осуществляться «столыпинская» аграрная реформа, основным направлением которой было закрепление земель, прежде находившихся в коллективной собственности сельской общины, за крестьянами-собственниками. Николай II отрекся за себя и своего сына Алексея от престола в ходе Февральской революции 1917 г. и находился вместе с семьей под домашним арестом в царскосельском дворце. Летом 1917 г. по решению Временного правительства был вместе с семьей отправлен в ссылку в Тобольск, а весной 1918 г. перемещен большевиками в Екатеринбург, где в июле 1918 г. был расстрелян вместе с семьей и приближенными. Прославлен вместе с женой и детьми Русской зарубежной церковью как мученик (1981), Русской Православной Церковью в Отечестве как страстотерпец (2000).

[55] Мария Федоровна (Феодоровна, при рождении Мария София Фредерика Дагмар, 1847–1928) – императрица Всероссийская (1881–1894), супруга императора Александра III (1866), мать императора Николая II, Великих Князей Георгия и Михаила Александровичей и Великих Княгинь Ксении и Ольги Александровн. Дочь Христиана, принца Глюксбургского, впоследствии Христиана IX, короля Дании. Ее родня сестра – Александра Датская, супруга британского короля Эдуарда VII, их сын Георг V приходился двоюродным братом Николая II и Михаила Александровича. 13 октября 1866 г. состоялся обряд обручения и наречения ее новым именем – Великой Княжной Марией Федоровной. Мария, жизнелюбивая и жизнерадостная по характеру, была тепло принята придворным и столичным обществом, ее брак с Александром Александровичем оказался удачным. Мария Федоровна покровительствовала искусству, занималась благотворительностью. В 1916 г. переехала из Петрограда в Киев. В Киеве же она узнала об отречении императора. В апреле 1919 г. на борту британского линкора «Мальборо» из Крыма она была эвакуирована в Великобританию, откуда вскоре переехала в родную Данию. Отклоняла все попытки русской эмиграции вовлечь ее в политическую деятельность. Чин погребения был совершен 19 октября 1928 г. в храме Александра Невского. Саркофаг с ее прахом был помещен в Королевской усыпальнице Кафедрального собора датского город Роскилле рядом с прахом ее родителей. В сентябре 2006 г. состоялось перезахоронение гроба с прахом Марии Федоровны в Петропавловском соборе Санкт-Петербурга.

[56] Мордвинов, Анатолий Александрович (1870 – после 1930) – полковник (1908), окончил Николаевское кавалерийское училище (1890), Николаевскую академию Генерального штаба. Адъютант Великого Князя Михаила Александровича (с 1906), флигель-адъютант Свиты императора (1913). С 1915 г. постоянно находился при Николае II в Ставке. В дни Февральской революции подвергся аресту Временным правительством. После Октябрьского переворота вновь арестован, нобылосвобожден. Эмигрировал, жил в Германии, умер в Англии. Член полкового объединения лейб-гвардии Кирасирского Ея И.В. полка.

[57] Воронцова-Дашкова, Людмила Николаевна (урожд. Сейделер, 1885–1943) – графиня, родилась в Варшаве, в первом браке за Г.К. Ушковым. В Петербурге танцевала в любительском балете, слыла первой красавицей. Во втором браке за И.И. Воронцовым-Дашковым (1914), близкого друга Великого Князя Михаила Александровича. В годы Первой мировой войны часто приезжала к мужу в прифронтовую зону. После 1917 г. эмигрировала, умерла в Лондоне.

[58] Цит. по: Кроуфорд Р. Указ. соч. – С. 7.

[59] Мейлунас А., Мироненко С. Указ. соч. – С. 293.

[60] Цит. по: Хрусталёв В.М. Указ. соч. – С. 126–127.

[61] Цит. по: Хрусталёв В.М. Указ. соч. – С. 126–127.

[62] См.: Хрусталёв В.М. Указ.соч. – С. 174–176.

[63] Событие освещалось в печатных СМИ. См.: Закладка в С.-Петербурге храма в память 300-летия царствования Дома Романовых, 5-го августа. / Огонек № 33. Суббота 13 (26) августа 1911 г.

[64] Сохранился кинорепортаж открытия памятника М.Д. Скобелеву в Москве.

[65] Кавалергарды (от фр. cavalier «всадник» + garde «охрана») – гвардейская тяжелая кавалерия Российской империи, созданная по указу Петра I путем реформирования особых воинских формирований для выполнения функции почетной охраны императрицы Екатерины I. Оружие, экипировка и форма одежды представляли собой незначительно модифицированные кирасирские. При императрице Елизавете Кавалергардия была расформирована. Кавалергарды были восстановлены в 1762 г., затем был сформирован Кавалергардский корпус. В 1800 г. кавалергардский корпус был переформирован в трехэскадронный кавалергардский полк, который вошел в состав войск гвардии. Александр I

переформировал полк в пять эскадронов. Кавалергардский полк являлся одной из наиболее привилегированных воинских частей, входил в состав 1-й гвардейской кавалерийской дивизии.

[66] Витте С.Ю. Указ. соч. – С. 386.

[67] ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 259. Л. 63–64.

[68] Цит. по Хрусталёв В.М. Указ. соч. – С. 193.

[69] Цит. по Хрусталёв В.М. Указ. соч. – С. 200.

[70] ГА РФ. Ф. 642. Оп. 1. Д. 2332. Л. 26–27 об.

[71] ГА РФ. Ф. 668. Оп. 1. Д. 26. Л. 1.

[72] ГА РФ. Ф. 662. Оп. 1. Д. 42. Л. 131, 133–133 об.

[73] Сандрингем (англ. Sandringham) – деревня и приход на западе графства Норфолк (Англия). Относится к неметрополитенскому району Кингс-Линн-энд-Уэст-Норфолк. Деревня наиболее известна Сандрингемским дворцом, резиденцией британских монархов.

[74] Цит. по Хрусталёв В.М. Указ. соч. – С. 217.

[75] Брайан (Николай Николаевич) Джонсон – английский подданный, но россиянин по происхождению и крещенный в православии. Вместе с Михаилом Александровичем окончил Михайловское артиллерийское училище, владел тремя языками, играл на гитаре и балалайке, был хорошим пианистом и прекрасно пел. Увлечение музыкой сблизило его с великим князем. Свободными вечерами они играли дуэтом, включая те мелодии, который Михаил сочинял сам. Расстрелян вместе с Михаилом Александровичем в пригороде Перми в ночь с 12 на 13 июня 1918 г. В августе 2017 г. побывавший в Перми внучатый племянник Джонсона В. Быстров из Чехии сообщил, что правильно не Джонсон, а Жонсон, российский подданный в четвертом поколении. Эти сведения требуют проверки.

[76] Воронцова-Дашкова Л.Н. Человек, отрекшийся от трона // Сегодня (Рига). 1937. 19 июля. № 194.

[77] В исторической литературе закрепилось название «командир дивизии», однако по штату во главе дивизии стоял «начальник».

[78] ГАРФ. Ф. 670. Оп. 1. Д. 171. Л. 226–230 об., 231.

[79] Дневник императрицы Марии Федоровны (1914–1920, 1923 годы) / Пер. с датск. Ю.В. Кудриной, О.Н. Дудочкиной-Крог, А.Н. Чеканского; сост., предисл., коммент. Ю.В. Кудриной. – М.: Вагриус, 2006. – С. 61.

[80] Готский альманах – самый авторитетный справочник по генеалогии европейской аристократии, издававшийся в 1763–1944 гг.

[81] Галиция (также Галичина) – историческая область в Восточной Европе, примерно соответствует территории современных Ивано-Франковской, Львовской и большей части Тернопольской (кроме северных районов) областей Украины и югу Подкарпатского воеводства Польши (Перемышльская земля). Историческая территория Галицкого княжества, а позднее Галицко-Волынского княжества со столицей, сначала в Галиче, а позднее во Львове.

[82] Николай II – А.Ф. / Переписка Николая и Александры. – М.: «Захаров», 2013. – С. 41.

[83] Цит. по: Кроуфорд Р. Михаил и Наталья. Жизнь и любовь / Розмари Кроуфорд, Дональд Кроуфорд. – М.: Захаров, 2008. – С. 243.

[84] Брешко-Брешковский, Николай Николаевич (1874–1943) – русский писатель, журналист, художественный критик, сценарист и режиссер. Сын «бабушки русской революции» Е.К. Брешко-Брешковской, из-за ареста и ссылки матери воспитывался в семье дяди на Волыни. По окончании Ровенского реального училища (1893) жил в Санкт-Петербурге, где быстро стал известным беллетристом. В Первую мировую войну – военный корреспондент. После 1920 г. эмигрировал в Польшу, обосновался в Варшаве, выступал в периодике. За 1920–1930-е годы вышло свыше 30 польских переводов его романов и книг

очерков. В 1927 г. по требованию властей покинул страну в связи с «аллюзиями» на события майского переворота в Польше 1926 г. Далее жил в Париже, сотрудничал в эмигрантской печати. Во время Второй мировой войны жил в Берлине, служил в гебельсовском министерстве пропаганды. Публиковался в газете «Новое слово». Погиб при бомбардировке Берлина британской авиацией в ночь на 24 августа 1943 г.

[85] Брешко-Брешковский Н.Н. Дикая дивизия. Роман в 2-х частях. Книгоиздательство «Мір». Рига, Antonijasiela 12, dz. 5. – С. 12–13.

[86] По другим данным 20 января 1915 г.

[87] Императорский орден Святого равноапостольного князя Владимира (сокр. Орден Святого Владимира) – орден Российской империи в четырех степенях за военные отличия и гражданские заслуги для широкого круга военных в чине от подполковника и чиновников среднего ранга. Ордена, полученные за боевые подвиги, выдавались со скрещенными мечами.

[88] Н.С. Брасова – М. А. 14 января 1915 г. // Дневник и переписка Великого Князя Михаила Александровича: 1915–1918. – М.: ПРОЗАиК, 2012. – С. 167–168.

[89] Местечко Ломна ныне располагается в Жилинском крае на севере Словакии.

[90] Брешко-Брешковский Н.Н. Дикая дивизия. Роман в 2-х частях. Книгоиздательство «Мір». Рига, Antonijasiela 12, dz. 5. – С. 12–13.

[91] Там же.

[92] Кроуфорд Р. Указ. соч. – С. 274.

[93] Цит. по: Хрусталев В.М. Указ. соч. – С. 261–264.

[94] Ныне Иваново-Франковск в Украине.

[95] Тлумач (до 1939 г. Толмач, укр. Товмач) – город районного значения к востоку от Ивано-Франковска, с 1939 г. в Ивано-Франковской области Украины, административный центр Тлумачского района.

[96] Верховный главнокомандующий Великий Князь Николай Николаевич.

[97] Николай II – А.Ф. / Переписка Николая и Александры. – М.: «Захаров», 2013. – С. 106.

[98] Дневник и переписка Великого Князя Михаила Александровича: 1915–1918. – С. 78.

[99] Николай II – А.Ф. / Переписка Николая и Александры. – М.: «Захаров», 2013. – С. 106.

[100] А.Ф. – Николай II / Переписка Николая и Александры. – М.: «Захаров», 2013. – С. 107.

[101] Императорский военный орден Святого Великомученика и Победоносца Георгия (Орден Святого Георгия) – высшая военная награда Российской империи.

[102] «Летопись войны 1914–15 гг.» 28 марта 1915 г. № 323. – С. 64.

[103] Н.С. Брасова – М. А. 31 мая 1915 г. / Дневник и переписка Великого Князя Михаила Александровича: 1915–1918. – С. 196–197.

[104] Тарнополь – ныне Тернополь в Украине.

[105] Железнодорожная станция Тлустэ (Тлусте) ныне находится на Львовской железной дороге (Украина), в Тернопольской области, на участке Тернополь – Черновцы.

[106] Георгиевское оружие – наградное оружие в Российской империи с 1913 по 1917 гг. с новым статутом, приравненным к Ордену Святого Георгия.

[107] «Русский Инвалид», 11 июля 1915 г. (суббота) № 152, стр. 4.

[108] В одном из источников была указана сумма 2,5 млн американских долларов.

[109] М. А. – Николаю II 19 декабря 1915 г. Дневник и переписка Великого Князя Михаила Александровича: 1915–1918. – С. 213–214.

[110] Гусятин – ныне поселок городского типа, Гусятинский поселковый совет, Гусятинский район, Тернопольская область, Украина.

[111] Георгиевский комитет его императорского высочества Великого Князя Михаила Александровича занимался устройством санаториев, больниц для георгиевских кавалеров, улучшением их быта, а также призрением сирот и детей георгиевских кавалеров, а равно лиц, пожалованных Георгиевским оружием, Георгиевским крестом или медалью.

[112] Безобразов, Владимир Михайлович (11 [23] января 1857, Санкт-Петербургская губ. – 17 сентября 1932, Ницца) – русский военачальник из рода Безобразовых, генерал от кавалерии, генерал-адъютант. В 1915–1916 гг. – командующий войсками гвардии.

[113] Белецкий, Степан Петрович (1873, Чернигов – 1918, Москва) – российский государственный деятель, сенатор из мещан, православный. В 1894 г. окончил юридический факультет Киевского университета и поступил на службу в канцелярию киевского генерал-губернатора. В 1899 г. назначен правителем канцелярии ковенского губернатора. В 1904 г. перешел в канцелярию виленского, ковенского, гродненского генерал-губернатора. Стал одним из членов-учредителей и членом совета Виленско-го отдела Русского собрания. В 1907 г. назначен самарским вице-губернатором. В 1909 г. по приглашению П.А. Столыпина назначен на должность исполняющего делопроизводство вице-директора Департамента полиции. В 1912 г. был назначен директором Департамента полиции и произведен в действительные статские советники. В 1914 г. пожалован в сенаторы с производством в тайные советники С сентября 1915 г. по февраль 1916 г. был товарищем министра внутренних дел. В феврале 1916 г. освобожден от должности и назначен иркутским генерал-губернатором. После отказа выехать к месту назначения был уволен со службы. В 1917 г. в ходе Февральской революции был арестован, давал показания Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства. В 1918 г. был арестован ВЧК как заложник, перевезен в Москву и в самом начале Красного террора, 5 сентября 1918 г., после покушения на Ленина, публично, на территории Петровского парка, казнен во внесудебном порядке, вместе с другими государственными деятелями Российской империи.

[114] Лемке, Михаил Константинович (1872–1923) – российский офицер, историк русской журналистики, цензуры и революционного движения. В 1898–1901 – заведующий редакцией «Орловского вестника»; в 1901–1902 – редактор «Приднепровского края» (Екатеринослав); 1903–1904 – заведующий историческим отделом либерального издательства М. В. Пирожкова; 1906 – редактор библиографического журнала «Книга»; 1915–1916 – военный цензор в Ставке верховного главнокомандующего; 1920–1921 – один из редакторов «Книги и революции»; затем – председатель правления треста «Петропечать»: незадолго до смерти вступил в РКП(б).

[115] Воронцов-Дашков, Илларион Илларионович (Ларька) (1877–1932) – граф, сын министра Императорского Двора графа И.И. Воронцова-Дашкова, друг детства, адъютант (1909) Великого Князя Михаила Александровича. В годы Первой мировой войны служил в Кавказской Туземной конной дивизии, командир Кабардинского конного полка (1914). Адъютант Великого Князя Михаила Александровича (1915–1916). Награжден Георгиевским оружием. В кон. 1916 г. числился в Управлении делами Е.И.В. Великого Князя Михаила Александровича. Участник Белого движения. В 1920 г. эмигрировал, жил в Париже. Похоронен на кладбище в Сент-Женевьев-де-Буа.

[116] Капнист, Алексей Павлович (1871–1918) – камергер Императорского Двора, помощник начальника Морского генштаба, офицер для поручений при начальнике морского штаба Верховного главнокомандующего (с 1916 г.), контр-адмирал, начальник Морского генштаба (июль 1917 г.).

[117] Матвеев, Алексей Сергеевич (Алеша) (1871–1952) – присяжный поверенный, исполнял должность управляющего делами Михаила Александровича, зять Н.С. Брасовой.

[118] Абаканович (Кока), Николай Николаевич (?–1936) – гвардии штабс-ротмистр, адъютант Михаила Александровича, в 1916 г. состоял в Управлении делами великого князя.

[119] Толстой, Михаил Львович (1879-1944) – сын Л.Н. Толстого, помещик, земский деятель, музыкально одаренный человек, проводивший музыкальные вечера у Михаила Александровича.

[120] М.А. – Брасовой 26 февр. – 8 марта 1916 г. / Там же. – С. 325–326.

[121] М.А. – Брасовой 26 февр. – 8 марта 1916 г. / Там же. – С. 327.

[122] М.А. – Брасовой 26 февр – 8 марта 1916 г. / Там же. – С. 328.

[123] Лемке М.К. 250 дней в царской ставке 1916 / К. Лемке. – Мн.: Харвест, 2003. – С. 281.

[124] Лемке М.К. Указ. соч. – С. 534.

[125] Дневник и переписка Великого Князя Михаила Александровича: 1915–1918. – М., ПРОЗАиК, 2012. – С. 297.

[126] М.А. – Н.С. Брасовой 20–27 марта 1916 г./ Там же. – С. 337.

[127] Врангель, Николай Александрович (1869–1927) – барон, полковник (1907), генерал-майор (апр. 1916), делопроизводитель Управления делами Великого Князя Михаила Александровича (1901–1909); секретарь при Великом Князе Михаиле Александровиче (1909 – апр. 1912); адъютант и управляющий делами Великого Князя Михаила Александровича (1915–1917). После революции эмигрировал. Покончил жизнь самоубийством, похоронен в Риме. Двоюродный брат барона П.Н. Врангеля.

[128] Цит. по: Хрусталев В.М. Указ. соч. – С. 290.

[129] М.А. – Брасовой 27 авг. 1916 г. / Там же. – С. 371–372.

[130] Бертенсон, Лев Бернардович(1850, Одесса – 1929, Ленинград) – российский врач-бальнеолог, доктор медицины, профессор. В 1872 г. окончил Военно-медицинскую академию в Санкт-Петербурге, лейб-медик, член императорского Медицинского совета, различных ученых обществ России. Как врач-практик пользовался в конце XIX – начале XX вв. большой известностью и популярностью.

[131] Дневник и переписка Великого Князя Михаила Александровича: 1915–1918. – С. 307.

[132] Спиридович, Александр Иванович (1873, Архангельская губ. – 1952, Нью-Йорк) – российский государственный деятель, генерал-майор Отдельного корпуса жандармов, служащий Московского и начальник Киевского охранного отделения, начальник императорской дворцовой охраны. Из потомственных дворян, сын офицера пограничной стражи. Окончил Нижегородский кадетский корпус (1891) и Павловское военное училище (1893), откуда был выпущен подпоручиком в 105-й пехотный Оренбургский полк. В 1899 г. по прошению переведен в Отдельный корпус жандармов, в 1900 г. – прикомандирован к Московскому охранному отделению. В 1902 г. назначен начальником Таврического охранного отделения в Симферополе, а в 1903 г. в чине ротмистра вступил в должность начальника Киевского охранного отделения. 28 мая 1905 г. был тяжело ранен своим бывшим секретным сотрудником, социал-демократом П.М. Руденко. После лечения прикомандирован к штату Отдельного корпуса жандармов. В нач. 1906 г. откомандирован в распоряжение дворцового коменданта Д.Ф. Трепова и назначен начальником дворцовой Охранной агентуры. За отличие по службе был произведен в полковники. Во время Первой мировойвойны сопровождал Николая II во всех поездках. В 1915 г. был произведён в генерал-майоры и назначен в распоряжение военного министра. Организовал охрану Николая II в Ставке в

Могилеве. 15 августа 1916 г. назначен ялтинским градоначальником. Во время Февральской революции прибыл в Петроград, был арестован Временным правительством, содержался в Петропавловской крепости и допрашивался Чрезвычайной следственной комиссией. В начале октября 1917 г. освобожден из тюрьмы под денежный залог. В 1920 г. эмигрировал во Францию, был деятелем Русской монархической партии в Париже. В 1926 г. участвовал в качестве делегата от Франции в Российском зарубежном съезде. Во время проживания в эмиграции выступал с многочисленными публичными лекциями по истории российского революционного движения и борьбы с ним, а также с лекциями о членах царской семьи. Опубликовал несколько книг на эти темы и собственные мемуары. В 1950 г. переехал в США, где и скончался в 1952 г.

[133] Спиридович А.И. Великая Война и Февральская Революция 1914–1917 гг. – Нью-Йорк, Всеславянское Издательство, 1960–62. (1, 2 книги – 1960, 3 книга – 1962). Кн. 2. – С. 140.

[134] М.А. – Брасовой 20–27 марта 1916 г. / Там же. – С. 337.

[135] РГИА. Ф. 920. Оп. 1. Д. 54. Л. 441.

[136] Дневник и переписка Великого Князя Михаила Александровича: 1915–1918. – С. 373–374.

[137] Маклаков, Василий Алексеевич (1869–1957) – российский адвокат, политический деятель, депутат Государственной думы II, III и IV созывов. Учился на естественном отделении физико-математического факультета Московского университета (1887–1890). В 1890 за участие в студенческой сходке был арестован и исключен. Затем был восстановлен в университете на историко-филологическом факультете, который закончил в 1894. Служил вольноопределяющимся в 3-й гренадерской артиллерийской бригаде. Экстерном окончил юридический факультет Московского университета (1896). С 1896 г. – помощник присяжного поверенного. В 1901–1917 гг. – присяжный поверенный округа Московской судебной палаты. С 1904 г. был секретарём и архивариусом оппозиционного кружка «Беседа», участвовал в деятельности Союза освобождения. С 1905 г. – член Конституционно-демократической партии (Партии народной свободы). С января 1906 г. – член ЦК кадетской партии, в которой занимал позиции на правом фланге; пользовался репутацией одного из наименее склонных к радикализму кадетов, сторонника конституционной монархии и диалога с правительством. Видный деятель российского масонства. С 1914 г. активно работал во Всероссийском земском союзе и в одном из передовых отрядов Красного Креста. Участвовал в деятельности оппозиционного Прогрессивного блока. В 1916 г. Маклаков был причастен к подготовке убийства Г.Е. Распутина, но от непосредственного участия в нем отказался. Во время Февральской революции был комиссаром Временного комитета Государственной думы в Министерстве юстиции. С августа 1917 г. – член Всероссийской по делам о выборах в Учредительное собрание комиссии. Активный сторонник белого движения, которое представлял за рубежами России в качестве члена Русского политического совещания. До установления дипломатических отношений между СССР и Францией де-факто исполнял обязанности посла. С 1937 г. – председатель комитета Франко-русского института. В эмиграции занимался литературной деятельностью, автор работ по истории российской общественно-политической жизни начала XX в., мемуарист. Сторонник консервативноголиберализма. Во время Второй мировой войны занимал антифашистскую позицию, в апреле 1941 г. был арестован гестапо, пять месяцев содержался в тюрьме.

[138] Белецкий С.П. Григорий Распутин / Григорий Распутин: Сборник исторических материалов. Т. 1. М., 1997. – С. 168.

[139] Протопопов, Александр Дмитриевич (1866, Нижегородская губерния – 1918, Москва) – российский политик, крупный помещик и промышленник, член

Государственной думы, последний министр внутренних дел Российской империи. Из потомственных дворян Симбирской губернии, окончил 1-й кадетский корпус (1883), Николаевское кавалерийское училище (1885), был слушателем Николаевской академии Генерального штаба (1888–1890), в 1890 г. вышел в отставку, поселился в своем имении Симбирской губернии, занимался сельским хозяйством и предпринимательством. С 1892 состоял в ведомстве Императрицы Марии. Член Государственной думы III и IV созывов, октябрист (после раскола фракции вошел во фракцию земцев-октябристов). В 1908 г. был пожалован званием камер-юнкера, в 1909 г. – в действительные статские советники. С 20 мая 1914 г. – товарищ председателя IV Государственной думы. С августа 1915 г. – член Особого совещания для обсуждения и объединения мероприятий по обеспечению топливом (Осотопа). Осенью 1915 г. Протопопов пытался получить пост товарища министра торговли и промышленности. В апреле-июне 1916 г. в качестве председателя межпарламентской делегации ездил в Англию, Францию и Италию. 16 сентября 1916 г. назначен управляющим Министерством внутренних дел, 20 декабря утвержден на посту министра. На пост министра его рекомендовали председатель Государственной думы М.В. Родзянко и министр иностранных дел С.Д. Сазонов. С моментом назначения Протопопова министром Дума стала относиться к нему резко враждебно. Предпринимались разные попытки лишить его места в Думе, обвиняли в предательстве либеральных идеалов и закрепили за ним прозвище «сумасшедший». 28 февраля 1917 г. в 23 часа 15 минут Протопопов добровольно явился в Таврический дворец и сдался революционерам. С 1 марта по сентябрь 1917 г. находился в заключении в Петропавловской крепости, затем некоторое время под охраной в лечебнице для нервных больных, допрашивался Чрезвычайной следственной комиссией. После захвата власти большевиками переведен в Москву, находился в заключении в Таганской тюрьме. 27 октября 1918 г. в порядке «административного усмотрения (расстройство психики)» был расстрелян в Москве.

[140] Протопопов А. Д. Показания Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства // Гибель монархии / Великий Князь Николай Михайлович. М.В. Родзянко. Великий Князь Андрей Владимирович. А.Д. Протопопов. – М., Фонд Сергея Дубова, 2000. – С. 374.

[141] Протопопов А. Д. Указ. соч. – С. 383.

[142] Протопопов А. Д. Указ. соч. – С. 454.

[143] Протопопов А. Д. Указ. соч. – С. 457–458.

[144] См.: Петрова Е.Е., Битюков К.О. Великокняжеская оппозиция в России 1915–1917 гг. Монография. – Санкт-Петербург: Астерион, 2009. – С. 22.

[145] Спиридович А.И. Великая Война и Февральская Революция 1914–1917 гг. – Нью-Йорк, Всеславянское Издательство, 1960–62. (1, 2 книги – 1960, 3 книга – 1962). Кн. 3. – С. 17.

[146] Спиридович Указ. соч. – С. 61.

[147]Спиридович А.И. Указ .соч. – С. 64.

[148] Брусилов, Алексей Алексеевич (1853-1926) – генерал от кавалерии (1912), помощник командующего войсками Варшавского военного округа (1912–1913). С начала Первой мировой войны командовал 8-й армией, отличившейся в Галицийской операции. Генерал-адъютант (1915) Свиты императора. Главнокомандующий Юго-Западным фронтом (17 марта 1916 – май 1917), провел успешное наступление (Брусиловский прорыв) в 1916 г., пользовался популярностью в войсках и обществе. В Февральскую революцию выступил за отречение Николая II от престола. Верховный главнокомандующий (22 мая – 19 июля 1917), затем военный советник Временного правительства. После Октябрьского переворота проживал в Москве, придерживался политического нейтралитета. В 1920 г. поступил на службу в РККА, занимал должность председателя Особого совещания при Главнокомандующем вооруженными силами республики,

главного инспектора кавалерии РККА, а с марта 1924 г. состоял для особых поручений при РВС СССР.

[149] Дневник и переписка Великого Князя Михаила Александровича: 1915–1918. – С. 388.

[150] Брусилов А.А. Мои воспоминания. М.: РОССПЭН, 2001. – С. 203.

[151] Можно сказать, что в феврале 1917 г. произошло неблагоприятное стечение обстоятельств, однако, на самом деле, были конкретные силы, которые способствовали обострению этих конфликтов, провоцировали мятеж и готовили дворцовый переворот. Верховная власть и правительство оказались не в состоянии адекватно реагировать на возникающие вызовы. Итогом «министерской чехарды» к 1917 г. в России было очень слабое и некомпетентное правительство. Министрами назначались люди не по деловым качествам, а по лояльности к царской семье. Огромные потери на фронтах укрепляли мнение, что царь «не был годен к управлению империей».

Однако настроение на фронте было лучше, чем в тылу. Дело в том, что в тылу, особенно в столицах, действовали организации, формирующие в обществе негативное отношение к власти. И главную роль в этом сыграла либеральная часть Государственной думы. Власть же со своей стороны не работала на формирование позитивного общественного мнения и постоянно давала повод оппозиции для критики.

В связи с большими военными заказами правительство вынуждено было запустить станок печатания денег, в результате чего денежная масса, находящаяся в обороте, за годы войны увеличилась в три раза. Это стало причиной гиперинфляции. Чудовищная дороговизна вызывала всеобщее озлобление народа. Недовольство во всех слоях общества росло.

Некоторые исследователи считают, что резкое обострение противостояния власти и оппозиции в 1916 – начале 1917 гг. было вызвано обвинениями властей в адрес Земгора и Военно-промышленных комитетов (созданных и контролируемых оппозицией, но дотируемых государством) в коррупции. И этот факт, действительно, имел место быть. Нецелевое использование средств и завышение цен у Земгора и Военно-промышленных комитетов было не редкостью. Центральный военно-промышленный комитет под председательством одного из лидеров октябристов А.И. Гучкова с целью координации действий военно-промышленных комитетов на местах и правительственных учреждений по мобилизации промышленности для военных нужд учреждается в июле 1915 г. Государь отказался участвовать в работе комитета. В конце января 1917 г. Рабочая группа ЦВПК организовала антиправительственную демонстрацию под лозунгом «решительного устранения самодержавного режима».

В августе 1915 г. на основе коалиции партий кадетов и октябристов в Государственной думе организуется так называемый Прогрессивный блок. Думская оппозиция стала выдвигать перед царем требование введения в стране «ответственного министерства», назначаемого Думой и ответственного перед ней. Это означало фактически конституционную монархию, что естественно, не мог принять Николай II. В военное время подобная реформа, действительно, была бы очень опасна. Таким образом, государь отказался от конструктивного диалога с усиливающейся оппозицией и, как следствие, не мог на нее оказывать влияние (взаимодействие думцев и правительства ограничивалось только проведением Особых совещаний по обороне).

Также в августе 1915 г., назначив себя верховным главнокомандующим, Николай II «оставил на хозяйстве» Александру Федоровну, на которую оказывал влияние Распутин. В этой связи стали говорить, что империей правит Гришка, что с Германией тайно ведутся мирные переговоры. Некоторые слухи носили совершенно фантастический характер. (После февраля 1917 г. Чрезвычайная следственная комиссия провела расследование, но ни одно обвинение не под-

твердилось). Все это привело к полной потере доверия к монархии. Государь же не прилагал усилий для нейтрализации подобных слухов, создающих для верховной власти негативный имидж. Среди многочисленных грубых ошибок Николая II назначение себя верховным главнокомандующим многие исследователи называют роковой.

В ноябре 1916 г. лидер кадетов П.Н. Милюков на заседании Думы в своей знаменитой речи задал риторический вопрос, ставший теперь крылатым, «Глупость или измена?», что означало в действительности переход оппозиции к конфронтации с властью.

Приближение к царской семье Григория Распутина дискредитировало высшую государственную власть. С усиливающимся внутриполитическим кризисом во второй половине 1916 г. вопрос присутствия «старца» рядом с троном принял особую остроту. В Государственной думе Распутина, Александру Федоровну и их окружение называли «темными силами». С убийством же «старца» 17 декабря 1916 г., в котором участвовал Великий Князь Дмитрий Павлович, царская семья вошла в состояние прострации, изолировалась от общества, удалила из столицы почти всех великих князей, лишив себя какой-либо их поддержки.

Летом 1916 г. председатель Думы М.В. Родзянко, вместе с депутатом В. Маклаковым и председателем киевского военно-промышленного комитета М. Терещенко, ездил на Юго-Восточный фронт. По впечатлениям от увиденного он подготовил Записку Брусилову, в которой представил состояние дел в самом негативном свете. Эти материалы стали впоследствии основанием для сокрушительной критики верховного командования империи.

С конца 1916 г. А. Гучков планирует переворот с целью принуждения Николая II к отречению и замены его одним из великих князей. К заговору были привлечены некоторые командующие фронтами во главе с Н.В. Рузским и чиновники департамента железных дорог Петрограда, а перед революцией и начальник штаба Верховного главнокомандующего генерал М.В. Алексеев. Переворот должен был произойти до начала апреля, то есть до запланированного полномасштабного наступления на фронте. Успешное наступление неизбежно бы вызвало патриотический подъем. Великий Князь Николай Николаевич отказался, в случае переворота, принять верховную власть. Теперь кандидатом на преемника верховной власти стал рассматриваться Михаил Александрович.

Неприятие монархии во второй половине 1916 достигло такого напряжения, что все политические партии и группировки, придерживающиеся различных взглядов на политическое устройство России, объединились на платформе оппозиции к действующей власти.

К 1916 г. изменилась и армия. Та кадровая императорская армия, которая вышла на боевые позиции в 1914, практически погибла в первый же год войны. В 1916 уже набирали крестьян и заводских рабочих, у которых дома остались семьи. Поэтому они совершенно не принимали перспективу участия в войне. Всего за военное время было мобилизовано до 15 млн человек, что составляло около 10% всего населения страны или 25% трудоспособного населения. К 1917 г. потери Российской империи дошли до 2,5 млн солдат и до 1 млн мирных жителей. Человеческая жизнь обесценилась. С 1915 г. в армии были восстановлены телесные наказания. К началу 1917 г. в Петроградском гарнизоне было сосредоточено около 180 тыс. новобранцев для прохождения начальной военной подготовки. Казармы были переполнены в 8–10 раз. По выражению А.И. Деникина, это была уже не армия, а трудноуправляемый «вооруженный народ». Среди мобилизованных рабочих были и те, которые ранее участвовали в революционной деятельности. Они выступали за свержение царя и пропагандировали социалистические идеи. Кронштадтская военно-морская база, по докладам начальства, представляла собой «пороховой погреб». Уже осе-

нью 1916 г. было ясно, что в случае восстания на армию рассчитывать нельзя. В феврале 1917 на улицах Петербурга появились толпы солдат и рабочих с лозунгами «Долой войну!».

Чрезмерная мобилизация вызвала дефицит рабочей силы, как в городе, так и в деревне. По этим же причинам сократилась добыча топлива, особенно на шахтах Донецкого угольного бассейна.

Зимой 1916–1917 гг. начала ощущаться угроза развала в работе железнодорожного транспорта и, как следствие, перебои в снабжении армии продовольствием и фуражом.

У рабочих также были причины недовольства – это увеличенный рабочий день до 11–12 часов, тяжелые условия труда, опасность получить производственную травму, неудовлетворительные санитарные условия, относительно низкая заработная плата на фоне гиперинфляции. В годы войны произошел большой приток рабочей силы в промышленные центры страны, что вызвало перенаселение жилого фонда. Последней каплей, переполнившей шаткое равновесие напряженного социального состояния в Петрограде, стало закрытие властями 21–22 февраля крупнейшего в столице Путиловского завода по причине забастовки. На улицу было временно выброшено 36 тыс. озлобленных рабочих.

В конце февраля в связи с перебоями поставки муки в Петроград правительство города установило лимиты на выпечку хлеба и приняло решение о введении карточной системы, что вызвало панику среди населения. Начались погромы магазинов. Бастующие заводы «снимали» соседние предприятия и силой вынуждали их присоединиться к забастовкам. Перебои же со снабжением столицы были вызваны обычно блокадой железных дорог, устроенной заговорщиками от министерства путей сообщения. Они же и остановили царский поезд по пути в Петроград в дни Февраля.

Царское правительство осознавало приближение революции, но у него не было понимания, как и когда она может произойти. В случае восстания предусматривалось опереться на Петроградский гарнизон, однако расчеты не оправдались. Учебные команды первыми присоединились к революции. Также не встали на защиту монархии и гвардейские части. Единственной силой, лояльной царю, оказались полицейские, но их в Петрограде насчитывалось всего 3,5 тысяч.

Однако следует сказать, что трудности в условиях военного времени неизбежно должны были возникнуть. В России оппозиция воспользовалась естественными проблемами как доказательством того, что правительство ведет страну «к гибели». Единственное спасение, по ее утверждению, состояло в конституционных преобразованиях и создании «правительства народного доверия».

С осени 1916 г. Николая II не поддерживают даже Романовы. Возникает великокняжеская оппозиция («великокняжеская фронда»), которая письмами или при личных встречах с государем выражает озабоченность по поводу складывающейся тревожной ситуации. Общим требованием великих князей стало отстранение от власти царицы-немки, удаление Распутина и введение «ответственного министерства». «Великокняжеский манифест» «О полной конституции русскому народу» был подписан 01 марта 1917 года Павлом Александровичем, Кириллом Владимировичем и Михаилом Александровичем.

В этот критический момент 22 февраля царь выезжает в Ставку, оставив заботу о безопасности столицы некомпетентным людям: военному министру генералу М.А. Беляеву, командующему округом генералу С.С. Хабалову и министру внутренних дел А.Д. Протопопову. Будучи в Ставке, царь игнорировал панические телеграммы председателя Государственной думы М.В. Родзянко. Не вызывали у него сомнений и успокаивающие сообщения царицы о том, что «мальчишки

и девчонки бегают и кричат: "Нет хлеба!"». В действительности план заговора уже действовал.

Историк русского зарубежья Г.М. Катков выделяет две фазы февральских событий 1917 г. в Петрограде: первая – с 23 по 28 февраля. «Этот период был отмечен быстро растущей волной забастовок на промышленных окраинах и уличными демонстрациями... Полиция, при довольно вялой поддержке казаков и воинских частей, делала нерешительные попытки разогнать демонстрантов. Положение обострилось только к ночи 25-го, когда для предупреждения дальнейших демонстраций было решено использовать войска. Жертвы 26-го февраля – главным образом результат уличных столкновений и случайных выстрелов. С наступлением вечера 26-го февраля показалось, что рабочие волнения ослабевают, что вмешательство войск решило исход дела в пользу правительства. Вторая фаза началась, когда правительство решило отложить февральскую сессию Думы до апреля; центром революционных событий стал Таврический дворец (местопребывание Думы)».

Действительно, сразу же после отъезда Николая II 22 февраля в Ставку в Петрограде началась новая и мощная волна хлебных бунтов, антивоенных митингов, забастовок на промышленных предприятиях, которые были затем поддержаны частями столичного гарнизона. 27 февраля всеобщая забастовка переросла в вооруженное восстание. Мятежники заняли важнейшие пункты города, правительственные здания. В сложившейся форс-мажорной обстановке царское правительство оказалось не способно к быстрым и решительным действиям. Немногочисленные и разрозненные силы, сохранявшие верность императору, были не в состоянии самостоятельно справиться с анархией, охватившей столицу, а несколько воинских частей под командованием Н.И. Иванова, снятых с фронта для подавления восстания, не пробились к городу, так как поступила команда – остановить продвижение.

[152] Родзянко, Михаил Владимирович (1859–1924) – русский политический деятель, лидер партии «Союз 17 октября» (октябристов); действительный статский советник (1906), гофмейстер Высочайшего Двора (1899). Председатель Государственной думы третьего и четвертого созывов. Один из лидеров Февральской революции (1917), в ходе которой возглавил Временный комитет Государственной думы.

[153] Спиридович А.И. Указ. соч. – С. 132–133.

[154] Львов, Георгий Евгеньевич (1861–1925) – князь, русский общественный и политический деятель, депутат Государственной Думы I созыва. С 1905 г. состоял в партии кадетов, а с 1911 – член Московского комитета партии прогрессистов. Лидер земского движения, организатор и глава «Всероссийского земского союза помощи больным и раненым военным» (1914), который объединился с Всероссийским союзом городов (Земгор). 2 (15) 1917 г. Временным комитетом Государственной Думы был назначен министром-председателем и министром внутренних дел первого Временного правительства. 7 (20) июля 1917 г. ушел в отставку. В 1918 г. Сибирское временное правительство командировало его в США для переговоров об оказании помощи. Не добившись результатов, вернулся во Францию, где в 1918–1920 гг. стоял во главе Русского политического совещания в Париже.

[155] Дневник и переписка Великого Князя Михаила Александровича: 1915–1918.– Там же.

[156] Алексеев, Михаил Васильевич (1857, Вязьма –1918, Екатеринодар) – русский военачальник. Участник русско-турецкой (1877–1878 гг.) и русско-японской (1904–1905 гг.) войн, в годы Первой мировой войны – начальник штаба армий Юго-Западного фронта, главнокомандующий армиями Северо-Западного фронта, начальник штаба Верховного главнокомандующего (с авг. 1915 г.). Генерал от инфантерии Генерального штаба (24 сент. 1914 г.), генерал-

адъютант (10 апр. 1916 г.). Во время Февральской революции (1917) выступил за отречение Николая II от престола и своими действиями способствовал принятию императором этого решения. Арестовал бывшего царя согласно постановлению Временного правительства. Активный участник Белого движения в годы Гражданской войны в России, один из создателей и Верховный руководитель Добровольческой армии.

[157] Красный архив. – 1927. – № 2 (Т. 21). – С. 11–12.

[158] Спиридович А.И. Указ. соч. – С. 134.

[159] Дневник и переписка Великого Князя Михаила Александровича: 1915–1918. – С. 396.

[160] Вероятно, панихида служилась в память «почившего в Бозе» императора Александра III по случаю его дня рождения, что не противоречит православной традиции.

[161] Дневник и переписка Великого Князя Михаила Александровича: 1915–1918. – Там же.

[162] Беляев, Михаил Алексеевич (1863, Санкт-Петербург – 1918, Петроград) – русский генерал, последний военный министр Российской империи. Из дворянского рода Беляевых, который дал плеяду известных военных деятелей. После проведения мобилизации 01.08.1914 был назначен исполняющим делами начальника Генерального штаба (утвержден в должности 02.04.1916). Генерал от инфантерии (1914). 23 июня 1915 г. стал одновременно помощником военного министра А.А. Поливанова. Со 2 апреля 1916 г. – и. о. начальника Генерального штаба. 10 августа 1916 г. снят с поста начальника Генштаба и назначен членом Военного совета и представителем русского командования при румынской Главной квартире. С 3 января 1917 г. военный министр. Во время Февральской революции пытался организовать подавление беспорядков, вместе с С.С. Хабаловым объявил Петроград на осадном положении, просил организовать присылку с фронта верных частей. Арестован 1 марта 1917 г. и заключен в Петропавловскую крепость. Вскоре освобожден. По постановлению Временного правительства от 1 июля 1917 г. вновь арестован. Допрашивался Чрезвычайной следственной комиссией Временного правительства, безуспешно пытавшейся обвинить Беляева в злоупотреблениях. После Октябрьской революции освобожден. Участия в общественной деятельности не принимал. В сентябре 1918 г. арестован органами ЧК и расстрелян.

[163] Хабалов, Сергей Семенович (1858, с. Нерцы Валдайского уезда Новгородской губ. – 1924) – русский генерал-лейтенант, участник Русско-турецкой войны (1877–1878). Начальник Московского (1903–905) и Павловского (1905-1914) военных училищ, автор ряда учебных пособий. В 1914-1916 гг. – военный губернатор Уральской области и наказной атаман Уральского казачьего войска. Командующий войсками Петроградского военного округа (1916–1917).

[164] Спиридович А.И. Указ соч. – С. 143–144.

[165] Спиридович А.И. Указ. соч. – С. 148.

[166] Цит. по Катков Г.М. Февральская революция. – Paris, YMCA-PRESS, 1984. – С. 300.

[167] Катков Г.М. Февральская революция. – Paris, YMCA-PRESS, 1984. – С. 330.

[168] Катков Г.М. Февральская революция. – Paris, YMCA-PRESS, 1984.– С. 391

[169] Милюков П.Н. Воспоминания. – М.: Политиздат, 1991. – С. 449.

[170] Павел Александрович, Великий Князь (1860, Царское Село – 1919, Петроград) – шестой сын императора Александра II и его супруги императрицы Марии Александровны; генерал-адъютант, генерал от кавалерии. В Первую мировую войну недолго командовал 1-м Гвардейским корпусом (май – сентябрь 1916), затем занимал должность инспектора войск гвардии.

[171] Кирилл Владимирович, Великий Князь (1876, Царское Село – 1938, Париж) – второй сын Великого Князя Владимира Александровича, третьего сына императора Александра II, и Великой Княгини Марии Павловны; двоюродный брат Николая II и Михаила Александровича. По окончании Морского кадетского корпуса и Николаевский морской академии с 1904 г. – начальник военно-морского отдела штаба командующего флотом в Тихом океане вице-адмирала С.О. Макарова, служебными делами, однако не занимался, но отличился пьянством и хамством. 31 марта при подрыве на мине флагманского корабля «Петропавловск» находился на его борту, но был спасен. Вечером того же дня вместе с Великим Князем Борисом Владимировичем выехал в Санкт-Петербург и далее в Германию для лечения «полученного нервного расстройства». В 1905–1909 гг. был в семейном конфликте с императором Николаем II в связи с заключением брака без согласия государя. В 1909–1912 гг. служил на крейсере «Олег», последний год – командиром. С 1913 г. – в Гвардейском экипаже, а с началом Первой мировой войны продолжил службу в штабе верховного главнокомандующего. С 1915 – командир гвардейского экипажа. 1 марта 1917 г. Кирилл Владимирович явился в Государственную думу и отрапортовал Родзянко о том, что он и его Гвардейский экипаж находится в полном распоряжении Государственной думы. В 1924 г., в эмиграции, провозгласил себя Императором Всероссийским Кириллом I, с чем не согласилась часть Императорской семьи, в том числе вдовствующая императрица Мария Федоровна.

[172] Красный архив. Исторический журнал. Т. 24. Центрархив, 1927. – С. 208.

[173] Андрей Владимирович, Великий Князь (1879, Царское Село – 1956, Париж) – четвертый сын Великого Князя Владимира Александровича и Марии Павловны, внук Александра II. Друг Михаила Александровича. Они вместе в 1902 г. окончили Михайловское артиллерийское училище и были направлены в 5-ю батарею Гвардейской Конно-артиллерийской бригады. В 1902 г. Андрей Владимирович поступил в Александровскую военно-юридическую академию, которую окончил по 1-му разряду в 1905 г., и был зачислен по военно-судебному ведомству. В 1910 г. назначен командиром 5-й батареи лейб-гвардии Конно-артиллерийской бригады, а в 1911 г. назначен командиром 6-й Донской казачьей артиллерийской батареи. С началом Первой мировой войны состоял при Генеральном штабе. В 1915 г. назначен командующим лейб-гвардии Конной артиллерии, произведен в генерал-майоры с зачислением в Свиту Его Императорского Величества. 3 апреля 1917 г. Андрей Владимирович был уволен от службы. После Февральской революции с матерью и братом Борисом жил в Кисловодске, туда же приехала М. Кшесинская с их сыном Владимиром. 4 (17) января 1919 г. перебрались в Новороссийск, а 19 (3 марта) февраля 1919 г. на итальянском пароходе отплыли в Константинополь, где получили французские визы. В 1921 г. женился на Матильде Кшесинской. Монархист-легитимист, он поддерживал своего старшего брата Кирилла Владимировича, принявшего в 1924 г. титул Императора Всероссийского в изгнании.

[174] Великий Князь Андрей Владимирович. Дневники. 1915–1917 гг. / Гибель монархии / Великий Князь Николай Михайлович. М.В. Родзянко. Великий Князь Андрей Владимирович. А.Д. Протопопов. – М., Фонд Сергея Дубова, 2000. – С. 334.

[175] В дневнике Михаила Александровича о визите Бьюкенена ничего не сообщается.

[176] Бьюкенен Дж. Моя миссия в России / Джордж Бьюкенен; [пер. с англ. И.В. Гюббинет]. – М.: «Захаров», 2018. – С. 252.

[177] Спиридович А.И. Указ. соч. – С. 242.

[178] См.: Палеолог М. Царская Россия накануне революции: Пер. с фр. – Репринт. воспроизведение изд. 1923 г. – М,: Политиздат, 1991. – С. 356.

[179] Милюков П.Н. Указ. соч. С. – 462–463.

[180] Милюков П.Н. Указ. соч. – С. 460.

[181] Бьюкенен, Джордж Уильям (англ. GeorgeWilliamBuchanan; 1854, Копенгаген – 1924, Лондон) – сэр, британский дипломат, посол Великобритании в России (1910–1918). Основной его задачей было противодействие стремлениям прогермански ориентированных кругов в России порвать с Антантой. Был тесно связан с российскими либеральными партиями (кадетами и октябристами), поддерживал высказываемые ими идеи конституционной монархии, часто принимая в британском посольстве лидеров Государственной думы. В конце 1916 года в Петрограде ходили разговоры, что английский посол стал на сторону противников российской монархии.

[182] Бьюкенен Дж. Указ. соч. – С. 277.

[183] Милюков П. Н. Указ. соч. – С. 467.

[184] Милюков, Павел Николаевич (1859–1943) – историк, политический деятель, один из основателей и руководителей конституционно-демократической партии. С 1907 г. бессменный руководитель ее ЦК. Депутат Государственной Думы III и IV созывов. Министр иностранных дел в первом составе Временного правительства. Вошел от партии кадетов во Временный совет Российской республики. Депутат Учредительного собрания от Петрограда. С ноября 1917 г. примкнул к Добровольческой армии. С 1920 г. – эмигрант.

[185] Милюков П.Н. – Там же.

[186] Керенский, Александр Федорович (1881, Симбирск – 1970, Нью-Йорк, США) – российский политический и государственный деятель; министр, а затем министр-председатель Временного правительства (1917). Член партии социалистов-революционеров. Один из создателей Российской республики. После Октябрьского переворота 1917 г., в результате которого было свергнуто Временное правительство, и безуспешной попытки вернуть власть, сложил с себя все полномочия. С июня 1918 г. – в эмиграции.

[187] См.: Милюков П.Н. Указ. соч. – С. 468.

[188] Бьюкенен Дж. Указ. соч. – С. 254.

[189] Шульгин, Василий Витальевич (1878–1976) – русский политический и общественный деятель, публицист, депутат Государственной Думы трех созывов, член партии Всероссийский национальный союз, монархист. Один из организаторов и идеологов Белого движения.

[190] Шульгин В.В. Дни. Россия в революции 1917. – СПб.: Питер, 2015. – С. 245.

[191] Шульгин В.В. Указ. соч. – С. 238.

[192] Иванов, Николай Никитич (ок. 1886 –?) – присяжный поверенный, владелец банковской конторы, кадет. Редактор левокадетской газеты «Новая Россия» (Таллинн, 1919), критиковал как монархистов-реакционеров, так и большевиков, а также политику и действия Северо-Западного правительства, в котором он короткое время был министром без портфеля, а затем министром общественных работ. Возглавлял эфемерную Практическую народную партию. В 1921 г. по требованию властей покинул Эстонию. После депортации опубликовал несколько очерков на политико-экономические темы. Далее его следы теряются.

[193] Цит. по Хрусталёв В.М. Великий Князь Михаил Александрович и его дневники / Дневник и переписка Великого Князя Михаила Александровича: 1915–1918. – М.: ПРОЗАиК, 2012. – С. 387.

[194] Документ, подписанный Михаилом Александровичем, в литературе, вероятно, с подачи прессы, именуется как «манифест», однако это не правильно, так как великий князь не имел права издавать манифесты, не будучи коронованным. «Вестник Временного правительства» этот документ назвал «Актом», а газета «Русское слово» – «Обращением».

[195] Милюков П.Н. Указ. соч. – С. 469.

[196] «Русское слово» – общедоступная общественно-политическая, экономическая и литературная ежедневная газета либеральной направленности, изда-

вавшаяся большим тиражом в Москве с 1895 г. (фактически с 1897). Издатель и редактор газеты А.А. Александров, свидетельство на издание получил И.Д. Сытин.

[197] «Русское слово», 5 (18) марта 1917 г. № 51. – С. 1.

[198] Великий Князь Андрей Владимирович. Дневники. 1915–1917 гг. / Гибель монархии / Великий Князь Николай Михайлович. М.В. Родзянко. Великий Князь Андрей Владимирович. А.Д. Протопопов. – М., Фонд Сергея Дубова, 2000. – С. 334.

[199] Воспоминания М. Палеолога фактически являются дневниковыми записками, которые, однако, писались позднее.

[200] Палеолог М. Указ. соч. – С. 43–44.

[201] Палеолог М. Указ .соч. – С. 44.

[202] Палеолог М. Указ. соч.– С. 43.

[203] Снесарев, Андрей Евгеньевич (1865–1937) – русский и советский военачальник, военный теоретик, ученый востоковед. Окончил физико-математический факультет Московского университета (1888), Московское пехотное училище (1889) и Николаевскую Академию Генерального штаба (1899). С 1899 г. – на службе в Туркестанском военном округе, с 1904 года – в Главном штабе. В 1905 г. был назначен начальником Среднеазиатского отдела ГУГШ.Первую мировую войну встретил начальником штаба 2-й Казачьей сводной дивизии в составе 12-го армейского корпуса 8-й армии. В октябре 1914 г. назначается командиром 133-го пехотного Симферопольского полка 34-й пехотной дивизии. 24 августа 1915 г. произведен в генерал-майоры и назначен командиром 1-й бригады той же 34-й пехотной дивизии. В феврале 1916 г. назначен начальником штаба 12-й пехотной дивизии, участвовал в Луцком (Брусиловском) прорыве. После Февральской революции был назначен начальником штаба 12-го армейского корпуса, в апреле 1917 г. – начальником 159-й пехотной дивизии, а после провала Корниловского выступления – командиром 9-го армейского корпуса 2-й армии Западного фронта. В октябре 1917 г. произведен в генерал-лейтенанты. В Гражданскую войну – военрук Северо-Кавказского военного округа, начальник Западного района обороны, командующий Западной армией. С августа 1919 года по июль 1921 года начальник Академии Генштаба РККА, затем главный руководитель по военной географии Военной академии РККА. В январе 1930 г. был арестован, дважды приговаривался к расстрелу. По указанию Сталина расстрел был заменен на 10 лет ИТЛ. С октября 1931 года по ноябрь 1932 г. находился в с. Важины (СвирьЛАГ), затем в Соловецком лагере особого назначения (СЛОН). Досрочно освобожден как тяжело больной 27 сентября 1934 г. Умер в московской больнице.

[204] Снесарев А.Е. Дневник: 1916–1917 / Подг. Текста, предисл. И указат. А.А. Комиссаровой; вступ. ст. В.К. Белозерова. – М.: Кучково поле, 2014. – С. 355.

[205] Ленин В.И.Революция в России и задачи рабочих всех стран (рукопись) / В.И. Ленин. Полн. собр. соч., изд. пятое. М., Издательство политической литературы, 1969. Т. 31. – С. 70.

[206] Савинков, Борис Викторович (1879, Харьков – 1925, Москва) – русский революционер, террорист, один из лидеров партии эсеров, руководитель Боевой организации партии эсеров. Участник Белого движения, писатель (прозаик, поэт, публицист, мемуарист; литературный псевдоним – В. Ропшин). Известен книгой «Воспоминания террориста».

[207] Приказ управляющего Военным министерством Б.В. Савинкова главнокомандующему войсками Петроградского военного округа Г.П. Полковникову об аресте Великого Князя Михаила Александровича от 21 августа 1917 г. // Скорбный путь Михаила Романова: От престола до Голгофы: Документы, материалы следствия, дневники, воспоминания. / Сост. В.М. Хрусталев, Л.А. Лыкова. – Пермь: Изд-во «Пушка», 1996. – С. 65.

[208] Дневник и переписка Великого Князя Михаила Александровича: 1915–1918. – С. 454.

[209] Там же. – С. 457.

[210] Из сводки донесений в Петроградский ВРК об участии великого князя Михаила Романова в контрреволюционных выступлениях // Скорбный путь-Михаила Романова: От престола до Голгофы: Документы, материалы следствия, дневники, воспоминания. – Пермь: Изд-во «Пушка», 1996. – С. 82.

[211] Краснов, Петр Николаевич (1869, Санкт-Петербург – 1947, Москва) – генерал-майор Русской императорской армии, атаман Всевеликого войска Донского, военный и политический деятель, писатель и публицист. Видный деятель Белого движения.

В 1889 г. выпущен хорунжим в комплект донских казачьих полков с прикомандированием к Лейб-гвардии Атаманскому полку. С 1893 г. – сотник. Писал беллетристику и статьи по военной теории. По Высочайшему повелению в 1897 г. был назначен начальником конвоя дипломатической миссии в Аддис-Абебу (Абиссиния). В 1901 г. командирован на Дальний Восток для изучения быта Маньчжурии, Китая, Японии и Индии. В 1909 г. окончил Офицерскую кавалерийскую школу, служил в должности войскового старшины. В 1910 г. произведен в полковники, с 1911 г. командир 1-го Сибирского казачьего полка, дислоцированного на границе с Китаем. С 1913 г. – командир 10-го Донского казачьего полка, стоявшего на границе с Австро-Венгрией.

В июне 1915 г. награжден Георгиевским оружием за отвагу и мужество при взятии 1 августа 1914 г. железнодорожной станции при гор. Любиче. В ноябре 1914 г. произведен в генерал-майоры и назначен командиром 1-й бригады 1-й Донской казачьей дивизии. С мая 1915 г. – командир 3-ей бригады Кавказской туземной конной дивизии. 29.05.1915 г. награжден орденом Святого Георгия 4-й степени. С июля 1915 г. – начальник 3-ей Донской казачьей дивизии, с сентября – командующий 2-й Сводной казачьей дивизии. В кон.мая 1916 г. дивизия Краснова одна из первых начала Луцкий (Брусиловский) прорыв.

После Февральской революции Краснов в политике участия не принимал, продолжал службу в своей части. После захвата власти большевиками по приказу А.Ф. Керенского двинул части корпуса, в количестве 700 чел., в Петроград, занял Гатчину и Царское Село. Не получив подкрепления, заключил с большевиками перемирие. Был арестован, но затем освобожден. Большой войсковой круг, созванный в августе 1918 г., произвел атамана Краснова в генералы от кавалерии.

Во время Второй мировой войны занимал пост начальника Главного управления казачьих войск Имперского министерствавосточных оккупированных территорий нацистской Германии. Был взят в плен англичанами и выдан СССР, где был приговорен к смертной казни и повешен.

[212] Мясников, Гавриил Ильич (1889-1946), по прозвищу «Ганька» – профессиональный революционер, мотовилихинский рабочий, член РСДРП(б) с 1906 г., в 1917–1921 гг. на руководящей советской и партийной работе в Мотовилихе и Перми. Член ЦИК. Широко известен своей дискуссией с В.И. Лениным («мясниковщина»), в которой высказывал несогласие с линией партии. За оппозиционную деятельность был исключен из партии и арестован. Находясь в ссылке, бежал за границу. В годы Второй Мировой войны активный участник антифашистского сопротивления во Франции. В конце войны вернулся в СССР, был арестован и расстрелян.

[213] Мясников Г.И. Философия убийства, или почему и как я убил Михаила Романова // Минувшее: Истор. альманах. – М.; СПб., 1995. – Вып. 18. – С. 48.

[214] Мясников Г. И. Указ. соч. – С. 49.

[215] Мясников Г. И. Указ. соч. – С. 55.

[216] Известия Пермского окрисполкома Совета Раб., крест. иарм. деп. – 1918 – 15 июня – С. 4.

[217] Девлеткамов М. И. 12 июня / Газета «Ракурс». 2000 г., N 26 // Михаил Александрович (сын Александра III) [Электронный ресурс]. – URL:https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9C%D0%B8%D1%85%D0%B0%D0%B8%D0%BB_%D0%90%D0%BB%D0%B5%D0%BA%D1%81%D0%B0%D0%BD%D0%B4%D1%80%D0%BE%D0%B2%D0%B8%D1%87_(%D1%81%D1%8B%D0%BD_%D0%90%D0%BB%D0%B5%D0%BA%D1%81%D0%B0%D0%BD%D0%B4%D1%80%D0%B0_III)

[218] Газета «Свободный путь» – профессионально-политический орган Союза железнодорожников Пермской железной дороги, г. Пермь. Издавалась в 1918 г.

[219] Из хроники газеты «Свободный путь» //Скорбный путь Михаила Романова: От престола до Голгофы: Документы, материалы следствия, дневники, воспоминания. – Пермь: Изд-во «Пушка», 1996. – С. 127–128.

[220] Российское телеграфное агентство создано в сентябре 1918 г. на основании постановления ВЦИК, объединившее Петроградское телеграфное агентство, Бюро печати при ВЦИК и все др. советские информационные учреждения в стране и за границей.

[221] Телеграмма РОСТА по прямому проводу из Москвы в Киев о задержании Михаила Романова и его секретаря Н.Н. Джонсона// Скорбный путь Михаила Романова: От престола до Голгофы: Документы, материалы следствия, дневники, воспоминания. – Пермь: Изд-во «Пушка», 1996. – С. 131–132.

[222] Выписка из газеты «Современная Пермь» //Скорбный путь Михаила Романова: От престола до Голгофы: Документы, материалы следствия, дневники, воспоминания. – Пермь: Изд-во «Пушка», 1996. – С. 182–183.

Глава 2. **Великий Князь Михаил Александрович как литературный герой (1920–2020 гг.)**

§ 1. Михаил Романов в мемуарной литературе.

Воспоминания о Февральской революции оставили почти все участники и даже просто свидетели событий. Самые ранние впечатления – это выражение психологического шока от пережитых потрясений. Революционно настроенные авторы героизировали события 1917 г. в России. Позднее делаются попытки осмыслить прошедшие события и выразить собственную оценку. В поздних мемуарах наблюдается желание авторов показать собственную роль, оправдать свои действия перед новой властью или старыми товарищами. Отметим, что во всех воспоминаниях присутствует эпизод передачи верховной власти Николаем II своему брату Михаилу Александровичу.

2.1.1. Михаил Александрович в мемуарной литературе жанра некролога

Среди многочисленных примеров мемуарной литературы, в которых говорится о Михаиле Александровиче, выделяются те, которые можно условно отнести к жанру некролога. Эти воспоминания (их сравнительно немного) писались близкими людьми Великого Князя по истечению значительного времени, когда пришлось уже признать, что в живых его нет. Авторы фактически оплакивают дорогого им человека, что говорит об ис-

кренности чувств. В них о Михаиле сообщается только самое хорошее, и время, проведенное с ним, представляется как лучший период в жизни авторов. В этом дискурсе участвуют сослуживец Великого Князя Б.В. Никитин, родная сестра Михаила Ольга Александровна и его адъютант А.А. Мордвинов.

Б.В. Никитин[1] в годы Первой мировой войны длительное время служил под командованием Михаила Александровича. Работать над воспоминаниями он начал сразу же, как оказался в эмиграции в 1920 г. Первая статья «Петроградская контрразведка накануне революции. Из воспоминаний сотрудника» вышла в журнале «Былое»[2] в 1924 г. А в 1932 г. уже в Париже, в самой популярной и влиятельной газете русской эмиграции «Последние Новости» (главный редактор П.Н. Милюков), была опубликована серия его статей. В завершенном виде воспоминания на русском языке были изданы также в Париже в 1937 г., затем переведены на английский язык. Цель книги – «записать детали событий, не получившие широкой огласки»[3].

Михаилу Александровичу автор посвятил отдельную главу с названием, характерным для некролога, «Светлой памяти Великого Князя Михаила Александровича». Она начинается трогательными словами любви и преданности: «Душевное внимание Великого Князя, его чарующая простота и деликатность всегда привлекали сердца тех, кому приходилось с ним встречаться. Что же сказать нам, проведшим с ним войну? Мы были счастливы близостью к нему, а преданы безмерно»[4].

Никитин вспоминает многочисленные примеры беспримерной отваги и мужества Великого Князя на фронте. «У Великого Князя не было инстинктивного движения наклонить голову под пулей»[5], – утверждал автор.

Никитин обращает особое внимание на прекрасные человеческие качества Михаила: доброту, внимание и сочувствие к людям. «Его доступность известна всем русским людям. Он принимал всех, кто хотел его видеть, и был добрым гением для тех, кто просил о помощи ...»[6]

21 августа 1917 г., будучи в Гатчине, Б.В. Никитин подходил к маленькому домику, где жил Михаил Александрович, с мыслью: «Судьбе угодно было сохранить Великого Князя на войне. Но как все кругом переменилось! Около небольшого сада бродят вооруженные, разнузданные, всклокоченные солдаты. Только Великий Князь все тот же спокойный, ровный, приветливый...»[7]

«Правильно ли поступил, отказавшись от престола?» – этим вопросом задавался сам Великий Князь, задаются им и современные исследователи. «Я ожидал катастрофы, но я не имел прав на престол, – отвечал Великий Князь, – и не видел возможности работать с министрами, которые против меня»[8]. Следует обратить внимание на эту деталь: «не видел возможности работать с министрами, которые против меня». Он готов был работать и чувствовал в себе для этого достаточно сил, но не имел возможности иметь дело с таким правительством. Это мнение позднее выскажет в своих исследованиях Г.М. Катков.

«В частности, для тех, кто провел с ним войну, – утверждает Никитин, – нет места объяснениям, что его остановили шальные пули Петрограда. Великий Князь привык совсем не к такому огню. Он никогда не останавливался перед опасностью»[9]. Никитин считает, что учитывая ту ситуацию, в которой оказался Михаил Александрович, нельзя на него возлагать ответственность за падение монархии. 3 марта 1917 г. на Миллионной, 12 он был «взят мертвой хваткой».

«31 мая 1918 г. (по ст. стилю) Великий Князь бесследно исчез в Перми. <...> Вернее всего было сразу предположить, что руки большевиков были обагрены его кровью. Они долго страшились показывать эти пятна, и только в вышедшем в 1930 году[10] описании Быкова "Последние дни Романовых"[11] автор-большевик впервые подтвердил, что Великий Князь и Джонсон были расстреляны в ночь похищения около Перми, в лесу, в 6 верстах от Мотовилихи»[12], – заканчивает Б.В. Никитин.

Автор воспоминаний не только подтверждает те характеристики, которые высказывались при жизни Ве-

ликого Князя другими участниками дискурсов (доброта, внимание к людям, отзывчивость, смелость и отвага, проявленные на фронте), но и добавляет такие качества как вдумчивость, реальная оценка ситуации, сложившейся на 3 марта 1917 г.

Великая Княгиня Ольга Александровна, родная сестра Михаила Александровича, немного младше его по возрасту, была с детства самым близким его другом. Охлаждение в их отношениях, вызванное морганатическим браком великого князя, они оба тяжело переживали. Их дружба в полной мере в годы войны так и не возродилась.

17 ноября 1941 г., по случаю празднования серебряной свадьбы с Н. Куликовским[13], Ольга Александровна, проживавшая тогда в Дании, дала интервью, которое было опубликовано в виде большой статьи, размещенной в нескольких номерах «Берлингске Тиденде»[14]. В 2005 г. внучка Великой Княгини Ксения Куликовская-Нильсен дала разрешение на полную публикацию этих воспоминаний. В результате в Копенгагене вышло два издания книги под заголовком «Storfyrstinde Olga – 25 kapitler af mit liv» («Великая княгиня Ольга – 25 глав моей жизни»). В 2010 г. «25 глав...» были опубликованы на английском языке и позднее несколько раз переиздавались, в том числе в виде электронной книги. Первое издание воспоминаний Ольги Александровны на русском языке состоялось в 2017 г., включившее в себя не только ранее опубликованные материалы, но и ее собственноручные записи и переписку. Михаилу посвящена отдельная глава, которая так и называется «Мой брат Миша».

В детстве Ольга и Михаил были постоянно вместе. Михаил с сестрой часто играл в игры, свойственные девочкам. «Довольно часто мы с Мишей стряпали сами, – пишет Ольга, – и нам нравилось это дело»[15].

Праздник Кирасирского полка (9-го мая), – самое примечательное событие старой Гатчины, – приобрел для них особое значение, когда Михаил там начал службу в 1898 г. «Он был истинным отцом солдат, они обожали его. Если кто-либо из них заболевал, Миша

каждый день навещал в госпитале больного и часто брал меня с собой»[16], — вспоминает Ольга Александровна.

«... Миша был сама доброта, мягко-сердечный и прелестный по натуре человек»[17].

«В начале войны Миша был назначен командиром дивизии, которая состояла целиком из вольноопределяющихся[18] с Кавказа... Война для них была чем-то священным, они не боялись смерти... Ладить с этими наездниками, которые на всё имели свою точку зрения, было чрезвычайно трудно... <...> Так или иначе, они любили Мишу, были ему верны и всегда были готовы отдать за него жизнь. Хотя Миша и был счастлив проявлению такой преданности, он все равно испытывал большие трудности... Все это и другие заботы совершенно измотали Мишу, и, когда мы однажды встретились в Киеве незадолго до революции, он выглядел больным и уставшим...»[19]

Возможно, некоторые женские черты характера, которые замечали современники в Великом Князе, объясняются дружбой с младшей сестрой Ольгой в детстве, как раз в этот период и формируется личность человека.

Из сослуживцев Михаила Александровича лучше других знал Великого Князя полковник А.А. Мордвинов, состоявший при нем адъютантом с 1904 по 1912 год.

«Великий Князь Михаил Александрович уже насчитывал в ту пору более 27 лет, но ... казался еще совершенно юношей. Высокий, стройный, сильный, с правильными чертами лица, с удивительно красивыми, лучистыми, немного задумчивыми, большими глазами, он сразу останавливал на себе внимание, а его застенчивая добрая улыбка, простота обращения и чувствуемая во всем его существе юношеская искренность и прямота, невольно привлекали к нему тех, кому приходилось с ним соприкасаться. <...>

В моих глазах все эти качества, как физические, так и душевные, делали бы Михаила Александровича в те далекие суровые и несложные времена, когда люди вы-

бирали из своей среды предводителей и князей, лучшим и наиболее достойным носителем власти. <...>

Но того бурливого, коварного моря человеческих взаимоотношений, что зовется современной общественной и государственной жизнью, Михаил Александрович не знал, да и никогда не стремился до тонкости узнать.

... Еще меньше, пожалуй, Михаил Александрович знал обыденную жизнь, ту жизнь, которой живут люди, не находящиеся во дворцах ...

Того относительно знания жизни, которое иногда дается из книг, Михаил Александрович к тому времени также не успел еще получить. К чтению, ... его, к сожалению, сначала совсем не влекло, да и день его был распределен и заполнен настолько, что для книг почти не оставалось времени. <...> Он отлично знал разговорный английский и французский языки, почти совсем не знал немецкого...»[20]

Многим Михаил Александрович казался безвольным, легко попадающим под чужое влияние. «По натуре он действительно был очень мягок, хотя и вспыльчив, но умел сдерживаться и быстро остывать»[21].

А.А. Мордвинов также сообщает и о тех очень скромных комнатах антресоли Гатчинского дворца, в которых жил Михаил Александрович. Они «были не только чрезвычайно низки, но и очень малы и состояли из похожего скорее на вагонное купе крохотного кабинета, такой же спальни и небольшой уборной»[22].

Адъютант Мордвинов не просто хорошо относился к Михаилу Александровичу, но и по-человечески его любил. У них было много общего. Они оба любили все русское, любили музыку, много размышляли о душевных качествах человека. Поэтому он как никто другой смог раскрыть в своих воспоминаниях внутренний мир великого князя. «Да и в дальнейшей своей жизни он следовал бессознательно, из-за какой-то внутренней потребности, проникновенному завету апостола – "Будьте как дети!" – и, вероятно, несмотря на все позднейшие выпавшие на его долю испытания, он в этих основных чертах своего характера остался бы таким же, дожив и до

седых волос»[23]. Он и радовался, и негодовал, и делился своими впечатлениями с чисто детской искренностью и откровенностью. Особенно Мордвинова поражала его доброта. Каждый день к Михаилу Александровичу обращались десятки человек с просьбой о помощи, и каждому он старался ответить, поддержать, защитить. Обращались с прошениями даже часовые казаки, что должно было по уставу строго наказываться. Далеко не всегда в прошениях заключались просьбы о материальной помощи. В них сообщалось о самых разных житейских проблемах: говорилось о несправедливых судебных решениях, о суровых приказах командиров, об обидах и страданиях по чьей-либо злой воле, о тяжелых болезнях близких людей и прочее. Обращались также издатели, ученые, писатели, художники. Приходили просьбы даже от представителей балканских государств. Однако были случаи, когда просители просто злоупотребляли добротой великого князя.

В презентации образа Великого Князя Михаила Александровича А.А. Мордвинова такие черты характера как доброта и отзывчивость делают героя нашего исследования не просто замечательным человеком, а воплощением этих качеств.

> *Итак, в мемуарах людей, находившихся с Михаилом Александровичем в близких, дружеских отношениях, делается акцент на его замечательные человеческие качества: доброту, искренность, внимание к людям, готовность прийти на помощь ближнему, честность, скромность и порядочность. Однако эти качества не могут его характеризовать как возможного хорошего монарха, хотя многие сходятся на мысли, что Михаил Александрович мог бы стать хорошим конституционным монархом, но в «устоявшемся государстве».Важно добавить, что на совещании 3 марта 1917 г. он проявил такие качества как вдумчивость, способность реально анализировать сложившуюся ситуацию.*

2.1.2. Дискурс по материалам воспоминаний представителей Династии и особо приближенных к Дому Романовых

Особенностью мемуарной литературы является присутствие в той или иной мере авторского субъективизма, что наиболее часто проявляется в произведенияхсобытийного характера. Это обычно приводит к многочисленным фактическим неточностям и ошибкам. Однако, с другой стороны, воспоминания раскрывают личностное отношение авторов к людям и прошедшим событиям.

Рассмотрим образы Михаила Александровича, которые возникают в дискурсе воспоминаний представителей Династии и особо приближенных к Дому Романовых. Примечательно, что они касаются лишь событий Февральской революции. Данный факт свидетельствует о том, что ранее Михаил Александрович ничем особо не выделялся. В настоящем дискурсе принимают участие Великие Князья Андрей Владимирович, Александр Михайлович, Кирилл Владимирович, фрейлины Александры Федоровны А.А. Вырубова и баронесса С.К. Буксгевден, морганатическая супруга Великого Князя Павла Александровича О.В. Палей, дворцовый комендант В.Н. Воейков.

Из дневника Великого Князя Андрея Владимировича:

31 марта (1917 г.). Кисловодск.

«Сегодня прибыл Караулов[24]. Сопоставляя все, что он говорил здесь и в других местах, отречение Миши произошло так. <...>

Керенский наиболее ярко охарактеризовал момент... Вчера еще он согласился бы на конституционную монархию, но сегодня, после того, что пулеметы с церквей расстреливали народ[25], негодование слишком сильное, и Миша, беря корону, становится под удар народного негодования, из-под которого вышел Ники. Успокоить умы теперь нельзя, и Миша может погибнуть, с ним и они все ... Потом Миша удалился с Родзянко и кн. Львовым и через полчаса вышел обратно и заявил, что,

памятуя пользу родины, он отрекается от своих прав... Тогда выступил Керенский и заявил в сильном волнении: "Ваше императорское высочество, я вижу вы — честный человек"».[26]

Андрей Владимирович, черпая сведения из рассказов очевидцев, оправдывает действия Михаила Александровича и приходит к выводу, что ситуация у него была безвыходная. (Такого же мнения придерживался и цитируемый Б.В. Никитин). Нельзя не заметить, что представитель Дома Романовых и друг Михаила Андрей Владимирович не проявляет готовности встать на защиту монархии. Андрей Владимирович документ, подписанный Михаилом Александровичем, также называет «отречением», вероятно, тем самым соглашается с тем, что возврата не будет.

Фрейлина и подруга императрицы Александры Федоровны Анна Вырубова[27] утверждает, что психологическое состояние государя и государыни изменилось с убийством Г. Распутина.

«Их величества были глубоко оскорблены злодеянием, и если они раньше чуждались великих князей, расходясь с ними во взглядах, то теперь их отношения совсем оборвались. Их величества как бы ушли в себя, не желая ни слышать о них, ни видеть их»[28].

А. Вырубова отмечает, что Николай принял решение неожиданно выехать в Ставку накануне революции после встречи с Михаилом Александровичем. «Боялись ли, что его величество догадывается о серьезном положении, не знаю, но стали торопить его уехать на фронт. 19 или 20 февраля к государю приехал Великий Князь Михаил Александрович и стал доказывать ему, будто в армии растет недовольство тем, что государь живет в Царском и так долго отсутствует в Ставке. После этого разговора государь решил ехать. Недовольство армии казалось его величеству серьезным поводом спешить в Ставку...»[29] В действительности встреча Николая II и Михаила состоялась 22 февраля, к тому времени решение о поездке в Ставку Николаем было уже принято. Однако эта информация представляет особый интерес. Если она до-

стоверна, то, скорее всего, великий князь был кем-то направлен (им манипулировали), и, следовательно, план Гучкова начал осуществляться.

Когда после революции Николай возвратился в Царское Село (9-го марта), он показал телеграммы главнокомандующих фронтов, в том числе и Николая Николаевича. «Я не отдам им моего сына, – сказал он с волнением. – Пусть, они выбирают кого-нибудь другого, например Михаила, если он почтет себя достаточно сильным!»[30] Складывается мнение, что Николай отрекся сгоряча и не интересовался уже судьбой монархии. А к способности Михаила стать во главе империи Николай всегда относился скептически. Это высказывание также говорит в очередной раз, что среди Романовых не было единства.

Воспоминания А. Вырубовой были опубликованы в эмиграции в журнале «Русская летопись», Париж, 1922 г.

О.В. Палей[31], морганатическая супруга Великого Князя Павла Александровича, также достаточно скоро и эмоционально описала события Великой русской революции. Мемуары были опубликованы в 1923 г. Она, вероятно, выражала оценку, согласную со взглядами на тот момент уже покойного супруга.

Палей копирует письмо Павла Александровича к М.В. Родзянко, в котором тот сообщает: «...Однако прочел в «Известиях» речь министра иностранных дел Милюкова и его слова относительно регентства великого князя Михаила. Мысль об отречении императора глубоко ошибочна. Необходимы конституция и регулярное снабжение армии. С ними, вне всякого сомнения, государь доведет войну до победного конца. <...> (Павел Александрович сделал упреждающий ход, тем самым показал Родзянко слабость Династии. – **Л.П.**).

2 марта Милюков разразился в Думе длиннейшей речью. Он заявил, что государь должен отречься в пользу сына, а его младший брат Великий Князь Михаил принять регентство. Какой-то большевистский горлодёр[32] крикнул:

«– Опять Романовы!

— Да, опять, — поклонился Милюков, — опять Романовы, и вам, и мне постылые. Но пока ничего лучше не предложу»[33]. Павел Александрович, старший из Александровичей, твердо придерживался мнения сохранение верховной власти у Николая при проведении некоторых конституционных реформ.

«В четыре пятнадцать утра 3 марта камердинер постучал в дверь спальни и сказал, что офицер из императорской свиты должен поговорить с нами <...>. Полковник по-военному отдал честь, извинился за раннее вторжение, ... и причел нам манифест (Николая II об отречении)...»[34]

«Мы с великим князем остолбенели.

... Все мысли о катастрофе, о гибели империи. Именно, гибели. Напрасны были утешения, что Михаилде продолжит дело. Михаил — женин подкаблучник, а жена его, мадам Брасова, — интриганка. И потом, "царя-батюшку" нашего мы любили и другого не желали»[35]. Для всех Романовых отречение Николая II оказалось полной неожиданностью, а всем ранее бродившим слухам они не придавали значения.

В тот же день, 3 марта, в одиннадцать утра Павел Александрович приехал к государыне и сообщил ей об отречении государя от престола в пользу Михаила.

— Если отрекся, — сказала она, — значит, так надо...

— Не буду государыней, — добавила она, грустно улыбнувшись, — буду сестрой милосердия. Пусть правит Миша. А я займусь госпиталем и детьми. И в Крым поедем, отдохнем...»[36] У царской четы все еще присутствует мнение, что в России произошла передача власти, а не революция.

«А в это время великий князь Михаил сидел в Петрограде, в Зимнем, — пишет О. Палей. — При нем был командующий войсками генерал Хабалов и несколько верных полков. Мало кто знает, что генерал, увидев толпу, идущую к Зимнему, предложил Михаилу открыть стрельбу. Великий князь решительно воспротивился. "Не пролью, — сказал он, — ни капли русской крови". Тайком он покинул дворец и спрятался в доме на Мил-

лионной, у друга своего, князя Путятина...»[37] – Такова была оценка Ольги Палей действий Михаила Александровича и его решения снять охрану Зимнего дворца.

«Итак, великий князь Михаил, – продолжает О. Палей, – прибыл на Миллионную и в час ночи[38] принял князя Львова, Родзянку, Милюкова, Керенского и иже с ними. Компания явилась уговорить его отречься от престола ради блага народного. Народ-де со временем сам выберет в цари, может, его, может, кого еще. Михаил мгновение колебался и, по натуре слабак, уступил на радость предателям. С Керенским, шутом гороховым, которого напрасно принимали тогда всерьез, случилась истерика»[39].

Ольга Палей является выразителем мнений ветви Александровичей Дома Романовых. Они, прежде всего Павел Александрович, настаивали на сохранении российского престола за Николаем II, а Михаила Александровича считали не способным управлять империей. В ее оценке, Михаил – «женин подкаблучник», «по натуре слабак», «спрятался ... у друга своего князя Путятина», «уступил на радость предателям» и погубил империю.

Воспоминания фрейлины Александры Федоровны баронессы С.К. Буксгевден[40], посвященные, прежде всего, собственно императрице и царской семье, отличаются сдержанностью. В цитируемом ею письме Александры Федоровны принцессе Виктории фон Баттенберг, относящемся к 17 января 1905 г., императрица сетует, что некого назначить на высокие государственные должности: «...Теперь у нас только старики или очень молодые, некого привлечь. Его дяди бесполезны, Михаил все еще милое дитя...»[41] А Михаилу было тогда уже 27 лет.

Поздно ночью (вероятно, уже 4 марта 1917 г. – **Л.П.**) прислуга доставила в Царское Село манифест великого князя Михаила. «Это стало начальной точкой хаоса. В один момент все структуры Империи были разрушены. Не осталось ничего, на что нация могла бы опереться. То, что началось как военный переворот, поддерживаемый, это, правда, всеобщим недовольством, вызванным плохим управлением слабого Министерства, привело

к полной катастрофе»[42]. С.К. Буксгевден называет акт Михаила Александровича «начальной точкой хаоса», а свержение Николая II – «военным переворотом».

Великий Князь Александр Михайлович[43] в воспоминаниях, опубликованных в 1933 г. в эмиграции, так характеризует Михаила Александровича: он мог бы достичь в своей жизни высот, но этому помешал его морганатический брак.

«...Он очаровывал всех подкупающей простотой своих манер. Любимец родных, однополчан-офицеров и бесчисленных друзей, он обладал методическим умом и выдвинулся бы на любом посту, если бы не заключил своего морганатического брака. <...> Таким образом, в течение долгих лет, предшествовавших войне, Михаил Александрович был в разлуке со своим братом и, в силу этого, никакого отношения к делам управления не имел»[44].

Сообщение об отречении Николая II оказалось для Александра Михайловича также абсолютной неожиданностью: «Мой адъютант разбудил меня на рассвете. Он подал мне печатный лист. Это был Манифест Государя об отречении. Никки отказался расстаться с Алексеем и отрекся в пользу Михаила Александровича... Вероятно, Никки потерял рассудок. С каких пор Самодержец Всероссийский может отречься от данной ему Богом власти из-за мятежа в столице, вызванного недостатком хлеба? Измена Петроградского гарнизона? Но ведь в его распоряжении находилась пятнадцатимиллионная армия»[45].

Александр Михайлович вместе с Марией Федоровной сразу же отправились в Ставку, чтобы встретиться с Николаем. «Его спокойствие свидетельствовало о том, что он твердо верил в правильность принятого им решения, хотя и упрекал своего брата Михаила Александровича за то, что он своим отречением оставил Россию без Императора...»[46]

«Наступил момент, – пишет Александр Михайлович, – когда разрушение царских памятников уже более не удовлетворяло толпу.

– Всю династию надо утопить в грязи, – восклицал один известный журналист ... Уже более не говорили о либерализме моего брата, Великого Князя Николая Михайловича, или же о доброте Великого Князя Михаила Александровича. Мы все вдруг превратились во "... врагов революции и русского народа"[47].

Итак, Романовы, в том числе и Михаил Александрович, превратились во «врагов революции и русского народа».

Современный исследователь Б.И. Колоницкий[48] подтверждает: «Уже 28 февраля в Петрограде царские вензеля и изображения государственных гербов уничтожали: их топили в реках, сжигали на улицах»[49]. Появилось множество незамысловатых шуток о «жареных орлах».

Никто из Романовых ничего не знал о судьбе Михаила Александровича. «Точная дата убийства младшего брата Государя, Великого Князя Михаила Александровича, никогда не была установлена. Его взяли из дома вместе с секретарем англичанином Джонсоном пятеро неизвестных, заявивших о том, что они посланы адмиралом Колчаком. По всей вероятности, они были убиты в Пермских лесах»[50].

Ветвь Михайловичей, к которой принадлежал Александр Михайлович, не выдвигала своего претендента на престол, поэтому их воспоминания не содержат прямых обвинений, а лишь выражают глубокое сожаление по поводу случившегося. Ответственность за крушение монархии автор возлагает, прежде всего, на Николая.

Дворцовый комендант В.Н. Воейков[51] (воспоминания 1936 г.) отмечает, что из всех генералов фронтов на запрос государя, только А.А. Брусилов телеграфирует совершенно конкретно: «... отказаться от престола в пользу государя наследника цесаревича при регентстве Великого Князя Михаила Александровича. Другого исхода нет...»[52]

В.Н. Воейков подтверждает, что когда государь согласился «объявить манифест, идя навстречу народному желанию учредить ответственное перед палатами прави-

тельство, поручив председателю Государственной думы образовать кабинет», от генерала Алексеева пришла телеграмма: «...В настоящее же время этот акт является запоздалым, потому что, наступила одна из страшнейших революций... теперь династический вопрос поставлен ребром, и войну можно продолжать лишь при исполнении предъявленных требований относительно отречения от престола в пользу сына при регентстве Михаила Александровича»[53].

Самым значительным событием, последовавшим за актом 2 марта, – считает Воейков, – было отречение императора Михаила от престола. И хотя он не присутствовал на совещании, в воспоминаниях записано:

«Решение это было встречено молча. Лишь Керенский заявил:

– Ваше высочество, Ваш поступок оценит история... Ибо он дышит благородством. Он высоко патриотичен и обнаруживает великую любовь к Родине»[54].

В.Н. Воейков, бывший постоянно рядом с императором, считает, что причина падения монархии в том, что государь слишком поздно принял решение об учреждении ответственного министерства, а к Михаилу относится сочувственно.

Великий Князь Кирилл Владимирович[55], двоюродный брат Николая II, – третий претендент в череде на престол (после Алексея Николаевича и Михаила Александровича) и первый по ветви Владимировичей. Его мемуары были изданы посмертно, в 1939 г., цель которых было, прежде всего, оправдание за свой поход 1 марта 1917 г. в Государственную думу и возложение всей ответственности за крушение монархии на Михаила Александровича.

«В последние дни февраля анархия в столице достигла таких масштабов, что правительство обратилось к солдатам и командирам с воззванием, предлагая прийти к Думе и таким образом продемонстрировать лояльность... (такое воззвание прозвучало позднее. – **Л.П.**).

Распоряжение правительства поставило меня, – пишет Кирилл Владимирович, – в очень неловкое поло-

жение. <...> Меня заботило только одно: любыми средствами, даже ценой собственной чести, способствовать восстановлению порядка в столице, сделать все возможное, чтобы Государь мог вернуться в столицу»[56].

Следующая цитата говорит о том, что Кирилл Владимирович принял решение самостоятельно, а не под давлением гвардейцев. «С такими мыслями я отправился в казармы Гвардейского экипажа, ..., однако когда я прибыл, то оказалось, что мне не нужно делать никакого выбора: гвардейцы сами хотели идти к Думе. Итак, я направился к Думе во главе батальона Гвардейского экипажа. По пути нас обстреляли пехотинцы, и я пересел в автомобиль.

3 марта 1917 г. по старому стилю наступила внезапная развязка ужасной трагедии. Это была катастрофа. В ночь на 3 марта Государь отрекся от престола от своего имени и от имени цесаревича Алексея. Великий Князь Михаил отказался принять на себя управление страной. Вся власть перешла к правительству. Это был самый печальный день в моей жизни. Будущее утратило всякий смысл...»[57]

Итак, Кирилл Владимирович считает, что в результате отказа Михаила Александровича принять управление страной произошла потеря власти и, следовательно, наступила катастрофа Российской империи.

> *В мемуарной литературе представителей Дома Романовых и лиц особо приближенных к царской фамилии преподносит крайне противоречивые отзывы о Великом Князе Михаиле Александровиче и оценки его действий в дни Февральской революции. Во-первых, отмечается противозаконность манифеста Николая II в части отречения за своего сына Алексея и передачи престола Михаилу. Тот же ранее своим морганатическим браком исключил себя из первых наследников престола. Во-вторых, они считали, что Михаил Александрович не способен править империей (что, собственно, и получилось. – **Л.П.**). Однако одни пришли к выводу, что он в дни Февраля оказался в безвыходном положении, другие же его упрекают в том, что он*

(«слабак» и «подкаблучник»), проявив «слабость», даже не сделал попытки защитить монархию. Следует также отметить, что Романовы, в том числе и Николай II, не отслеживали и не оценивали реальную политическую ситуацию в феврале 1917 года.

2.1.3. Отзывы в воспоминаниях представителей военного руководства

В воспоминаниях представителей военного руководства Михаил Александрович отражен очень слабо. Это, вероятно, свидетельствует о том, что он, по их мнению, не являлся личностью, сыгравшей важную роль в истории страны. В дискурсе приведены высказывания генерал-квартирмейстера при Верховном главнокомандующем Ю.Н. Данилова, командующего Юго-Западным фронтом, генерал-адъютанта А.А. Брусилова, командующего 8-м армейским корпусом генерал-лейтенанта А.И. Деникина, командующего бригадой 38-й пехотной дивизии, затем генерала для поручений при Главном управлении военно-учебных заведений генерал-майора М.А. Иностранцева, командира бригады Кавказской туземной конной дивизии, генерал-майора П.А. Половцева.

Генерал-квартирмейстер при Верховном главнокомандующем (1914–1915 гг.) Ю.Н. Данилов[58] по долгу службы неоднократно встречался с Великим Князем Михаилом Александровичем. Воспоминания об этом он опубликовал в 1928 г. в Париже. Его характеристика по-военному прямолинейна и достаточно объективна.

Данилов пишет: «Хотя он, до рождения Цесаревича 30 июля 1904-го года, и являлся Наследником Российского Престола, но никогда не играл активной роли в государственной жизни России и держался в некоторой тени. Даже в военной деятельности своей он достиг до войны лишь должности командира полка ...»

«Во время царствования Императора Александра III о младшем его сыне Михаиле много говорили как о любимце царя, якобы унаследовавшем натуру и даже внеш-

ность своего могучего отца. Но, с течением времени, Михаил Александрович превратился в худого длинного юношу, с довольно хрупким здоровьем и вполне женскими чертами характера.

Я не сказал бы, что Великий Князь Михаил Александрович производил впечатление очень способного человека, но он проявлял любознательность и к нему влекли его необыкновенная скромность и деликатность»[59]. «В последний раз, – сообщает Ю.Н. Данилов, – я видел Великого Князя Михаила Александровича в Ставке, летом 15-го года. – "Милый, симпатичный молодой человек. – Такими словами охарактеризовал бы я его, в качестве лица частного... Имеет все данные быть хорошим конституционным монархом, но только в устоявшемся государстве, с твердым и хорошо налаженным аппаратом власти. – Таковым он мог казаться, в качестве претендента на престол"»[60].

Таким образом, по утверждению Ю.Н. Данилова, Михаил Александрович никогда не стремился к государственной деятельности, не сделал достойной военной карьеры и не проявил каких-либо способностей. Примечательно, что он вслед за Витте указывает на средние способности и вслед за Шульгиным говорить о его «хрупкости». Имеет «все данные быть хорошим конституционным монархом, но только в устоявшемся государстве», – повторяет Данилов мнение Мордвинова, – но дело в том, что при «устоявшемся государстве» ему бы Николай II никогда не передал верховную власть.

В настоящем исследовании выше были проанализированы отзывы о Михаиле Романове в воспоминаниях А.А. Брусилова: «Он был храбрый генерал и скромно, трудолюбиво выполнял свой долг», «но влиянием никаким не пользовался и значения никакого не имел»[61].

А.И. Деникин[62], автор капитального труда «Очерки русской смуты» (Париж, 1921–1926) и воспоминаний «Путь русского офицера» (Нью-Йорк, 1953), глубоко анализирует причины и процесс разложения русской армии.

О плане дворцового переворота накануне февральских событий А.И. Деникин, хотя сам лично в заговоре не участвовал, сообщает: «...Активным действиям должно было предшествовать последнее обращение к государю одного из великих князей... В случае неуспеха, в первой половине марта предполагалось вооруженной силой остановить императорский поезд во время следования его из Ставки в Петроград. Далее должно было последовать предложение государю отречься от престола, а в случае несогласия, физическое его устранение. Наследником предполагался законный правопреемник Алексей и регентом Михаил Александрович»[63]. А.И. Деникин, как и весь генералитет, поддерживал идею передачи власти цесаревичу Алексею при регентстве Михаила Александровича. Важная деталь, кто-то из Великих Князей участвовал в заговоре, возможно, сам того не осознавая (таковым мог быть Михаил Александрович). Осенью 1916 г., действительно, на государя выходил Великий Князь Александр Михайлович, писал письмо и встречался Михаил Александрович. После убийства Распутина все Великие Князья, кроме Павла Александровича и Михаила Александровича, были удалены из столицы.

Когда же вышел манифест Николая II, М.В. Алексеев настаивал на его исполнении, то есть, на признании Михаила как императора, и предлагал созвать совещание командующих фронтов. Однако никакой реальной поддержки с их стороны не последовало, они согласились с лидерами Февральской революции, что воцарение Михаила Александровича как императора уже не возможно.

Примером отзыва (а точнее его отсутствие) стороннего наблюдателя о Михаиле Александровиче является упоминание в весьма подробных воспоминаниях о революции генерал-майора М.А. Иностранцева[64]. Он не был знаком с Великим Князем и поэтому, можно считать, что его оценка была характерна для офицерского корпуса армии вообще. В мемуарах, изложенных более чем на 900 страницах, он четыре раза упомянул о Михаиле Романове и в итоге высказал сожаление, что им было принято решение, отказаться от престола[65].

П.А. Половцев[66], длительное время служивший в «Дикой» дивизии, написал свои мемуары, будучи уже в эмиграции. Первое издание вышло в Париже, в 1925 г. Автор излагает материал по-военному четко и конкретно.

К началу 1917 г. у командования дивизии возникла идея переформировать ее в корпус, добавив еще несколько полков. Князь Багратион, сменивший Великого Князя на посту начальника дивизии, командировал Половцева в Ставку, чтобы согласовать этот план. Половцев решил сначала встретиться с Михаилом Александровичем, только что назначенным генерал-инспектором кавалерии, и заручиться его поддержкой. Аудиенция состоялась 20 февраля 1917 г. в Управлении делами Великого Князя. Михаил Александрович сочувственно отнесся к высказанной инициативе и заверил, что «всячески поддержит», если его запросят. «После разговора выхожу, очарованный, как всегда, сердечностью и теплой простотой, неизменно веявшей от великого князя»[67]. Однако в Ставке Половцев узнает, что главнокомандующие фронтами на тот момент приняли решение о сокращении кавалерии на одну треть. А потому он понял, что его вопрос «окончательно решен в отрицательном смысле»[68]. Странно, что об этом Михаил Александрович ничего не сказал. Вероятно, генерал-инспектора кавалерии просто не известили.

Итак, обобщив характеристики Михаила Александровича, данные в воспоминаниях представителями генералитета русской императорской армии, можно выделить следующие черты его личности:

- *никогда не стремился к государственной деятельности, не сделал достойной военной карьеры и не проявил каких-либо заметных способностей;*
- *имел «все данные быть хорошим конституционным монархом, но только в устоявшемся государстве, с твердым и хорошо налаженным аппаратом власти»;*
- *на фронте «он был храбрым генералом и скромно, трудолюбиво выполнял свой долг»;*

– генералитет соглашался на передачу верховной власти законному правопреемнику Алексею при регентстве Михаила Александровича;
– от Великого Князя всегда «веяло сердечностью и теплой простотой» общения.

2.1.4. Дискурс, развернувшийся в воспоминаниях депутатов Государственной думы

Проанализируем воспоминания депутатов Государственной думы. В нем участвуют: председатель IV Государственной думы, лидер партии «Союз 17 октября» М.В. Родзянко, депутат IV Государственной думы, «трудовик» А.Ф. Керенский, лидер конституционно-демократической партии и Прогрессивного блока IV Государственной думы П.Н. Милюков, депутат IV Государственной думы, монархист В.В. Шульгин.

Первые «Записки» уже бывшего председателя Государственной думы М.В. Родзянко[69] появились на Дону в стане Деникина и были рассчитаны для участников белого движения. Их главным мотивом было то, что Государственная дума к свершившейся революции не имела отношения. Другой текст «Записок» был опубликован уже после его смерти в 1929 г. В них наблюдается противоположная политическая тенденция. На тот момент стало ясно, что советская власть в России «всерьез и надолго». Теперь автор пытается представить себя и Думу, если не организатором революции, то, во всяком случае, защитником интересов России, чтобы реабилитироваться перед новой властью.

М.В. Родзянко в «Записках» передает содержание разговора с Михаилом Александровичем, когда тот неожиданно приехал к нему «8 января»[70] 1917 г.

«– Да, Ваше Высочество, положение настолько серьезное, что терять нельзя ни минуты и спасать Россию надо немедленно, – говорит он.

– Вы думаете, что будет революция?

– Пока война, народ сознает, что смута – это гибель армии, но опасность в другом. Правительство и импе-

ратрица Александра Федоровна ведут Россию к сепаратному миру и к позору... и, если бы это подтвердилось, а довольно того, что об этом ходят слухи, – чтобы наступила самая ужасная революция, которая сметет престол, династию, всех вас и нас. Спасти положение и Россию еще есть время... Надо назначить министров, которым верит страна...» (Мнение о том, что императрица ведет тайные переговоры с Германией было очень распространено, однако эти слухи не подтвердились. – **Л.П.**).

Родзянко далее настаивает на удаление царицы.

«– Вы считаете, что необходимо ответственное министерство?

– Все просят только твердой власти, и не в одной резолюции не упоминается об ответственном министерстве. Хотят иметь во главе министерства лицо, облеченное доверием страны. Такое лицо составит кабинет, который будет ответственен перед царем.

– Таким лицом могли бы быть только Вы, Михаил Владимирович, Вам все доверяют.

– Если бы явилась необходимость во мне, – я готов отдать все свои силы родине...»[71]

Этот диалог необходимо прокомментировать. Во-первых, под «народом» председатель Думы понимал узкий круг общественно-активных политических деятелей, депутатов Государственной думы, с которыми он постоянно общался. Во-вторых, правительство и императрица не вели Россию к сепаратному миру, хотя управление страной было, действительно, неудовлетворительным. Либеральная оппозиция здесь «работает» на слухах. И, в-третьих, он не выдвигает условия «ответственного министерства», а высказывает требование назначения главы правительства, «облеченного доверием страны», в роли которого он видел себя. Однако его кандидатуру не поддерживали ни политики, ни военные. Когда же Михаилу Александровичу позднее, в феврале месяце, пришлось высказать свое мнение о кандидатуре главы правительства, то он назвал князя Г.Е. Львова. Нетрудно заметить, что М.В. Родзянко умело манипулировал Великим Князем.

П.Н. Милюков, возможно, видел Михаила Александровича только один раз (если не считать совещания 3 марта 1917 г.) – на открытии заседания Государственной Думы 9 февраля 1916 г., когда тот приехал вместе императором. Лидер кадетов и Прогрессивного блока в своих воспоминаниях, изданных в Софии (1921–1924 гг.), утверждал, что Прогрессивный блок «соглашался на передачу власти монарха к законному наследнику Алексею и на регентство до его совершеннолетия – Великому Князю Михаилу Александровичу»[72].

На совещании 3 марта 1917 г. Михаила Александровича не поддержал и ранее цитируемый монархист В.В. Шульгин, автор многочисленных публицистических и аналитических статей, ряда романов, а также мемуаров. Он не представлял, чтобы великий князь в тот момент смог взять на себя ответственность верховной власти. «Совет принять престол обозначал в эту минуту: – На коня! На площадь!»[73] – считал Шульгин. Иными словами, пойти на самые жесткие меры Михаил не был способен.

Очерк, фактически некролог, А.Ф. Керенского «П.Н. Милюков», написанный по случаю смерти политика, впервые был опубликован в «Новом журнале»[74], 1943 г., № 5. Здесь бывший глава Временного правительства тонко анализирует психологию момента, когда Михаил Александрович на совещании 3 марта 1917 г. принимал решение.

«Заговорил великий князь. Он "просил разрешения" у М.В. Родзянко посоветоваться с двумя лицами из нашего состава наедине, в соседней комнате. М.В. Родзянко несколько растерялся от этого неожиданного обращения, так как накануне мы решили говорить с великим князем все вместе..., но мне показалось совершенно невозможным хоть как-нибудь помешать свободному решению брата царя. Ведь, действительно, судьба России стояла в эту минуту на карте. Я вмешался. Князь мог выбрать двоих из нас для последнего совета. Кого он выберет? П.Н. Милюкова и А.И. Гучкова или других?

Великий князь просил выйти с ним в соседнюю комнату М.В. Родзянко и князя Г.Е. Львова. Вопрос о мо-

нархии был решен...»[75] «Свободное решение брата царя» было обеспечено. Получается, что Родзянко еще 2 числа соглашался на регентство Михаила, а утром 3 марта уже настойчиво уговаривал его отказаться от престола. Это, вероятно, результат агитации Керенского среди участников совещания перед встречей с Великим Князем, а также осознание, что Романовы уже не влияют на политические процессы в стране. Михаил Александрович выбрал для отдельного собеседования Родзянко, потому что с ним у него была ранее договоренность о совместных действиях в разрешении политического кризиса, и Львова, самого уважаемого земского деятеля. В его представлении – это были наиболее уважаемые и авторитетные люди.

> *У лидеров Февральской революции не было единства в 1917 г. и, тем более в последующие годы. Каждый из них преследовал свои политические цели, действовал по ситуации, а впоследствии в мемуарах оправдывал свое поведение. Накануне и в первые дни революции большинство из них придерживалось плана организации государственного переворота, в результате которого Николай II должен быть отстранен от власти, а престол передан законному наследнику цесаревичу Алексею при регентстве Великого Князя Михаила Александровича. Больной малолетний царь и слабый регент, по их мнению, являлись гарантией возможности проведения конституционных реформ. Однако как только реальная власть монархией была утеряна, Михаил Александрович им стал не нужен, сам же Великий Князь им полностью доверял.*

2.1.5. Оценки авторов высказываний, придерживавшихся нейтральных политических позиций

Можно выделить группу воспоминаний, авторы которых придерживаются нейтральных позиций, они не дают оценок, а повествуя о революционных событиях, раскрывают те или иные аспекты, которые им показа-

лись важными. К таковым можно отнести воспоминания дипломата Д.И. Абрикосова, товарища министра внутренних дел В.Ф. Джунковского, начальника Канцелярии Министерства Императорского Двора А.А. Мосолова, князя С.Е. Трубецкого, профессора Пермского университета Г.В. Вернадского. В контексте исторических событий авторы выражают свое видение роли Михаила Александровича.

Д.И. Абрикосов[76], двоюродный брат подруги Н.С. Брасовой, входил в круг ее близких знакомых. Он писал свои мемуары достаточно долго – с конца 1930-х годов и вплоть до конца своей жизни. Воспоминания Абрикосова были впервые опубликованы уже после его смерти в 1964 г. издательством Вашингтонского университета. Редактировал издание и дал ему название американский ученый русского происхождения Джордж Ленсен.

В молодые годы Д.И. Абрикосов испытывал к Наталье симпатии, однако их дороги разошлись. В первый год войны, будучи по делам службы в Петрограде, он на улице случайно увидел, как элегантная дама садилась в шикарный автомобиль с императорскими гербами. Это была Наталия Сергеевна. Она тут же пригласила его в гости. В назначенное время Абрикосов приехал в Гатчину. Его встретил Михаил Александрович и сразу же покорил своим обаянием. «Со временем мы стали хорошими друзьями, – вспоминал Абрикосов, и я должен сказать, что никогда не встречал столь благородного и не испорченного человека... Во многом он был взрослым ребенком, которого научили только добру и нравственности. Он не хотел признавать зло и лживость жизни и доверял всем. Если бы жена не следила за каждым его шагом, его бы постоянно обманывали... Но если Михаил был безупречен с точки зрения морали и религии, то он совершенно не подходил для роли человека, рожденного под сенью трона... Но если уж Николай по его природе и с его характером не годился для престола, то для князя Михаила царствование было бы настоящей трагедией... Те, кто встречался с ним, находили его очень приятным человеком и удивлялись, как мало он знает о реальной

жизни...»[77] О том, что Михаил совершенно не знал реальной жизни, говорил также А.А. Мордвинов.

Однажды у Абрикосова состоялся доверительный разговор с Великим Князем наедине: «Михаил боялся будущего. Я старался его утешить... Слезы слышались в его голосе. Стало совсем темно. Когда я зажег свет, то был поражен выражением абсолютного отчаяния на его бледном лице и отчетливо понял, что все мы стоим на пороге огромного несчастья...»[78] Чрезвычайно интересный отзыв. Можно предположить, что у Михаила Александровича было развито чувство интуиции.

Д.И. Абрикосов представил точный и проникновенный образ Михаила Александровича. Великий Князь был замечательной души человек, но воспитан так, что совершенно не знал реальной жизни, и потому «жена следила за каждым его шагом». Для роли императора он совершенно не годился.

В.Ф. Джунковский[79], в 1913–1915 гг.– товарищ министра внутренних дел и командир корпуса жандармов, оставил после себя весьма обстоятельные воспоминания, над которыми он работал более десяти лет (приблизительно с 1922 до середины 1930-х гг.). О Великом Князе он упоминает довольно часто по тому или иному случаю его участия в официальных мероприятиях. Интересна их встреча в сентябре 1915 г., происшедшая по инициативе Великого Князя, когда Джунковский после обличительного выступления перед государем в адрес Распутина был уволен и отправлен в действующую армию. Михаил Александрович выразил сожаление по такому случаю и сообщил, что, будучи в Ставке, он мог бы высказать государю его пожелания.

«Я глубоко был растроган такой добротой Великого Князя, – пишет Джунковский, – при этом он смотрел на меня такими искренними честными глазами, напомнившими мне глаза Александра III, что я, не без волнения, поблагодарив его очень за добрые слова, сказал: "У меня, Ваше Высочество, нет никакой просьбы..."»

В.Ф. Джунковский в данном отзыве отмечает прекрасные человеческие качества Михаила Александрови-

ча: доброту, внимание к ближним, готовность им помочь.

Воспоминания начальника Канцелярии Министерства Императорского Двора А.А. Мосолова[80] выходили в 1930-е годы отдельными статьями в разных изданиях под названием «При дворе императора». Впервые публикация состоялась в упоминаемой газете «Последние Новости» в 1934 г., несколько позднее в рижском иллюстрированном журнале «Для Вас». Также вышла англоязычная редакция книги «у Метуена в Лондоне» под названием *At the Court of the Last Tsar*.

В предисловии А.А. Мосолов пишет: «Наступила пора, когда начало вырабатываться новое общественное мнение. В этот период мои друзья стали настаивать, чтобы я написал мои воспоминания...» И далее: «...я пытался по мере сил способствовать рассеиванию накопившейся лжи и фальши; единственным средством против лжи является правда»[81].

Мосолов уделяет особое внимание критическому моменту для русской монархии – отречению Николая II. Почему в этот момент государь оказался совершенно один? «Сколько из вышеупомянутых членов императорской фамилии, солидарных с монархом, как по династическому принципу, так и по своим интересам, оказалось рядом с царем в трагически минуты отречения? – задается вопросом А.А. Мосолов, и сам же отвечает: – НИ ОДНОГО (выделено автором – **А.М.**).

... И Николай Александрович, и Михаил Александрович приняли свои решения одни, безо всякой попытки снестись с родными, не посоветовавшись ни с кем из них, ни даже между собою. Революционная волна была для них столь неожиданна, что отрезала всякую возможность совещаний»[82]. Получается, что Мосолов причину в крушении монархии видит в сложившейся форс-мажорной ситуации.

«Брат государя, вел[икий] князь Михаил Александрович, был на 10 лет моложе царя. Он отличался исключительной добротой и доверчивостью. <...> Смелый, физически сильный, вел[икий] князь высказал себя спо-

собным начальником, и, если бы, после отречения государя, он был поддержан, быть может, судьбы России и пошли по совершенно иному руслу»[83]. Мосолов также считает, что Михаил Александрович мог бы встать во главе государства, если бы был поддержан. Автор воспоминаний отмечает, что среди Романовых не только не было единства, но даже и практики коллективного обсуждения наиболее важных вопросов.

Воспоминания князя С.Е. Трубецкого[84], философа, литератора и общественного деятеля, написаны сравнительно поздно, в 1930–1940-е гг., вдали от Родины. В его трудах присутствует не только ностальгический мотив, но, прежде всего, попытка осмыслить жизнь целого поколения на примере ярких представителей русской интеллигенции, на долю которых выпали суровые испытания. Трубецкой относил себя к монархистам, но считал, что необходимы были умеренные либеральные реформы. Все революции, считает он, случаются не столько от мощи напора разрушительных сил, сколько от слабости существующей власти.

«Положение было трудное, – пишет он, –..., но не безнадежное, я сказал бы даже более – пока даже еще не трагическое... В 1917-м, по моему глубокому убеждению, Россию могспасти ... человек с ясной головой и сильной волей. Одним словом, – человек типа Столыпина...

Процесс истории неповторим, но, в сущности, власти надо было тогда, в общих чертах, сделать аналогичное тому, что сделал ранее Столыпин: *проявить умеренный либерализм и крепко взять поводья в руки*... (выделено автором – **С.Т.**). Власть не сделала ни того, ни другого – последовала революция!»[85]

«Когда Государь отрекся от Престола в пользу Великого Князя Михаила Александровича, отречение это не было еще отказом от монархии. Более того, мне кажется, что защита монархического принципа при восшествии на Престол Михаила Александровича была бы легче, чем защита его при Государе, если бы он не отрекся от Престола ... Если бы Императорская Корона не упала бы в грязь, а была бы передана другому лицу,

Россия, думается мне, могла бы еще избежать худших бедствий»[86].

«Конечно, отречение Государя не только за себя, но и за своего сына было явно противозаконно, ... Но строгий легитимизм мало свойственен русскому народу, и переход власти от Государя к его брату не показался бы незаконным широким массам населения. В сущности, дело было в том, чтобы Михаил Александрович немедленно принял передаваемую ему Императорскую Корону. Он этого не сделал. Бог ему судья, но его отречение по своим последствиям было куда более грозно, чем отречение Государя, – это был уже отказ от монархического принципа. Отказаться от восшествия на Престол Михаил Александрович имел законное право (имел ли он на это нравственное право – другой вопрос! – **С.Т.**), но в своем акте отречения он, совершенно беззаконно, не передал Российской Императорской Короны законному преемнику, а отдал ее... Учредительному Собранию. Это было ужасно!»[87] Следующим законным преемником на престол был Великий Князь Кирилл Владимирович. С.Е. Трубецкой делает вывод, что по манифесту Михаила Александровича произошел отказ от монархии как института власти вообще. На роль, которую ранее сыграл П.А. Столыпин в истории российской монархии, Михаил Александрович по своей натуре был совершенно не способен, более того, он, доверяя лидерам Февральской революции, сам склонялся к некоторым либеральным идеям.

«С этого времени на пути революции уже не было серьезных преград. Не за что было зацепиться элементам порядка и традиции. Все переходило в состояние бесформенности и разложения. Россия погружалась в засасывающее болото грязной и кровавой революции»[88].

Таким образом, С.Е. Трубецкой основную ответственность за крушение монархии и последующими бедствиями страны возлагает на Михаила Александровича, который, будучи излишне доверчивым, пошел на поводу лидеров революции.

Известный ученый, состоявший в 1918 г. профессором Пермского университета, Г.В. Вернадский[89] оставил

небольшое воспоминание о случайной встрече с Михаилом Александровичем.

«Не помню точно, когда это было, кажется в декабре 1917 года (а может быть, уже в январе 1918 года[90]), – в Перми некоторое время в Королевских номерах жил инкогнито Великий Князь Михаил Александрович. Раз мы с Ниной пошли на всенощную в одну из пермских церквей и заметили (не сразу), что в стороне от других стоит Михаил Александрович и, очевидно, его адъютант (оба в штатском). В церкви было необычно много так называемых салопниц (богомольных купчих или богатых мещанок в салопах). Служба еще не окончилась, как несколько из них подошли ко мне (не знаю, почему они именно ко мне обратились) и сказали: "Видишь сколько нас здесь. Мы Великого Князя не выдадим. Веди нас на помощь ему". Я ответил: "Да что же мы можем сделать? Ему легче уехать и скрыться одному". Вскоре Великий Князь уехал в сопровождении офицера, который (как рассказывали потом) взялся его везти в Сибирь на Дальний Восток, но вместо того предал его, и большевики его расстреляли»[91]. Г.В. Вернадский в своем воспоминании отразил настроение поддержки Михаила Александровича значительной части населения города (исполнители также говорили о «богомольных старушках») и те слухи, которые ходили после исчезновения великого князя.

Итак, воспоминания авторов, представлявших различные социальные группы, но не входивших в какие-либо политические движения и не состоявших с Романовыми в родственных отношениях, передают личность Михаила Александровича как человека доброго, искреннего, честного, неиспорченного, внимательного к людям, но совершенно не знавшего реальной жизни, находившегося под сильным влиянием жены, не обладавшего авторитетом в обществе, находившемся в стороне от политических событий и своим «отказом от монархического принципа», приведшего монархию к катастрофе.

2.1.6. Представители новой власти о Михаиле Романове

В этом дискурсе собраны высказывания представителей новой власти Пермской губернии, Перми и Мотовилихи[92], участников расправы над Михаилом Романовым и его секретарем Н.Н. Джонсоном. В настоящем нарративе дается оценка бывшего великого князя, аргументация принятия решения об его уничтожении и даже раскрывается план операции.

К 10-летию Октябрьской революции Пермский истпарт[93] принял решение издать воспоминания известных революционеров Прикамья. В этой связи, было дано задание всем участникам операции по уничтожению Михаила Романова, описать его расстрел. Наиболее полные сведения оставил А.В. Марков[94], представляющие собой последовательный рассказ об убийстве[95]. Обращает на себя внимание тот факт, что показания всех исполнителей дела (В. Иванченко, А. Маркова, И. Колпащикова, Н. Жужгова) похожи друг на друга. Возникает подозрение, что это все – пересказы своими словами одного образца «воспоминаний». Важен еще и такой момент, что авторы не указывают точного места захоронения трупов Михаила Александровича и его секретаря Н. Джонсона. В 1924 г. на основании показаний подельников Пермским истпартом была подготовлена статья для сборника «Борьба за власть. Т. III. Гражданская война». Однако этот том не был издан.

Из статьи «Похищение Михаила Романова», составленной Пермским истпартом: «В 1918 г. Урал послужил местом высылки и ссылки исконных врагов рабочего класса России и Советской власти. В частности, в начале 1918 г. прибыл в Пермь один из членов царской семьи, поднадзорный Михаил Романов... Вскоре вслед за Романовым в Пермь стали съезжаться никем не высылаемые лица, т.е. вся "великосветская" публика ...»[96]

На самом деле, приезжало 4-5 человек, некоторые из них на несколько дней. А к «великосветской» публике можно отнести только Н.С. Брасову.

В адрес царственного ссыльного звучали и прямые угрозы:

«... Не раз и не два проходившие мимо Благородного собрания – белого дома с колоннами – рабочие Мотовилихи возмущались: не так, дескать, жили мы, когда нас арестовывали в царские дни... Давно бы его того... укокошить надо бы, а не так <...>»[97]. Михаил Романов проживал не в самом здании Благородного собрания, а в гостинице при нем, которая располагалось рядом. Эта неточность говорит о том, что авторы не имели точных сведений.

Г.И. Мясников, достаточно цитировавшийся в настоящем исследовании, писал свой труд «Философия убийства, или почему и как я убил Михаила Романова» в середине 1930-х годов, находясь во Франции. Идею плана похищения Михаила как инсценировки побега он приписывает себе: «Какая счастливая, простая и ясная мысль. Убежал и ... Что поделать? Убежал и только»[98]. На самом деле идея побега Михаила Александровича, как говорится, витала в воздухе. Более того, Мясников накануне расправы над великим князем допрашивал белогвардейского офицера, который сообщил ему о готовящемся похищении с целью его освобождения.

Организуя расправу над Михаилом Романовым, Мясников считал, что он, как рабочий-революционер, обязан выполнить историческую миссию: убить великого князя. «...Разве эта пакость (о Романовых. – **Л.П.**) стоит хоть капли рабочей крови?»[99]

Воспоминания чекиста А.А. Микова[100] под заголовком «Что делать с Мишкой Романовым?» относятся к 1956 г., в которых нет конкретики, а лишь унижения и оскорбления в адрес Михаила, что подтверждает его отношение к Романову, как к ничтожной и порочной во всех отношениях личности.

«(...) Мишка, как мы его называли, Романов содержался у нас в Перми на положении какого-то ссыльного, проживая свободно в верхнем этаже бывшей гостиницы... вместе со своим секретарем Сельтиссоном (особый вид колбасы из отходов колбасного производства), как

мы его называли для смеха ради условным именем, и лейбхирургом "Его Императорского двора" – Боткиным (Е.С. Боткин – лейб-медик императора Николая II, был расстрелян вместе с царской семьей, никогда не был с Михаилом Александровичем. – **Л.П.**).

Временем он располагал свободно; ходил, как и когда ему "вздумается", по гостям, по купечеству, что осталось еще не ликвидированным в городе. Агентурные сведения указывали, что около него начала группироваться разная черносотенная сволочь с целью тайного увоза его, и офицерство старое возглавляло эти планы. Все это мы подробно обсуждали, судили и рядили в большинстве случаев в частных разговорах друг с другом»[101]. Свидетельства А.Микова говорят о том, что руководил операцией по ликвидации Михаила Романова не только Г. Мясников, а все руководство тогдашнего Пермского ЧК и побег, вероятно, действительно готовился.

В книге первого председателя исполкома Екатеринбургского Совета рабочих и солдатских депутатов П.М. Быкова (Свердловск, 1926) впервые официально сообщается, что бывший Великий Князь Михаил Александрович в ночь с 12 на 13 июня был действительно убит.

В главе «Расстрел бывших великих князей» Быков сообщает.

«... Между тем на заседаниях Горсовета и на рабочих собраниях, особенно в Мотовилихинском заводе, по инициативе самих рабочих, неоднократно ставился вопрос о необходимости расстрела Михаила Романова, чтобы этим раз и навсегда отбить у монархистов желание охотиться за кандидатом на царский престол»[102].

«Между тем, под влиянием требований рабочих Перми и Мотовилихи о расстреле Михаила Романова, образовалась группа рабочих, поставившая себе целью его убить. Группа эта (5 человек) не была связана ни с партийными, ни с советскими организациями и действовала в большой тайне, на "собственный страх и риск"»[103]. Получается, что, по утверждению Быкова, ликвидация М. Романова является местной инициативой «снизу». На самом же деле все партийные и советские организа-

ции были осведомлены о готовящейся расправе и даже участвовали в обсуждении плана действий.

«Похищение это было полной неожиданностью для всех организаций Перми. Немедленно была организована погоня, которая, однако, направилась по ложному пути и никаких следов найти не смогла. (По свидетельству исполнителей расправы, погоня была умышленно направлена по ложному следу. – **Л.П.)**.

После проверки этих слухов и опроса предполагаемых участников расстрела выяснилось, что Михаил Романов действительно расстрелян, о чем и было опубликовано в газетах»[104]. (В действительности, публикаций в газетах о том, что М. Романов расстрелян, не было. – **Л.П.**).

Среди авторов поздних воспоминаний можно упомянуть М.Ф. Горшкова-Касьянова и В.Ф. Сивкова, которые не имели непосредственного отношения к делу ликвидации Михаила Романова.

«<...>Однако в городе, – вспоминает в 1958 г. бывший председатель Уральского ревкома М.Ф. Горшков-Касьянов[105], – стали распространяться слухи... о том, что не худо бы вновь на престол пригласить Михаила. <...>Было ясно, что буржуазия готовится встать под знамя Михаила. Держать в такой обстановке Михаила было невозможно»[106].

Член Пермского губсовдепа В.Ф. Сивков[107] некоторое время проживал в гостинице Благородного собрания по соседству с Михаилом, куда ссыльных поместили после освобождения из тюрьмы. В своих воспоминаниях (1968 г.) он описал впечатление от случайной встречи с М. Романовым:

«...Когда я уходил на работу, одновременно со мною в коридор вышел высокий стройный блондин с военной выправкой, в сером свободном плаще, в фуражке военного образца и начищенных сапогах. При виде его невольно возникало представление о гвардейце... Заинтересовавшись этим человеком явно не нашей среды, я пошел следом за ним, и так мы дошли до губчека. Там он зашел в комнату дежурного коменданта, а я прошел к Малкову... Павел Иванович, улыбаясь,

спокойно ответил мне, что это калиф на час Михаил Романов...»[108]

На заводских собраниях и митингах, – продолжает Сивков, – слышались требования: «Отправить Михаила в тюрьму! Казнить его!» С митинга на Мотовилихинском заводе в городской совет поступила резолюция: если органы власти не посадят Михаила Романова под замок, то рабочие «сами с ним разделаются». Совет предупредил М. Романова, если он не изменит свой образ жизни, ответственность за возможные последствия Совет с себя слагает. На самом деле никакой разгульной жизни Михаил Романов не вел. Возможно, пение под гитару, которую он привез с собой, они принимали за «гуляние». Более того, обострение в то время язвы желудка, скорее всего, исключало употребление спиртных напитков вообще.

> *В воспоминаниях представителей лагеря победивших социал-демократов складывается фантасмагорическая мозаика отзывов, характеризующих образ Михаила Романова: от внешнего впечатления как «истинного гвардейца» до классовой оценки как «исконного врага рабочего класса», «знамени контрреволюции» и до прямого оскорбления как абсолютного ничтожества, как олицетворение монархических пороков, какой-то «пакости» («нечисти»), которую необходимо уничтожить. «Калиф на час» в их глазах предстает грозным и опасным врагом революции, но ничтожной личностью без интеллекта и воли.*

§ 2. Михаил Александрович в историографии.

2.2.1. Образ Михаила Александровича по материалам историографических работ

Анализ историографических работ, посвященных Михаилу Александровичу, следует начать с наиболее значительных публикаций такого плана. Речь может идти о работах российского ученого В.М. Хрусталева, британских исследователей Розмари и Дональда Кроуфордов,

шведского слависта Стаффана Скотта и американского историка Роберта Мэсси. В настоящий дискурс включен также материал публикаций исследователей из Санкт-Петербурга Г.Н. Корневой и Т.Н. Чебоксаровой. Однако следует заметить, что из приведенных авторов только В.М. Хрусталев и Р. Мэсси являются профессиональными историками, Розмари и Дональд Кроуфорды – журналисты, а С. Скотт – писатель. Профессиональная принадлежность, безусловно, отложила отпечаток на характере их трудов.

Нельзя не упомянуть, что отдельные аспекты биографии Великого Князя Михаила Александровича поднимались участниками ежегодных Романовских конференций в Перми, организуемых Пермским краевым отделением Всероссийской общественной организации «Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры» (2006–2015), Ноябрьских историко-архивных чтений Пермского государственного архива социально-политической истории (с 2017 – по настоящее время) и Пермских научно-образовательных чтений, организуемых Администрацией губернатора Пермского края, Агентством по делам архивов Пермского края, Фондом содействия возрождению традиций милосердия и благотворительности «Елизаветинско-Сергиевское просветительское общество», Институтом всеобщей истории Российской академии наук, Пермским государственным архивом социально-политической истории (с 2019 – по настоящее время). Следует назвать исследователей, которые отдельно не рассматриваются в настоящей работе: это С.В. Неганов, Л.В. Перескоков, протоиерей Алексий Марченко, Д.М. Софьин, В.С. Колбас, И.В. Папулов, Л.П. Маркова, В.П. Алексеев, А.В. Маркелов, А.В. Мохова, М.В. Софьина и др.

В 2008 г. было издано наиболее полное и на сегодня фактически единственное научное исследование о Великом Князе Михаиле Александровиче российского ученого В.М. Хрусталева[109]. На основе собранного обширного архивного материала авторподготовил к публикации книгу «Великий Князь Михаил Александрович»[110], по-

вествующую о его жизненном пути и гибели. Изданию этого труда предшествовали многочисленные статьи и сборник документов, составленный совместно с Л.А. Лыковой, «Скорбный путь Михаила Романова: От престола до Голгофы: Документы, материалы следствия, дневники, воспоминания».

«Судьба младшего брата Николая II Великого Князя Михаила Александровича, более чем кого-либо из многочисленного императорского семейства, овеяна романтизмом и таинственностью. Он был, – пишет автор, – блестящим гвардейским офицером, заядлым театралом, увлекался спортом, охотой, автомобилями и авиацией, был членом Государственного Совета и Комитета Министров, покровителем и меценатом многих просветительских и научных обществ, являлся шефом ряда элитных частей царской и зарубежных армий. После смерти от чахотки брата великого князя Георгия Александровича в 1899 г. Михаил считался наследником престола, а с рождения племянника Алексея Николаевича был провозглашен "правителем государства" и должен был стать опекуном цесаревича до его совершеннолетия в случае преждевременной смерти Николая II. Всем этим он пожертвовал ради любимой женщины, с которой решил навсегда связать свою жизнь, даже несмотря на категорический запрет императора.

Волей обстоятельств и случая Михаил II оказался формально последним императором на Российском престоле, если считать временем его "царствования" неполные сутки со 2 на 3 марта 1917 г. Даже после "отречения" он сохранял реальные шансы на престол. Именно по этой причине он подвергался арестам Временного правительства в дни "корниловского мятежа", а также Петроградского ВРК во время "октябрьского переворота" большевиков. Очевидно, – предполагает В. Хрусталев, – эти же мотивы послужили главной причиной вынесения решения Совнаркома в марте 1918 г. о высылке Михаила Романова в Пермь, а затем его похищения и тайного убийства чекистами в ночь с 12 на 13 июня 1918 г. Это было, по сути своей, необъявленное по-

литическое убийство, т.е. физическое устранение потенциального претендента на законную верховную власть», – считает исследователь[111].

Материал книги изложен в хронологическом порядке: от рождения героя, периода учебы, военной службы до морганатического бракосочетания, жизни в изгнании, возвращения в Россию, участия в Первой мировой войне. Завершается повествование действиями Михаила Александровича в дни Февральской революции, подписанием акта «отложенного права на Российский престол», ссылкой в Пермь, похищением и убийством. Многочисленные документы переписки, дневниковых записей, отзывов современников, что составляет безусловную ценность исследования, позволили автору заглянуть во внутренний мир героя и понять его поступки. Однако эти обширные материалы представлены без должного учета контекста их появления, в результате чего выстраиваются не совсем понятные причинно-следственные связи происходивших событий. В целом публикациями В.М. Хрусталева создается позитивный образ Великого Князя.

Одновременно с монографией В.М. Хрусталева была издана русскоязычная версия книги авторов из Великобритании Розмари и Дональда Кроуфордов (Rosemary and Donald Crowford) «Михаил и Наталья. Жизнь и любовь»[112]. В Британии впервые эта книга увидела свет в 1997 г. Материал также изложен в хронологическом порядке, однако авторы особое внимание уделили любовному сюжету в жизни Великого Князя. Кроуфорды, опираясь на архивные документы, описывают героя с большой теплотой и даже любовью.

Р. и Д. Кроуфорды[113] использовали материалы фондов не только российских архивов (ГАРФ, РГИА, Гатчины и Перми, музея музыкальной культуры им. Глинки, музея-усадьбы Сергея Рахманинова), но и, что очень важно для российских читателей, многочисленные источники зарубежных архивов и частных коллекций.

Внучка Натальи Брасовой Паулина Грей (Pauline Grey) предоставила авторам воспоминания о бабушке и цен-

ный семейный архив, содержащий письма, телеграммы, фотографии, различные документы Михаила и Натальи, которые сейчас находятся в распоряжение Русского архива при университете города Лидс.

Архивные изыскания авторы провели и в США, где получили доступ к хранившимся в коллекции Форбса (Forbes Collection) в Нью-Йорке дневникам Михаила за 1915–1918 гг. (с 2003 г. эти дневники находятся в ГАРФ). В свою очередь, библиотека Хоутона (Houghton Library) Гарвардского университета предоставила авторам возможность ознакомиться с дневниками Великого Князя Дмитрия Павловича. Наконец, удалось разыскать множество подлинных документов в архивах Института Гувера при Стэнфордском университете – ведущего американского центра по изучению истории России описываемого периода.

«Следуя» за Михаилом и Натальей в их путешествиях по Европе, авторы побывали в Государственном архиве Вены, в датском Королевском архиве Копенгагена. Побывали также в отеле «Англетер», работали с сотрудниками библиотечного отдела газеты «Политикен». Супруги проехали по Швейцарии и, конечно, по Франции. В Британии, где Михаил и Наталия жили в 1913–1914 гг. и где после его гибели Наталия жила с 1919-го по 1927-й год, им также была оказана всесторонняя помощь. Авторы работали в Королевском архиве в Виндзоре, Отделении славистики Лондонского университета.

Авторов поразило переплетение судеб двух влюбленных с судьбой России.

Участвуя в мероприятиях Романовских дней в Перми в 2008 г., Д. Кроуфорд сказал: «Британские рецензенты проводили параллели между реальной историей любви Михаила и его жены Натальи и романом «Анна Каренина», писали, что их история также романтична, как если бы вышла из-под пера Толстого или Чехова... По любым меркам их отношения оказали влияние на ход российской истории в ее самый решающий момент»[114].

На конференции в Перми Д. Кроуфорд процитировал строки из письма Михаила, написанного в январе

1915 г. Наталье: «Война и весь тот огромный ужас, который она за собой влечет, поневоле наводит каждого здравомыслящего человека на самые грустные мысли; например, я чувствую большое озлобление к людям вообще, а главным образом к тем, которые стоят наверху, во главе, и допускают весь этот ужас. Если бы вопрос войны решался исключительно народом, в таком случае я бы не так горячо восставал против этого большого бедствия...». Д. Кроуфорд считает, что эти слова характеризуют его как замечательного человека, патриота и выразителя чаяний простого русского человека. Однако следует отметить, что у Михаила Александровича психологический настрой был таков, что он в дни февраля 1917 г. не был в состоянии предпринять решительные меры по нормализации ситуации в столице.

Как В.М. Хрусталев, так и Кроуфорды определяют любовную историю, завершившуюся морганатическим браком, как главное событие в жизни Великого Князя. Сюжетная линия, принятая Кроуфордами, основанная на любовной истории, более свойственна художественному произведению, а не научной работе. Авторы считают, что «их отношения оказали влияние на ход российской истории в ее самый решающий момент».

Исходя из современных требований оформления научного труда, следует отметить, что в книге английских авторов указаны не достаточно полные сведения об использованных ими источниках. Акцент на любовный сюжет и стилистика языка, тяготеющая к художественному произведению, – все это позволяет отнести труд Р. и Д. Кроуфордов к жанру научно-популярной литературы.

В 1993 г. в екатеринбургском издательстве вышла также научно-популярная книга шведского слависта Стаффана Скотта[115] «Романовы. Царская династия. Кто они были? Что с ними стало?», написанная на основе печатных материалов и документов, а также личных встреч автора со здравствующими на тот момент представителями династии Романовых. Основное внимание в книге уделено эпохе царствования Николая II.

Глава о царях, следовавших после Екатерины Второй, носит название «Семь последних царей», в то время как в общепринятой историографии их насчитывается только шесть. «Строго говоря, – считает автор, – после Николая II существовал еще один царь. Специалисты в области легитимности ставят это утверждение под сомнение. Но в тот момент, – утверждает С. Скотт, – этот вопрос решал сам государь. Он отрекся за себя и своего тяжелобольного сына, тем самым автоматически в пользу следующего в престолонаследии, то есть своего брата Михаила. Согласно действующему русскому законодательству Михаил стал царем, поскольку монархия еще не была законным образом отменена».

В представлении шведского писателя, «Великий Князь Михаил Александрович был простым и непритязательным юношей, весельчаком, который брал от жизни все, что она ему предлагала». Кажется, о нем никто не сказал дурного слова, как пишет С. Скотт. Сестра Ольга называла его по-английски Дарлинг Флоппи[116] даже в торжественных случаях, когда подобные выражения были неуместны. Михаил Александрович очень любил музыку и отлично играл на нескольких инструментах. «Говоря современными словами, он был добродушный плейбой и имел странную привычку засыпать за рулем автомобиля, но в те времена автомобили ездили медленно, и он всякий раз отделывался синяками»[117]. Никто по-настоящему не воспринимал его всерьез, он был славным малым с необычно длинной шеей; со временем он стал бравым офицером, судя по всему, довольно неплохим. Солдаты его любили. От отца Михаил Александрович унаследовал поразительную физическую силу.

Подобно многим членам фамилии, Михаил женился против воли государя, причем пошел дальше других, ибо избранница была вторично разведена. Все князья, высылаемые за границу из-за неравных браков или по другим причинам, видимо, «извлекали немало удовольствия» из ссылки. За границей они вели более здоровый и приятный образ жизни в качестве простых смертных, вдали от любопытных взоров, довольствуясь прелестями

личной жизни. Со временем Романовы, женившиеся без согласия царя, получали прощение и позволение вернуться на родину.

Будь Михаил Александрович «волевым и энергичным человеком, внушающим доверие, он, возможно, сумел бы нести царский венец и сохранить монархию, хотя, скорее, в конституционной форме, нежели как самодержец». Увы, считает С. Скотт, ни волей, ни энергичностью Михаил похвастаться не мог и доверия к себе не вызывал, хотя и во время войны, и в дни революции вел себя отнюдь не как беспечный плейбой. Сам он был доволен судьбой офицера, без каких бы то ни было государственных обязанностей. Зато его красивая и властная жена крайне интересовалась политикой. В годы войны она вращалась в кругах политиков самого разного толка.

За несколько дней до отречения Николая II председатель Думы Родзянко по собственной инициативе тайно беседовал с Михаилом – об этом не знали даже его родственники. Романовы считали Михаила неподходящим кандидатом на роль регента или царя из-за морганатического брака. Но прежде всего, из-за волевой супруги, все боялись, что «она может натворить бед».

Переговоры между председателем Думы и братом царя, как пишет С. Скотт, – проходили утром 27 февраля, а вечером Великий Князь провел вместе с правительством в Мариинском дворце в Петрограде. «Был выработан план спасения монархии, но Михаил поставил условие, что станет регентом при царевиче Алексее после отречения Николая лишь при согласии последнего».

В ночь на 28 февраля Михаил Александрович вернулся в Зимний дворец. Увидев там военные части, он приказал им покинуть дворец, ибо не хотел, чтобы в народ стреляли из «жилища Романовых». «Многие историки истолковали это так, что он уже считал себя регентом и не желал себя компрометировать»[118]. На самом деле, считает автор, Михаил Александрович просто действовал в соответствии с давно принятой им практикой.

3 марта Михаил принял делегацию политиков, имевших разные мнения о том, что ему надлежало делать.

Эти напряженные часы неоднократно описаны историками. По утверждению председателя Думы Родзянко, «политикам было ясно, что великий князь процарствует всего несколько часов, что в Петрограде начнется кровопролитие и что Михаил Александрович будет немедленно убит»[119].

Итак, С. Скотт считает, что передача верховной власти Михаилу Александровичу была вполне правомочна, так как самодержавие не было отменено, однако из-за морганатического брака, его как императора никто не принял. Будь он «волевым и энергичным человеком, внушающим доверие, – считает автор, – то возможно, сумел бы нести царский венец и сохранить монархию, хотя, скорее, в конституционной форме...»

В 1967 г. в США была издана биографическая книга, быстро ставшая бестселлером, о семье последнего русского царя Николая II американского историка, журналиста и писателя Роберта Мэсси[120] «Николай и Александра» («Nicholas and Alexandra»). Повествуя о царской семье, автор многократно упоминает о Великом Князе Михаиле Александровиче. Энергичные штрихи Мэсси создают выпуклый образ брата императора.

«Самый младший из братьев – Михаил – был десятью годами моложе Николая и уже в силу разницы в возрасте не мог стать для него серьезной опорой»[121], – считает американский историк. Однако были и другие причины.

«Из всех ударов, нанесенных династии членами семьи Романовых, самым позорным и тяжелым лично для царя был тот, который нанес его брат Михаил. Великий князь Михаил, ..., был красивым, добрым и чувственным молодым человеком. После смерти старшего брата Георгия и до рождения цесаревича Алексея в 1904 году Михаил считался наследником престола. Однако никто из членов семьи никогда всерьез не рассматривал возможность того, что "дорогой Миша" может стать царем. Это было немыслимо. Даже на публике, в окружении официальных лиц, его сестра Ольга Александровна, не задумываясь, обращалась к нему, называя его придуман-

ным ею же уменьшительным именем Флоппи (шалопай. – **Р.М.**)»[122].

«Самым сильным увлечением Михаила были автомобили и хорошенькие женщины. У него был гараж, полный сверкающих автомобилей. К несчастью, у великого князя была опасная привычка засыпать за рулем. Однажды, когда они с Ольгой спешили на обед к Марии Федоровне в Гатчину, Флоппи задремал, и автомобиль перевернулся. Брата и сестру выбросило из машины, но, к счастью, они даже не получили ушибов»[123]. Это происшествие в последствии упоминалось многими исследователями.

«Теперь, зимой, (янв. 1917 г. – **Л.П.**) его (Родзянко. – **Л.П.**) посетил брат царя великий князь Михаил. Михаил, красивый добродушный Миша, жил с женой графиней Брасовой в Гатчине, в окрестностях столицы. Несмотря на то, что после цесаревича Алексея великий князь Михаил был следующим претендентом на престол, он не имел никакого влияния на царя. Обеспокоенный и сознающий свою беспомощность, великий князь Михаил хотел узнать, чем можно помочь в такой безнадежной ситуации. И снова Родзянко заявил, что "Александру Федоровну все и везде ненавидят и что все слои населения требуют ее отстранения. До тех тор, пока она у власти, ничто не может остановить нашего движения к гибели". Великий князь согласился с ним и попросил Родзянко еще раз поехать и поговорить с царем. 20 января Николай принял Родзянко»[124].

«Отречение Николая и Алексея сделало царем великого князя Михаила. В народе существовало старинное поверье: когда на трон взойдет Михаил, Россия достигнет многовековой цели – присоединит Константинополь. (...) Теперь младший брат Николая II становится Михаилом II. Были и другие благоприятные предзнаменования. Великобритания и Франция, прежде постоянно блокировавшие продвижение России на юг, сейчас стали ее союзниками и в этом вопросе»[125]. «Но случилось так, что царствование Михаила было смехотворно коротким.

Михаил, которому исполнилось тридцать девять лет, был совершенно не подготовлен к столь внезапному повороту событий... Однако Михаил никогда не мог предвидеть, что его брат и племянник оба одновременно откажутся от престола и что неожиданная телеграмма сделает его царем. Михаил не был трусом, командуя войсками в Карпатах, он получил орден Святого Георгия. Не был он политически индифферентен... В то же время Михаил не был смелым, уверенным в себе, решительным человеком, отличающимся большой энергией и силой воли. А именно такие качества были необходимы для человека в его положении. Тем не менее, получив согласие жены, перед которой открывалась перспектива стать женой императора, Михаил отправился из Гатчины в Петроград для того, чтобы принять историческое решение»[126].

Таким образом, в презентации Р. Мэсси Великий Князь Михаил Александрович своей женитьбой нанес династии «самый позорный и тяжелый удар». «Никто из членов семьи никогда всерьез не рассматривал возможность того, что "дорогой Миша" может стать царем», но именно он с отречением Николая за себя и своего сына получил трон. Однако к такому повороту событий Михаил не был готов, он «не был уверенным в себе», не обладал решительностью, «большой энергией и силой воли». В то же время он был добрым человеком и готов был со своей стороны помочь в сложившейся безвыходной ситуации. Кроме того, что Михаил Александрович любил автомобили и женщин, Р. Мэсси ничего более не может сказать о формально последнем российском императоре.

Сестры из Санкт-Петербурга Г.Н. Корнева[127] и Т.Н. Чебоксарова[128] много лет занимаются исследованиями истории Дома Романовых. Некоторые их публикации посвящены Михаилу Александровичу. Так, на конференции «Романовских дней в Перми» 2010 года они представили интересную статью «Великий Князь Михаил Александрович – августейший покровитель Электротехнического института»[129]. Во многих публикациях ис-

следователей отмечается, что он был покровителем многочисленных общественных, благотворительных и просветительских обществ, однако только эта статья Корневой и Чебоксаровой – единственное исследование, в котором великий князь раскрывается в таком качестве.

«В начале 1898 года "по высочайшему повелению" императора Николая II Михаил Александрович был назначен августейшим покровителем электротехнического института (ЭТИ). Преподаватели, студенты и совет института с благодарностью восприняли царский указ и провели сбор средств для организации именного фонда Великого Князя Михаила Александровича. Было собрано полторы тысячи рублей (в том числе 300 рублей пожаловано самим Великим Князем) и решено использовать проценты с образовавшегося капитала для ежегодного награждения студентов, представивших лучшие научные работы на тему, заданную советом института»[130].

Михаил Александрович впервые приехал в ЭТИ 25 февраля того же 1898 г. Это событие было подробно описано на страницах «Почтово-телеграфного журнала» в статье «Посещение Августейшим Покровителем Его Императорским Высочеством Великим Князем Михаилом Александровичем Электротехнического института».

В конце 1897 г. старшекурсники ЭТИ были впервые направлены за границу для прохождения производственной практики. Поездка оказалась успешной, и впоследствии администрация ЭТИ и Великий Князь Михаил Александрович выделяли средства для организации заграничных поездок студентов-электротехников.

В 1899 г. институту было присвоено имя «его незабвенного основателя» императора Александра III. Тогда же Россия готовилась к участию на Всемирной выставке в Париже, отразившей «огромный рост русской промышленности». В течение двух месяцев на парижской выставке побывали студенты ЭТИ, пять групп по 10 человек. Им по решению совета института оказали

существенную материальную поддержку. Тысяча рублей была пожалована «государем наследником Великим Князем Михаилом Александровичем из его собственных средств на предмет раздачи пособия недостаточным студентам»[131].

Михаил Александрович выделял деньги и на приобретение оборудования, необходимого институту. «По указанию государя наследника Михаила Александровича» в дар ЭТИ были переданы три динамомашины из электромашинного здания Аничкова дворца.

Благодаря покровительству Михаила Александровича и авторитету директора института Н.Н. Качалова в 1899 г. Министерство внутренних дел, в ведении которого находилось учебное заведение, решило выделить средства на строительство нового учебного корпуса. В связи с переездом института в новое учебное здание, состоявшимся в сентябре 1903 г., Михаил Александрович выразил намерение подарить ЭТИ портрет своего отца работы художника А.И. Корзухина стоимостью 600 рублей.

В приведенных работах, относимых к биографическим, на документальной основе подробно описан жизненный путь Михаила Александровича. Великий Князь предстает перед читателем веселым, физически сильным, внимательным к людям человеком, который пытается вести себя независимо от принятых традиций императорской фамилии. Он довольствовался карьерой офицера и стремился к частной жизни, заключил морганатический брак с дважды разведенной женщиной. В критический момент истории монархии Михаил принимал решения на основе рекомендаций окружавших его политиков. Однако, не обладая ни энергией, ни волей, будучи не готовым к выпавшей на его долю роли монарха, он оказался жертвой опытных политических манипуляторов. Рассмотренные публикации не противоречат, а скорее дополняют друг друга.

2.2.2. Дискурс о Великом Князе Михаиле Александровиче по материалам архивных исследований

В советское время вопросы, касающиеся Великого Князя Михаила Александровича, исследователей не интересовали, поскольку с ним был связан, вроде бы, незначительный эпизод отречения царя в дни Февральской революции. Кроме того, многие документы об обстоятельствах его гибели были засекречены или не сохранились. Все сведения бытовали на уровне слухов. В этой связи не случайно, что уже в 1990-е годы выделилась линия архивных исследований пермского эпизода жизни. Впервые история расправы над Михаилом Романовым была рассказана пермским краеведом С.А. Тороповым[132] в очерке «Самосуд»[133].

«О последних часах Михаила Романова долго бродили (и бродят! – автор **С.Т.**) самые разные сведения, слухи, легенды. Мой отец (он был член городского Совета рабочих и солдатских депутатов в 1917 году) рассказывал, – вспоминает краевед, – что когда вечером 12 июня группа рабочих Мотовилихи пришла Михаила арестовывать, то он бежал через крышу, прыгнул и сломал ногу. На самом деле ничего такого не было...» (Михаил, действительно, садясь при аресте в фаэтон, упал, но не потому, что сломал ногу, а от резкой боли в желудке из-за обострившейся язвы. – **Л.П.**).

Не согласен Торопов и с М. Касвиновым, который пишет в книге «Двадцать три ступени вниз»», что о тайной операции не знали ни ЧК, ни в Пермском Совете (что является пересказом информации П.М. Быкова. – **Л.П.**).

Кинодраматург Г. Рябов[134] приводит три возможных версии конца Великого Князя, а с ним его секретаря Джонсона и шофера Борунова. «Все трое были перевезены группой Мясникова в Мотовилиху, где жертвы самосуда были расстреляны или сожжены, или живыми брошены в печь Мотовилихинского завода».

Руководитель «группы захвата» Г. Мясников на допросе в ЧК объяснил: рабочие Мотовилихи узнали, что М. Романов добивается разрешения на выезд за границу, поэтому его и «прихватили».

Однако, по мнению С.А. Торопова, это был все же самосуд, а не казнь по приказу из центра. Свои доводы автор подтверждает исследованиями историка Г.З. Иоффе[135]. Краевед тогда ознакомился с некоторыми документами из пермских архивов и раскрыл общую канву трагической гибели Михаила Романова. Историю расправы он излагает преимущественно по воспоминаниям А.В. Маркова.

В 1992 г. Пермская областная библиотека им. А.М. Горького издала сборник архивных документов и публикаций из пермских газет как 1918–1919 годов, так и современных, касающихся гибели Великого Князя Михаила Александровича, под тем же названием «Самосуд»[136]. Здесь были впервые опубликованы дневник М.А. Романова и воспоминания некоторых участников убийства.

Так, пермский губвоенком А.М. Зверев, к воспоминаниям которого мы еще возвратимся, заявляет: «... я, как губвоенком, головой отвечал за охрану брата Николая II – Михаила Романова ... Охраняли Михаила красногвардейцы Пермского гарнизона, в частной одежде по лично мной утвержденному наряду на каждый день»[137]. Тем самым А.М. Зверев подтверждает, что слежка за М.А. Романовым осуществлялась постоянно.

П.И. Малков[138], председатель Пермского губчека (1918–1920), сообщает о принятии решения о расстреле.

«... В июне, в связи с приближением к г. Перми Колчака[139] и подозрительного поведения Михаила Романова, у руководства Пермского губчека явилась мысль расстрелять его. Посоветовавшись с председателем Пермского губисполкома тов. Сорокиным и с руководителями пермской городской партийной организации, было решено срочно расстрелять Михаила Романова, причем, в совершенно секретном порядке»[140]. Необходимо выделить из цитаты Малкова два момента: во-первых,

ссылка на приближение войск Колчака не имеет оснований, а во-вторых, он открыто сообщает, что в подготовке операции по уничтожению Великого Князя принимали участие руководители губчека, губисполкома и пермской городской партийной организации. Такие существенные «неточности» ставят под сомнение вообще достоверность информации лиц, непосредственно причастных к операции.

Уже после расстрела один из исполнителей, А.В. Марков, утверждал, что, будучи в Москве, «по делу пришел к товарищу Свердлову Я.М., он меня провел к Ленину, который спрашивал меня о ликвидации Михаила Романова, я рассказал ему, что сделано было чисто, он сказал: "Ну вот и хорошо, правильно сделали"»[141]. Это показание свидетельствует о том, что Ленин и Свердлов знали об убийстве М. Романова и, скорее всего, санкционировали эту операцию. Важная деталь: Ленин спрашивал Маркова, что еще раз подтверждает факт – Ленин знал об убийстве.

Следующим важным шагом в архивных изысканиях стал выход в 1996 г. сборника документов под названием «Скорбный путь Михаила Романова: От престола до Голгофы: Документы, материалы следствия, дневники, воспоминания» (сост. В.М. Хрусталев и Л.А. Лыкова).

По всем обстоятельствам, считают авторы-составители, это было убийство, совершенное по политическим мотивам. Михаил Романов, отказавшийся в феврале 1917 г. от «восприятия верховной власти» до решения Учредительного собрания, стал первой жертвой из членов императорской фамилии, принесенной большевиками на «алтарь мировой революции».

Вошедшие в сборник документы и материалы составителями выявлены, главным образом, в фондах Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ) и Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ), а также в архивах Пермского края и Свердловской области.

Опубликованные документы и материалы разделены по нескольким хронологическо-тематическим разделам,

тесно связанным с главными этапами истории России. В конце каждого из разделов помещены фрагменты воспоминаний и мемуаров известных государственных деятелей и рядовых очевидцев событий, способствующих, наряду с документами, воссоздать исторический фон того времени, понять взаимосвязь исторического процесса с общественной и частной жизнью Михаила Романова.

Докторскую диссертацию Л.А. Лыкова[142] защитила по материалам дела об убийстве царской семьи следователя Н.А. Соколова. Этой теме посвящена и ее монография[143], изданная в 2007 г. В своих публикациях Л.А. Лыкова упоминает также о документах, касающихся Великого Князя Михаила Александровича. «Из "Коллекции документов по делу Романовых", хранящихся в архиве КГБ, были переданы в ГАРФ следующие материалы: документы о вывозе следователем Н.А. Соколовым подлинных материалов следствия; письмо А. Сотникова Э.Г. Фрейбергу о судьбе Великого Князя Михаила Александровича и протокол допроса Э.Г. Фрейберга Н.А. Соколовым[144]»[145]. Собственно Михаилу Александровичу в следствии Н.А. Соколова посвящен один том (№ 23)[146].

В 2010 г. издательством «Достоинство» было издано две книги Л.А. Лыковой. Это «Пермь: Тайна гибели Михаила Романова»[147] и «Романовы. Подвиг во имя любви» (сост. В.П. Долматов и Л.А. Лыкова). Обе книги являются продолжением архивных исследований и представляют собой аннотированные сборники документов, материалов следствия, дневников, воспоминаний. Материалы этих публикаций используются в настоящем исследовании.

Книга «Романовы. Подвиг во имя любви» – сборник статей и документов – повествует о последних трагических днях земного пути восемнадцати представителей Дома Романовых. Глава «Офицер» посвящена Великому Князю Михаилу Александровичу, в которую включены воспоминания правнука Николая I Д. Чавчавадзе и секретаря Пермского окружкома РКП(б) М.П. Туркина.

Материалы книги также использованы в данном исследовании.

В 2018 г. Пермский государственный архив социально-политической истории издал сборник документов в 2-х томах о последнем периоде жизни и убийстве в городе Перми Великого Князя Михаила Александровича «Пермская Голгофа Михаила II» (составители: Л.А. Лыкова, В.М. Хрусталев, И.В. Папулов, Н.А. Зенкова), председатель редколлегии, директор Пермского государственного архива социально-политической истории С.В. Неганов. На сегодняшний день это наиболее полное издание документов, касающихся пермского эпизода жизни и гибели Михаила Александровича.

> *Итак, архивные изыскания, начавшиеся в 1990-е гг. и не закончившееся по сей день, позволили проследить жизненный путь Михаила Александровича и отобразить в общих чертах его исторический портрет. Практически все исследователи сходятся во мнении, что убийство Великого Князя носило политический характер. Благодаря научным трудам архивистов, политические аспекты отказа от верховной власти Михаила Александровича, история его трагической гибели были раскрыты достаточно полно.*

2.2.3. Дискурс о Великом Князе Михаиле Александровиче по материалам трудов о Русской революции общего характера

В постреволюционный период вышло большое количество публикаций, посвященных Русской революции 1917 года, в которых обязательно упоминается эпизод передачи верховной власти императором Николаем II своему брату Великому Князю Михаилу Александровичу.

Среди трудов о Русской революции общего характера как наиболее значительные по глубине и масштабу исследования, можно выделить работы таких известных авторов, как С.П. Мельгунов, Г.М. Катков, И.И. Минц и Р. Пайпс. В этом дискурсе участвуют также современ-

ные российские исследователи Е.Е. Петрова и К.О. Битюков, анализировавшие явление великокняжеской оппозиции. Примечательно, что все авторы принадлежат к разным поколениям ученых и представляют разные научные школы.

С.П. Мельгунов[148], придерживавшийся либеральных взглядов, наряду с П. Н. Милюковым, является автором первого научного анализа истории Русской революции и Гражданской войны. В 1920–1950 гг., он написал серию книг, ценных своими сведениями фактического характера. Книга «Мартовские дни 1917 года» вышла в Париже уже после смерти автора. Ее седьмая глава «Михаил II» полностью посвящена Великому Князю.

Неожиданное содержание акта (Николая II. – **Л.П.**), по мнению С.П. Мельгунова, произвело «переполох» в кругах Временного Комитета – прежде всего, в связи с антидинастическими требованиями. Керенский «заявил, по словам Родзянко, что если воцарение Мих[аила] Ал[ександровича] состоится, то рабочие Петрограда и вся революционная демократия этого не допустит»[149]. Смущал вопрос и о законности акта, поднимавший «обоснованный юридический спор». По мнению Набокова, «передача престола Михаилу была актом незаконным, никакого юридического титула для Михаила она не создавала». «Принятие Михаилом престола», следовательно, было «с самого начала порочным». Не удовлетворял Великий Князь с морганатической супругой и легитимистов, мнения которых находили известный отзвук в думской среде. «Мы видели, что "интригам" кн. Брасовой готовы были они приписать даже идею регентства, за которой таилась секретная мысль превратить временного регента в постоянного императора»[150].

Создается впечатление, что члены Временного комитета совершенно сознательно делали акцент на незаконности манифеста Николая II, в то время как их действия были еще более противозаконны, так как монархия не была еще отменена. Нельзя не сказать также и о другом аспекте манифеста Николая II. Отречение за своего сына, конечно, было нарушением закона. Однако та-

кой прецедент был первый и единственный в российской истории. В связи с болезнью сына решение Николая II было вполне объяснимо. Верховная власть им была передана следующему претенденту на престол в череде наследников. Самодержавие не было на тот момент отменено, поэтому решение государя можно считать правомерным.

Мельгунов, ссылаясь на Родзянко, сообщает: «...провозглашение императором в[еликого] кн[язя] Мих[аила] Ал[ександровича] подольет масла в огонь, и начнется беспощадное истребление... Мы потеряем и упустим из рук всякую власть <...>; при предложенной форме возвращение династии не исключено и желательно...»

«Какие реальные возможности открывались перед Михаилом Александровичем?» – задавался вопросом Мельгунов. Позднее Милюков утверждал, что он «хотел рискнуть открытым конфликтом с революционной демократией и рассчитывал тогда на успех...». В.Д. Набоков же считал эту возможность «чисто теоретической». «Несомненно, для укрепления Михаила потребовались бы очень решительные действия, не останавливающиеся перед кровопролитием, перед арестом Исп. Ком. Совета Р. и С. Д... Через неделю, вероятно, все вошло бы в надлежащие рамки. Но для этой недели надо было располагать реальными силами... Таких сил не было. И сам по себе Михаил был человеком, «мало или совсем не подходящим к этой трудовой, ответственной и опасной роли, которую ему предстояло бы сыграть. (...) Вся совокупность условий была такова, что принятие престола было невозможно»[151], – заключает мемуарист. В Москве Михаил Александрович также не рассматривался как возможная фигура на престол.

Действительно, Михаил Александрович совсем не подходил для роли жесткого диктатора, однако и лидеры Февральской революции, как показали последующие события 1917 г., не были способны стабилизировать обстановку и успешно управлять страной. Пожалуй, напуганы больше были они, а не Великий Князь.

«Реально опорой мог быть только фронт, – считает С.П. Мельгунов. – <...> Но совершенно удивительно, что мысль снестись и предварительно переговорить с верховным командованием, не явилась у тех, кто призывал Вел[икого] Князя, идти на риск...»[152] Совершенно очевидно, что участники совещания 3 марта 1917 г. и не хотели, чтобы поддержка Михаилу Александровичу была оказана. В представленных высказываниях чувствуется позиция либерала, не заинтересованного в поддержке Михаила Александровича, хотя оценка ситуации им дается достаточно реалистичная.

Таким образом, по результатам исследований С.П. Мельгунова подтверждается мнение либеральной буржуазии, что передача трона Николаем II своему брату Михаилу Александровичу была противозаконна и не была никем поддержана, сам же Великий Князь по своему характеру совершенно не подходил на роль диктатора.

Историк русского зарубежья Г.М. Катков[153] придерживался в своих исследованиях нейтральных позиций, однако заметно, что он искренне переживал трагедию гибели Российской империи. Исследованием истории Русской революции 1917 года он занялся уже после 1939 г. в Оксфорде, сосредоточив свое внимание на февральском эпизоде. Русский ученый глубоко проанализировал события Февраля и мотивации действий главных фигур политического олимпа того времени. Уникальность его исследования заключается в том, что он, не имея возможности работы в советских архивах, основывался только на источниках зарубежных фондов, отзывах и воспоминаниях представителей русской эмиграции первой волны, а также опубликованных материалах.

Рубиконом развития революции стала ночь с 27 на 28 февраля. Вечером Родзянко еще надеялся, что монархия сохранится и он станет главой правительства, назначив регентом в Петрограде Михаила Александровича. Однако Великий Князь не соглашался на такой шаг, не заручившись согласием брата. Николай же поблагода-

рил Михаила за заботу и сообщил, что он сам приедет и лично во всем разберется.

Той же ночью Михаил Александрович, возвращаясь из Мариинского дворца, где прошло последнее историческое заседание царского правительства, прибыл в Зимний дворец. Здесь он обнаружил только что устроившихся на ночлег последних защитников монархии. Около 3-х часов ночи Великий Князь вызвал к себе С.С. Хабалова и М.А. Беляева и попросил их перевести воинские части из дворца в Адмиралтейство, ибо он не хочет, чтобы стреляли в толпу из дома Романовых. Такой поступок Михаила Александровича вполне объясним, считает Катков. Великий Князь знал и даже был уверен, что ему придется стать регентом при цесаревиче Алексее, его племяннике. Связать свое имя с репрессиями против населения Петрограда – значило отказаться от возможности разрешить кризис власти приемлемым образом. Однако для генералов приказ очистить дворец среди ночи стал окончательным ударом, после которого на утро ими было принято решение прекратить какие-либо действия по спасению монархии.

Как только М. Родзянко узнал, что государь отрекся от престола за себя и своего сына и что, следовательно, императором стал Великий Князь Михаил Александрович, он попросил М.В. Алексеева и Н.В. Рузского[154] приостановить обнародование подписанного в Пскове манифеста. А уже рано утром 3-го марта он передал Рузскому: «Дело в том, что с великим трудом удалось удержать более или менее в приличных рамках революционное движение, но положение еще не пришло в себя и весьма возможна гражданская война. С регентством великого князя и воцарением наследника цесаревича помирились бы, может быть, но воцарение его (т.е. великого князя), как императора, абсолютно неприемлемо». На самом деле, в словах председателя Думы присутствует не столько характеристика ситуации в столице, сколько попытка направить течение событий в нужном ему русле. Лидеры Государственной думы уже перешли на сторону революции. Г.М. Катков комментирует пра-

вомерность Манифеста отречения Николая II: «Конечно, законность акта была спорной, но в тот момент это было вопросом чисто академическим. Основные законы не позволяли отречения за наследника престола, но они не предусматривали и отречения самого монарха. Акт отречения вносил изменение в конституционную структуру, такое изменение не было и не могло быть предусмотрено основными законами»[155].

Для большинства Великих Князей мысль, что регентом или, тем более, императором может стать Великий Князь Михаил тоже была совершенно неприемлема. «Они, очевидно, были против этого главным образом потому, что не доверяли морганатической супруге великого князя, графине Брасовой. О ней было известно, что она честолюбива и энергична, много перенесла из-за шаткости своего положения в обществе, поэтому предполагали, что она воспользуется благоприятной ситуацией, чтобы взять реванш»[156]. Красноречива реакция Великого Князя Николая Николаевича: «Что же касается сообщенного вами сегодня утром манифеста о передаче престола Великому Князю Михаилу Александровичу, то он неминуемо вызовет резню»[157].

Замысел Родзянко состоял в том, чтобы, задержав публикацию Манифеста отречения Николая II (иначе бы он вступил в законную силу), обнародовать его одновременно с Актом об отказе от престола Михаила Александровича, что свидетельствовало бы о конце Династии Романовых (двойное отречение). Не случайно газеты назвали Акт Михаила Александровича также «отречением». Кроме того, по мнению Г.М. Каткова, никакое бы теперь обращение М.А. Романова со своими правами на престол не имели бы оснований, так как этот вопрос был отнесен на усмотрение Учредительного собрания. По этой же причине не было смысла с юридической точки зрения выражать претензии следующему претенденту на престол – Кириллу Владимировичу. «Главной задачей политических деятелей, желавших, чтобы Михаил отказался от престола, было убедить его, что таков его монарший и патриотический долг»[158].

Катков составил психологическую реконструкцию совещания 3 марта на Миллионной улице, 12 глазами Михаила Александровича: «Он видел людей, которые много лет подряд противились правлению его брата и после почти беспрецедентной кампании клеветы и хулы создали самые благоприятные условия для свержения императора. Теперь они объединились и должны стать его – великого князя – правительством: некоторые из них будут его советниками в борьбе, к которой он не готов ни по воспитанию, ни по склонностям. Вид этих людей, их аргументы, способ выражаться, очевидно, казались ему глубоко отталкивающими. Это более вероятная причина его отречения, чем та, что обычно приводится – страх за свою жизнь»[159].

Таким образом, Г.М. Катков представил нам Великого Князя в дни Февральской революции, с одной стороны, находящимся под влиянием думских либералов, не проявляющим собственной инициативы, принимающим их аргументы и исполняющим их рекомендации (то есть, в целом, отрицательная оценка). А с другой стороны, образ Михаила Александровича исследователь отобразил с глубоким уважением и человечностью.

Советский историк, академик АН СССР И.И. Минц[160], один из главных сталинских идеологов, является автором более 200 научных работ, среди которых фундаментальные труды по истории КПСС, Октябрьской революции и Гражданской войны. В трехтомном издании «История Великого Октября»[161] (1977) он глубоко и подробно, хотя тенденциозно и идеологически односторонне, излагает ход Февральской революции, где упоминается и эпизод отречения Михаила Александровича. Автор не дает оценки действиям Великого Князя и вообще какой-либо его характеристики, так как ход истории, по ленинской теории, определялся глобальными социально-политическими процессами в соответствии с объективными законами общественного развития.

Рано утром 3 марта Родзянко в переговорах по прямому проводу с Алексеевым настойчиво просил его задержать обнародование манифеста об отречении Нико-

лая II в пользу Михаила, ссылаясь на то, что в Петрограде вспыхнул новый солдатский бунт, к которому присоединились и рабочие. «После долгих переговоров с депутатами от рабочих, – продолжает Родзянко, – удалось к ночи 2 марта прийти к некоторому соглашению, суть коего: через некоторое время, не ранее полугода, собрать Учредительное собрание для определения формы правления». Алексеев выполнил просьбу Родзянко, но предложил, во-первых, потребовать от правительства публикации манифеста «во имя спасения Родины и действующей армии» и, во-вторых, срочно созвать совещание всех главнокомандующих в Могилеве «для установления единства во всех случаях и всякой обстановке». Получается, что И.И. Минц признает – генералитет в целом не возражал против передачи трона Михаилу, но противились Романовы. «Николай Николаевич с Кавказа вообще протестовал против решения бывшего царя передать престол Михаилу. По его мнению, это "неминуемо вызовет резню"» (что является результатом политической борьбы между «Николаевичами» и «Александровичами». – **Л.П.**). Идея сослаться на Учредительное собрание в проекте думцев возникла еще накануне совещания 3 марта на Миллионной, 12.

«Это была попытка организовать "генеральную стачку", – продолжает И.И. Минц, – во имя сохранения монархии. Те, кто требовал охранить армию от политики, не допустить распространения революции на фронт, теперь сами пытались взять в свои руки ведение политики...»

«...Выступающим за монархию генералам дали понять, что вопрос о монархии еще не окончательно решен. Родзянко говорил Алексееву: "Решение Учредительного собрания не исключает возможности возвращения династии к власти..." И уговаривающих, и упирающимся было невдомек, что судьба монархии была решена: ее свергли восставшие рабочие и солдаты»[162].

«Напуганный революцией Михаил Романов категорически отказался принять корону. Он даже не ночевал дома, а скрывался на частной квартире у князя Путя-

тина. (Не понятно, о каком доме идет речь. В Гатчину он вернуться просто не смог из-за блокирования дорог восставшими солдатами, а в Зимнем дворце ни Николай, ни Михаил никогда не жили. – **Л.П.**) На частную квартиру явились к нему члены Временного правительства, среди которых был и самозваный «заложник демократии» Керенский. Милюков и Гучков настаивали либо на принятии Михаилом Александровичем короны, либо на объявлении себя регентом империи. Милюков предлагал отправить Михаила в Москву, опереться там на ее гарнизон, вызвать с фронта необходимую вооруженную силу, чтобы арестовать Совет и установить военную диктатуру... Но большинство знало, что Михаил Романов не доберется до Москвы: хотел ведь Родзянко выехать на встречу с Николаем II, но ему не позволили это сделать рабочие. (Родзянко мог выехать на встречу с царем, но побоялся себя скомпрометировать в глазах Совета. – **Л.П.**) Московский гарнизон уже перешел на сторону революции»[163]. (На самом деле московский гарнизон перешел на сторону революции несколько позднее.) Академик согласно марксистко-ленинской теории выделяет особую роль рабочего класса.

Большинство участников совещания, как известно, настаивало на отказе Михаила Романова от престола. «Михаил Романов согласился...» Он «оказался самым недолговечным императором... От короны русского царя отрекались как от зачумленной...»[164] Тем самым ученый признает Михаила императором.

«Вынужденные пойти на отречение Михаила Романова, – считает И.И. Минц, – лидеры буржуазии постарались и из этого извлечь политические выгоды. Были вызваны крупные кадетские юристы, которые сформулировали отречение Михаила Романова таким образом, чтобы не закрывать возможности для восстановления монархии в будущем, а с другой стороны, обеспечить «законность» перехода власти к Временному правительству». Ученый подчеркивает: «Отречение Михаила от престола было условное, что в том лишь случае примет верховную власть, если такова будет воля народа, вы-

раженная в Учредительном собрании, которому и подлежит установить образ правления»[165].

Итак, в понимании И.И. Минца, Великий Князь Михаил Александрович не мог и не пытался что-либо изменить в ситуации, сложившейся к 3 марта 1917 г. Им полностью манипулировали лидеры Февральской революции, а подписанный им манифест – не что иное, как хитрость новой буржуазной власти. Он подтверждает, что на тот момент лидеры буржуазной революции допускали возврат к монархии, но ход истории определяется объективными законами. Советский академик называет Михаила Александровича «императором».

Американский ученый Ричард Пайпс[166] в своей работе «Русская революция», вышедшей в США в 1990 г. и вызвавшей широкий интерес, подробно описывает события Февральской революции.

Ученый пишет, что 2 марта, в час ночи, на просьбу Рузского объясниться, Родзянко ответил, что «везде войска становятся на сторону Думы и народа, и грозные требования отречения в пользу сына при регентстве Михаила Александровича становятся определенным требованием»[167]. Пока Рузский беседовал по прямому проводу с Родзянко, запись их разговора передавалась телеграфом М.В. Алексееву. Он был потрясен тем, что ему пришлось прочесть. Тогда Алексеев и другие генералы Ставки решили, что выбора не оставалось: Николаю необходимо последовать совету Родзянко и отречься. Однако государь «не мог расстаться с сыном», и поэтому вместо отречения в его пользу вручил корону Великому Князю Михаилу Александровичу. «Этот импульсивный жест, – считает Р. Пайпс, – был последним дыханием вотчинного духа, непроизвольным движением души, показывающим, как глубоко укоренился такой образ мыслей в сознании русской монархии...»[168]

Пайпс обращает внимание на юридическую сторону отречения. «Николай не имел никакого права отрекаться от имени сына и назначить своим наследником вел[икого] кн[язя] Михаила: "Престол Российский не частная собственность..."[169] ... Выбор вел[икого] кн[язя]

Михаила был вдвойне неправомочен еще и потому, что Михаил, взяв в жены женщину невысокородного происхождения, уже дважды разведенную, в любом случае не мог претендовать на престол»[170]. Автор разделяет мнение Гучкова: «Прекрасный миф мог бы быть создан вокруг невинного чистого дитя (Алексея), его обаяние могло бы успокоить озлобленные массы»[171].

На совещании 3 марта М.В. Родзянко заявил Великому Князю Михаилу, что, «если он примет престол, в считанные часы разразится новый страшный бунт, который выльется в гражданскую войну...»[172].

Итак, Р. Пайпс главный акцент делает на неправомочность передачи верховной власти Михаилу Александровичу.

Интересное исследование провели современные российские ученые Е.Е. Петрова и К.О. Битюков о великокняжеской оппозиции 1915–1917 годов[173]. Авторы выделяют три периода этого процесса.

Первый период (1 ноября – 3 декабря 1916 г.) связан с разрешением назревшего правительственного кризиса, которое виделось большинству современников в форме образования «ответственного министерства». Однако на этом этапе они выступали не столько за ответственное министерство, сколько за ограничение влияния на правительство «темных сил» в лице императрицы Александры Федоровны и Г.Е. Распутина. Для самих великих князей были характерны растерянность, отсутствие определенной политической программы и ясного понимания политической расстановки сил в обществе.

«В Петрограде представителями думских и бюрократических кругов (В.А. Маклаковым и В.М. Волконским) через свиту Великого Князя Михаила Александровича была выдвинута идея коллективного выступления великих князей, которое должен был возглавить Великий Князь Николай Михайлович. Однако из-за отказа последнего такое выступление не состоялось. Отзвуками этой идеи являлись личные послания Великого Князя Михаила Александровича (отредактировано Н.А. Врангелем, В.М. Волконским, В.А. Маклаковым) и Великого

Князя Георгия Михайловича (написано как отклик бесед в штабе Юго-Западного фронта с А.А. Брусиловым). Оба послания, написанные 11 ноября и вышедшие не из великокняжеской среды, но подписанные Великими Князьями, включали в себя требования удаления Б.В. Штюрмера»[174].

Примечательно, что Великие Князья не могли сформулировать требования императору самостоятельно и пользовались помощью более компетентных политиков.

Идея коллективного послания Великих Князей была реализована 3 декабря 1916 г., когда Великий Князь Павел Александрович от имени семейного совета Великих Князей потребовал от Николая II даровать конституцию или ответственное министерство, и высказал обвинения в том, что назначения министров делаются под влиянием Г.Е. Распутина. Однако данное обращение не имело успеха.

Второй период великокняжеской оппозиции (4—31 декабря 1916 г.) стал периодом их активной самозащиты, ознаменованный убийством Г.Е. Распутина. Михаил Александрович не принимал никакого участия в заговоре и узнал о происшествии лишь постфактум, когда возвращался с отдыха в Крыму.

«Метод активной "самозащиты" великих князей потерпел неудачу: социально-политический статус великих князей был ущемлен. Возможность оказывать влияние на императора стала минимальной. В связи с этим представители бюрократической, военной, думской оппозиций либо не принимали великих князей во внимание, либо рассматривали их как возможных кандидатов на престол и своеобразный запас легитимности монархической системы в случае осуществления государственного переворота»[175].

Этот период демонстрирует, что Великие Князья практически не имели возможности влиять на развитие политических событий в стране.

Третий период великокняжеской оппозиции (1 января — 2 марта 1917 г.) явился периодом «отчаяния», когда Великие Князья, теряя свою значимость, любыми мето-

дами пытались хоть как-то повлиять на политическую ситуацию. Они строили абсурдные планы заговоров, при этом бездействуя в решающие моменты Февральской революции.

К началу 1917 г., когда почти все Великие Князья были высланы из столицы, Михаил Александрович невольно становится лидером оппозиции. Он вырабатывает вместе с Родзянко предложения, которые поступали к императору через А.А. Клопова. Первоначально М.В. Родзянко соглашался возглавить ответственное министерство при условии устранения императрицы. Однако в конце января в посланиях на пост председателя правительства предлагается уже князь Г.Е. Львов, который также принимал участие в редактировании писем царю.

Несмотря на разговоры о перевороте, Февральская революция продемонстрировала полную неспособность Великих Князей к решительным действиям, а также их несостоятельность как политических лидеров и невозможность стать реально правящей политической элитой. «В условиях, когда их требования фактически воплотились в жизнь: Михаил Александрович получил престол, М.В. Родзянко стал во главе временного комитета Государственной думы, князь Г.Е. Львов сделался председателем Временного правительства, – они оказались не готовы к участию в управлении государством из-за отсутствия политической программы, социальной опоры и необходимых лидерских качеств. Михаил Александрович отказался от престола до решения вопроса о государственном устройстве России Учредительным собранием. Более того, ни сам Михаил Александрович, пытавшийся руководить обороной Зимнего дворца, ни Кирилл Владимирович, командовавший Гвардейским экипажем, ни Павел Александрович, командовавший гвардией, не возглавили войска для подавления революции. Напротив, все три Великих Князя подписали «великокняжеский манифест», призывавший к введению конституционного строя, возобновлению работы Государственной думы и Государственного совета и обсуждению новых проектов основных законов страны Законодательным, а по

сути, Учредительным собранием. Однако, несмотря на свою радикальность, документ явно опоздал, поскольку в то время уже начинал обсуждаться вопрос об отказе от монархического строя»[176]. К этому следует добавить, что среди Великих Князей не было единства, а было скрытое соперничество. В этой связи они не поддержали Михаила Александровича ни как регента, ни как монарха.

> *Таким образом, авторы обобщающих трудов по истории Русской революции и Гражданской войны практически сходятся во мнении, что принятие верховной власти Михаилом Александровичем было невозможно, неправомочно, и поддержкой он никакой не пользовался. С.П. Мельгунов считал, что поддержать Великого Князя могла только армия, но этого не произошло. Спасти монархию могла только диктатура, говорит И.И. Минц, а на роль диктатора он совершенно не годился. Р. Пайпс к этому добавляет морганатический брак, который исключил Михаила из первых наследников престола, и опасность гражданской войны. Е.Е. Петрова и К.О. Битюков показали в лице Михаила Александровича образ беспомощного лидера великокняжеской оппозиции в январе-феврале 1917 г.*

2.2.4. Дискурс авторов высказываний, относящихся к традициям придворных публикаций

Две книги, в силу особого отношения их авторов к Дому Романовых, можно выделить и отнести к традициям придворных публикаций.

Очерк Д.П. Чавчавадзе[177], праправнука императора Николая I, «Михаил и Наталья»[178] из книги «The Grand Dukes» (Hardcover, 1989) написан на основании рассказов родителей и дневниковых записей Великих Князей и княжон. Автор воссоздает образ Михаила Александровича и дает ему собственную оценку.

«Михаил, которого в семье звали "Миша" или "дорогой Увалень" из-за его худого угловатого тела и привычки развалиться на стуле в самой расслабленной ма-

нере, был умным и энергичным юношей. <...> Михаил увлекался историей (это был его любимый предмет. – **Д.Ч.**)... Младшая сестра Михаила Великая княжна Ольга много часов проводила с Михаилом и отцом, но оба ребенка боялись своей матери Императрицы Марии. Их детство проходило без дорогих подарков»[179].

«Пять лет спустя, после смерти Великого Князя Георгия, Михаил стал престолонаследником до появления у императора Николая сына... Даже при этих обстоятельствах он не получил специального обучения, никто всерьез не воспринимал "милого Мишу" и вероятность того, что он может стать Императором»[180].

«Михаил был очень непритязательным по натуре и не привык к нарочитости, тем не менее, было неприятно, что ему отказали в титуле Цесаревича, принадлежавшем ему, как он считал, по праву до рождения у Николая II сына»[181].

Как и все Великие Князья, Михаил служил в армии и стал командиром эскадрона Синих Кирасир гвардии. Здесь он влюбился «в исключительно красивую женщину» по имени Наталья, которая была замужем за одним из подчиненных Михаилу офицеров Вульфертом. Сначала Наталья не воспринимала это серьезно, – пишет Д. Чавчавадзе, – но Михаил настаивал: «Почему мы не можем пожениться?» Он говорил, что его мало беспокоит собственное положение в обществе или в армии. Он понимал, что брак с Наташей разрушит все, но это не имело для него никакого значения[182]. Таким образом, по утверждению Чавчавадзе, Михаил хорошо понимал, какие последствия может повлечь за собой брак с Наталией Сергеевной.

Когда Михаил и Наталия были в Баварии, пришло известие о том, что цесаревич Алексей снова был критически болен, боялись, что не выживет. «Часто намекают на то, что это определило последующие поступки Михаила. Если Цесаревич умрет, Михаил снова получит титул престолонаследника с полной вероятностью стать Императором ..., и тогда уже о свадьбе с замужней женщиной не могло быть речи. Но, кажется, Михаил

поступил бы по-своему в любом случае»[183], – Д. Чавчавадзе утверждает, что инициатором их брачного союза был Михаил.

Маленькая семья Великого Князя Михаила провела несколько лет в роскошной ссылке, путешествуя по Европе. Склонность Михаила к проделкам здесь проявилась в полной мере. «Он любил подкладывать расчески и сырые мочалки в постели, зашивал штанины у пижам, заполняя их конфетти, заводил будильник на неудобные часы»[184]. В свои 34 года он был как ребенок.

Командуя знаменитой «Дикой» дивизией, великий князь Михаил опять стал популярным в армии, пишет автор.

27 февраля 1917 г. Михаил Александрович поехал в Санкт-Петербург, чтобы встретиться с Родзянко. «После длительных переговоров было решено, что единственным выходом из создавшейся ситуации будет конституционная монархия, возглавляемая номинально Алексеем при регентстве Михаила. Великий Князь Михаил согласился с этим»[185]. Следовательно, условие перехода к конституционной монархии при регентстве Михаила Александровича было согласовано заранее.

3 марта 1917 г. Михаил получил «самое роковое послание в своей жизни», эта была телеграмма от Николая II, в которой говорилось: «Его Императорскому Величеству Михаилу Второму...»[186] Д. Чавчавадзе считает, что решение Николая II о передаче верховной власти Михаилу, было для последнего роковым.

После длительных переговоров с членами Временного правительства пришли к решению, что Михаил должен отказаться от престола. «Большинство историков и писателей говорят о Михаиле как о Великом Князе и никогда не упоминают о его титуле Императора»[187]. Следовательно, Чавчавадзе также признает Михаила Императором.

Манифест Михаила, считает Д.П. Чавчавадзе, имеет огромное историческое значение как последний из известных официальных актов Династии. Этот документ, в конечном счете, не позволил большевикам «законно»

сменить правительство и называл захват ими власти насильственным, а не законным. Большевики видели в личности Михаила Романова главную демократическую альтернативу своему диктаторскому правлению. Поэтому он и был уничтожен в «ПЕРВУЮ ОЧЕРЕДЬ» (выделено автором – **Д.Ч.**), за пять недель до Екатеринбургского и Алапаевского злодейств.

Д. Чавчавадзе рисует достаточно позитивный образ Великого Князя: умный и энергичный, веселый человек, большой ребенок, он был популярен в армии, являлся последним российским императором. Михаил, утверждает автор, понимал возможные последствия морганатического брака, но сознательно пошел на этот шаг. 27 февраля он с Родзянко разработал план, согласно которому «единственным выходом из создавшейся ситуации будет конституционная монархия, возглавляемая номинально Алексеем при регентстве Михаила». Михаил стал демократической альтернативой большевистской диктатуре.

Директор Канцелярии ныне действующей Главы Российского Императорского Дома А.Н. Закатов[188] в книге «Император Кирилл I в февральские дни 1917 года», изданной в 1998 г., заочно дискутирует и пытается опровергнуть М. Палеолога, который, «собирал повсюду сплетни».В записях за 16 мая 1916 г. Палеолог утверждал, что Мария Павловна «давно втайне лелеет мечту видеть на престоле одного из своих сыновей, Бориса или Андрея»[189]. «В то время, – возражает Закатов, – в очереди наследования за Цесаревичем следовал брат Царя Великий Князь Михаил Александрович, за ним двоюродный брат Великий Князь Кирилл Владимирович, а уже после него младшие братья, сперва Борис, а потом Андрей. Никаких «или» быть не могло, и Великая Княгиня Мария Павловна прекрасно это знала»[190].

На самом деле, как Михаил Александрович, так и Кирилл Владимирович вступили в брачные союзы без согласия государя. По этой формальной причине им могло быть отказано в престолонаследии, и тогда трон переходил бы к Борису.

Автор отрицательно оценивает действия Михаила Александровича в дни Февральской революции. «Великий Князь, к сожалению, также не отличался решительностью, также боялся "пролить кровь", чтобы не сказали, "что Романовы опять стреляют в народ". Через несколько дней он совершит еще один "благородный жест", отложив принятие Императорской Власти до решения Учредительного собрания»[191]. Михаил, считает А.Н. Закатов, стал жертвой «грязной игры», которую вел М. Родзянко. «Использовать противоречия в среде революционеров было вполне реально, но для этого требовались государственный ум и энергия, отсутствовавшие у Великого Князя Михаила Александровича»[192]. Он не только проявил нерешительность, но даже «спрятался» на квартире Путятиной.

Родзянко не допустил немедленной публикации манифеста Николая II, потому что его обнародование означало бы вступление в законную силу. «Он, очевидно, уже предусматривал исход, а может быть, и сговаривался по этому поводу»[193].

3 марта «Керенский убеждал великого князя "принести себя в жертву" массам и одновременно доказывал, что не сможет поручиться за его жизнь в случае восшествия на престол. Михаил Александрович, видимо, не заметил противоречия в этих словах, и не понял, что приняв власть, он действительно принес бы, быть может, себя в жертву во имя спасения России и Монархии, но отказавшись, он просто подписывал смертный приговор себе, своим 17 родственникам, а в перспективе — десяткам миллионов простых людей»[194].

Закатов обращает внимание, что Михаил Александрович отказывается от престола не окончательно, а лишь до решения Учредительного собрания, предоставляя на период до его созыва «всю полноту власти» Временному правительству. «Вдумаемся теперь, — пишет А.Н. Закатов, — какие последствия имела данная формулировка. На первый взгляд, Россия юридически остается монархией, по крайней мере, до Учредительного собрания, но Монархией без Монарха. Собрание

должно решить вопрос о форме правления и принять новые Основные Законы. Все эти положения манифеста, выработанные "правоведами", являлись вопиющим беззаконием, образовали разрыв в тысячелетнем преемстве российского права и лишали Временное правительство каких-либо законных оснований и шансов удержаться не только у "всей полноты", но даже и у призрачной власти»[195].

Итак, действия Михаила Александровича в дни Февральской революции, по мнению А.Н. Закатова, продемонстрировали отсутствие у него государственного ума и решительности, в результате чего он стал «жертвой грязной игры», что привело к самым трагическим последствиям для России, монархии и для него лично.

> *Таким образом, авторы работ, выполненных в традиции придворных публикаций, создают противоречивый образ Великого Князя Михаила Александровича. С одной стороны, это «умный, энергичный юноша», любивший шутки и которого никто не воспринимал всерьез, в дни Февральской революции стал «демократической альтернативой большевистской диктатуре», а его манифест исключил «законность» захвата власти в октябре 1917 г. С другой стороны, он не обладал «государственным умом и энергией», а решением отказаться от верховной власти до Учредительного собрания, создал прецедент прерывания права, чем «подписал смертный приговор себе, своим 17 родственникам, а в перспективе – десяткам миллионов простых людей». Нельзя не заметить, что высказывания представленных двух авторов преследуют различные цели. Если Д. Чавчавадзе старается сообщить какие-то новые сведения о Великом Князе Михаиле Александровиче, его чертах характера, то А.Е. Закатов пытается оправдать действия Кирилла Владимировича в феврале 1917 г. и всю ответственность за крушение монархии возложить на Михаила Александровича.*

2.2.5. Дискурс авторов публикаций политического характера

Ряд публикаций имеет явно выраженную политическую ориентацию, причем их авторы придерживаются различных идеологических взглядов. В этом дискурсе участвуют авторы наиболее значительных работ такого порядка: журналист М.К. Касвинов, писатель О.А. Платонов и архивист Н.А. Аликина. Сюда включены также авторы ряда статей и книг – это пермские исследователи А.Б. Мощанский и Н.А. Зенкова.

Книга М.К. Касвинова[196] «Двадцать три ступени вниз», вышедшая в 1973 г. (переиздания массовым тиражом в 1980-е гг.), – одна из последних крупных работ послевоенного времени о царской семье, выдержанная в традициях строгой советской идеологии. Из анонса книги: «23 года царствования последнего представителя династии Романовых отмечены множеством тяжких преступлений против трудового народа Российской империи. И народ вынес свой справедливый приговор Николаю II».

Автор излагает ход развития революции с большевистских позиций.

27 февраля «усилиями группы Родзянко» был образован Временный комитет Государственной думы. Таким образом, революция как бы разделила Таврический дворец на две части: в одном его крыле расположился Совет; в другом – «представители буржуазных политических групп, с первых часов революции, направившие свои усилия на спасение монархии». Родзянко «бомбардировал Николая депешами, убеждая его проявить гибкость, пойти на уступки». Но тем же «вздором» засыпают его и другие: брат Михаил, военный министр Беляев, князь Львов.

Думцы, убежден М.К. Касвинов, не без оснований рассчитали, что, если Николай отречется немедленно, то «Михаил в качестве регента быстро приберет к рукам власть, прежний порядок будет восстановлен и династия, таким образом, будет спасена»[197]. Однако Николай передает престол брату Михаилу. Даже если царь

не вправе отречься в пользу брата, то, главное, «этим выигрывается время». Когда все угомонится и выяснится, что Михаил не имеет права царствовать, престол перейдет к Алексею Николаевичу.

Такая мысль действительно была высказана Александрой Федоровной в переписке с Николаем, но уже после его отречения. Предполагал ли сам Николай в момент отречения такой сценарий, подтвердить или опровергнуть не представляется возможным. Но последующие события опровергают утверждение Касвинова, что «Михаил в качестве регента быстро приберет к рукам власть...»

М.К. Касвинов описывает однозначную картину: «группа» Родзянко борется за спасение монархии. На самом деле никакой «группы» Родзянко не было. Думцы преследовали цель перехода к конституционной монархии, поэтому в соответствии с Основными законами империи в результате переворота трон должен был перейти к цесаревичу Алексею при регентстве Михаила Александровича, с которым они надеялись договориться о реформах. Но когда вопреки закону Николай передал трон своему брату, ситуация изменилась, и думцы перестали поддерживать Михаила.

На этом сюжетная линия краха российской монархии в изложении М.К. Касвинова заканчивается, однако далее следует глава, именуемая «Еще отречение», имеется в виду отречение Михаила Александровича как нечто совершенно излишнее и формальное. В интерпретации Касвинова образ Великого Князя носит эфемерный характер, за которым не просматривается личность. «...В общем же идеализация буржуазной пропагандой Михаила Романова "как порядочного" и "лояльного" человека, вряд ли, конечно, на чем-либо существенном основана. По ходу февральских событий он оказался вовлеченным в активную борьбу на стороне монархической контрреволюции»[198] . Автор все же допускал, что Михаил Александрович мог бы сыграть важную роль в спасении монархии.

Действительно, Великий Князь, избегая публичности, политической и государственной деятельности, имел

собственное понимание и представление о текущей ситуации. Он критически относился к действиям брата, входил в оппозицию великих князей и шел на сотрудничество с Родзянко, но при этом не выступал наперекор брату.

Автор книги «Убийство царской семьи», изданной в 1991 году, О.А. Платонов[199], напротив, рассматривает события Русской революции с монархических позиций. Он прошел по тем местам, где в 1918 г. было организованно и планомерно осуществлялось убийство царской семьи и других членов Дома Романовых, встречался со старожилами, записывал их рассказы, а главное, разыскал в местных архивах документы, проливающие свет на это преступление, позволяющие воссоздать портреты участников убийства, императора и его близких.

Решение об убийстве царской семьи и вообще династии Романовых, пишет О.А. Платонов, было принято Лениным и Свердловым, тогдашними руководителями Совнаркома и ВЦИК. Как реальные политики, они понимали, что их власть не носила законного характера, так как была захвачена путем военного переворота с обещанием созыва Всероссийского Учредительного собрания. Не случайно, до начала 1918 г. их правительство называлось Временным рабоче-крестьянским правительством. Первое заседание Учредительного собрания показало, что большевиков поддерживало не больше четверти населения, и тогда собрание было разогнано, а прилагательное «временное» исчезло из названия большевистского правительства. В этот момент и встал вопрос об убийстве последних законных представителей государственной власти. Первым был убит Великий Князь Михаил Романов, так как он отрекался временно, оставляя окончательное решение за Учредительным собранием, и поэтому мог законно претендовать на власть[200].

Пермскому историку-архивисту Н.А. Аликиной[201] доводилось лично встречаться с одним из исполнителей убийства Михаила Романова А.В. Марковым.

Главной темой ее научных исследований во время работы в Пермском партийном архиве была тема «В.И. Ленин и Пермский край», в последующие годы она углубленно занималась изучением истории Перми в годы Гражданской войны. В 2006 г. вышла книга Аликиной «Дон Кихот пролетарской революции: Документальная повесть о том, как мотовилихинский рабочий Гавриил Мясников боролся с ЦК РКП(б) за свободу слова и печати (1920–1922 годы)»[202], в которой неизбежно было уделено внимание и Великому Князю Михаилу Александровичу.

Н.А. Аликина так представляет читателю своего героя Гавриила Мясникова.

После Февральской революции 1917 г. среди многих заключенных в Мотовилиху вернулся и Г. Мясников, приехав непосредственно в арестантской форме. «Весь его облик, внешний вид и внутренний настрой говорили о решимости ринуться в водоворот революционной борьбы». Он стал искать популярности и славы, старался всюду успевать, быть нужным, полезным, незаменимым. В январе 1918 г. на III Всероссийском съезде Советов Мясников избирается членом ВЦИК. Честолюбивый и заносчивый он искал любой повод для того, чтобы проявить себя как-то по-особенному. И такой повод скоро представился.

О том, что в Перми проживает бывший Великий Князь Михаил Романов, причем живет без всякой охраны (на самом деле, велась постоянная слежка. – **Л.П.**), Мясников узнал случайно. Поразмыслив, он догадался, что от него сознательно скрывали данный факт, опасаясь каких-либо нежелательных инициатив с его стороны. И тут его осенило: центральные власти посмотрят сквозь пальцы, если рабочие сами расправятся с последним императором России.

Далее Н.А. Аликина дает читателю представление и Великого Князя Михаила Александровича.

«Великий князь Михаил – младший, сын императора Александра III, рос в семье любимым, балованным и изнеженным ребенком... (дети Александра III росли в

сравнительно простой и строгой обстановке. – **Л.П.**). Но ... Михаил оставался неоспоримым и единственным престолонаследником, хотя к короне относился с полным равнодушием»[203] (цесаревичем был Алексей Николаевич. – **Л.П.**).

«Повзрослевший Михаил Романов был мечтой петербургских дам и с упоением отвечал им взаимностью (это, скорее, сплетни. – **Л.П.**), пока не встретил свою... "Наташеньку". Жил без проблем, был равнодушен к роскоши и испытывал в жизни две страсти: к автомобилям, которых у него было немало, и к любимой женщине Наталье Сергеевне Шереметьевской-Мамонтовой-Вульферт-Брасовой – даме, дважды разведенной и получившей титул графини Брасовой после покупки Михаилом графства Брасово во Франции (имение Брасово располагалось в Орловской губернии и досталось Михаилу в качестве наследства после смерти брата Георгия. – **Л.П.**)»[204].

«Только спустя годы царь пожалел брата, тоскующего в своем английском замке Небворт, и разрешил вернуться в Россию (Михаил жил в изгнании два года в арендуемом им поместье Небворт-Хаус[205] и вернулся в Россию в связи с началом войны. – **Л.П.**).

В Первую мировую войну М. Романов командовал «Дикой» дивизией горцев, продолжает автор, но вскоре заболел, ушел в отставку и поселился в своем коттедже в Гатчине (состояние здоровья у Михаила Александровича ухудшилось к осени 1916 г., поэтому он попросил отпуск для поездки в Крым, но в отставку не ушел, а получил с февраля 1917 г. нестроевую должность; дом же в Гатчине, весьма скромный, он купил для проживания с семьей, так как Наталье пребывание в царских дворцах было запрещено. – **Л.П.**). Там в начале марта 1917 года он и получил телеграмму от Николая II: «Его Императорскому Величеству Михаилу Второму» (с 27 февраля по 4 марта Михаил был в Петрограде, и нет свидетельств, что телеграмма Николая II в тот момент дошла до адресата. – **Л.П.**).

«Но и Михаил не пожелал взваливать на себя столь тяжелую ношу...» Утром к Путятиным в дом на Милли-

онной, 12, прибыли члены Временного правительства и подтвердили отказ Николая II от престола в пользу Михаила II. Очевидцы утверждали: «Михаил заплакал». Выяснив у членов Временного правительства, что ему и его семье не могут гарантировать безопасность, Михаил отказался от престола в «пользу народа». По другой версии, Михаил, пишет Н.А. Аликина, отказался от престола в пользу Учредительного собрания (Михаил Александрович отнес на усмотрение Учредительного собрания вопрос о государственном устройстве. – **Л.П.**). «Со времени получения телеграммы от Николая II до отказа Михаила от престола прошло менее суток. Таким образом, ни фактически, ни юридически Великий Князь Михаил российским императором не был <...>. Так закончилась династия Романовых, начавшаяся с государя Михаила I в 1613 году и завершившаяся Михаилом II в 1917 году»[206]. (Вопрос, считать ли Михаила Александровича императором, дискутируется по сей день. – **Л.П.**).

«В течение нескольких недель Мясников размышлял, как ему поступить в отношении Михаила Романова. Почему Ленин и Свердлов позволили ему свободное проживание? И Мясников решил, что "допущено такое в целях избежания обострений с буржуазными странами. ... Ну, тогда надо сделать так, чтобы и голову контрреволюции снять, и советскую власть оставить в стороне. Если уж в угоду буржуазии Запада, в целях избежания столкновений, необходимо найти виновника, ответственного за этот акт, то я предстану перед судом, возьму на себя всю ответственность..."»[207].

Г. Мясников решил: «Пойду работать в ЧК и поведу свою линию». На другой день после утверждения в должности Мясников вызвал Михаила Романова на допрос. Мясников хотел увидеть человека, которого ему предстояло расстрелять. Михаил пришел с Джонсоном. Тут же (про себя) дал обоим характеристики: «Михаил глупый, Джонсон рядом с Михаилом выглядит коротышкой (...), но умный и проницательный»[208]. Заканчивая допрос, Мясников предложил Михаилу каждый день приходить в ЧК для отметки.

В начале мая к Михаилу в Пермь на две недели приезжала графиня Наталья Сергеевна Брасова, сообщает Н.А. Аликина. Счастливый Михаил развлекал жену, как мог: разъезжал по городу на привезенном с собой «Роллс-Ройсе» (нет ни одного свидетельства, что Михаил доставил свой автомобиль в Пермь; здесь Н. Аликина повторяет измышления М.К. Касвинова. – **Л.П.**), бывал в опере (на самом деле, театр был драматическим. – **Л.П.**), устраивал вечеринки, пикники. Жена уехала в середине мая добиваться освобождения Михаила из ссылки. Ей даже удалось попасть на прием к Ленину, но безрезультатно.

Идею Мясникову подсказал вызванный для допроса бывший белогвардейский офицер. В ходе допроса Мясников установил, что в Перми действует организация офицеров, готовящая похищение Михаила[209].

В его рукописи «Философия убийства...» неоднократно, в разных вариациях проходит мысль: «Если сойдет все гладко, это послужит началом к уничтожению всех Романовых». И еще: «Ни одна общественная группа не решится на убийство Михаила... Я один – за. Это тяжело...»[210]

Когда фаэтоны увезли Михаила Романова и его секретаря на расстрел, Мясников с пафосом воскликнул: «Они уехали. Я ожидал. Свершилось. История Романовых написана до последней строки»[211]. На следующий день, встретив М.П. Туркина[212], Мясников ему сказал: «Этой ночью... я его бежал». Он попросил Туркина съездить в Москву, встретиться со Свердловым и рассказать ему о расстреле Михаила.

В работе Н.А. Аликиной много вымысла. Сознательно искажая факты или не желая ознакомиться с опубликованными на тот момент результатами исследований, она в традициях советской идеологии создает образ Михаила Александровича как личности совершенно ничтожной, вероятно, с целью оправдания Г. Мясникова и его подельников. Логика нарратива автора повторяет мнение С.А. Торопова о том, что М. Романов был расстрелян в Перми по инициативе снизу.

Автор ряда аналитических статей исследователь из Перми А.Б. Мощанский[213] глубоко анализирует правовые аспекты действий императора Николая II, Временного правительства и решения Великого Князя Михаила Александровича о неприятии верховной власти. В 2016 г. им в соавторстве с Н.А. Зенковой[214] опубликована статья «Михаил II – император Российской империи (1917–1918 гг.): документы о статусе Михаила Александровича Романова»[215].

Авторы утверждают, что «Николай II 2 марта 1917 г. добровольно и юридически правомерно:

– передал власть в стране своему брату Михаилу Александровичу Романову;

– одновременно принял решение об ограничении монархии и предоставлении полномочий законодательным учреждениям самостоятельно устанавливать начала управления;

– легитимно назначил фактического исполнительного руководителя государства – премьер-министра князя Г.Е. Львова»[216].

При этом «Великий Князь Михаил Александрович не объявил о своем "отречении". А это значит, что, основываясь на формальном толковании ст. 53 гл. 4 разд. 1 Основных государственных законов Российской Империи, которая гласит, что "Наследник Его вступает на Престол силою самого закона о наследии, присвояющего Ему сие право. Вступление на Престол Императора считается со дня кончины Его предшественника", с момента подписания Манифеста об отречении от престола императором Николаем II, т.е. со 2 марта 1917 года является "Михаилом II, Императором и Самодержцем Всероссийским, Царем Польским, Великим Князем Финляндским и прочая, и прочая, и прочая" (ст. 60 гл. 6 разд. 1 Основных государственных законов)»[217].

Однако «при всем этом он де-юре остался легитимным руководителем Российской империи, русской монархии и главой Императорского Дома, а де-факто отстранил себя от любой политической деятельности»[218].

Резюмируя, авторы сделали следующие выводы:

«— объектом преступления, совершенного в г. Перми в ночь с 12 на 13 июня (по н. ст.) 1918 года, явился не просто Великий Князь Михаил Александрович Романов, а принцип государственной власти Российской империи и ее последний легитимный руководитель, который юридически вступил в управление монархией и, в соответствии с действовавшим законодательством, должен был именоваться как "Михаил II, Император Всероссийский, Царь Польский, Великий Князь Финляндский и прочая, и прочая, и прочая" (титул "Самодержец" — исключен по сути Манифеста о передаче власти);

— с момента прихода власти социалистов (имеется в виду социал-демократов. — **Л.П**.), т.е. противников монархии, император Михаил II без правовых оснований подвергался репрессиям, из чего можно заключить, что противники монархии, захватившие власть, реально опасались изменения его политической позиции в отношении его добровольного временного ограничения своей власти»[219].

Итак, образ Михаила Александровичав трудах политической тематики рассматривается однозначно только как знаковая фигура – он тот, кому император Николай II передал верховную власть. В этом контексте представители новой власти видели в образе Михаила – «знамя контрреволюции», «исконного врага рабочего класса», поэтому, исходя из цели революции, он должен был быть уничтожен. А для морального оправдания преступления оценили его как личность ничтожную. Участник дискурса с другой стороны баррикады О.А. Платонов считает Михаила Романова законным преемником верховной власти, что и стало причиной его уничтожения. По результатам глубокого анализа правовых документов, подписанных Николаем II, Михаилом Александровичем, и формальным их толкованием в соответствии с действовавшим на тот момент законодательством Н.А. Зенкова и А.Б. Мощанский подтверждают это положение: Великий Князь Михаил Александрович должен был

> *именоваться как «Михаил II, Император Всероссийский, Царь Польский, Великий Князь Финляндский и прочая, и прочая, и прочая». Но «де-факто (он) отстранил себя от любой политической деятельности».*

2.2.6. О Георгиевском кавалере Великом Князе Михаиле Александровиче

Военный период жизни Великого Князя Михаила Александровича остается пока не достаточно глубоко исследован. Однако две работы, О.Л. Опрышко «Кавказская конная дивизия. 1914–1917. Возвращение из небытия» и В.М. Хрусталева «Первая мировая. Во главе "Дикой дивизии"». Записки Великого Князя Михаила Романова», дают материал для представления его в этот период жизни.

Книга О.Л. Опрышко[220] «Кавказская конная дивизия. 1914–1917. Возвращение из небытия»[221] (первое изд. – 1999 г., второе – 2007 г.) – основательное исследование о формировании и боевом пути Кавказской туземной конной дивизии. Автор использовал в своих исследованиях в качестве источников «Конспект боевых действий Кавказской туземной конной дивизии», книги приказов по дивизии, воспоминания бывшего офицера Кабардинского конного полка А.А. Арсеньева[222], а также дневники и переписку офицеров.

Назначение младшего брата царя генерал-майора Свиты Его Величества Великого Князя Михаила Александровича, состоявшееся 23 августа 1914 г., О.Л. Опрышко расценивает как знак исключительного внимания императора Николая II и Верховного Главнокомандующего Великого Князя Николая Николаевича к сформированной дивизии кавказских горцев. В свою очередь это назначение свидетельствует о высоком статусе самого Великого Князя как офицера.

Автор на документальной основе убедительно демонстрирует примеры многочисленных боевых операций и действий в военных условиях подразделений дивизии, в которых блестящие полководческие способности проя-

вили командиры бригад, полков, а также начальник штаба дивизии полковник Я.Д. Юзефович. Обнаруженные документы донесли до сегодняшнего дня имена героев, описание их подвигов и связанных с ними боевых эпизодов на всем протяжении войны с 1914-го по 1917 год.

Великий Князь Михаил Александрович стоял во главе «Дикой» дивизии с момента ее формирования и до февраля 1916 г. В исследовании показано, что начальник дивизии проявлял внимание к каждому бойцу – от генерала до рядового всадника. В приказах и наградных листах он дает им высокую оценку, отмечает их заслуги и сердечно благодарит «за работу». А в приказе по дивизии № 33 от 3 марта 1915 г. он, в связи с награждением его орденом св. Георгия, делится «этой радостью с дивизией».

Более подробно в книге раскрываются эпизоды, когда Михаил Александрович проявлял боевое мужество. Так в январе 1915 г. на Карпатских перевалах, когда части дивизии попали в окружение и держали оборону более десяти дней, великий князь собственным примером отваги спас положение. Затем уже в феврале того же года он руководил взятием города Станиславова и после чего сразу же начал преследование и разведку противника, выдвигаясь в направлении города Тлумач. Великий Князь лично руководил операцией взятия г. Тлумач и, несмотря на сопротивление противника, успешно ее завершил.

В мае 1915 г. на Юго-Западном фронте противник начал прорыв в направлении на Перемышль и Львов, вошедший в историю как Горлицкий. Войска 9-й армии, в состав которой входила и Кавказская конная дивизия, предприняла контрудар, что позволило остановить наступление неприятеля и закрепиться на левом берегу реки Прут.

1 июня Петроградское телеграфное агентство передало сообщение штаба Верховного Главнокомандующего: «На левом берегу Днестра на фронте Жеясава – Залещики. 29. V была произведена исключительная по лихости контратака, в течение коей были почти полностью из-

рублены и рассеяны несколько рот тирольских стрелков и двадцатый егерский батальон»[223]. Верховный Главнокомандующий и государь Николай II поблагодарил Кабардинский конный полк «за лихую молодецкую службу на пользу царю Батюшке и Родине».

4 февраля 1916 г. последовал Высочайший приказ о назначении Михаила Александровича командующим 2-м кавалерийским корпусом. Говоря о том, как высоко были оценены командованием и самим императором Николаем II боевые заслуги дивизии на полях сражений с декабря 1914-го по март 1916 года, Великий Князь в своем приказе отметил: «...Пожалованные Мне высшие знаки отличия отношу всецело к доблестной работе дивизии»[224].

В основе новой работы В.М. Хрусталева «Первая мировая. Во главе "Дикой дивизии". Записки Великого князя Михаила Романова»[225], изданной в 2014 году, лежит в основном источниковедческая база предыдущих публикаций. Однако в этом издании автор уделяет особое внимание развитию ситуации на театре боевых действий и в этом контексте описывает фронтовые будни Великого Князя. Изложенные в книге материалы в полной мере используются в настоящем исследовании.

> *В историографии, посвященной военному времени, Михаил Александрович предстает как доблестный воин, заботливый командир, отважный офицер. Однако отзывов о Великом Князе как полководце немного, поэтому можно предположить, что эти функции прекрасно выполняли командиры бригад и полков дивизии. Еще менее исследован вопрос о Михаиле Александровиче как командира 2-го Кавалерийского корпуса. Это, вероятно, объясняется тем, что уже с лета 1916 г. у него возникают серьезные проблемы со здоровьем, и поэтому он просит брата определить его на должность нестроевой службы.*

§ 3. Михаил Александрович в публицистике.

В произведениях публицистики (рода журналистики) рассматриваются всевозможные актуальные вопросы науки, политики, общественного развития и пр. Публицистика, рассчитанная на самую широкую аудиторию, всегда исполнена полемики, спора, борьбы за новые идеи и уверенности в собственных выводах автора. Работы такого рода, обычно статьи, очерки, видеофильмы, теле- и радиопередачи, транслируемые через СМИ, идеологически и политически выстроены. Автор-публицист ставит перед собой определенные цели популяризации, утверждения в общественном сознании каких-либо теорий, идей, версий, гипотез или взглядов. Язык в публицистике характеризуется наличием общественно-политической терминологии, логичностью, эмоциональностью, оценочностью, призывностью. Научные ссылки на источники обычно отсутствуют. В этой связи произведения публицистики нельзя рассматривать как научные работы, а лишь как мнение или позицию автора.

2.3.1. Ракурсы образа Великого Князя Михаила Александровича в современной российской публицистике

В настоящем публицистическом дискурсе, посвященному Великому Князю Михаилу Александровичу, участвуют московский исследователь А.Н. Каменский, журналист Н.Д. Чернышова-Мельник из Санкт-Петербурга, американский ученый и общественный деятель В.Г. Краснов, пермский тележурналист С.А. Тупицын.

Современную работу А.Н. Каменского[226] (Москва) «Император Михаил II. От Петербурга до Харбина»[227] можно отнести к условно придворной публицистике. Книга была издана в 2005 г. В ней автор, изучив известные на тот момент материалы, касающиеся обстоятельств отречения императора Николая II его передачи верховной власти своему брату Михаилу и последующих

событий, сформировал собственный взгляд на эту историю.

Во-первых, Каменский считает, что «...Манифест и телеграмма (Николая II своей супруге Александре Федоровне. – **Л.П.**) стали по существу законными документами тех лет и письменным указом об изменении закона о престолонаследии. Этими документами автоматически признавался и брак Михаила II с графиней Брасовой. Тем же самым автоматически граф Георгий Брасов становился Великим Князем и Наследником Престола Государства Российского. Манифест Николая II от 2 марта 1917 г. утвердил права Михаила II, которые он имел ранее, до 1904 года, и его потомства»[228]. (Здесь неточность: со смертью среднего брата Георгия Александровича в 1899 г., который был ранее объявлен «цесаревичем», наследником престола стал Михаил, но титул «цесаревича» ему не был присвоен. – **Л.П.**).

Далее автор подкрепляет свою мысль: «Однако, в это время (когда Михаил был в Перми. – **Л.П.**), Его сын вместе с гувернанткой вывозится по фиктивным документам через посольство Дании за границу. В рассекреченных недавно документах Министерства иностранных дел Дании граф Брасов именуется Великим Князем Георгием Михайловичем и считается наследником Престола. ... В Пермь вместе с ним (Михаилом Романовым. – **Л.П.**) прибыла его прислуга, шофер с Роллс-Ройсом и личный секретарь англичанин Н.Н. Джонсон. В городе (имеется в виду в Перми. – **Л.П.**) народ считал Михаила «Помазанником Божьим»[229]. (История с автомобилем остается до конца не выяснена. О «Роллс-Ройсе», действительно, встречаются упоминания, был и шофер, однако, сведений о том, что автомобиль был в Перми не найдено. Наталия Сергеевна приехала в Пермь не сразу, а в конце апреля и пробыла в Перми около трех недель. – **Л.П.**)

«Вскоре отряды чешских легионеров, под командой генерала Гайды, – пишет А.Н. Каменский, – взяли Екатеринбург, затем Пермь. (На пермском направлении действовал 1-й Средне-Сибирский армейский корпус

генерал-майора А.Н. Пепеляева. – **Л.П.**) Начались расстрелы и расследования. Было заведено уголовное дело об убийстве Царской семьи и исчезновении Великого Князя Михаила Александровича. Сначала вел дело следователь И.А. Сергеев, член Областного суда Екатеринбурга. В процессе работы он начал склоняться к версии спасения венценосных заключенных. Вследствие чего, был неожиданно заменен по указанию адмирала Колчака на другого – Н.А. Соколова, следователя по особым поручениям. При этом следователь Сергеев был расстрелян, вместе с членами Комитета Учредительного собрания на берегу Иртыша»[230].

Несмотря на разноречивые показания свидетелей по поводу «"исчезновения Михаила Романова", Соколов пришел к выводу, – пишет Каменский, – что Вел[икий] Кн[язь] Михаил был увезен чекистами под видом похищения и вскоре расстрелян. При этом в его книгу, изданную позднее в Берлине, не вошли материалы многих допросов и показаний, свидетельствующие в пользу версии побега, подготовленного при помощи монархической организации. Тело Михаила Александровича, однако, не удалось найти. Вскоре красные опять взяли Пермь, и Соколов вместе с армией, отступая, попал в Харбин, и оттуда переехал в Европу. В 1923 г. он делает попытку встретиться с Вдовствующей Императрицей Марией Федоровной в Дании, но она отказывается принять его с документами, зная его позицию и имея Свою»[231]. (По мнению других представителей Дома Романовых Мария Федоровна просто не хотела верить, что оба ее сына убиты. – **Л.П.**)

А.Н. Каменский утверждает: «Сведения о спасении Великого Князя Михаила продолжают всплывать то тут, то там. Последние свидетельства о нем отмечены в Омске, где находится Временное правительство Сибири. Здесь его продолжают искать друзья, пытаясь передать записку от жены через Омского Архиерея. Абсолютно уверена в его спасении и жена. В 1919 году, видимо, планы наших героев изменились после Омского переворота, сделавшего верховным правителем России адмирала Колча-

ка. Это событие нарушало планы монархистов и членов Комитета Учредительного собрания, обладавших к тому времени золотым запасом России. Во всех их действиях до переворота прослеживается четкий сценарий: и побег Михаила Александровича совпадает по датам, и по направлению следования с действиями Чешских легионеров. ... Следы Михаила прослеживаются в Сибири и на Дальнем Востоке. Армия ген. барона Унгерна воюет с Его именем на знамени и за Его права на Престол в 1921 году. Позже о нем говорят, как о спасшемся, то в Японии, то в Китае или Таиланде (Сиаме)» [232].

Проведя собственное исследование, А.Н. Каменский склоняется к мнению, что Великий Князь, на самом деле, не был расстрелян в Перми в ночь с 12 на 13 июня 1918 г.

Действительно, такая версия имеет место быть и теперь, как и несколько иных, потому что не обнаружены абсолютно достоверные сведения, которые бы подтвердили какую-то одну из версий и опровергли все остальные. До сих пор не найдены останки тел Михаила Александровича и его секретаря Николая Джонсона.

«В сентябре 1924 г. впервые официально объявил о кончине Великого Князя Михаила его кузен Великий Князь Кирилл, который получил соответствующие сведения и документы от следователя Н.А. Соколова. Соколова поддерживает в Берлине Н. Марков, Глава Высшего Монархического Совета. Он же подбрасывает Соколову фальшивку – документы ЧК о расстреле Михаила Александровича в Перми. В 1922 и 1924 гг. Манифест в связи с исчезновением и смертью Михаила Второго оповестит, что "Императором в Изгнании" после него объявляется Кирилл I (Вел[икий] Кн[язь] Кирилл Владимирович)» [233]. – Складывается вполне логичная цепь событий.

Автор делает вывод, что решение этих запутанных вопросов и их разгадка лежит «в ключевой фигуре русской истории начала XX века – Великом Князе Михаиле Александровиче» [234].

В результате внимательного прочтения манифестов Николая II и Михаила Александровича, автор выносит

следующую трактовку этих документов. Михаил «своей монаршей волей, наделивший на некоторое время Правительство Властью, определил ему срок – до созыва Учредительного Собрания. У Собрания уже были права, дарованные Государем в манифесте от 2.03.17 и подтвержденные Михаилом (3.03.17), – право изменить существующий Основной Закон и строй на конституционную монархию. Михаил в своем "АКТе" подтвердил права Собрания – или выбрать монархию с конституцией, или вернуться к монархии самодержавной. Об этом и говорил Михаил в своем документе: что он только тогда воспримет "Верховную Власть, если такова будет воля великого народа нашего". Речь в этом месте текста шла о возврате к самодержавию! Верховная Власть и Престол понятия разные, но всегда были соединены в Самодержавии воедино. Самодержавная Монархия, по сути, была отменена Манифестом от 2.03.17, что носило силу закона, так как в то время Государь являлся исполнительной, законодательной, военной и церковной властью в одном лице. В Высочайшем Манифесте Николая II, кстати, понятия Престола и Верховной Власти по смыслу были разделены, и упомянуты отдельно. Вторая часть Манифеста говорит о заповеди прежнего Государя новому Государю – о новом виде совместного правления Царя и народа. По смыслу это конституционная или парламентская монархия...»[235] По мнению А.Н. Каменского, на рассмотрение Учредительного собрания актом Михаила Александровича выносилось два варианта решения: или монархия самодержавная, или монархия конституционная (возможно, парламентская).

По утверждению участников Февральской революции, после 27 числа вопрос ставился так: быть или не быть монархии вообще. А после 3 марта 1917 г. династический вопрос уже никого особенно не интересовал, поскольку династия была отстранена от власти. В контексте же событий, происходивших в России в 1920–1930-е гг., да и вообще в советское время, вопрос о реставрации монархии в позитивном ключе в принципе не мог рассматриваться. Версия спасения Михаила Рома-

нова автором не подкреплена убедительными аргументами, поэтому остается лишь гипотезой.

Нельзя также не указать на то, что в тексте А.Н. Каменского присутствуют многочисленные неточности. В частности, он пишет, что «исчезновение» Михаила произошло в ночь «с 13 на 14»[236], а на самом деле, в ночь с 12 на 13 июня 1918 г.

Другой участник дискурса, Н.Д. Чернышова-Мельник[237], как и А.Н. Каменский, придерживается мнения, что Михаилу Александровичу удалось спастись. Эту версию она высказывает, в статье «Миллионная улица, дом № 12»[238]. В качестве аргумента автор цитирует воспоминания чекиста М.Ф. Потапова[239], который охранял Михаила Романова по его прибытии в Пермь.

«И мне Борчанинов[240] говорит: Сюда привезли Михаила Романова, его нужно будет принять и охранять. Для этой цели... выделили большую комнату, и сюда посадили Михаила Романова, его секретаря Джонсона... Они сидели три месяца, и я их охранял... Впоследствии... на Михаила Романова пришло распоряжение отпустить его на волю, ...под наблюдение чека, и поместили его в бывшие Королевские номера... После этого... я попросил приехать на родину, в отпуск... меня отпустили. А когда я приехал сюда, Михаила Романова здесь не оказалось, он сбежал».

Как контраргумент этим доводам, следует сказать, что Потапов охранял Михаила только в начальный период его пребывания в Перми, а не три месяца, по его словам, потому что подтверждение об их «свободном проживании» пришло из Москвы через три недели. Вероятно, высказывание Потапова о том, что Михаил сбежал, зиждется на расхожем обывательском мнении, которое и формировалось дезинформацией организаторов похищения.

Другой документ, дающий надежду, что Михаил Александрович не погиб в 1918 г., – это приказ барона Унгерна фон Штернберга, командира Азиатской дивизии, № 15 (Мая 21 дня н. ст. 1921 г. г. Урга), считает Н.Д. Чернышова-Мельник. В нем есть строки: «Приш-

ли большевики..., в народе мы видим разочарование... Ему нужны имена... всем известные, дорогие и чтимые. Такое имя лишь одно – законный хозяин Земли Русской ИМПЕРАТОР ВСЕРОССИЙСКИЙ МИХАИЛ АЛЕКСАНДРОВИЧ, видевший шатанье народное и словами своего ВЫСОЧАЙШЕГО (выделено автором – **Н.Ч.-М.**) Манифеста мудро воздержавшийся от осуществления своих державных прав до времени опамятования и выздоровления народа русского...»

Барон Унгерн действительно воевал под знаменами Михаила Александровича, но достоверных сведений, что великого князя кто-то видел в Сибири или на Дальнем Востоке не обнаружено до сих пор. Версия побега, как уже говорилось, не отвергнута и по сей день, но эти приведенные примеры, по-видимому, говорят о другом. Общество в те времена нуждалось в Спасителе, и на роль такового по статусу мог претендовать законный наследник престола Михаил Александрович. Однако чуда не произошло.

«Верноподданный Великого Князя Михаила Александровича» В.Г. Краснов[241] (он так себя презентует), наш соотечественник из США, доктор философии, активно публикуется в СМИ и социальных сетях Интернета, постоянный участник мероприятий «Романовские дни в Перми». Среди разнообразных тем, которые он затрагивает в своих публикациях, наиболее близкая ему является тема Михаила Романова. В.Г. Краснов родился в Перми, и детство провел в центре города, недалеко от «Королевских номеров», где, тогда по слухам знали, что произошло «страшное злодеяние». В своих статьях и выступлениях Краснов делает акцент на политические аспекты событий Великой русской революции и роли в ней Михаила Александровича. В 2011 г. он издал сборник выступлений и публикаций в СМИ под названием «Пермский крест: Михаил Романов»[242].

Среди современных исследователей В.Г. Краснов первый обратил внимание, что Манифест Михаила Александровича не был отречением, а являлся «условным и временным отказом от власти». Более того, считает ав-

тор, «этот манифест и был реальной конституцией, по которой Россия жила 9 месяцев в 1917 году». «Шапка Мономаха свалилась на него неожиданно». «И он решил, что его главная задача остановить братоубийственную войну». Самое главное для России, по мнению публициста, – было «остудить страсти, дать людям одуматься. Необходимо было победно закончить войну и потом навести порядок внутри страны»[243]. Расчет был такой, что за время подготовки к выборам в Учредительное собрание (около полугода. – **Л.П.**). Россия выиграет войну, а авторитет монархии при этом поднимется. «Учредительное собрание должно было стать подобием земского собора 1613 года. Это было в соответствии с традицией избрания первого Михаила из Дома Романовых на царский престол... Михаил понимал, что нельзя менять коней на переправе. Но этого требовали все общественные круги. И первый эффект манифеста Михаила был: стрельба в Петрограде тут же прекратилась»[244].

Выборы делегатов в Учредительное собрание прошли уже после захвата власти большевиками. «Ленин надеялся, что Учредительное собрание узаконит Октябрьский переворот. Но большевики набрали меньше $^1/_4$ голосов и силой распустили Учредительное собрание, а на другой день расстреляли мирную демонстрацию в его поддержку. Так началась гражданская война. Многие поднялись против большевиков, но не за монархию. Многие хотели вернуться к Учредительному собранию. Большевики понимали, что главная альтернатива их незаконной власти была в манифесте и личности Михаила. Может быть, не случайно из всех Романовых Михаил был уничтожен первым 12 июня 1918 года в Перми, ...»[245]. «Поэтому 12 июня 1918 г., – считает В.Г. Краснов, – один из самых черных дней в истории Перми и всей России».

Автор проводит параллель между злодейским убийством благоверных князей Бориса и Глеба их братом Святополком и братьев Николая II и Михаила, которые также ответили «непротивлением и послушанием». Именно в лице Михаила, считает автор, была попрана идея законной власти и воля народов России.

«Разумеется, – пишет публицист Краснов, – можно усомниться в правомерности решения Михаила с политической точки зрения. Он мог бы попытаться удержать власть и подавить мятеж верными ему войсками, "остановить малой кровью кровь большую". Но не из-за "душевной слабости", а из душевной силы он отказался от такой попытки. <...> А ведь его манифест был не только лебединой песней царизма, но и призывом к народу России выполнить свой гражданский долг участием в демократических выборах»[246].

«На такой риск (подавить силой. – **Л.П.**) царь Николай не мог пойти, будь то в силу своих убеждений или боясь потери авторитета среди военачальников. Поэтому он и отрекся от престола в пользу младшего брата Михаила, чей авторитет в армии был гораздо выше. Он явно рассчитывал на решительные военные меры со стороны Михаила. Но плохо знал царь своего брата. Михаил был не менее совестлив. Неизбежное пролитие русской крови в условиях внешней войны претило ему не меньше, чем Николаю. К тому же, принимая шапку Мономаха из рук брата, он уже знал, что самодержавие не может быть спасено. Почему же он не объявил себя конституционным монархом, как ему советовали некоторые думцы? Не должен ли он был хотя бы спасти династию? Такой вариант был возможен еще несколько дней назад. Но Николай упустил его и для себя, и для сына, и для Михаила»[247].

Принимая решение 3-го марта 1917 г., полемизирует автор, Михаил понимал, что единственный шанс для победы над внешним врагом он видел в примирении с теми, кто вчера требовал отмены самодержавия, а сегодня и монархии вообще.Он поставил интересы страны выше интересов династии. А единственную надежду для Романовых он видел в добровольном возвращении их суверенной власти к ее источнику. В 1917-м они должны были вернуть свою власть снова на суд народной воли, выраженной теперь через Учредительное собрание.

Манифест Михаила – это «беспрецедентный документ, порожденный беспрецедентными обстоятель-

ствами». И, по мнению Краснова, один из самых недооцененных документов мировой истории. Главной целью Михаила было выиграть время, разрядить революционную ситуацию и предотвратить гражданскую войну. Этой цели он добился. Он уполномочил Временное правительство провести самые широкие демократические выборы в Учредительное собрание на основе всеобщего, равного, прямого и тайного голосования. «...Манифест Михаила сразу же выдвинул Россию в демократическом развитии впереди планеты всей. И наполнил понятие народного суверенитета содержанием...»[248]

«Это была дарованная (октроированная) конституция, вызванная революционным напором. Как и Манифест 17 октября 1905 года, конституция Михаила затормозила этот напор и создала условия для гражданского примирения. Девять месяцев страна жила ожиданием ее детища. Несмотря на тяготы войны, на основе этой конституции были проведены свободные состязательные выборы по всей стране с участием всех партий, включая большевиков. Но, потерпев полное поражение в Учредительном собрании, большевики силой разогнали его на первой же сессии в январе 1918-го года»[249].

Отрекшийся император Николай так отозвался в своем дневнике об Акте Михаила 3 марта: «Его манифест кончается четыреххвосткой для выборов через 6 месяцев Учредительного собрания. Бог знает, кто надоумил его подписать такую гадость!»[250] Ясно, что Николая больше всего возмутила наиболее «демократическая» составляющая «отречения» Михаила.

«...Едва ли будет преувеличением сказать, что именно благодаря Михаилу принцип всеобщего, равного, прямого и тайного избирательного права утвердился в России»[251].

В качестве комментариев к приведенным тезисам В.Г. Краснова следует сказать, что девять месяцев, которые прожила страна от февраля до октября 1917 г. по «конституции» Михаила Александровича не были спокойным ожиданием. Россию сотрясали возмущения и мятежи. На самом деле, Временное правительство не

было заинтересовано в созыве Учредительного собрания. И вообще, как было показано в главе 1 настоящего исследования, идея Учредительного собрания с выборами посредством «четыреххвостки» с тогдашним электоратом являлась утопией, а, учитывая условия военного времени, катастрофической ошибкой. Нет оснований говорить и о каком-либо «расчете» Михаила. Он узнал о том, что ему передана верховная власть, только утром 3 марта. У него просто не было времени анализировать ситуацию, поэтому он полностью полагался на доводы тех, кто участвовал в совещании на Миллионной улице, 12.

В.Г. Краснов блестяще владеет искусством риторики и жанром публицистики. Его язык окрашен особым пафосом. В статьях и выступлениях он рисует исполинскую фигуру Великого Князя. У автора сложился определенный взгляд на общественное развитие России по пути расширения и углубления демократии, в которой Михаил Александрович является ключевой фигурой. Своим манифестом, подчеркивает автор, он утверждал законность верховной власти на основе волеизъявления народа, через решение Учредительного собрания, выбранного посредством всеобщего, равного, прямого и тайного голосования. На самом деле все было гораздо прозаичней. Михаил, конечно, не был готов принимать решения государственной важности, хотя пытался действовать в тот миг истории с полной ответственностью. Сам манифест писали юристы В.Д. Набоков и Б.Э Нольде, а Михаил лишь внес некоторые поправки. Такая невыраженность, аморфность личности Великого Князя делали его при жизни объектом манипуляций современников и идеальным материалом для спекуляций публицистов сегодняшнего дня. Михаилу приписываются мысли и поступки, которых у него в действительности не было.

Близкой позиции придерживается и пермский тележурналист, автор документального фильма «Два Михаила – начало и конец династии», С.А. Тупицын[252]: «В чем его (Михаила Александровича. – **Л.П.**) безусловное величие и громадная историческая заслуга – в том, что последний российский император был, по сути, ис-

тинным демократом»[253]. Граф А.Н. Каменский, со своей стороны, также считает Михаила Романова «ключевой фигурой русской истории начала XX века».

К публикациям военной тематики можно отнести два документальных фильма о Кавказской туземной конной дивизии. Это «Дикая дивизия. Рыцари долга и чести» (автор Алексей Денисов) и «Дикая дивизия» YouTube (НТВ) в обоих случаях в основу сценариев легли работы О.Л. Опрышко. Он же выступал со вступительным словом в качестве анонса к фильмам. Великий Князь, безусловно, упоминается. Однако он присутствует на почетном, но втором плане. Тот факт, что Михаил, брат царя, возглавлял эту дивизию, авторами фильмов рассматривается, прежде всего, как знак особого внимания со стороны государя.

В сети Интернет множество сайтов имеют статьи как о Великом Князе Михаиле Александровиче, так и о Кавказской туземной конной дивизии, в которых использованы источники, подробно рассмотренные в настоящем исследовании. Создатель интернет-портала В.А. Димов ведет сайт «Виртуальный музей Михаила Романова в Перми», в котором публикует выдержки трудов В.М. Хрусталева, Л.А. Лыковой, материалы Романовских конференций в Перми, а также оперативную информацию.

К 100-летию трагической гибели Великого Князя Михаила Александровича «Первый канал» российского телевидения подготовил документальный фильм «Михаил Романов. Первая жертва» (автор и режиссер Сергей Браверман, принимали участие Пермский академический «Театр-театр» и Мемориальный музей истории политических репрессий «Пермь-36»). Автор настоящего исследования в ходе подготовки фильма привлекался в качестве консультанта. В эфир фильм вышел только 29 октября 2020 г. Эта работа, несомненно, событие в историографии Великого Князя. Авторы попытались и небезуспешно продемонстрировать «свежий взгляд» на исторические события. Есть неплохие постановочные моменты, украшают фильм эпизоды, снятые в Па-

риже, впервые были представлены материалы допроса Г. Мясникова органами НКВД в период кон. 1944–1945 гг. Авторы рассматривают «события в цепи закономерных действий, которые были предопределены не властью большевиков, а личностью мало кому известного фаната и радикала Гаврилы Мясникова»[254]. Именно Мясников и стал главным героем фильма. А Михаил Александрович оказался статистом и отошел на третий план. Фильм сделан, безусловно, на документальном материале. Однако участие театральных актеров фактически перевело документальный фильм в статус историко-художественного произведения. Изменилась жанровая принадлежность фильма. Актер, игравший роль Мясникова, создал гротескный образ, который определил характер всей работы. Кроме того, авторы допустили множество откровенных оплошностей:

– неестественные большие и пушистые усы Мясникова;

– Михаил и Наталия гуляют по современной набережной реки Камы, реконструкцию которой провели несколько лет назад;

– Михаил и Наталия гуляют по городу зимой (она была в Перми в мае месяце), а их костюмы не соответствуют времени 1910-х годов;

– актер, игравший роль Михаила Александровича, совершенно на него не похож.

Все эти огрехи существенно снизили достоверность фильма. Возможно, что авторы хотели образ психически ненормального Мясникова противопоставить нормальной супружеской паре Михаила и Наталии (образ которой остался не раскрыт). Однако мы теперь переходим уже из документального нарратива в область театрального искусства.

Нельзя согласиться и с тезисом авторов о том, что судьбу Великого Князя определила «личность мало кому известного фаната и радикала Гаврилы Мясникова». Ганька Мясников, конечно, был фанатом и радикалом, он выступил инициатором и идеологом расстрела великого князя, однако решение о расстреле принималось

коллегиально всем руководством Пермского губернского ЧК, большевистской властью и Пермской городской милицией. Да и сам Мясников собственно в расстреле участвовал только заочно.

Выделим наиболее важные оценки Великого Князя в современной публицистике.

А.Н. Каменский считает Михаила Александровича «ключевой фигурой» в русской истории XX века. По его мнению, Актом Великого Князя предполагалось рассмотреть на Учредительном собрании альтернативу: быть монархии в России самодержавной или конституционной (парламентской), а не вопрос быть или не быть монархии в России вообще. Автор считает, что есть все основания, согласно манифесту Николая II, именовать Михаила Александровича императором Михаилом II. Его так и принимал народ в Перми, называя «Помазанником Божиим». Согласна с А.Н. Каменским и Н.Д. Чернышова-Мельник в том, что Михаилу Александровичу удалось спастись.

В.Г. Краснов делает акцент на демократические аспекты Акта Михаила II. Выборы в Учредительное собрание предполагалось провести посредством всеобщим, равным, прямым и тайным голосованием, что выдвинуло Россию «впереди планеты всей». Отказ Михаила Александровича от верховной власти был «условным и временным». Солидарен с мнением Краснова относительно демократических начал Акта Великого Князя С.А. Тупицын.

2.3.2. Великий Князь Михаил Александрович в краеведческих публикациях

Краеведческая публицистика имеет свои особенности. Краевед, кропотливо собравший разнообразную информацию регионального масштаба по той или иной теме, в публикации нередко воспроизводитфакты и сюжеты. лишь косвенно связанные между собой.

В дискурсе краеведческой публицистики участвуют: пермский журналист и краевед В.Ф. Гладышев, ученый

из города Орла В.А. Ливцов, пермский тележурналист С.А. Тупицын и другие.

Пермский журналист, краевед и писатель В.Ф. Гладышев[255] является автором многочисленных публикаций о Великом Князе Михаиле Александровиче, главным образом, в региональных, а также и центральных СМИ. Собранный им обширный материал о династии Романовых, ранее опубликованный в виде газетных и журнальных статей, был объединен воедино и в 2015 г. опубликован отдельной объемной книгой[256]. Фактически это тематический сборник статей. Представленный материал весьма разнообразный, поэтому и тема заявлена достаточно привлекательно для широкого круга читателей: «По царскому следу». В книге автор повествует и о боярине Михаиле Никитиче Романове, и об Александре I, и об Александре II, и об Александре III, и о Николае II, и о Великой Княгине Елизавете Федоровне, но основное внимание им уделено Великому Князю Михаилу Александровичу. В этой связи есть у книги уточняющий подзаголовок: «Династия Романовых и Пермский край». Главная тематическая линия, обогащенная обильной, подчас побочной информацией, теряется и «растекается по древу» многочисленными мелкими сюжетами. В результате складывается пестрая лубочная картина.

Характеризуя Михаила Александровича, В.Ф. Гладышев пишет:

– Михаил Романов был обаятельной личностью, вот уж действительно душкой, его многие любили, и было за что...[257]

– Он получил прекрасное образование. Учителями и наставниками царских детей, в частности Миши, были известные ученые, правоведы, экономисты, мыслители...[258]

– Уже в детстве Миша, как говорят в таких случаях об одаренном ребенке, подавал большие надежды по разным предметам, еще не умея сосредоточиться на чем-то главном. <...> Одну из работ, написанную Михаилом в форме реферата, о значении Отечественной войны 1812 г. для России сочли возможным опубликовать в «Историческом вестнике»[259].

– В царской семье он получил высоконравственное воспитание в духе любви и почитания своих родителей, Отечества и святой церкви[260].

Однако автор отмечает: «Он не был идеальным человеком. Об этом приходится говорить, потому что в последнее время появилось несколько его биографий, написанных в откровенно иконописном, довольно поверхностном тоне. Между тем говорить надо в данном случае, как нам кажется, о трагическом расхождении целей и предназначения человеческой личности. Не искушенный в политике, Михаил считал для себя оптимальным вариант частной семейной жизни. Поэтому он, человек увлекающийся, так много времени "тратил" на театры, на синематограф, на спорт. Хотя с другой стороны, все это говорит о его упорной работе над собой, над своим духовно-нравственным и физическим развитием. <...> Великий князь удивительным образом сохранил в себе доброту, доверчивость, простоту, непосредственность и доступность, словно жил по христианскому завету: "Будьте как дети". Он был богат и щедр, расточителен до безрассудства, словно не знал, что делать со своим богатством»[261]. В действительности как раз наоборот, Михаил всегда довольствовался весьма скромными бытовыми условиями и запросами. Он вообще не знал истинную цену вещам и деньгам. А раскошелиться его обычно подталкивала супруга Наталия Сергеевна. До женитьбы он не интересовался ни книгами, ни театром, ни искусством, к этому его приобщила Наталия.

В. Гладышев вспоминает известный телесериал «Есенин», в котором варьируется версия о том, что причиной убийства поэта чекистами стала приветственная телеграмма Льва Каменева «первому гражданину России Михаилу Романову», по поводу того, что он не принял престол от своего брата до решения Учредительного собрания[262]. В ходе данного исследования была выяснена действительная история с этой телеграммой. На самом деле телеграмма была не от Л. Каменева, а от организаторов митинга, на котором Каменев случайно был избран секретарем.

У автора создалось впечатление, что братья, Михаил и Николай, были очень разные люди[263]. Однако настоящее исследование показывает, они скорее были похожи: оба не могли оценивать адекватно политические реалии, оба нуждались в поддержке сильных личностей, оба испытывали большое влияние своих жен, которых очень любили. Отличие, пожалуй, лишь в том, что Николай сохранял «традиции семьи», а Михаил их нарушил.

Гладышеву удалось найти материалы последнего интервью Михаила Александровича корреспонденту центральной газеты «Свобода России» С.В. Яблоновскому. Правда, статья была опубликована спустя несколько лет, когда автор был уже в эмиграции. В Париже, в журнале «Голос минувшего на чужой стороне», в первом номере за 1926 г., появилось это интервью, точнее расшифровка беседы, потому что пермский блокнот, в который весной 1918-го года журналист записал условными сокращениями разговор, у него украли. Оказавшись в безопасности, он восстановил запись по памяти.

На вопрос об отречении от престола Михаил сказал:

— Теперь я все более убеждаюсь в правильности своего решения.

Однако Джонсон с этой мыслью не согласился! Он вступил в беседу и начал убеждать своего «патрона», что, если бы в те решающие дни с ним рядом оказались другие люди, надежные и честные, все могло обернуться по-иному!..[264] Вероятно, он «убеждался» в том, что со временем понимал — ему бы было не справиться с управлением страной в столь сложной революционной ситуации, сложившейся в 1917 г.

В.Ф. Гладышев считает, что вся операция по ликвидации Романовых, «по истреблению их под корень (с детьми. — **В.Г.**)» была спланирована и управлялась из центра, руководителями партии большевиков. В этом вопросе он ссылается на результаты исследований Л.А. Лыковой и Л.А. Обухова[265].

В книге со ссылкой на сентябрьский номер «Известий Пермского губисполкома» есть интересная информация: «В сентябре 1918 г. в Перми находился сам Яков

Свердлов, он и руководил, так сказать на месте боевых действий, операцией по информационному прикрытию убийства семьи Романовых на Урале»[266]. Данная информация вызывает сомнение, потому что о факте приезда Свердлова в Пермь было бы широко известно. А во-вторых, в сентябре 1918 г. Я.М. Свердлов, кроме своей должности председателя ВЦИК, исполнял еще и обязанности председателя Совнаркома, так как 30 августа на В.И. Ленина было совершено покушение, и тот находился в больнице. Но тем не менее, автор настоящего исследования придерживается того же мнения, что операция по ликвидации Михаила Романова была согласована с центром, скорее всего со Свердловым.

Книгу «По царскому следу» журналист и краевед Гладышев заканчивает главами о самозванцах «несчастных» и подборкой материалов, озаглавленных «Примирение истории» и «Мост в будущее».

Отсутствие достаточной аргументации и однозначная (положительная) трактовка исторического персонажа, свойственная публицистике, не позволила автору показать противоречивость личности великого князя. Так «душка» Михаил не согласуется с образом боевого генерала, «прекрасное образование» не позволило великому князю войти в состав высшего генералитета императорской армии, а «высоконравственное воспитание» не помешало Михаилу отбить жену у однополчанина. Скандальный морганатический брак навсегда испортил репутацию Михаила Александровича, полученную им от рождения, среди гвардейских частей, тем самым исключив перспективу карьерного роста. Не помогла ему и отвага, проявленная на фронтах Великой войны.

Ученый из города Орла В.А. Ливцов[267] дважды участвовал в работе научно-практических конференций, проводимых в Перми, в рамках мероприятий «Романовские дни». Оба доклада были посвящены орловскому периоду жизни Великого Князя. В 2016 г. Ливцовым с группой соавторов была издана книга краеведческого характера «Почетный гражданин города Орла Великий Князь Михаил Александрович Романов»[268], составленная на

основе известных и найденных в последние годы источников о жизни и пребывании Великого Князя Михаила Александровича в Орле и Орловской губернии. В этом очерке Михаил Романов предстает перед читателем в обыденной, частной провинциальной жизни, к которой всегда стремился.

С 1909 по 1911 год Великий Князь Михаил Александрович служил командиром 17-го гусарского Черниговского полка, расквартированного в Орле. Однако его отношения с Орловской землей завязались раньше. В связи со смертью среднего брата Великого Князя Георгия Александровича в 1899 г., высочайшим манифестом Михаил был объявлен наследником престола. Вместе с означенным титулом он унаследовал немалую долю имущества своего покойного брата, в том числе обширное имение Брасово, располагавшееся в Севском уезде Орловской губернии (ныне Брянская обл.)[269].

Командиром Черниговского полка Михаил стал, можно сказать, случайно. Николай II, узнав о намерениях брата жениться на Н.С. Вульферт, отдал приказ – «В Черниговские гусары!». Однако это не прервало их любовные отношения.

Брасовское имение было приобретено для Великого Князя Георгия Александровича в 1882 г. При новом владельце в 1880-90-х гг. создается большой усадебный комплекс. Он состоял из огромного парка с несколькими прудами и системой аллей, а также двух деревянных построек – большого усадебного дома-дворца и, так называемого, «дома архитектора». Дворец представлял собой двухэтажное деревянное здание, построенное в русском стиле. В нем были собраны ценные коллекции живописи, скульптуры, старинной утвари. (Дом-дворец сгорел во время Великой Отечественной войны, а «дом архитектора» сохранился).

Впервые свое имение Великий Князь Михаил Александрович посетил в апреле 1901 г., а через два года – Орел. Его пригласили на открытие сельскохозяйственной выставки. «В этот свой приезд (ему было 25 лет) он покорил жителей Орла своим неподдельным интересом

к жизни города и горожан, встретился с представителями всех сословий – от крестьян до духовенства»[270]. Объектом особых забот Михаила стал дворянский пансионат – приют для детей-сирот и «убежище» престарелых. На встрече с местной интеллигенцией «... Его Императорское Высочество ... благословил выразить согласие на принятие под свое Августейшее Покровительство ... (Орловскую) архивную комиссию»[271].

В канун тезоименитства Михаила (22 ноября), исполнявший должность городского головы Гайдуков выступил с предложением о присвоении Михаилу Александровичу звания Почетного гражданина города Орла. Такое решение Дума приняла и обратилась к Михаилу с просьбой: «сделать городу Орлу честь ...»[272]. На что государь император, «по всеподданнейшему докладу Министерства Внутренних дел... Всемилостивейше соизволил на присвоение ... »[273].

Командуя Черниговским полком, Великий Князь, считают авторы книги, показал себя «дельным военным командиром среднего звена», и с 1910 г. он становится уже командующим 2-й отдельной кавалерийской бригадой, в которую входил Черниговский полк.

Здесь, в Брасово, Михаил, возможно, провел свои лучшие дни с Наталией, сюда приезжали их друзья. (В их числе композитор С.В. Рахманинов и живописец С.Ю. Жуковский.)

Авторы книги на обширном фактическом материале показали, что Михаил Александрович, стремившийся к спокойной частной жизни, именно в Брасово и нашел для себя желаемые для этого условия. Он с удовольствием занимался хозяйственными делами имения, ремонтом дворца, подбором мебели и произведений искусства, а также проблемами уезда. Великий Князь проявлял внимание и заботу о жителях уезда всех сословий.

Пермский тележурналист, цитированный ранее, С.А. Тупицын в 2006 г. подготовил документальный фильм «Два Михаила – начало и конец династии». Хронологически повествование охватывает лишь пермский период жизни Великого Князя. Михаил Романов пред-

стает пред зрителем ушедшим в себя человеком, обреченным, пассивно ожидающим конца.

Подытоживая, автор так оценивает гипотетические перспективы принятия верховной власти Михаилом Александровичем.

«Многие из любителей пересматривать историю задаются вопросом: а что было бы, останься Михаил жив? Возьмем на себя смелость утверждать, что ничего другого не было бы. Монархическая династия в России была обречена. Достаточно вспомнить, что еще до Николая II, и Александр II погиб от рук террористов при молчаливом попустительстве общества. Мягкий и деликатный Михаил Романов никак не тянул бы, да и не хотел бы потянуть, на роль диктатора. В чем его безусловное величие и громадная историческая заслуга – в том, что последний российский император был, по сути, истинным демократом. Ведь Михаил не просто отрекся от престола, а отложил этот вопрос до решения Учредительного собрания. Вот о чем никогда не хотели вспоминать большевики. Вот за что Михаил достоин памятника хотя бы в Перми»[274].

Михаилу Романову С. Тупицын противопоставляет исполнителей.

«...Горько поразили меня ничтожные масштабы личностей людей, поставивших точку в конце династии Романовых. А эта точка была поставлена именно в Перми... За исключением, пожалуй, революционного романтика Мясникова, который, кстати, в ответственный момент сбежал с места событий, цареубийцы были полнейшими ничтожествами. Совершив преступление, они не погнушались снять со своих жертв все более-менее ценные вещи, вплоть до штиблет. Об угрызениях совести не могло быть и речи. Если и присутствовали у них какие-либо чувства, так только досада и зависть к более удачливым соперникам»[275].

Автор фильма удачно работает на контрасте положительного образа Великого Князя, и ничтожных в нравственном отношении цареубийц, в результате вывод у зрителя напрашивается сам собой: память о Михаиле

Александровиче достойна увековечивания. В очередной раз в оценке Михаила Романова происходит метаморфоза: если цареубийцы считали Великого Князя абсолютным ничтожеством, то в современной публицистике ничтожествами оказались сами исполнители.

Итак, подводя итоги дискурсов публицистики постсоветского периода, можно сказать, что авторы в своих работах уделяют особое внимание на положительные стороны характера личности Михаила Александровича, в результате складывается весьма позитивный образ. В этих публикациях можно почерпнуть множество интересной частной информации о герое исследования, что, безусловно, дополняет его сложившийся портрет в исторической традиции. Михаил рассматривается не только как важная знаковая историческая фигура, а как реальная личность в человеческом измерении. Такой подход закономерен после семидесятилетней советской идеологии и классового подхода. Публицисты уделяют основное внимание роли Михаила Александровича в дни Февральской революции, на историческое значение его акта отложенного права на престол до решения Учредительного собрания и на обстоятельства его гибели в Перми.

Так, в публикациях авторов, наиболее активно работающих по теме Великого Князя Михаила Александровича, определены следующие акценты.

- *Манифест и телеграмма Николая II (своей супруге Александре Федоровне) – законные документы, которыми передавался престол Михаилу Александровичу и признавался его брак с Наталией Сергеевной (А.Н. Каменский).*
- *В Перми его называли «Помазанник Божий» (А.Н. Каменский, однако, первыми его так назвали сами исполнители расправы. – **Л.П.**).*
- *Михаил Александрович остановил братоубийственную войну в Феврале 1917 года (В.Г. Краснов).*
- *Михаил Романов – «ключевая фигура русской истории начала XX века» (А.Н. Каменский, В.Г. Краснов).*
- *Он был убежден в правильности своего решения, принятого 3 марта 1917 года (В.Ф. Гладышев).*

– Операция по уничтожению Великого Князя была спланирована и управлялась из центра (В.Ф. Гладышев).

– В лице Михаила Романова была попрана идея законной власти. Он уполномочил Временное правительство на самые широкие демократические выборы в Учредительное собрание на основе всеобщего, равного, прямого и тайного голосования, что выдвинуло Россию на передовые рубежи в демократическом развитии (В.Г. Краснов). Его величие и громадная историческая заслуга – в том, что он, по сути, был истинным демократом – вот за что он достоин памятника (С.А. Тупицын).

– Великий Князь был почетным гражданином города Орла, в годы Великой войны – военный командир среднего звена. Условия для уединенной частной жизни, к которой всегда стремился, он смог устроить только в Брасове (В.А. Ливцов и др.).

– Михаил Романов был обаятельной личностью, его все любили, был «душкой», одаренным ребенком. Он получил прекрасное образование и высоконравственное воспитание (В.Ф. Гладышев).

– В Перми Михаил не был расстрелян, ему удалось спастись (А.Н. Каменский, Н.Д. Чернышова-Мельник).

Однако работая в жанре публицистики, авторы, сосредотачивая внимание на какой-либо гипотезе, идее или собственном взгляде, недостаточно учитывают сложность и многообразие исторического процесса революционной эпохи, в котором действуют разные и подчас непримиримые политические силы, а результат этого процесса зависит от огромного количества факторов. Михаил Романов преподносится публицистами как значительная историческая фигура, а его манифест – важным политическим событием. Однако, на самом деле, для большинства участников совещания 3 марта это было чистой формальностью, необходимой для придания видимости легитимности Временному правительству. Публицисты не учитывают в полной мере исторические реалии, а интерпретируют события в выгодном для себя свете, чтобы обосновать собственные

версии. К источникам авторы демонстрируют некритичное отношение. В результате нередко допускаются ошибки, а исследование перерастает в сочинительство, как, например, версия чудесного спасения героя. Часто происходит подмена тех качеств, которыми должен обладать монарх, император, глава государства (это государственный ум, авторитет в обществе, лидерские способности, решительность, твердость характера и пр.) на достоинства личности в человеческом измерении (доброта, мягкость, порядочность, приверженность к семейным ценностям и пр.). Анализ работ публицистического характера показывает, что авторы большое внимание уделяют вопросу выяснения обстоятельств гибели Михаила Александровича, что тесно увязывается с многолетними попытками обретения его останков.

[1] **Никитин, Борис Владимирович (1883–1943)**, офицер. Закончил институт путей сообщений. В Первую мировую войну служил старшим адъютантом штаба Кавказской туземной конной (Дикой) дивизии. Штабс-ротмистр (с 1912). С февраля 1916 г. адъютант штаба 2-го кавалерийского корпуса, а с августа – старший адъютант штаба «Дикой» дивизии. С ноября 1916 г. помощник старшего адъютанта отдела генерала-квартирмейстера штаба 7-й армии, с марта 1917 г. – исполняющий должность начальника контрразведки Петроградского военного округа. В сентябре 1917 г. был назначен начальником штаба Кавказского туземного конного корпуса. Подполковник (1917). В дальнейшем начальник контрразведки Кавказского фронта, участник Белого движения. С 1920 г. в эмиграции, жил в Париже, работал инженером в электротехнической фирме.

[2] «Былое» – ежемесячный журнал по истории освободительного движения в России, первый легальный журнал такой тематики в стране. Выходил в Петербурге в 1906–1907 и 1917–1926 годах. Тираж в 1907 – около 30 тысяч экземпляров. Журнал издавался под редакцией В.Я. Богучарского и П.Е. Щёголова при формальном участии В.Л. Бурцева.

[3] Никитин Б.В. Роковые годы. – СПб.: Питер, 2015. – С. 9.

[4] Никитин Б.В. Указ. соч. – С. 223.

[5] Никитин Б.В. Указ. соч. – С. 225.

[6] Никитин Б.В. Указ. соч. – С. 226.

[7] Никитин Б.В. Указ. соч. – С. 227.

[8] Никитин Б.В. Указ. соч. – С. 228.

[9] Никитин Б.В. Указ. соч. – С. 236.

[10] Первое издание книги П.М. Быкова состоялось в 1926 г. в Екатеринбурге, в 1930 г. – издательством М.–Л.

[11] Быков П.М. Последние дни Романовых. Изд. 3-е, доп. – Свердловск: издательство «Уральский рабочий», 1990 – С. 93–95.

[12] Никитин Б.В. Указ. соч. С. 239–240.

[13] Также, кстати, морганатический брак.

[14] «Берлингске Тиденде» – старейшая датская газета, издающаяся с 1749 г., остается и по сей день одной из популярных и авторитетных печатных СМИ.

[15] Ольга Александровна, великая княгиня. 25 глав моей жизни / сост. Л.А. Куликовская, П.Э. Куликовский, К. Рот-Николс, С. Вулменз; пер. с англ. Под ред. Л.Р. Харитонова. – М.: Кучково поле, 2017. – С. 162–163.

[16] Ольга Александровна, великая княгиня. Указ. соч. – С. 166.

[17] Ольга Александровна, великая княгиня. Указ. соч. – С. 169–170.

[18] Здесь в смысле «добровольцев».

[19] Ольга Александровна, великая княгиня. Указ. соч.– С. 170–171.

[20] Мордвинов А.А. Из пережитого. Воспоминания флигель-адъютанта императора Николая II. – С. 137–148.

[21] Мордвинов А.А. Указ. соч.– С. 144.

[22] Мордвинов А.А. Указ. соч. – С. 151.

[23] Мордвинов А.А. Указ. соч. – С. 142.

[24] **Караулов, Михаил Александрович** (1878–1917) – атаман Терского казачьего войска, член Государственной Думы II и IV созывов от Терской области. Входил в Прогрессивный блок, член Временного комитета Государственной Думы. Активный участник Февральской революции, входил в «штаб Керенского». Глава Временного Терско-Дагестанского правительства. Журналист и краевед, автор нескольких книг по истории терского казачества.

[25] Факт расстрела демонстрантов из пулеметов не подтвердился.

[26] Великий Князь Андрей Владимирович. Дневники. 1915-1917 гг. // Гибель монархии / Великий Князь Николай Михайлович. М.В. Родзянко. Великий Князь Андрей Владимирович. А.Д. Протопопов. – М., Фонд Сергея Дубова, 2000. – С. 340–341.

[27] **Вырубова, Анна Александровна** (1884-1964) – дочь обер-гофмейстера и главноуправляющего Его Императорского Величества Канцелярии статс-секретаря А.С. Танеева, близкий друг царской семьи; с 1904 г. фрейлина императрицы Александры Федоровны. В 1907 г. вышла замуж за морского офицера А.В. Вырубова, но вскоре развелась. 2 января 1915 г. пострадала в железнодорожной катастрофе, осталась инвалидом. Одна из почитательниц Г.Е. Распутина. В дни Февральской революции находилась в Александровском дворце. 21 марта 1917 г. по доносу была арестована Временным правительством и заключена в Петропавловскую крепость. В конце июля 1917 г. была освобождена «за отсутствием состава преступления», но выслана из России как контрреволюционерка. На границе она была снова арестована и препровождена в Свеаборгскую крепость. 27 сентября по ходатайству родственников перед Л.Д. Троцким была освобождена. Находясь на свободе, сумела установить нелегальную связь с царской семьей, находящейся в Тобольске и оказывала ей посильную помощь. В декабре 1920 г. вместе с матерью бежала из Петрограда по льду Финского залива через границу. Позднее приняла монашество под именем Мария. Жила в Финляндии. Похоронена в Гельсингфорсе.

[28] Вырубова А. Воспоминания / Анна Вырубова. – М.: «Захаров», 2009. – С. 97–98.

[29] Вырубова А. Указ. соч. – С. 124–125.

[30] Вырубова А. Указ. соч. – С. 131–132.

[31] **Палей, Ольга Валерьяновна** (1865–1929) – урожденная Карнович, по первому браку фон Пистолькорс; затем супруга в морганатическом браке Великого Князя Павла Александровича (с 1902), после признания брака Николаем II по-

лучила титул княгини (1915). Пережив гибель сына Владимира и мужа, бежала в Финляндию. В дальнейшем жила и умерла в Париже.

[32] Некорректное выражение. В дни Февраля «большевистских горлодеров» еще не было.

[33] Палей О.В. Воспоминания о России: С приложением писем, дневника и стихов ее сына Владимира / Княгиня Ольга Палей. – М.: «Захаров», 2009. – С. 31.

[34] Палей О.В. Указ. соч. – С. 31–32.

[35] Палей О.В. Указ. соч. – С. 33–34.

[36] Палей О.В. Указ. соч. – С. 34.

[37] Палей О.В. Указ. соч. – Там же.

[38] На самом деле они прибыли утром.

[39] Палей О.В. Указ. соч. – С. 35.

[40] **Буксгевден, София Карловна** (нем. *Sophie Buxhoeveden*; 1883–1956) – фрейлина и близкий друг императрицы Александры Федоровны. Сопровождала царскую семью в ссылку в Тобольск, но была отделена от нее незадолго до убийства. Уехала в эмиграцию через Сибирь, Японию и Северную Америку. Жила в Копенгагене, а затем в Лондоне.

[41] Буксгевден С.К. Жизнь и трагедия Александры Федоровны, Императрицы России / Баронесса Софья Буксгевден. Воспоминания фрейлины в трех книгах. Кн. 1: Жизнь и трагедия Александры Федоровны, Императрицы России. Кн. 2: Минувшее. Четырнадцать месяцев в Сибири во время революции. Декабрь 1917 – февраль 1919 гг. Кн. 3 Перед бурей / Пер. В.А. Ющенко; отв. ред. и сост. коммент. Т.Б. Манакова, К.А. Протопопов. – М.: Лепта Книга, Вече, Грифъ, 2012. – С. 129.

[42] Буксгевден С.К. Указ. соч. С. 266–267.

[43] **Александр Михайлович** (Сандро, 1866–1933) – Великий Князь, сын Великого Князя Михаила Николаевича, внук императора Николая I, двоюродный дядя и друг Николая II. Генерал-адъютант (1909) Свиты императора, адмирал (1915). С 25 июля 1894 г. супруг Великой Княгини Ксении Александровны. С 1885 г. служил во флоте. Способствовал развитию в России военной авиации. В Первую мировую войну заведовал организацией авиационного дела в армии, с декабря 1916 г. – генерал-инспектор военно-воздушного флота. Уволен со службы 22 марта 1917 г. Вместе с семьей и вдовствующей императрицей Марией Федоровной находился в Крыму. В 1918 г. эмигрировал.

[44] Романов А.М. Книга воспоминаний / А.М. Романов. – М.: АСТ; СПб.: Полигон, 2009. – С. 166–167.

[45] Романов А.М. Указ. соч. – С. 315–316.

[46] Романов А.М. Указ. соч. – С. 316–317.

[47] Романов А.М. Указ. соч. – С. 325.

[48] **Колоницкий, Борис Иванович** (1955 г. р.) – советский и российский историк, специалист по истории Русской революции 1917 года. Доктор исторических наук, профессор факультета истории Европейского университета в Санкт-Петербурге.

[49] Колоницкий Б.И. Символы власти и борьба за власть: к изучению политической культуры российской революции 1917 года. — СПб.: Лики России. 2012. – С. 88.

[50] Романов А.М. Указ. соч. – С. 364.

[51] **Воейков, Владимир Николаевич** (1868–1947) – генерал-майор Свиты императора (1911), с 25 декабря 1913 г. – последний дворцовый комендант. Принадлежал к ближайшему окружению царской семьи, был женат на фрейлине императрицы, дочери министра Двора В.Б. Фредерикса. В дни Февральской революции был рядом с Николаем II в Ставке, 2 марта 1917 г. присутствовал в Пскове при отречении императора от престола. Позднее по распоряжению

Временного правительства был выслан из Ставки и подвергся аресту. До сентября 1917 г. содержался в Петропавловской крепости, затем был переведен в больницу, откуда в дни Октябрьского переворота бежал. Умер в эмиграции во Франции.

[52] Воейков В.Н. С царем и без царя / Владимир Николаевич Воейков. — М.: «Захаров», 2016. — С. 97.

[53] Воейков В.Н. Указ. соч.— С. 201.

[54] Воейков В.Н. Указ.соч. — С. 219.

[55] **Кирилл Владимирович** (1875—1938) — Великий Князь, двоюродный брат Николая II, контр-адмирал Свиты императора (1915). В 1905 г. против воли императора и вопреки канонам православной церкви женился на своей двоюродной сестре Великой Княгине Виктории Федоровне, бывшей супруге брата императрицы Александры Федоровны великого герцога Эрнеста-Людвига Гессен Дармштадтского. Брак был признан императорской фамилией в 1907 г. Участник русско-японской войны, служил на броненосце «Петропавловский», при подрыве которого на мине получил небольшую контузию. В годы Первой мировой войны с февраля 1915 г. в действующей армии, командир Гвардейского флотского экипажа и начальник морского батальона. В дни Февральской революции до отречения Николая II привел Гвардейский экипаж в Государственную Думу и поддержал Временное правительство. В начале марта, как и многие великие князья, подписал отказ от прав на трон. Летом 1917 г. уехал в Финляндию, а затем эмигрировал. 31 августа 1924 г. объявил себя императором Всероссийским Кириллом I. Умер 12 августа 1938 г. в Париже, захоронен в Кобурге (Германия). В 1995 г. перезахоронен вместе с супругой в великокняжеской усыпальнице Петропавловского собора Санкт-Петербурга.

[56] Кирилл Владимирович, Император. Моя жизнь на службе России. — СПб.: Лики России, 1996. — С. 99.

[57] Кирилл Владимирович, Император. Указ. соч. — С. 99—100.

[58] **Данилов, Юрий (Георгий) Никифорович** (1866—1937) — генерал от инфантерии (1914). С началом Первой мировой войны назначен генералом-квартирмейстером при Верховном главнокомандующем Великом Князе Николае Николаевиче. Со сменой верховного главнокомандования был назначен (30 августа 1915) командиром 25-го армейского корпуса. С августа 1916 по апрель 1917 г. начальник штаба Северного фронта. Затем командовал 5-й армией (апрель-сентябрь 1917). После провала выступления генерала Корнилова в августе 1917 г. был зачислен в резерв. В феврале 1918 г. возглавил группу военных консультантов при советской делегации в Брест-Литовске, выступал против заключения мира с Германией. Вернувшись в Петроград, участвовал в разработке плана строительства новой армии, но не найдя общего языка с Л.Д. Троцким, подал в отставку и отбыл на Украину. Осенью 1920 г. стал начальником военного управления в правительстве П.Н. Врангеля. В 1920 г. эмигрировал в Константинополь, затем в Париж.

[59] Данилов Ю.Н. Мои воспоминания об императоре Николае II и великом князе Михаиле Александровиче. — Архив Русской Революции. XIX. Берлин, 1928. — С. 241—242.

[60] Данилов Ю.Н. Там же.

[61] Брусилов А.А. Мои воспоминания. М.: РОССПЭН, 2001. — С. 203.

[62] **Деникин, Антон Иванович** (1872—1947) — генерал-майор (1914). Командовал на фронте 17-м пехотным полком («Железные стрелки»), 4-й стрелковой бригадой («Железная бригада»), в августе 1915 г. развернутой в дивизию, 8-м армейским корпусом (с 9 сентября 1916). Генерал-лейтенант (1916). При Временном правительстве был назначен начальником штаба Ставки (апрель — май 1917), главнокомандующим армиями Западного (июнь — июль), а затем Юго-Западного фронтов. За поддержку корниловского мятежа был отстранен от

должности, арестован и заключен в быховскую тюрьму (29 августа – 19 ноября 1917). Участник Белого движения. Один из организаторов Добровольческой армии, которую возглавил после гибели Л.Г. Корнилова. 4 января 1920 г. указом Колчака объявлен «Верховным правителем». Сдал командование 22 марта 1920 г. генералу Врангелю. С апреля 1920 г. – в эмиграции (в Англии, Бельгии, Венгрии, с весны 1926 г. – во Франции, с 1945 г. – в США). Был похоронен на кладбище в Детройте. 15 декабря 1952 г. состоялось перезахоронение на Свято-Владимирское православное кладбище в Касвилде (Нью-Джерси). 3 октября 2005 г. прах Деникина и его жены Ксении Васильевны был перевезен в Москву и захоронен на кладбище Донского монастыря.

[63] Деникин А.И. Очерки русской смуты: Крушение власти и армии. Февраль – сентябрь 1917. – М.: Наука». 1991. – С. 108–109.

[64] **Иностранцев, Михаил Александрович** (1872–1938) – генерал-майор русской императорской армии, участник Первой мировой и Гражданской войн. Ординарный профессор Николаевской военной академии. С 1920 г. в эмиграции в Югославии. В 1926 г. переехал в Чехословакию, где читал курс по истории Первой мировой войны в Военной академии. Умер в 1938 г. в Праге, похоронен на Ольшанском кладбище.

[65] Иностранцев М.А. Воспоминания. Конец империи, революция и начало большевизма. – М.: Кучково поле; Издат. центр «Воевода», 2017. – С. 371.

[66] **Половцев (Половцов), Петр Александрович** (1874–1964) – полковник, в начале войны командовал Татарским полком Кавказской туземной («Дикой») конной дивизии. С 25 февраля 1916 г. начальник штаба этой дивизии, затем командир бригады. Генерал-майор (1917). 22 мая 1917 г., сменив генерала Л.Г. Корнилова, назначен главнокомандующим войсками Петроградского военного округа. Член Военной комиссии Государственной Думы. Член Особой комиссии при военном министре. Во время июльского выступления большевиков руководил расстрелом большевистской демонстрации и разгромом редакции «Правды». 2 сентября 1917 г. назначен командующим Кавказским Туземным конным корпусом, произведен в генерал-лейтенанты. С 20 октября 1917 г. военный губернатор и командующий войсками Терской области. Уехал с Кавказа в феврале 1918 г., эмигрировал во Францию. Жил и умер в Монако.

[67] Половцов П.А. Дни затмения. Записки Главнокомандующего войсками Петроградского военного округа генерала П.А. Половцова в 1917 году / П.А. Половцов. – М.: Вече, 2016. – С. 21.

[68] В бытность Л.Г. Корнилова верховным главнокомандующим (июль – август 1917) переформирование Кавказской туземной конной дивизии в корпус началось, но так и не было завершено.

[69] **Родзянко, Михаил Владимирович** (1859–1924) – политический деятель, один из лидеров партии октябристов, помещик. В 1906–1907 гг. член Государственного совета, депутат и с 1911 г. председатель III Государственной Думы (1907–1912), председатель IV Государственной Думы (1912–1917). В дни Февральской революции возглавлял Временный комитет Государственной Думы, позднее один из организаторов «корниловщины». Принимал активное участие в организации Белого движения, в 1918–1920 гг. находился при Добровольческой армии А.И. Деникина. В 1920 г. эмигрировал в Королевство сербов, хорватов и словенцев (Югославия), где и умер.

[70] Здесь у М.В. Родзянко ошибка. В действительности Михаил Александрович приезжал к Родзянко 3 января, а 9 января уже сам Родзянко приезжал к Великому Князю в Гатчину.

[71] Родзянко М.В. Крушение империи. С примечаниями и предисловием С. Пионтковского / М.В. Родзянко Издание третье. Прибой. Ленинград, 1929. – С. 208–209.

[72] Милюков П.Н. Воспоминания. – М.: Политиздат, 1991.– С. 449.

[73] Шульгин В.В. Дни. Россия в революции 1917. – СПб.: Питер, 2015. – С. 237–238.

[74] «Новый журнал» – ежеквартальный (толстый) литературно-публицистический журнал русского зарубежья – начал выходить с 1942 г. в Нью-Йорке и издается по сегодняшний день.

[75] Керенский А.Ф. Потерянная Россия / Александр Керенский; [сост., вступ. ст., примеч. Т.Ф. Прокопова]. – М.: ПРОЗиК, 2014. – С. 466–467.

[76] **Абрикосов, Дмитрий Иванович** (1876–1951) – русский дипломат, родился в Москве, в известной купеческой семье, окончил юридический факультет Московского университета. В 1900 г. поступил на службу в министерство иностранных дел, в 1908 г. назначен вторым секретарем российской миссии в Пекине, а в 1912 – вторым секретарем посольства в Токио. С 1914 г. работал в Дальневосточном отделе МИД, в мае 1916 г. вновь назначен в Токио, но уже первым секретарем. После Октябрьского переворота старое посольство в Токио продолжало действовать, т.к. Япония не признала большевистское правительство. С 1921 по 1925 гг. Абрикосов возглавлял российское посольство. Затем он продолжал жить в Японии как частное лицо, являясь неофициальным представителем русской эмигрантской колонии. После окончания Второй мировой войны выехал в США, похоронен на кладбище Альта Месса в Калифорнии.

[77] Абрикосов Д.И. Судьба русского дипломата. М.; Изд. «Русский путь», 2008. С. 288–294.

[78] Абрикосов Д.И. Указ.соч. Там же.

[79] **Джунковский, Владимир Федорович** (1865–1938) – генерал-адъютант (1908) Свиты императора, московский губернатор в 1905–1913 гг. Товарищ министра внутренних дел и командир корпуса жандармов (январь 1913 – август 1915), уволенный от должности после доклада Николаю **II о Г.Е. Распутине. С августа** 1915 г. – командир бригады, затем дивизии. Генерал-лейтенант (апрель 1917). В сентябре 1918 г. был арестован и заключен в Бутырскую тюрьму. 6 мая 1919 г. был приговорен ревтрибуналом к заключению в концлагерь до окончания гражданской войны. В июне 1919 г. был переведен в Таганскую тюрьму. В ноябре 1920 г. был приговорен ревтрибуналом к 5 годам тюрьмы за подавление революции 1905–1907 гг. в Москве. В ноябре 1921 г. был освобожден из-под стражи по постановлению ВЦИК. В 1920-е гг. консультировал ГПУ по вопросам обеспечения безопасности. Расстрелян по приговору «тройки» 21 февраля 1938 г.

[80] **Мосолов, Александр Александрович** (1854–1939) – генерал-лейтенант по гвардейской кавалерии (1908), начальник канцелярии Министерства Императорского Двора и Уделов (1900–1916), с 9 ноября 1916 г. чрезвычайный посланник и полномочный министр в Румынии. Участник белого движения. В эмиграции жил во Франции. В 1924 г. член Государева совещания, с 1925 г. член руководства Союза объединенных монархистов. С 1933 г. жил и умер в Болгарии.

[81] Мосолов А.А. При дворе императора. / Ген. А. МОСОЛОВЪ б. Начальникъ Канцеляріи Министерства Императорскаго Двора. ПРИ ДВОРЪ ИМПЕРАТОРА. И З Д А Т Е Л Ь С Т В О · Ф И Л И Н Ъ « РИГА. Печатано вътипографъ А./О. «РИТН, Рига (Латвія), Дзирнавуіела № 57. – С. 2.

[82] Мосолов А.А. Указ. соч. – С. 48

[83] Мосолов А.А. Указ. соч. – С. 74–75.

[84] **Трубецкой, Сергей Евгеньевич** (1890–1949) – князь, философ, литератор, общественный деятель. Окончил историко-филологический факультет Московского университета. Преподавал в Московском университете, участвовал в Калужском дворянском собрании, избирался депутатом дворянства. С началом Первой мировой войны пытался уйти на фронт вольноопределяющимся, но по состоянию здоровья ему было отказано. Состоял помощником уполномочен-

ного в санитарном поезде, помощником заведующего контрольным отделом в Комитете Северо-Западного фронта, товарищем председателя фронтового комитета, уполномоченным в представительстве «Земгора».В 1917 г. переехал в Москву. Служил уполномоченным в финансовом отделе Главного Комитета, позднее — старшим делопроизводителем в Московском Союзе Кооперативных Обществ. В 1919 г. вступил в Национальный центр, участвовал в создании Тактического центра. 20 января 1920 г. был арестован, содержался в тюрьме Особого отдела ВЧК на Лубянке. Позднее был переведен в Бутырскую тюрьму. Верховный трибунал РСФСР приговорил Трубецкого к расстрелу, который был заменен десятью годами строгой изоляции. Переведен в Таганскую тюрьму. В 1921 г. декан историко-филологического ф-та А.А. Грушка ходатайствовал о направлении Трубецкого в университет. ВЦИК удовлетворил ходатайство, но с оставлением в тюрьме. Летом 1922 г. вновь был арестован, содержался на Лубянке. Следователь предложил Трубецкому подписать прошение об отъезде за границу, на что тот не сразу, но согласился. Через Петроград переехал в Берлин. В 1922—1938 гг. сотрудничал в Русском Общевоинском союзе: составлял бюллетени о положении дел в СССР. В 1938—1949 гг. занимался переводами и публицистикой. Скончался в Кламаре (Франция).

[85] Трубецкой С. Е. Минувшее / Князь Сергей Евгеньевич Трубецкой. – М.: ДЭМ, 1991. – С. 146–147.

[86] Трубецкой С. Е. Указ. соч. – С. 152.

[87] Трубецкой С. Е. Указ. соч. – С. 152–153.

[88] Трубецкой С. Е. Указ. соч. – С. 153.

[89] **Вернадский, Георгий Владимирович** (Джордж Вернадский) (1887–1973) — русский и американский историк-евразиец. С сентября 1917 г. — приват-доцент, с января 1918 г. — ординарный профессор кафедры русской истории историко-филологического факультета Пермского университета.

[90] Встреча могла состояться не раньше 17 марта 1918 г.

[91] Вернадский Г.В. Из воспоминаний // Вопросы истории. 1995, № 1. С. 144.

[92] Мотовилиха – заводской поселок в 4 верстах на северо-восток от Перми, город Молотово (1931), Мотовилихинский район г. Перми (1939).

[93] **Истпарт** – комиссия по изучению истории Октябрьской революции и РКП(б), учрежденная по предложению В.И. Ленина постановлением СНК РСФСР от 21 сентября 1920 г. при Наркомпросе, с 1 декабря 1921 г. перешла в ведение ЦК РКП(б). Издавала журнал «Пролетарская революция» и «Бюллетень истпарта»; имела свои местные бюро во всех регионах и крупных городах.

[94] **Марков, Андрей Васильевич** (1882–1965) – мотовилихинсий рабочий, член РСДРП с 1906 г., большевик. С установлением советской власти в Перми – комиссар по национализации и управлению культурно-просветительными учреждениями, член Мотовилихинского ревкома и Пермской губчека. После окончания гражданской войны – на руководящей хозяйственной работе. За революционные и трудовые заслуги в 1956 г. награжден орденом Трудового Красного Знамени.

[95] Марков А.В. Воспоминания. «Расстрел Михаила Романова» // Скорбный путь Михаила Романова: От престола до Голгофы: Документы, материалы следствия, дневники, воспоминания / Сост. В.М. Хрусталев, Л.А. Лыкова. – Пермь: Изд-во «Пушка», 1996. – С. 144–149.

[96] Похищение Михаила Романова: Статья, составленная Пермским истпартом для проекта сборника «Борьба за власть» // Скорбный путь Михаила Романова: От престола до Голгофы: Документы, материалы следствия, дневники, воспоминания. – Пермь: Изд-во «Пушка», 1996. – С.149.

[97] Там же. – С. 150.

[98] Мясников Г.И. Философия убийства, или почему и как я убил Михаила Романова // Минувшее: Истор. альманах. – М.; СПб., 1995. – Вып. 18. – С. 53.

[99] Мясников Г.И. Указ. соч. – С. 57.

[100] **Миков, Александр Алексеевич** (1886–1963) – уроженец Чусовского завода Пермской губернии, рабочий Мотовилихи, член РСДРП с 1902 г., боевик, участвовал в террористических актах и экспроприациях. Был арестован и приговорен к 8 годам каторжных работ. В 1917 г. вернулся в Пермь. В годы гражданской войны работал в ЧК Перми и Вятки, в судебных органах, прокуратуре, партийных, советских и хозяйственных органах. Награжден орденом В.И. Ленина. Умер в Ялте, где жил в последние годы.

[101] Миков А.А. Что делать с Мишкой Романовым? / Из воспоминаний чекиста А.А. Микова «Что делать с Мишкой Романовым?» // Скорбный путь Михаила Романова: От престола до Голгофы: Документы, материалы следствия, дневники, воспоминания. – Пермь: Изд-во «Пушка», 1996. – С. 168–170.

[102] Быков П.М. Последние дни Романовых. Изд. 3-е, доп. – Свердловск: издательство «Уральский рабочий», 1990 – С. 93.

[103] Быков П.М. Указ. соч. – С. 94.

[104] Быков П.М. Указ. соч. – С. 95.

[105] **Горшков-Касьянов М.В.** – активный участник установления советской власти в Прикамье, председатель Усольского ревкома и укома РКП (б), делегат IX съезда партии.

[106] Из воспоминаний председателя Уральского ревкома М.Ф. Горшкова-Касьянова // Скорбный путь Михаила Романова: От престола до Голгофы: Документы, материалы следствия, дневники, воспоминания. – Пермь: Изд-во «Пушка», 1996. – С. 180–181.

[107] **Сивков, Владимир Федорович** (1889–1970) – рабочий Чусовского завода Пермской губернии, член РСДРП, член штаба Красной гвардии, член Пермского губисполкома. В апреле 1918 г. возглавлял роту рабочих добровольцев. После освобождения Перми от белогвардейцев председатель Пермского губернского военревкома. В дальнейшем на партийной и хозяйственной работе.

[108] Сивков В.Ф. Пережитое. – Пермское книжное издательство, 1968. – С. 186.

[109] **Хрусталев, Владимир Михайлович** – историк-архивист, сотрудник ГАРФ, канд. ист. наук.

[110] Хрусталев В.М. Великий Князь Михаил Александрович / В.М. Хрусталев. – М.:, «Вече», 2008.

[111] Хрусталев В.М. Указ. соч. – С. 4–5.

[112] Кроуфорд Р. Михаил и Наталья. Жизнь и любовь / Розмари Кроуфорд, Дональд Кроуфорд; (пер. с англ. А. Микоян). – М.: Захаров, 2008.

[113] **Кроуфорды, Розмари и Дональд** – супруги. Розмари умерла в 2008 г. Дональд, юрист, издатель «Парламентских записок» в Великобритании, после смерти супруги продолжал работать по теме: «Великий Князь Михаил Александрович», но летом 2017 г. пришло печальное сообщение, что умер и Дональд.

[114] Кроуфорд Д. Мы с Розмари всегда хотели посетить Пермь... // Уральская Голгофа. Материалы III международной научно-практической конференции «Урок истории: Дом Романовых», посвященной 90-летию трагической гибели Михаила Александровича в Перми, Царской Семьи в Екатеринбурге и Великих Князей в Алапаевске. Выпуск 3. Пермь, 2008. – С. 7.

[115] **Скотт, Стаффан** (Staffan Skott, 1943 г. р.) – шведский писатель и славист, обозреватель авторитетной газеты «ДагенсНюхетер». Окончил Стокгольмский университет. «Романовы» – его первое произведение, изданное в России.

[116] Здесь переведено как «Лопоухий милашка».

[117] Скотт С. Романовы. Царская династия. Кто они были? Что с ними стало? / Стаффан Скотт. – Екатеринбург, Ларин. 1993. – С. 59–60.

[118] Скотт С. Указ. соч. – С. 60–61.

[119] Скотт С. Указ. соч. – С. 63.

[120] **Мэсси, Роберт Кинлох** (Robert Kinlokh Massie; 1929, Кентукки, США – 2019, Нью-Йорк, США) – американский историк, журналист, писатель. Изучал историю Америки в Йельском университете в США и новую европейскую историю в Оксфордском университете в Великобритании. Литературную карьеру начинал в качестве журналиста крупных американских периодических изданий. Первым его бестселлером стала книга о семье русского императора Николая II — «Николай и Александра» («Nicholas and Alexandra», 1967). По мотивам романа был поставлен художественный фильм и даже написана опера. Позднее он вновь обратился к истории жизни семьи последнего русского царя, написав книгу «Романовы: Заключительная глава» («The Romanovs: The Final Chapter», 1995).

[121] Мэсси Р. Николай и Александра: Биография. – М.: Захаров, 2006. – С. 21.

[122] Мэсси Р. Указ.соч. – С. 290.

[123] Мэсси Р. Там же.

[124] Мэсси Р. Указ.соч. – С. 470.

[125] Мэсси Р. Указ.соч. – С. 504.

[126] Мэсси Р. Указ.соч. – С. 505.

[127] **Корнева, Галина Николаевна** – канд. техн. наук, заместитель директора издательства «Лики России» по внешним связям.

[128] **Чебоксарова, Татьяна Николаевна** – канд. техн. наук, доцент СПбГЭТУ «ЛЭТИ».

[129] Корнева Г.Н., Чебоксарова Т.Н. Великий Князь Михаил Александрович – августейший покровитель Электротехнического института // Уральская Голгофа. Материалы V международной научно-практической конференции «Русская цивилизация: эпоха конца и вновь начала» Город Пермь, 10–11 июня 2010 года Выпуск 5. Пермь, 2010. – С. 23–28.

[130] Корнева Г.Н., Чебоксарова Т.Н. Указ. соч. – С. 23.

[131] Корнева Г.Н., Чебоксарова Т.Н. Указ. соч. – С. 25.

[132] **Торопов, Сергей Афанасьевич** (1928–1990) — пермский краевед, турист и методист-филолог, автор ряда путеводителей по Пермской области и г. Перми.

[133] Торопов С. Самосуд / Вечерняя Пермь. – 1990. – 15 января.

[134] **Рябов, Гелий Трофимович** (1932–2015) — советский и российский литератор, кинорежиссер, сценарист. В кон. 1970-х – 1980-е гг.занимался расследованием обстоятельств расстрела в 1918 г. и поисками захоронения царской семьи и Великого Князя Михаила Александровича.

[135] **Иоффе, Генрих Зиновьевич** — советский и российский ученый, доктор исторических наук, профессор, внес значительный вклад в изучение проблемы российской контрреволюции.

[136] Составитель Т.И. Быстрых. Документы из партийного архива Пермского обкома КПСС подготовлены к публикации В.Г. Светлаковым, из государственного архива Пермской области – Т.С. Волынской.

[137] Самосуд. Убийство Великого Князя Михаила Романова в Перми в июне 1918 г. Документы и публикации. Пермь, 1992. – С. 28.

[138] **Малков, Павел Иванович** (1892–1956) – родился в бедной крестьянской семье в Орловском уезде Вятской губернии, столяр. Член РСДРП(б). С марта 1917 г. член Мотовилихинского Совдепа, возглавлял цеховую партийную организацию, входил в Пермский общегородской партийный комитет, один из организаторов и руководителей Красной гвардии. С марта 1918 г. член коллегии Пермской губчека, с августа – ее председатель. Руководил подавлением мятежей в Чердынском и Усольском уездах, а в 1920 г. – на Северном Кавказе. С 1921 г. на хозяйственной работе. Завершил свой жизненный путь на дипломатическом и внешнеэкономическом поприще.

[139] В июне 1918 г. А.В. Колчак находился в Китае и на тот момент никаких планов движения на запад у него еще не было, но в мае–августе того года вспыхнул мятеж Чехословацкого корпуса.

[140] Самосуд. Указ. соч. – С. 32.

[141] Самосуд. – Там же.

[142] **Лыкова, Людмила Анатольевна** — российский историк, главный специалист РГАСПИ, доктор исторических наук, постоянный участник мероприятий «Романовские дни в Перми».

[143] Лыкова Л.А. Следствие по делу об убийстве российской императорской семьи. Историографический и археографический очерк. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2007.

[144] Ныне хранится в ГАРФ. Ф. 601. Оп. 2. Д. 52. Л. 1–14.

[145] Лыкова. Указ. соч. – С. 107–108.

[146] Лыкова. Указ. соч. – С. 115.

[147] Лыкова Л.А. Пермь: Тайна гибели Михаила Романова. – М.: Достоинство, 2010.

[148] **Мельгунов, Сергей Петрович** (1879–1956) – русский историк и политический деятель (вначале кадет, «Партия народной свободы», с 1907 г. – энес, «Партия народных социалистов»), участник антибольшевистской борьбы после Октябрьского переворота. Родился в старинной дворянской семье, отец – профессор Московского университета. В 1904 г. окончил историко-филологический факультет Московского университета. С 1900 по 1916 гг. активно публиковался в разных периодических изданиях, в том числе в газете «Русские ведомости». Непосредственный свидетель Февральской революции в Петрограде. В марте 1917 г. получил назначение ответственного за обследование и прием архивов Министерства внутренних дел, Московской духовной консистории и Миссионерского совета. В 1922 г. был выслан из России, проживал в Берлине, Праге, а с 1926 г. –в Париже. Занимался научной и издательской деятельностью.

[149] Мельгунов С.П. Мартовские дни 1917 года. Париж, 1961. – С. 217.

[150] Мельгунов С.П. Указ. соч. – С. 217–218.

[151] Мельгунов С.П. Указ.соч. – С. 228.

[152] Мельгунов С.П. Указ.соч. – С. 231.

[153] **Катков, Георгий Михайлович** (1903–1985) – философ и историк русского зарубежья, профессор Оксфордского университета. Родился в 1903 г. в Москве в семье Михаила Мефодиевича Каткова, профессора римского права в Киевском университете. Внучатый племянник известного консервативного публициста Михаила Каткова. В 1921 г. семья эмигрировала в Прагу. Там одновременно учился в Русском и Немецком университетах: изучал санскрит, индологию и философию. В 1929 г. получил степень доктора философии. Занимался исследованием философии Брентано, был хранителем его архива. В 1939 г. переехал в Оксфорд. В 1947–1950 гг. преподавал в Оксфордском университете, стал профессором. Начал заниматься русской историей, в основном изучением Русской революции. Написал две книги о Февральской революции 1917 года в России. В 1940-е и 1950-е годы сотрудничал с русским отделом Би-Би-Си. В 1959 г. был избран членом совета колледжа Св. Антония Оксфордского университета. Скончался в 1985 г. в Лондоне.

[154] **Рузский, Николай Владимирович (1854–1918)** – генерал-адъютант (1914), генерал от инфантерии (1909), член Военного (1909) и Государственного (1915) советов. Участник русско-турецкой 1877–1878 гг., русско-японской 1904–1905 гг. и Первой мировой войн, сыграл важную роль в Февральской революции 1917 г. Родом из дворян Калужской губернии. 1865-1870 гг. – учеба в Первой Петербургской военной гимназии, в 1872 окончил Константиновское военное училище, служил в лейб-гвардии гренадерском полку. В 1881 г. окон-

чил Николаевскую Академию Генерального Штаба, командовал батальоном 13-го пехотного Тираспольского полка, 1882–1887 гг. — старший адъютант штаба Киевского военного округа. С 1887 г. – начальник штаба 11-й кавалерийской дивизии, в 1891 г. — начальник штаба 32-й пехотной дивизии, в 1896 г. стал командиром 151-го пехотного Пятигорского полка. С 13 декабря 1896 г. окружной генерал-квартирмейстер штаба Киевского военного округа. Во время службы в Киевском военном округе пользовался большим авторитетом и уважением среди сослуживцев и начальства. В 1904 г. Рузский назначен начальником штаба Виленского военного округа.

Во время русско-японской войны был начальником штаба 2-й Маньчжурской армии. Отмечался офицерами Генерального штаба как один из лучших генералов и ценных работников. Получил травму. В 1912 г. назначен помощником командующего войсками Киевского военного округа.

С 19 июля по 3 сентября 1914 года командовал 3-й армией. В начале войны вопреки общему плану боевых действий продолжал наступление на Львов и взял его. За бои с австрийцами и в первую очередь за взятие Львова награжден двумя орденами Святого Георгия (4-й и 3-й ст.), за Галицийскую битву награжден орденом Святого Георгия 2-й степени. Обрел славу «завоевателя Галиции».

С 3 сентября 1914 г. — Главнокомандующий армиями Северо-Западного фронта. Под его командованием войска сражались в Варшавско-Ивангородской, Лодзинской и Августовской операциях. Его действия стали причиной катастрофы 10-й армии. 13 марта 1915 г. Рузский заболел и покинул фронт, сдав командование генералу М.В. Алексееву. В 1915 г. по личному решению Николая II вернулся на высший командный пост. С 30 июня — командующий 6-й армией, с 18 августа 1915 г. — Главнокомандующий армиями Северного фронта. В декабре 1915 г. Рузский заболел и сдал командование фронтом. 1 августа 1916 г. вернулся на должность Главнокомандующего армиями Северного фронта.

Н.В. Рузскому было суждено 2 марта 1917 г. в Пскове вести переговоры с Николаев II об отречении. Есть сведения, что он оказывал на него давление.

25 апреля 1917 г. генерал от инфантерии Н. В. Рузский уволен, за болезнью, от должности Главнокомандующего армиями Северного фронта.

19 октября 1918 г. был убит на кладбище в Пятигорске в составе группы заложников кинжалом лично чекистом Г.А. Атарбековым.

[155] Катков Г.М. Февральская революция. – Paris, YMCA-PRESS, 1984. – С. 340.

[156] Катков Г.М. Указ. соч. – С. 392.

[157] Катков Г.М. Указ. соч. – С. 394.

[158] Катков Г.М. Указ. соч. – С. 395.

[159] Катков Г.М. Указ. соч. – С. 399–400.

[160] **Минц, Исаак Израилевич** (1896–1991) – советский историк, академик АН СССР. В годы Гражданской войны – на политической работе в Красной Армии. В 1926 г. окончил институт красной профессуры в Москве, заведующий кафедрами истории СССР в МИФЛИ и МГУ (1932–49), в Высшей партийной школе при ЦК КПСС (1937–49), профессор Академии общественных наук (1947–1950), заведующий кафедрой истории СССР Московского педагогического института им В.И. Ленина (1950-1972), старший научный сотрудник института истории СССР АН СССР (с 1954).

[161] Минц И.И. История Великого Октября. Том первый. Свержение самодержавия. М.: «Наука», 1977.

[162] Минц И.И. Указ. соч. – С. 528.

[163] Минц И.И. Указ. соч.– С. 528–529.

[164] Там же.

[165] Минц И.И. Указ. соч. – С. 529–530.

[166] **Пайпс, Ричард** (Richard Edgar Pipes, 1923, Польша – 2018, Кембридж, США) — американский ученый, доктор философии по истории, профессор по русской истории Гарвардского университета с 1958 по 1996 гг., с 1996 г. — почетный профессор. В 1968—1973 гг. директор Исследовательского Центра по изучению России при Гарвардском университете, в 1973–1978 гг. — главный научный консультант Института по исследованию России при Стэнфордском университете.

[167] Пайпс Р. Русская революция. Часть первая. Авторизированный перевод с английского М.Д. Тименчика. М., РОССПЭН, 1994. – С. 340.

[168] Пайпс Р. Указ. соч. – С. 342–343.

[169] Фраза В.Д. Набокова.

[170] Пайпс Р. Указ. соч. – С. 343.

[171] Пайпс Р. Указ. соч. – С. 344.

[172] Пайпс Р. Указ. соч. – С. 347.

[173] Петрова Е.Е., Битюков К.О. Великокняжеская оппозиция в России 1915–1917 гг. Монография. Санкт-Петербург: Астерион, 2009.

[174] Петрова Е.Е., Битюков К.О. Указ. соч. – С. 61.

[175] Петрова Е.Е., Битюков К.О. – Там же.

[176] Петрова Е.Е., Битюков К.О. – Там же.

[177] **Чавчавадзе, Давид Павлович** (1924–2014) – потомок известного грузинского дворянского рода и российской императорской семьи. Родился в Лондоне, в 1927 г. семья переехала в США. С 1943 г.– служба в армии США, во время Второй мировой войны служил в войсках связи ВВС США по ленд-лизу в СССР. Окончил Йельский университет.Более двух десятилетий – офицер ЦРУ в отделе Советского Союза.С выходом на пенсию (1974) изучал историю дворянства царской России, автор нескольких трудов и переводов.

[178] Чавчавадзе Д.П. Михаил и Наталья. / Князь Давид Чавчавадзе. Пер. с англ. Г. Авдониной // Романовы. Подвиг во имя любви. / Сост. В.П. Долматов, Л.А. Лыкова. – М.: «Достоинство», 2010. – С. 111–126.

[179] Чавчавадзе Д.П. Указ. соч. – С. 111.

[180] Чавчавадзе Д.П. Указ. соч. – С. 112–113.

[181] Чавчавадзе Д.П. – Там же.

[182] Чавчавадзе Д.П. Указ. соч. – С. 114.

[183] Чавчавадзе Д.П. Указ. соч. – С. 120.

[184] Чавчавадзе Д.П. Указ. соч. – С. 121.

[185] Чавчавадзе Д.П. Указ. соч.– С. 121–122.

[186] Чавчавадзе Д.П. – Там же.

[187] Чавчавадзе Д.П. – Там же.

[188] **Закатов, Александр Николаевич** – российский историк, общественный деятель, потомок старинных священнических родов Закатовых и Страховых. Окончил Московский историко-архивный институт РГГУ (1995), защитил кандидатскую диссертацию (1999). С 2001 г. на преподавательской работе. С 1987 г. – участник монархического легитимистского движения, с 1997 г. – личный секретарь Российского Императорского Дома, затем директор Канцелярии (2002).

[189] Закатов А.Н. Император Кирилл I в февральские дни 1917 года. М.,: Новый Век, 1998. – С. 28.

У М. Палеолога далее следует: «И поэтому она всегда стремится выступать в видных ролях, что упускает делать императрица». (Палеолог М. Царская Россия накануне революции. М., 1991. – С. 125). – Л.П.

[190] Закатов А.Н. – Там же.

[191] Закатов А.Н. Указ. соч. – С. 52.

[192] Закатов А.Н. Указ. соч. – С. 74.

[193] Закатов А.Н. Указ. соч. – С. 77.

[194] Закатов А.Н. Указ. соч. – С. 78.

[195] Закатов А.Н. Указ. соч. – С. 79.

[196] **Касвинов, Марк Константинович** (1910–1974) – советский журналист, историк. Участник ВОВ. В 1945–1947 служил в Германии, Австрии, редактировал в Вене газету советских оккупационных войск «Остеррайхишецайтунг». С 1947 года работал на радио, в отделе вещания на немецкоязычные страны. В 1972–1974 гг. опубликовал в ленинградском журнале «Звезда» свой опус «Двадцать три ступени вниз» (изданный в 1989 г.массовым тиражом), для которого собирал материалы с конца 1960-х гг.

[197] Касвинов М.К. Двадцать три ступени вниз. М., «Мысль», 1982. – С. 334.

[198] Касвинов М.К. Указ. соч. – С. 345.

[199] **Платонов, Олег Анатольевич** (1950 г. р.) – российский экономист, писатель и демограф. Директор общественной организации «Институт русской цивилизации», доктор экономических наук, известен также как националистический публицист и общественный деятель.

[200] Платонов О.А. Убийство царской семьи. – М.: Сов. Россия, 1991. – С. 4.

[201] **Аликина, Надежда Алексеевна** – историк-архивист, известный краевед и общественный деятель Прикамья, заслуженный работник культуры РФ. Более тридцати лет проработала в партийном архиве Пермской области, активно участвовала в издательской работе, была автором, составителем, редактором или членом редколлегии десятков сборников. Автор более сотни научных статей.

[202] Аликина Н.А. Дон Кихот пролетарской революции: Документальная повесть о том, как мотовилихинский рабочий Гавриил Мясников боролся с ЦК РКП(б) за свободу слова и печати (1920–1922 годы). – Пермь, Изд-во «Пушка», 2006.

[203] Аликина Н.А. Указ. соч. – С. 19–20.

[204] Аликина Н.А. – Там же.

[205] См.: Кроуфорд Р. Михаил и Наталья. Жизнь и любовь / Розмари Кроуфорд, Дональд Кроуфорд. – С. 222–223.

[206] Аликина Н.А. Указ. соч. – С. 20–21.

[207] Аликина Н.А. Указ. соч. – С. 21–22.

[208] Аликина Н.А. Указ. соч. – С. 23.

[209] Князь Сергей Голицин в книге «Записки уцелевшего (М.: Изд-во «Орбита», 1990) пишет о своем деде Михаиле Голицине, который с группой офицеров неудачно пытался спасти царя и его семью, создав в Москве тайное общество «Союз защиты Родины и свободы». По всей вероятности, офицер, которого допрашивал Мясников, принадлежал к этой группе. По другим источникам известно, что в это время в Перми в подворье Белогорского монастыря проживали белые офицеры. – Н. А.

[210] Аликина Н.А. Указ. соч. – С. 24.

[211] Аликина Н.А. Указ. соч. – С. 28.

[212] **Туркин, Михаил Павлович** (1887–1947) – революционер, партийный и советский деятель.

После окончания двухклассного училища устроился работать в заводскую канцелярию, позже перешел в цех – учеником слесаря. Вокруг Туркина сложился кружок молодых рабочих. В 1903 г. участвовал в забастовке на Мотовилихинском заводе. Туркин и несколько его товарищей были арестованы. В октябре 1904 г. был выпущен на свободу и вернулся к распространению листовок. М.П. Туркин был вновь арестован, освобожден в числе других политических 18 октября 1905 г. Вошел в состав Пермского комитета РСДРП, поддерживал постоянную связь с Мотовилихинским заводом. Во время Декабрьского вооруженного восстания был в десятке Андрея Юрша. В 20-х числах января 1906 г. в Пермь для восстановления организации в Пермь прибыл Я. М. Свердлов, в гостинице встречался с Туркиным. 10 июня революционеры были арестова-

ны. В октябре Туркин был переведен из губернской тюрьмы в Николаевские арестантские роты в Верхотурском уезде. 20–23 сентября 1907 г. состоялся суд по делу Пермского комитета РСДРП, по приговору которого Туркин получил один год крепости с последующей высылкой. 31 октября Михаил вновь был арестован во время встречи с бежавшим из ссылки революционером С. Завьяловым. В октябре 1908 он был отправлен в ссылку на Ангару. Летом 1910 г. бежал сначала в Пермь, затем – в Лондон.

В 1914 г. переехал в Цюрих. После Февральской революции вернулся в Россию. Принимал участие во II Всероссийском съезде Советов, затем приехал в Пермь, был избран ответственным секретарем Мотовилихинского исполнительного комитета и членом Мотовилихинского райкома РКП(б). С мая по июль 1918 г. работал председателем городского продовольственного отряда, затем – заместителем Мотовилихинского исполкома, в октябре был избран членом Пермского горисполкома. В декабре перед вступлением в Пермь колчаковцев уехал в Вятку, где до марта работал в Особой комиссии Вятского военно-революционного комитета. В июле вернулся в Пермь, где был назначен секретарем Мотовилихинского военно-революционного комитета.

В феврале 1920 г. Туркин был избран секретарем Пермского губкома РКП(б), затем отделом агитации и пропаганды губкома и заведующим отделом субботников. В 1923 г. стал редактором газеты «Звезда». Принимал участие в работе истпарта, комиссии для сбора и изучения материалов по истории Октябрьской революции и истории Российской Коммунистической партии. При его участии были изданы два сборника документов и статей «Борьба за власть». В 1925 г. стал заведующим истпартом Уральского обкома РКП(б) и переехал в Свердловск. У Туркина начал развиваться туберкулез, и в 1928 г. он вышел на пенсию.

[213] **Мощанский, Александр Борисович** – полковник полиции в отставке (г. Пермь).

[214] **Зенкова Нелля Александровна** – историк, директор книжного издательства «Пушка» (г. Пермь).

[215] Зенкова Н.А., Мощанский А.Б. Михаил II – император Российской империи (1917–1918 гг.): документы о статусе Михаила Александровича Романова // Ноябрьские историко-архивные чтения – 2016 г.: Материалы научной конференции «Российская Империя накануне революционных потрясений: К 100-летию Русской революции 1917 г.» (ПермГАСПИ. 16–17 ноября 2016 г.) Сборник / Под ред. С.В. Неганова. – Пермь: Изд-во Пушка, 2017. – С. 323–332.

[216] Зенкова Н.А., Мощанский А.Б. Указ. соч. – С. 327.

[217] Зенкова Н.А., Мощанский А.Б. Указ. соч. – Там же.

[218] Зенкова Н.А., Мощанский А.Б. Указ. соч. – С. 328.

[219] Зенкова Н.А., Мощанский А.Б. Указ. соч. – С. 331.

[220] **Опрышко, Олег Леонидович**–уроженец Кабардино-Балкарии. Окончил Московский государственный историко-архивный институт, засл. работник культуры Кабардино-Балкарской Республики, член-кор. Адыгской (Черкесской) Международной академии наук.

[221] Опрышко О.Л. Кавказская конная дивизия. 1914–1917. Возвращение из небытия. Нальчик: «Эль-Фа», 2007.

[222] Очерк Арсеньева А.А. «Кавказская туземная конная дивизия» опубликован в 1958 году парижским эмигрантским журналом «Военно-исторический вестник».

[223] Опрышко О.Л. Указ. соч. – С. 145.

[224] Опрышко О.Л. Указ. соч. – С. 240.

[225] Хрусталев В.М. Первая мировая. Во главе «Дикой дивизии». Записки Великого Князя Михаила Романова / В.М. Хрусталев. – М.: АСТ, 2014.

[226] **Каменский, Алексей Николаевич** принадлежит к древнему боярскому роду, предки имели графский титул. Родился в 1953 г. в Москве, детство провел в Бельгии. Около 25 лет работал реставратором в Московской Патриархии, с сер. 1990-х гг. занимается общественной работой – посол по особым поручениям Российского Дворянского собрания (1995–1998), Президент Московского Аристократического Клуба.

[227] Каменский А.Н. Император Михаил II. От Петербурга до Харбина / Граф А.Н. Каменский. Пермь – Москва, 1994–2005 г.

[228] Каменский А.Н. Указ. соч. – С. 19.

[229] Каменский А.Н. Указ. соч. – С. 20.

[230] Каменский А.Н.Указ. соч.– С. 23.

[231] Каменский А.Н.Указ. соч. – Там же.

[232] Каменский А.Н.Указ. соч. – С. 23–24.

[233] Каменский А.Н.Указ. соч. – С. 25.

[234] Каменский А.Н.Указ. соч. – С. 28.

[235] Каменский А.Н.Указ. соч. – С. 28–29.

[236] Каменский А.Н.Указ. соч. – С. 18.

[237] **Чернышова-Мельник, Наталия Дмитриевна** – журналист, редактор и литературный переводчик из Санкт-Петербурга, канд. филолог. наук, дважды приезжала в Пермь на мероприятия «Романовских дней». Ее основные труды о вел. кн. Михаиле Александровиче относятся к жанру исторической литературы, но ряд статей в периодических изданиях является публицистикой.

[238] Чернышова-Мельник Н.Д. Миллионная улица, дом № 12 / Адреса Петербурга, № 44/58/2012. – С. 56–59.

[239] Приведенные выдержки из воспоминаний М.Ф. Потапова ранее были опубликованы в сборнике «Скорбный путь Михаила Романова: От престола до Голгофы: Документы, материалы следствия, дневники, воспоминания» / Сост. В.М. Хрусталев, Л.А. Лыкова. – Пермь: Изд-во «Пушка», 1996.

[240] **Борчанинов, Александр Лукич** (1883–1932) – российский революционер, советский государственный и партийный деятель. Уроженец Оханского уезда Пермской губернии. В 1891–1897 гг. учился в Пермском техническом, а затем в Уфимском землемерном училищах. По их окончании работал на Пермском пушечном заводе слесарем-металлистом и токарем. С 1901 г. – участник революционного движения. В 1903 г. вступил в РСДРП(б), входил в Пермский и Мотовилихинский комитеты партии, был одним из руководителей Декабрьского вооруженного восстания в Мотовилихе 1905 года. В 1906–1917 гг. отбывал каторгу и ссылку в Сибири. В июне 1917 г. был утвержден председателем Мотовилихинского совета РСДРП(б). Делегат II Всероссийского съезда Советов и VI съезда РСДРП(б), участвовал в Октябрьской революции в Петрограде. В 1918 г. председатель Пермского городского Совета. Участник гражданской войны. Участвовал в подавлении Дутовского мятежа, целого ряда крестьянских восстаний, в борьбе с белочехами. В 1921 г. председатель Пермской губчека, а позднее – начальник ГПУ. В дальнейшем на хозяйственной, партийной и советской работе. Умер в 1932 г. от сердечного приступа.

[241] **Краснов, Владислав Георгиевич** – американский общественный деятель, ученый. Родился в Перми, окончил истфак МГУ. В 1960-е гг. выехал за границу (невозвращенец), защитил докторскую диссертацию. Бывший профессор Монтерейского института международных исследований в Калифорнии. В настоящее время председатель общества российско-американской дружбы (RAGA) в Вашингтоне.

[242] Краснов В.Г. Пермский крест: Михаил Романов / Сборник статей Владислава Краснова 2006–2011. – М., «Домодедовская типография», 2011.

[243] Краснов В.Г. Указ. соч. – С. 8.

[244] Краснов В.Г. Указ. соч. – С. 9.

[245] Краснов В.Г. Указ. соч. – Там же.
[246] Краснов В.Г. Указ. соч.– С. 27.
[247] Краснов В.Г. Указ. соч. – С. 43.
[248] Краснов В.Г. Указ. соч. – С. 110.
[249] Краснов В.Г. Указ. соч. – С. 111.
[250] Краснов В.Г. Указ. соч. – С. 123.
[251] Краснов В.Г. Указ. соч.– С. 129.
[252] **Тупицын, Сергей Анатольевич**– тележурналист. Окончил исторический факультет ПГУ, старший редактор неоперативных телепередач ГТРК «Пермь», лауреат всероссийских и международных конкурсов и фестивалей, заслуженный работник культуры РФ.
[253] Тупицын С.А. Два Михаила – начало и конец династии // Уральская Голгофа. Материалы краеведческих слушаний по теме «Михаил II – конец династии Романовых». Выпуск 1. – ИД «Пермские новости». Пермь. 2006. – С. 56.
[254] Из анонса фильма.
[255] **Гладышев, Владимир Федорович** – журналист, краевед, автор книг и многочисленных публикаций об истории Пермского края. Окончил факультет журналистики УрГУ (1979), член Союза журналистов (1980), председатель Пермского общества краеведов (2004), член Союза писателей России (2008).
[256] Гладышев В.Ф. По царскому следу. Династия Романовых и Прикамье / В.Ф. Гладышев. – Пермь: ООО «Пермское книжное издательство», 2015.
[257] Гладышев В.Ф. Указ. соч. – С. 3.
[258] Гладышев В.Ф. Указ. соч. – С. 4.
[259] Гладышев В.Ф. Указ. соч. – С. 4–5.
[260] Гладышев В.Ф. Указ. соч. – С. 9.
[261] Гладышев В.Ф. Указ. соч. – С. 7.
[262] Гладышев В.Ф. Указ. соч. – С. 74.
[263] Гладышев В.Ф. Указ. соч. – С. 81.
[264] Гладышев В.Ф. Указ. соч. – С. 109.
[265] Гладышев В.Ф. Указ. соч. – С. 186–187.
[266] Гладышев В.Ф. Указ. соч. – С. 110–111.
[267] **Ливцов, Виктор Анатольевич** – заместитель директора Среднерусского института управления – филиала РАНХиГС, доктор исторических наук, профессоркафедры истории и международных отношений / главный научный сотрудник, краевед,председатель Орловского областногоотделения Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры.
[268] Фефелов С.В., Ливцов В.А., Абакумов С.Н. и др. Почетный гражданин города Орла Великий Князь Михаил Александрович Романов. Орел: Издательский Дом «ОРЛИК», 2016.
[269] **Брянская область** была образована Указом Президиума Верховного Совета СССР от 5 июля 1944 г. из городов и районов Орловской области, располагавшихся приблизительно в границах существовавшей ранее Брянской губернии.
[270] Фефелов С.В., Ливцов В.А., Абакумов С.Н. и др. Указ. соч. – С. 27.
[271] Фефелов С.В., Ливцов В.А., Абакумов С.Н. и др. Указ. соч. – С. 29.
[272] Фефелов С.В., Ливцов В.А., Абакумов С.Н. и др. Указ. соч. – С. 32–33.
[273] Там же.
[274] Тупицын С.А. Два Михаила – начало и конец династии // Уральская Голгофа. / Материалы краеведческих слушаний по теме «Михаил II конец династии Романовых». Выпуск 1. Пермь, ИД «Пермские новости», 2006. – С. 56.
[275] Тупицын С.А. Указ. соч. – Там же.

Заключение

Образ Великого Князя Михаила Александровича – младшего сына императора Александра III – в отечественной исторической традиции сложился неопределенный, аморфный и неоднозначный. Он унаследовал от отца физические данные, многие черты характера, средние способности. Будучи любимым ребенком в семье, он позволял себе шалости, недопустимые для других детей, оставаясь при этом веселым, живым, добродушным, искренним и доверчивым мальчиком. Михаил, как и все августейшие дети, воспитывался в ограниченном пространстве царского дворца и. как следствие, не знал реальной жизни. Будучи представителем высшей аристократии, он получил хорошее домашнее образование и военную подготовку, но этого было недостаточно, чтобы занять какой-либо высокий пост в государственном аппарате или в армии. Следует отметить, что в начале XX века Романовы важные должности уже не занимали. От отца Михаил унаследовал жизненные идеалы спокойной уединенной частной жизни, к которой стремился всю жизнь, а государственными делами почти не интересовался.

Однако причина того, что Михаил Александрович оказался неприобщенным к государственным делам, кроется не только в его личных склонностях, но и являлась следствием воспитания. Он был третьим[1] сыном императора Александра III, поэтому казалось, что перспектив ему занять престол не было никаких. Такую мысль Михаилу, вероятно, внушали с детства, и к роли государя не готовили. Николай также считал, что Михаил не способен управлять государством. Более того, вплоть до 1917 г. Николай II и Александра Федоровна были одержимы целью передать трон своему сыну цесаревичу Алексею.

События русско-японской войны (1904–1905 гг.) и первой русской революции (1905–1907 гг.) также не

[1] Второй сын императора Александра III Александр Александрович (1869–1870), умерший в младенчестве, обычно в исследованиях не упоминается.

интересовали Михаила Александровича. Он был занят устройством личной жизни. Эти попытки закончились морганатическим браком с дважды разведенной Наталией Вульферт, что вызвало большой скандал в Доме Романовых и российском обществе. Известие о его браке быстро разнеслось и по европейским столицам. Романовы пытались скрыть сообщения о женитьбе Михаила, что лишь породило больше сплетен, слухов и всевозможных толков. Его «безрассудный поступок», естественно, сказался и на военной карьере. Михаил и Наталия стали изгоями общества. Над ним как личностью и над его имуществом была наложена опека, также был введен запрет на въезд в Российскую империю. А опека назначается, как известно, в том случае, если человек не может отвечать за свои поступки (то есть физическая немощность или психическое расстройство). Так было оценено его решение заключить морганатический брак.

К началу Великой войны за Михаилом Александровичем в придворном обществе, в том числе и среди Романовых, утвердилось мнение, что он не склонен к политической и государственной деятельности, легко попадает под чужое влияние, а своим морганатическим браком исключил себя из вероятного первого наследника престола. Среди широкой российской общественности и даже среди высшего военного начальства он был почти не известен.

Михаил вернулся в Россию в августе 1914 г. с желанием пойти на фронт, при этом опека, как над его имуществом, так и над ним самим, сохранялась еще более года. В должности начальника Кавказской туземной конной дивизии Михаил проявил личное мужество, отвагу и качества хорошего командира. Великий Князь вошел в военную элиту Российской империи, нормализовал отношения с родственниками. Однако его известность не распространялась далее узкого круга генералитета, а такая боевая единица, как иррегулярная конная дивизия, а затем и конный корпус, не могли играть существенной роли на фронте. Сложившаяся карьера была бы превосходна для обычного офицера, но

не для возможного первого наследника царского престола. Кроме того, по своему характеру он не был склонен к публичности и не имел амбиций государя. Однако Михаил был преисполнен патриотических чувств и всегда был готов честно служить «Царю и Отечеству». Великий Князь был тонкой восприимчивой натурой, он глубоко переживал страдания людей на театре боевых действий. Неурядицы в личной жизни, а также потрясения, пережитые на фронте, сказались на состоянии его здоровья. Он прекрасно осознавал, что его военная служба ничего не изменит ни в ходе войны, ни тем более в политической обстановке в стране. В 1916 г. у него ухудшилось состояние здоровья, и все более и более проявлялась депрессия. Он по собственной инициативе и настоянию супруги упросил Николая II дать ему должность нестроевой службы.

Итак, в решающий момент для российской монархии роль Великого Князя Михаила Александровича зависела от совокупности взглядов тех политических и военных деятелей, которые определяли ход истории. В придворных кругах и среди Романовых его считали несерьезным человеком для роли монарха, находящимся под сильным влиянием супруги, «известной своими политическими интригами». И в этой связи он не рассматривался даже как регент несовершеннолетнему цесаревичу Алексею. Тем более что на него накладывалась опека, что само по себе исключало его как претендента на престол. Думские же либералы, решившись на переворот, видели в лице Михаила Александровича регента. Это соответствовало закону о престолонаследии, и, кроме того, он разделял многие их инициативы. «Слабый» регент, по их мнению, позволил бы им провести конституционные реформы. Однако их поддержка оказывалась до тех пор, пока Романовы сохраняли власть в своих руках. Решение же Николая II передать престол непосредственно Михаилу не было принято политической элитой общества. И хотя Михаил Александрович выполнил все требования оппозиции, монархия на тот момент фактически была уже низложена. В критический момент истории россий-

ской монархии он психологически не был готов взять верховную власть и не имел такой возможности. Не мог он и сформировать свое правительство.

Отзывы о Михаиле Романове последнего периода его жизни противоречивы. Большевистская власть рассматривала «бывшего великого князя» как «халифа на час». По ее мнению, Михаил мог возглавить контрреволюцию, что подтверждалось дезинформацией в СМИ. В этой связи, согласно логике развития революции, Романовы, как непримиримые классовые враги, должны были быть уничтожены. Михаил Александрович стал первой жертвой большевистского террора в отношении Царствовавшего Дома.

В мемуарной и историографической литературе можно выделить следующие лики его образа.

1. Воспоминания близких ему людей создают образ доброго, честного, скромного, отзывчивого человека веселого нрава, отважного воина, который мог бы быть прекрасным правителем в «устоявшемся государстве». Однако отметим, что в условиях «устоявшегося государства» ему бы никогда не передали власть. Николай II отрекся от власти в условиях сложившихся исключительных форс-мажорных обстоятельствах. Многие отмечают мягкость характера, женские черты Михаила, что не совместимо с ролью сильного монарха.

2. В литературе, посвященной событиям Февральской революции, Михаил Александрович предстает совершенно беспомощным человеком, на долю которого неожиданно свалилась верховная власть. Им манипулируют лидеры различных политических партий и на него возлагают всю ответственность за крушение монархии.

3. Генералитет императорской армии, осознав неизбежность дворцового переворота, выступил за передачу престола законному наследнику Алексею Николаевичу при регентстве Михаила Александровича. Однако великого князя, как монарха, генералитет в критический момент не поддержал, потому что он не имел качества монарха.

4. Лидеров Прогрессивного блока Государственной думы из прагматических соображений, напротив, привлекали как раз слабые стороны личности великого князя. Малолетний больной император и слабовольный регент позволил бы им осуществлять реальное управление государством.

5. Авторы воспоминаний, придерживающиеся нейтральных политических взглядов, упрекают как Николая II, так и, особенно, Михаила Александровича в безответственных решениях. Они оба, по их мнению, самоустранились от государственного управления и были обеспокоены судьбами своих собственных семей. Крушение монархии, считали они, произошло именно с Актом отложенного права Михаила Александровича.

6. В лагере победивших социал-демократов рисуется образ Михаила Александровича как истинного гвардейца, «знамени контрреволюции» и, в то же время, абсолютного ничтожества, которое необходимо ликвидировать. Великий князь в их глазах предстает грозным и опасным врагом революции, но ничтожной личностью.

7. После Февральской революции 1917 года на основе дезинформации, помещенной в СМИ, формируется образ Михаила Александровича как контрреволюционера, а в 1918–1919 годах возникает легенда о его чудесном спасении, которая жива и по сей день. Эта легенда породила ряд Лже-Михаилов.

Краткий обзор историографических трудов за 100-летний период, посвященных Михаилу Александровичу или в которых ему уделяется внимание в контексте исторического исследования эпохи, позволяет убедиться, что была проделана большая работа. Описаны биография великого князя, особенности его характера, жизненные приоритеты. Однако результат того или иного исследования очень сильно зависел от политических пристрастий автора.

Обращает на себя внимание, что исследователи в значительной мере используют воспоминания участников или свидетелей событий, которые, безусловно, отмечены фактором субъективного восприятия. Архивные ис-

точники, введенные ныне в научный оборот, фондов российских хранилищ были сформированы в довоенный период, когда существовала жесткая идеологическая установка. В этой связи, безусловно, в отборе документов присутствует заложенная ранее тенденциозность.

Подводя итоги обзора публицистики, можно сказать, что авторы, сосредотачивая внимание на какой-либо гипотезе, идее или собственном взгляде, не достаточно учитывают сложность и многообразие исторического процесса революционной эпохи. Михаил Александрович преподносится публицистами как значительная историческая фигура, а его манифест – важное событие. К источникам публицисты проявляют некритичное отношение, в результате чего нередко исследование перерастает в сочинительство. Анализ публицистики показывает, что авторы большое внимание уделяют вопросу выяснения обстоятельств гибели Михаила Александровича, что тесно увязывается с многолетними попытками обретения его останков. Автор настоящего исследования также принимает участие в работе экспедиций.

Результаты дискурсов позволяют выделить основные черты исторического портрета Михаила Александровича, которые в том или ином виде многократно повторяются. Прежде всего, это приоритет частной, спокойно семейной жизни, сочетающийся с патриотической настроенностью, нежелание занимать важные военные должности, отсутствие особого интереса к государственным делам, незнание реальной жизни (и поэтому часто оказывающийся под влиянием сильных личностей), доверчивость и такие прекрасные человеческие качества как доброта, отзывчивость, искренность, готовность помочь ближнему. Этот образ и можно определить как наиболее объективный. Однако есть и крайние характеристики: «глупец», «не в своем уме», «знамя контрреволюции» и спаситель Отечества (после чудесного спасения). Подобные отзывы, основанные на ложной, сфабрикованной информации появлялись из соображений политической конъюнктуры или как следствие, в условиях форс-мажорных обстоятельств. Однако подоб-

ным крайним оценкам в определенной степени давал повод сам Михаил. Особенности его натуры, такие как легкость, непосредственность, доверчивость в общении с окружающими людьми в сочетании с незнанием реальной жизни и самоуверенностью, неизбежно приводили к легкомыслию и легковерию. А эти качества уже предполагали поступки, которые могли быть расценены обществом как неадекватные. И подобные поступки им совершались, вызывая всевозможные слухи, сплетни и толки. Тайно заключив морганатический брак вопреки воле государя Михаил, нарушив тем самым принятые «традиции семьи» и обещание императору не жениться, получил опеку как недееспособный или психически ненормальный человек.

Иной случай мы имеем с обвинением Михаила Александровича в контрреволюционной деятельности. Уже Временное правительство объявило его лицом, «деятельность которого представляется особо угрожающей обороне Государства, внутренней безопасности и завоеванной Революцией Свободе...», а большевистская власть его просто уничтожила. Хотя никакой контрреволюционной деятельностью он не занимался. Статус Великого Князя, которому была передана верховная власть, предполагал отнесение его в лагерь контрреволюционеров.

В 1981 г. Русская Православная Церковь за рубежом причислила Великого Князя Михаила Александровича, как и Царскую семью, и Елизавету Федоровну, к лику Новомучеников и Исповедников Российских[2].

Согласно резолюции Романовской конференции в Перми 2007 г. было составлено обращение к прокурору Пермского края с просьбой дать официальную оценку событиям, связанным с расстрелом Михаила Романова, и помочь в поисках его останков. Это письмо затем было направлено в Генеральную прокуратуру Российской Федерации. К открытию следующей конференции 2008 г. (т.е. к 90-летию гибели) пришло сообщение о

[2] Новомученики и Исповедники Российские (список утвержден Архиерейским Собором РПЦЗ в 1981 г.) [Электронный ресурс]. URL: http://st-rexnikolas.narod.ru/novomucheniki/spisok.

политической реабилитации Великого Князя Михаила Александровича Романова. С 2016 г. поиск останков осуществляется в рамках уголовного дела убийства царской семьи (о гибели членов Российского Императорского Дома на Урале и Петрограде в 1918–1919 гг.) Центральным аппаратом Следственного комитета Российской Федерации.

Интерес к личности Великого Князя Михаила Александровича в обществе и среди ученых в постсоветский период возрастает. Разработан проект и начаты работы по воссозданию в Гатчинском дворце мемориальных комнат. (Дома, в которых жил Михаил Романов с семьей в годы войны на ул. Николаевской, 24 и Багговутовской, 65, не сохранились). В действующей музейной экспозиции ГМЗ «Гатчина» представлены многочисленные фотографии, коллекция холодного оружия, конная упряжь. Отдельно демонстрируются личные предметы Михаила Александровича, вывезенные в свое время Н.С. Брасовой за границу и переданные музею позднее ее внучкой Паулиной Грей. В неизменном виде дошел до наших дней дворец великого князя на Английской набережной, 54 в Санкт-Петербурге.

В Перми, на здании бывшей гостиницы «Королевские номера», последнем месте жительства Великого Князя, установлена мемориальная доска, обсуждается проект устройства там мемориальных комнат. В районе предполагаемого места гибели сооружена часовня в честь Михаила Тверского, небесного покровителя Михаила Романова, и установлен большой (Царский) металлический крест. В настоящее время разработан проект установки бюста Михаила Александровича в сквере Решетникова недалеко от «Королевских номеров». О Михаиле Александровиче также снято несколько документальных фильмов. Образ великого князя, как канонизированного Новомученика Русской Православной Церковью за рубежом, отражен в иконописи. В 2016 г. по инициативе Императорского Православного Палестинского общества в городе Орле перед историческим зданием бывшего штаба 17-го гусарского Черни-

говского полка также был воздвигнут бюст Михаила Романова.

Важнейшими мероприятиями «Романовских дней в Перми», которые организовывались Пермским краевым отделением Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры с 2006 по 2015 гг. (руководитель проекта, председатель регионального отделения Л.В. Перескоков), являлись научно-практические конференции, основной целью которых было исследование жизненного пути Великого Князя Михаила Александровича и обстоятельств его гибели. В 2006 г. в помещении ПермГАНИ прошли первые краеведческие слушания по теме: «Михаил II – конец династии Романовых»[3]. С 2007 г. эти мероприятия получили уже формат действительных научно-практических конференций с международным участием. В последующие годы конференции проходили по темам: «Первый гражданин России»[4] (2007 г.), «Урок истории: Дом Романовых»[5] (2008 г.).

Традиционно на конференциях рассматривались не только собственно исторические вопросы, но эпоха последнего российского императора Николая II в широком аспекте. Так IV научно-практическая конференция именовалась: «Эпоха Николая II: политика, экономика, культура»[6]. В рамках мероприятий 2010 г. прошла V международная научно-практическая конференция по теме: «Русская цивилизация: эпоха конца и вновь начала»[7].

---

[3] Уральская Голгофа. Материалы краеведческих слушаний по теме «Михаил II – конец династии Романовых». Выпуск 1. Пермь, ИД «Пермские новости», 2006.

[4] Уральская Голгофа. Материалы II международной научно-практической конференции «Первый гражданин России», посвященной памяти Великого Князя Михаила Александровича. Выпуск 2. Пермь, 2007.

[5] Уральская Голгофа. Материалы III международной научно-практической конференции «Урок истории: Дом Романовых», посвященной 90-летию трагической гибели Михаила Александровича в Перми, Царской Семьи в Екатеринбурге и Великих Князей в Алапаевске. Выпуск 3. Пермь, 2008.

[6] Уральская Голгофа. Материалы IV международной научно-практической конференции «Эпоха Николая II: политика, экономика, культура». Город Пермь, 10–11 июня 2009 года. Выпуск 4. Пермь, 2009.

[7] Уральская Голгофа. Материалы V международной научно-практической конференции «Русская цивилизация: эпоха конца и вновь начала» Город Пермь, 10–11 июня 2010 года Выпуск 5. Пермь, 2010.

Всего было проведено десять конференций. Материалы первых пяти конференций изданы отдельными сборниками в одной серии «Уральская Голгофа» (составитель Л.В. Перескоков, редактор В.С. Колбас). За эти годы с докладами выступили историки, культурологи, исследователи не только Перми и Пермского края, но и многих регионов России, Москвы, Санкт-Петербурга, а также доктор философии В.Г. Краснов из США, исследователь из Великобритании Д. Кроуфорд и пермский исследователь К.М. Соболева, длительное время прошивавшая в США.

В выступлениях участников конференций в Перми (2006–2015 гг.) дополнялись штрихи к сложившемуся портрету Великого Князя Михаила Александровича, более подробно раскрывался контекст исторических событий эпохи, ситуации на Урале, выяснялись некоторые обстоятельства его гибели.

После 2015 г. и по сей день в Перми продолжаются конференции, однако уже в другом формате. Так, в рамках ежегодных «Ноябрьских историко-архивных чтений в Пермском партархиве», организуемых Пермским государственным архивом социально-политической истории (директор С.В. Неганов), затрагивается романовская тематика, если она укладывается в общую заявленную тему конференции.

С 2019 г. начали проходить Пермские научно-образовательные чтения «История императорского Дома Романовых». Организаторы – Фонд содействия возрождению традиций милосердия и благотворительности «Елизаветинско-Сергиевское просветительской общество» (председатель наблюдательного совета А.В. Громова), Пермский государственный архив социально-политической истории при поддержке Администрации губернатора Пермского края и Правительства Пермского края. Некоторые материалы прошедших конференций в период 2016–2020 гг. также использованы в настоящем исследовании.

Таковы основные черты исторической памяти Великого Князя Михаила Александровича.

Исследования и поиски продолжаются, в результате чего, возможно, появятся новые документы и сведения, которые дополнят сложившийся в исторической традиции портрет формально последнего российского императора.

Постскриптум.
Взгляд через столетие

Манифестом Николая II от 2 марта 1917 г. Михаилу Александровичу был передан престол государства Российского. Он оказался де-юре последним держателем верховной власти российской империи. Короткий эпизод его отказа от принятия престола стал ключевым событием великой драмы падения российской монархии. Следовательно, чтобы в полной мере осознать, в какой ситуации оказался Михаил Александрович и его роль в эти мятежные дни, необходимо воссозданный настоящим исследованием образ Великого Князя включить в контекст исторических событий Великой русской революции 1917 года.

3 марта 1917 г., когда в Петрограде буржуазная революция уже победила, Михаил Александрович узнает, что ему Николай II передал престол Российской империи. Ситуация в стране на тот момент сложилась просто катастрофическая: безудержный разгул революции, полиция была бессильна, армия не поддерживала монархию, правительство уже сменилось и отказывалось принять власть преемника престола, реальная сила была в руках Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов. Спасти державу от катастрофы мог бы мудрый, сильный и авторитетный политик при поддержке армии, но такого у монархии не было. Михаил же Александрович не был способен исполнить эту роль. Его положение оказалось безвыходным. Что мог сделать он в такой ситуации? Он мог сделать только то, что сделал. Разделяя идею конституционной монархии и полагаясь на лидеров Февраль-

ской революции, Михаил подписал Акт отложенного права на верховную власть до определения формы государственного устройства России высшим органом народного волеизъявления – Учредительным собранием. Однако следует сказать, что конституционная монархия уже была заложена в манифесте Николая II, в котором государь указывает: **«Заповедуем брату нашему править делами государственными в полном и ненарушимом единении с представителями народа в законодательных учреждениях на тех началах, кои будут ими установлены, принеся в том ненарушимую присягу».** Однако лидерам Февраля теперь была нужна уже не конституционная монархия, а «вся полнота власти». Утопичность плана Акта Михаила Александровича состояла в том, что, во-первых, созвать Учредительное собрание в условиях военного времени и всеобщего смятения было нереально, а во-вторых, никто из тех, кто мог влиять на развитие событий, вовсе не хотел сохранения монархии, ни в какой форме. Как показали последующие события, реформы такого масштаба, какие задумали революционеры, невозможно провести так быстро и в состоянии такого хаоса. Акт Михаила Александровича предполагал консолидацию политических сил во благо России, но таковая не состоялась. Либеральная оппозиция под давлением восставших рабочих и солдат трансформировалась в оппозицию революционную. 3 марта она перед собой поставила задачу полностью отстранить Династию от власти, дав ей туманные обещания возможного возврата. Нельзя не сказать, что и Династия, со своей стороны, продемонстрировала совершенную неспособность управлять державой в условиях форс-мажорных обстоятельств. В такой обстановке Михаил Александрович предложил пусть утопичный, но позитивный план выхода из глубочайшего политического кризиса. Однако его никто не поддержал. И опять же, если заглянуть вперед, то можно утверждать, что Временное правительство мог бы спасти именно союз с Династией. Лидеры Февраля надеялись справиться с ситуацией всеобщего мятежа,

который они сами же подогревали, самостоятельно, но на деле правительство «доверия» оказалось еще менее жизнеспособно, чем царское.

В современной дискурсионной практике о Великом Князе Михаиле Александровиче особо выделяется вопрос: признавать ли его императором или нет? Царствование Михаила II продолжалось менее суток, да и венчания на царство не происходило. Здесь, по-видимому, смешивается два понятия. Одно формальное, то есть передача власти самодержцем Николаем II своему брату, наследнику престола, состоящему в череде претендентов на верховную власть следующим непосредственно за цесаревичем, и другое, фактическое его вступление в должность государя. Николай II, учитывая болезнь своего сына, отрекся за себя и за несовершеннолетнего Алексея. Подобных прецедентов в истории Российской империи ранее не было. Решение государя о передаче престола Михаилу Александровичу вполне правомерно и правомочно. Морганатический же брак и наложенное ранее в связи с этим опекунство также в юридическом отношении не являются аргументами, исключающими его из наследников престола[8]. Аргументация ряда исследователей, приведенная в настоящей работе, достаточно убедительно утверждает,что присутствуют все формальные юридические основания считать Михаила Александровича со 2 марта 1917 года и по день смерти 12 июня 1918 г. «Михаилом II, Императором Всероссийским, Царем Польским, Великим Князем Финляндским и прочая, и прочая, и прочая». Манифестом о передаче верховной власти Михаилу Александровичу Николай II также признал его брак с Наталией Сергеевной. То есть Михаил Александрович де-юре остался легитимным руководителем Российской империи, русской монархии и главой Императорского Дома, а де-факто отстранил себя от политической деятельности.

[8] В истории европейских монархий морганатические браки заключались. В этом случае привилегии королевских домов на супругу (или супруга) не распространялись.

Личность Михаила Александровича, как и всякого, вероятно, человека, неоднозначна. Он всегда стремился к спокойной частной жизни, но рожденный «под сень трона» и, являясь наследником престола, оказывался в эпицентре государственных, политических и общественных событий.

Спустя 100 лет мы, естественно, задаемся вопросом о его роли в истории государства Российского. Участники встречи, состоявшейся 3 марта 1917 г. на квартире Путятиных, рассматривали склонение Михаила к подписанию Акта об отказе от престола как устранение для себя последнего формального препятствия к захвату власти. Тем не менее, как показали дальнейшие события, принципиально важным вопросом на тот момент был не вопрос обрушения монархии, а напротив, консолидации политических сил с целью нормализации ситуации в стране. Именно этот путь и подразумевал Михаил Александрович. Устранив же последнего легитимного держателя верховной власти от Династии Романовых, Россия лишила себя шансов пойти по пути законности и сохранения какой-либо стабильности и, как следствие, обрекла себя на самоуничтожение в Гражданской войне.

Теперь, через 100 лет, слабые стороны личности Великого Князя оказываются его достоинством. На сегодняшний день в позитивном ракурсе Михаила Александровича можно охарактеризовать таким образом:

– де-юре последний российский император из династии Романовых;

– его Акт непринятия верховной власти стал фактически юридическим мостиком от России императорской к России современной;

– Михаил Александрович Романов стал первым демократом в российской верховной власти, так как он предложил решить вопрос о государственном устройстве на Учредительном собрании, высшем органе народного волеизъявления;

– Михаил Романов, приняв республиканскую форму правления, стал первым гражданином России;

— в человеческом измерении Великий Князь на протяжении всей жизни отличался необычайной добротой, отзывчивостью, вниманием к людям.

Резюмируя итоги настоящего аналитического исследования, можно утверждать, что Великий Князь Михаил Александрович (Михаил II, Император Всероссийский, Царь Польский, Великий Князь Финляндский и прочая, и прочая, и прочая) достоин увековечивания в исторической памяти Отечества.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Архивные фонды
Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ)
Личные фонды.

1. Ф. 601. Император Николай II.
2. Ф. 622. Графиня Брасова Наталия Сергеевна.
3. Ф. 650. Великий князь Андрей Владимирович.
4. Ф. 662. Великая княгиня Ксения Александровна.
5. Ф. 668. Великий Князь Михаил Александрович.

Опубликованные источники:

6. Августейший покровитель по постройке храма, Его Императорское Высочество Великий Князь Михаил Александрович. (Закладка в С.-Петербурге храма в память 300-летия царствования Дома Романовых, 5-го августа.) / Огонек 1911. Суббота 13 (26) августа. № 33.
7. Акт об отречении Великого Князя Михаила Александровича от 3 марта 1917 г. — Ф. 601. Оп. 1. Д. 2100 а. Л. 7. Автограф. Центрархив. [Электронный ресурс]. URL: http://romanovy.rusarchives.ru/nikolay-ii/akt-ob-otrechenii-velikogo-knyazya-mihaila-aleksandrovicha-ot-prestola
8. Бонч-Бруевич В.Д. Вл. Ленин о художественной литературе. / «Тридцать дней» (Москва). 1934. Январь. — С. 18.) // [Электронный ресурс]. URL: http://narovol.ru/Person/nechaevshub.htm (дата обращения: 12.01.2016).
9. Великая Княгиня Елисавета Феодоровна и император Николай II. Документы и материалы (1884—1909 гг.) / Авт.-сост. А.Б. Ефимов, Е.Ю. Ковальская. — СПб.: Алетейя, 2009. — 848 с.
10. Великий Князь Андрей Владимирович. Дневники. 1915—1917 гг. / Гибель монархии. — М., Фонд Сергея Дубова, 2000. — С. 247—353.
11. Великий Князь Николай Михайлович. Записки // Гибель монархии. — М., Фонд Сергея Дубова, 2000. — С. 9—91.
12. Генерал Алексеев и Родзянко // Красный архив. Исторический журнал. Т. 2. Центрархив, 1923.
13. Гибель монархии // Великий Князь Николай Михайлович. / М.В. Родзянко. Великий Князь Андрей Владимирович. А.Д. Протопопов. — М., Фонд Сергея Дубова, 2000. — 544 с.
14. Гибель членов Дома Романовых на Урале летом 1918 года. Материалы предварительного следствия судебного следователя по особо важным делам при Омском окружном суде Н.А. Соколова: Сборник документов / отв. ред. и отв. сост. О.В. Лавинская; сост. В.М. Хрусталев. — М.: Кучково поле, 2017. — 544 с.
15. Глинка Я.В. Одиннадцать лет в Государственной думе. 1906 — 1917: Дневники и воспоминания / Вступ. статья, подгот. текста, биогр. Словарь и коммент. Б.М. Витенберга. М.: Новое литературное обозрение, 2001. — 400 с.
16. Данилов Ю.Н. Мои воспоминания об императоре Николае II и Великом Князе Михаиле Александровиче. — Архив Русской Революции. XIX. — Берлин, 1928.

17. Дело об убийстве императора Николая II, его семьи и лиц их окружения [Сост., предисл. Л.А. Лыкова]. Том 1. – М.: ООО ТД «Белый город», 2015. – 448 с.
18. Дело об убийстве императора Николая II, его семьи и лиц их окружения [Сост. Л.А. Лыкова]. Том 2. – М.: ООО ТД «Белый город», 2015. – 432 с.
19. Дневник и переписка Великого Князя Михаила Александровича: 1915–1918 / отв. ред. и сост. В.М. Хрусталев. – М.: ПРОЗАиК, 2012. – 800 с.
20. Дневник императрицы Марии Федоровны (1914–1920, 1923 годы) / Пер. с датск. Ю.В. Кудриной, О.Н. Дудочкиной-Крог, А.Н. Чеканского; сост., предисл., коммент. Ю.В. Кудриной. – М.: Вагриус, 2006. – 704 с.
21. Дневник Распутина. – М.: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2008. – 416 с.
22. Дневники и документы из личного архива Николая II: Воспоминания. Мемуары. – Мн.: Харвест, 2003. – 368 с.
23. Дневники императора Николая II (1894-1918): в 2 т. / отв. ред. С.В. Мироненко. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2013. – Т. 2: 1905–1918: в 2 ч. Ч. 1: 1905–1913. – 824 с. Ч. 2: 1914–1918. – 784 с.
24. Из переписки Николая Романова с В.А. Романовым. / Красный архив. Исторический журнал. Т. 17. Центрархив, 1926.
25. Из переписки С.М. и Н.М. Романовых в 1917 г. / Красный архив. Исторический журнал. Т. 53. Центрархив, 1932.
26. Керенский А.Ф. Дневник политика. Революция началась! Издалёка. Дело Корнилова [Сост., вступ. статья, примеч., указатель Т.Ф. Прокопов]. М.: Интелвак, 2007. – 624 с.
27. Лемке М. К. 250 дней в царской Ставке. – Пг., 1920. – XVIII + 859 с.
28. Ленин В.И. О двоевластии. / «Правда» № 28, 9 апреля 1917 г. // В.И. Ленин. Полн. собр. соч., изд. пятое. М., Издательство политической литературы, 1969. Т. 31. – С. 145–148.
29. Ленин В.И. Листовка «Товарищам, томящимся в плену»/ В.И. Ленин. Полн. собр. соч., изд. пятое. М., Издательство политической литературы, 1969. Т. 31.– С. 60–66.
30. Ленин В.И. Набросок тезисов 4(17) марта 1917 года. / В.И. Ленин. Полн. собр. соч., изд. пятое. М., Издательство политической литературы, 1969. Т. 31. – С. 1–6.
31. Ленин В.И. Письма из далёка. Письмо 1. Первый этап первой революции / В.И. Ленин. Полн. собр. соч., изд. пятое. М., Издательство политической литературы, 1969. Т. 31. – С. 11–22.
32. Ленин В.И. Революция в России и задачи рабочих всех стран (рукопись) / В.И. Ленин. Полн. собр. соч., изд. пятое. – М., Издательство политической литературы, 1969. Т. 31. – С. 68.
33. Летопись войны 1914–15 гг. 28 марта 1915 г. № 323. – 64 с.
34. Лыкова Л.А. Документы об убийстве Великого Князя Михаила Александровича в архиве следователя Н.А. Соколова. / Уральская Голгофа. Материалы III международной научно-практической конференции «Урок истории: Дом Романовых», посвященной 90-летию трагической гибели Михаила Александровича в Перми, Царской Семьи в Екатеринбурге и Великих Князей в Алапаевске. Выпуск 3. Пермь, 2008. – С. 25–34.

35. Лыкова Л.А. Пермь: Тайна гибели Михаила Романова (о великом князе Михаиле Александровиче). Документы, материалы следствия, дневники, воспоминания. – М.: Достоинство, 2010.
36. Манифест Николая II от 20 июля 1914 г. о вступлении России в войну // Российский ежегодник. 1990. Вып. 2. – 125–126 с.
37. Манифест об учреждении Государственной Думы от 06 августа 1905 г. / Из сборника «"Полное собрание законов Российской империи", собр. 3-е, т. XXV, отд. I, № 26 656».
38. Мария Федоровна, имп., 1847–1928. Письма (1918–1940) к княгине А.А. Оболенской / имп. Мария Федоровна, вел. кн. Ольга Александровна, вел. кн. Ксения Александровна. – М.: издательство им. Сабашниковых, Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2013. – 496 с.
39. Мартов, Л. Стыдно! / Л. Мартов // Всегда вперед! – 1919. – № 3. – 6 февраля.
40. Новомученики и Исповедники Российские (список утвержден Архиерейским Собором РПЦЗ в 1981 г.) [Электронный ресурс]. URL: http://st-rexnikolas.narod.ru/novomucheniki/spisok
41. Общество и власть. Российская провинция 1917–1985. Пермский край. Документы и материалы. Т. 1 (1917–1940). Пермь. 2008.
42. Отречение Николая II. Воспоминания очевидцев, документы. Издательство «Красная газета», Ленинград – 1927. – 216 с.
43. Переписка Вильгельма II с Николаем II. 1894–1914 / Центрархив; С предисловием М.Н. Покровского. – М. – Пг.: Госиздат, 1923. – VIII, 198, [14] с.
44. Переписка Николая и Александры / [сост. А.А. Сергеев]. – М.: «Захаров», 2013. – 928 с.
45. Пермская Голгофа Михаила II. Сборник документов о последнем периоде жизни и убийстве в г. Перми Великого Князя Михаила Александровича в 2-х томах. Т. 1. – Пермь, 2018. – 496 с.
46. Пермская Голгофа Михаила II. Сборник документов о последнем периоде жизни и убийстве в г. Перми Великого Князя Михаила Александровича в 2-х томах. Т. 2. – Пермь, 2018. – 656 с.
47. Плеханов Г.В. Две линии революции / Г.В. Плеханов. – Петроград: К-во «Огни», 1917. – 17 с.
48. Последние дневники императрицы А.Ф. Романовой. – М.: ОЛМА Медиа Групп, 2014. – 304 с.
49. Последние дни Романовых. Документы, материалы следствия, дневники, версии. Свердловск: Средне-Уральское книжное издательство; Ассоциация уральских издателей, 1991. – 302 с.
50. Похищение Михаила Романова. (Сообщение) / Известия Пермского окрисполкома Совета Раб., крест. и арм. деп. 1918. 15 июня. – С. 4.
51. Похищение Михаила Романова. (Статья Пермского истпарта для сборника «Борьба за власть») // Скорбный путь Михаила Романова: От престола до Голгофы: Документы, материалы следствия, дневники, воспоминания. / Сост. В.М. Хрусталев, Л.А. Лыкова. – Пермь: Изд-во «Пушка», 1996. – С. 149–158.
52. Протоколы и стенографические отчеты съездов и конференций Коммунистической партии Советского Союза. Второй съезд РСДРП, июль-август 1903 года. Протоколы. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1959. – 866 с.

53. Протопопов А. Д. Показания Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства / Гибель монархии. – М., Фонд Сергея Дубова, 2000. – С. 353–461.
54. Романовы в первые дни революции. / Красный архив. Исторический журнал. Т. 24. Центрархив, 1927.
55. Русское Слово (Москва). 22 февраля – 5марта 1917 г. №№ 43–51.
56. Самосуд. Убийство великого князя Михаила Романова в Перми в июне 1918 г. Документы и публикации. Пермь, 1992. – 58 с.
57. Скорбный путь Михаила Романова: От престола до Голгофы: Документы, материалы следствия, дневники, воспоминания. / Сост. В.М. Хрусталев, Л.А. Лыкова. – Пермь: Изд-во «Пушка», 1996. – 248 с.
58. Снесарев А.Е. Дневник: 1916–1917 / Подг. текста, предисл. и указат. А.А. Комиссаровой; вступ. ст. В.К. Белозерова. – М.: Кучково поле, 2014. – 672 с.
59. Суханов Н.Н. Записки о революции [Электронный ресурс]. URL: http://fanread.ru/book/3917902/?(дата обращения: 13.11.2015).
60. Суханов Н.Н. Записки о революции. Кн. 1–7. Берлин-Петербург-Москва. Издательство З.И. Гржебина, 1922–1923.
61. Февральская революция 1917 года: Сборник документов и материалов. – М., РГГУ, 1996.
62. Февральская революция и европейские социалисты. Романовы и союзники в дни революции / Красный архив. Исторический журнал. Т. 16. Центрархив, 1926.
63. Февральская революция. Дневник Николая Романова / Красный архив. Исторический журнал. Т. 21. Центрархив, 1927.

Литература:

64. Абрикосов Д.И. Судьба русского дипломата. Воспоминания. М.; Изд. «Русский путь», 2008. – 546 с.
65. Аврех А.Я. Царизм накануне свержения. – М.: Наука, 1989. – 256 с.
66. Айрапетов О.Р. Участие Российской империи в Первой мировой войне (1914–1917). Том 2: 1915 год – Апогей / О.Р. Айрапетов. – М.: ИД КДУ, 2014. – 316 с.
67. Айрапетов О.Р. Участие Российской империи в Первой мировой войне (1914–1917). Том 1: 1914 год. – Начало / О.Р. Айрапетов. – М.: ИД КДУ, 2014. – 336 с.
68. Аликина Н. А. Из воспоминаний: «Серебряные часы – плата за страх» / Н. Аликина // Скорбный путь Михаила Романова: От престола до Голгофы: Документы, материалы следствия, дневники, воспоминания / Сост. В.М. Хрусталев, Л.А. Лыкова. – Пермь: Изд-во «Пушка», 1996. – С. 198–202.
69. Аликина Н.А. Дон Кихот пролетарской революции: Документальная повесть о том, как мотовилихинский рабочий Гавриил Мясников боролся с ЦК РКП(б) за свободу слова и печати (1920–1922 годы). – Пермь: Издательство «Пушка», 2006. – 176 с.
70. Бабков Д.И. Государственные и национальные проблемы в мировоззрении В.В. Шульгина в 1917–1939 годах. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012. – 303 с.

71. Барыкина И. Е. Внутренняя политика и личность императора Александра III: источники и историография // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2013. № 4. – С. 226–236.
72. Белецкий С.П. Григорий Распутин / Григорий Распутин: Сборник исторических материалов. Т. 1. М., 1997.
73. Битюков К.О., Петрова Е.Е. Великокняжеская оппозиция в России 1915–1917 гг. Монография. – Санкт-Петербург: Астерион, 2009. – 152 с.
74. Боханов А.Н. Последний Царь / А.Н. Боханов. – М.: Вече, 2006. – 512 с.
75. Брешко-Брешковский Н.Н. Дикая дивизия / Н.Н. Брешко-Брешковский. Роман в 2-х частях. Книгоиздательство «Мір». Рига, Antinijasiela 12, dz. 5.
76. Брусилов А.А. Мои воспоминания. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2001. – 464 с.
77. Бубликов А.А. Русская революция: впечатления и мысли очевидца и участника / Вступ. ст. и коммент. В.М. Хрусталева. – М.: Кучково поле, 2016. – 224 с.
78. Буксгевден С.К. Жизнь и трагедия Александры Федоровны, Императрицы России / Баронесса Софья Буксгевден. Воспоминания фрейлины в трех книгах. Кн. 1: Жизнь и трагедия Александры Федоровны, Императрицы России. Кн. 2: Минувшее. Четырнадцать месяцев в Сибири во время революции. Декабрь 1917 – февраль 1919 гг. Кн. 3: Перед бурей / Пер. В.А. Ющенко; отв. ред. и сост. коммент. Т.Б. Манакова, К.А. Протопопов. – М.: Лепта Книга, Вече, Грифъ, 2012. – 800 с.
79. Булыгин П.П. Убийство Романовых. Предисловие Т. Максимовой. – М.: «Academia» – «Рандеву-АМ», 2001. – 288 с.
80. Буранов Ю., Хрусталев В. Гибель императорского дома. М.: Прогресс, 1992.
81. Быков П.М. Последние дни Романовых. Изд. 3-е, доп. – Свердловск: издательство «Уральский рабочий», 1990 – 144 с.
82. Бьюкенен Дж. Моя миссия в России / Джордж Бьюкенен; [пер. с англ. И.В. Гюббинет]. – М.: «Захаров», 2018. – 416 с.
83. Варфоломей, игумен (Сибиряков). Великий Князь Михаил Александрович Романов – царь, патриот, христианин, мученик / Уральская Голгофа. Материалы III международной научно-практической конференции «Урок истории: Дом Романовых», посвященной 90-летию трагической гибели Михаила Александровича в Перми, Царской Семьи в Екатеринбурге и Великих князей в Алапаевске. Выпуск 3. Пермь, 2008. – С. 18–24.
84. Великий Князь Гавриил Константинович. В Мраморном дворце / Великий Князь Гавриил Константинович. – М.: Вече, 2017. – 400 с.
85. Вернадский Г.В. Из воспоминаний // Вопросы истории. 1995, № 1. С. 144.
86. Витте С.Ю. Избранные воспоминания, 1849–1911. – М., 1991. – 718 с.
87. Витте, С.Ю. Воспоминания: Царствование Николая II. – Берлин: Слово. 1922. Том I. – 156 с.
88. Воейков В.Н. С царем и без царя / Владимир Николаевич Воейков. – М.: «Захаров», 2016. – 400 с., ил. По изданию: «С царем и

без царя: Воспоминания последнего дворцового коменданта государя императора Николая II». – Гельсингфорс, 1936 г.
89. Волков А.А. Около Царской Семьи. [Предисл. Вел. Кн. Марии Павловны и Е.П. Семенова]. М.: Частная фирма «Анкор», 1993. – 224 с.
90. Воронцова-Дашкова Л.Н. Человек, отрекшийся от трона // Сегодня (Рига). 1937. 19 июля. № 194.
91. Вырубова А. Воспоминания / Анна Вырубова. – М.: «Захаров», 2009. – 432 с.
92. Гладышев В.Ф. Зачем увековечивать увековеченное // X Романовские чтения. – Екатеринбург, 2007.
93. Гладышев В.Ф. Командир Дикой дивизии // XI Романовские чтения. – Екатеринбург, 2009. – С. 111–118.
94. Гладышев В.Ф. Михаил Романов: жизнь, любовь и смерть / Владимир Гладышев. Пермь: Издательский центр «Титул», 2015. – 336 с. (Электронное издание).
95. Гладышев В.Ф. По царскому следу. Династия Романовых и Прикамье / В.Ф. Гладышев. – Пермь: ООО «Пермское книжное издательство», 2015. – 472 с.
96. Гладышев В.Ф. Святого из него сделали большевики // X Романовские чтения. – Екатеринбург, 2007.
97. Гладышев В.Ф. Тайное и явное. По романовскому следу // Родина (Москва). Ноябрь. 2001.
98. Даль В. Постоялец «Королевских номеров». Пермский государственный архив социально-политической истории презентовал новые документы, связанные с пребыванием в Перми Великого Князя Михаила Александровича и его секретаря // Новый компаньон (Пермь). 2017. 12 сентября. № 31.
99. Деникин А.И. Очерки русской смуты: Крушение власти и армии. Февраль – сентябрь 1917 / Репринтное воспроизведение издания. – М.: Наука». 1991. – 520 с.
100. Деникин А.И. Путь русского офицера / Антон Деникин; [сост., вступ. Ст. В.Г. Черкасова-Георгиевского]. – М.: ПРОЗАиК, 2012. – 672 с.
101. Джунковский В.Ф. Воспоминания (1915–1917) / В.Ф. Джунковский. Т. 3 – М.: Издательство им. Сабашниковых. 2015. – 728 с.
102. Дитерихс М.К. Убийство Царской Семьи и членов Дома Романовых на Урале / М.К. Дитерихс. – М.: Вече, 2008. – 512 с.
103. Ельницкий Л. Династия Романовых. – Издательство «Пролетарий», 1925. РИЦ «Мерос», 1990. Ташкент – 1990. – 48 с.
104. Завадский С.В. На пути к революции: Из архива моей памяти; На великом изломе; Отчет гражданина о пережитом в 1916–1917 годах / вступ. ст. и примеч. А.В. Лиманова. – М.: Кучково поле, 2017. – 304.
105. Закатов А.Н. Император Кирилл I в февральские дни 1917 года. – М.,: Новый Век, 1998. – 192 с.
106. Звигарь М. Империя должна умереть: История русских революций в лицах. 1900–1917 / Михаил Звигарь. – М.: Альпина Паблишер, 2017. – 909 с.
107. Звягина И.В. Местная периодическая печать о Михаиле Романове в Перми: проблемы изучения / Романовские чтения. 400 лет окончания Смуты и воцарения династии Романовых: материалы всерос. конф., Кострома, 2–3 марта 2013 года / сост. и науч. ред. А.Д. Шипилов. – Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2013. – С. 234–236.

108. Зенкова Н.А., Мощанский А.Б. / Н.А. Зенкова, А.Б. Мощанский О причинах убийства Михаила Александровича Романова // Михаил II – император Российской империи (1917–1918 гг.): документы о статусе Михаила Александровича Романова / Ноябрьские историко-архивные чтения – 2016 г.: Материалы научной конференции «Российская Империя накануне революционных потрясений: К 100-летию Русской революции 1917 г.» (ПермГАСПИ. 16–17 ноября 2016 г.) Сборник / Под ред. С.В. Неганова. – Пермь: Изд-во Пушка, 2017. – С. 323–332.
109. Зенкова Н.А., Мощанский А.Б. /Н.А. Зенкова, А.Б. Мощанский О причинах убийства Михаила Александровича Романова // Ноябрьские историко-архивные чтения – 2017 г.: Материалы научной конференции «Россия в период революционных потрясений. К 100-летию Русской революции 1917 г.» (ПермГАСПИ. 14–16 ноября 2017 г.) Сборник / Под ред. С.В. Неганова. – Пермь, 2018. – С. 449–466.
110. Император Николай II. Тайны российского императорского двора / авт.-сост. В.М. Хрусталев. – Москва: АСТ, 2013. – 511 с.
111. Иностранцев М.А. Воспоминания. Конец империи, революция и начало большевизма / под ред. А.В. Ганина – М.: Кучково поле; Издат. центр «Воевода», 2017. – 928 с.
112. Казанский П.Е. Власть Всероссийского Императора. М.: Издательство «ФондИВ», 2007. – 600 с.
113. Каменев Лев Борисович (LevBorisovichKamenev) [Электронный ресурс]. URL: http://famousbirthdays.ru/data/18_iyulya/kamenev_lev_borisovich.html (дата обращения: 26.05.2016).
114. Каменев, Ю. Нелепая выходка / Правда. – 1917. – № 27. – 8 апреля (21 апреля). – С. 9.
115. Каменский А.Н. Император Михаил II. От Петербурга до Харбина. / Граф А.Н. Каменский. – Пермь-Москва, 1994–2005 г. – 144 с.
116. Касвинов М.К. Двадцать три ступени вниз. – М., «Мысль», 1982. – 565 с.
117. Катков Г.М. Февральская революция. – Paris, YMCA-PRESS, 1984. – 435 с.
118. Кашиц В. В Россию возвращается царь. Симферополь: Редотдел Крымского комитета по печати, 1992.
119. Керенский А.Ф. Потерянная Россия / Александр Керенский; [сост., вступ. ст., примеч. Т.Ф. Прокопова]. – М.: ПРОЗиК, 2014. – 511 с.
120. Керенский А.Ф. Русская революция. 1917 / Александр Керенский; [пер. с фр. Е.В. Нетесовой]. – М.: Центрполиграф, 2005.
121. Кинг Грэг, Вильсон Пенни. Романовы / Грэг Кинг, Пенни Вильсон. – М.: Эксмо, 2008. – 912 с.
122. Кирилл Владимирович, Император. Моя жизнь на службе России. – СПб.: Лики России, 1996. – 334 с.
123. Кирьянов И.К., Лукьянов М.Н. Парламент самодержавной власти России: Государственная Дума и ее депутаты, 19061917. Пермь: Изд-во Перм. Ун-та, 1995. – 168 с.
124. Ковалев И.А. Романовы на фронтах Первой мировой / И.А. Ковалев. – М.: Вече, 2016. – 368 с.
125. Колоницкий Б.И. Символы власти и борьба за власть: к изучению политической культуры российской революции 1917 года. – СПб.: Лики России. 2012. – 320 с.

126. Колоницкий Б.И. «Трагическая эротика»: Образы императорской семьи в годы Первой мировой войны. – М.: Новое литературное обозрение, 2010. – 664 с.
127. Корнева Г.Н., Чебоксарова Т.Н. Великий Князь Михаил Александрович – августейший покровитель электротехнического института. / Г.Н. Корнева, Т.Н. Чебоксарова // Уральская Голгофа. Материалы V международной научно-практической конференции «Русская цивилизация: эпоха конца и вновь начала» Город Пермь, 10–11 июня 2010 года Выпуск 5. Пермь, 2010. – С. 23–28.
128. Краснов В.Г. «От реабилитации до признания». IV научно-практическая конференция памяти Михаила Романова в Перми // Звезда (Пермь). 2009. 02 июня. / На сайте российской диаспоры в США «Соотечественники» 02.07.2009.
129. Краснов В.Г. 12 июня – День памяти Михаила. / Посев. 2010. № 7.
130. Краснов В.Г. Памяти Михаила Романова похвальное слово. / Московские новости. 2007. 29 июня. № 25.
131. Краснов В.Г. Пермский крест: Михаил Романов / Сборник статей Владислава Краснова 2006–2011. – М., «Домодедовская типография», 2011. – 176 с.
132. Краснов В.Г., Серебренников В.Б. Манифест Михаила II – завещание русскому народу. / В.Г. Краснов, В.Б. Серебренников // Уральская Голгофа. Материалы IV международной научно-практической конференции «Эпоха Николая II: политика, экономика, культура». Выпуск 4. Пермь, 2009. – С. 17–31.
133. Кроуфорд Д. Мы с Розмари всегда хотели посетить Пермь... // Уральская Голгофа. Материалы III международной научно-практической конференции «Урок истории: Дом Романовых», посвященной 90-летию трагической гибели Михаила Александровича в Перми, Царской Семьи в Екатеринбурге и Великих Князей в Алапаевске. Выпуск 3. – Пермь, 2008. – С. 7–10.
134. Кроуфорд Р. Михаил и Наталья. Жизнь и любовь / Розмари Кроуфорд, Дональд Кроуфорд; (пер. с англ. А. Микоян). – М.: Захаров, 2008. – 656 с.
135. Лукьянов М.Н. Российский консерватизм и реформа, 1907–1914. / Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук. Санкт-Петербург, 2004.
136. Лыкова Л.А. Следствие по делу об убийстве российской императорской семьи. Историографический и археографический очерк. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2007. – 320 с.
137. Лыкова Л.А., Хрусталев В.М. Великий Князь Михаил Александрович – несостоявшийся император Михаил II // Альманах «Мгновения истории». Выпуск 1 (Руководитель проекта, редактор Л.В. Перескоков). Пермь, 2010.
138. Любош С. Последние Романовы / С. Любош. – М.: АСТ; СПб.: Полигон, 2007. – 271 с.
139. Марков А.В. Расстрел Михаила Романова. Воспоминания. 1924. // Скорбный путь Михаила Романова: От престола до Голгофы: Документы, материалы следствия, дневники, воспоминания / Сост. В.М. Хрусталев, Л.А. Лыкова. – Пермь: Изд-во «Пушка», 1996. – С. 144–149.

140. Мейлунас А., Мироненко С. Николай и Александра. Любовь и жизнь. – М., 1998. – 655 с.
141. Мельгунов С.П. Мартовские дни 1917 года. – Париж, 1961.
142. Миков А.А. Что делать с Мишкой Романовым. Воспоминания. 1956 // Скорбный путь Михаила Романова: От престола до Голгофы: Документы, материалы следствия, дневники, воспоминания. / Сост. В.М. Хрусталев, Л.А. Лыкова. – Пермь: Изд-во «Пушка», 1996. – С. 168–170.
143. Милюков П.Н. Воспоминания. – М.: Политиздат, 1991. – 528 с.
144. Минц И.И. История Великого Октября. Том первый. Свержение самодержавия. – М.: «Наука», 1977. – 784 с.
145. Митрофан (Баданин), игумен. Икона Великого Князя: сказание о Великом Князе Михаиле Александровиче Романове и его молельной иконе Божьей Матери Казанская, что ныне пребывает в церкви преподобного Серафима Саровского на Серафимовском кладбище Санкт-Петербурга / игумен Митрофан (Баданин). – Санкт-Петербург-Мурманск: Ладан, 2011. – 156 с.
146. Михаил Александрович (сын Александра III) [Электронный ресурс] / URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9C%D0%B8%D1%85%D0%B0%D0%B8%D0%BB_%D0%90%D0%BB%D0%B5%D0%BA%D1%81%D0%B0%D0%BD%D0%B4%D1%80%D0%BE%D0%B2%D0%B8%D1%87_(%D1%81%D1%8B%D0%BD_%D0%90%D0%BB%D0%B5%D0%BA%D1%81%D0%B0%D0%BD%D0%B4%D1%80%D0%B0_III) (дата обращения: 14.02.2017).
147. Мордвинов А.А. Из пережитого. Воспоминания флигель-адъютанта императора Николая II // Анатолий Александрович Мордвинов. Из пережитого: Воспоминания флигель-адъютанта императора Николая II: в 2 т. Т. 1 / Вступ. ст., коммент. О.И. Барковец. – М.: Кучково поле, 2014.– 696 с.
148. Мосолов А.А. При дворе императора / Ген. А. МОСОЛОВЪ б. Начальникъ Канцеляріи Министерства Императорскаго Двора. ПРИ ДВОРЪ ИМПЕРАТОРА. И З Д А Т Е Л Ь С Т В О · Ф И Л И Н Ъ " РИГА. Печатано вътипографъ А./О. «РИТН, Рига (Латвія), Дзирнавуіела № 57. – 232 с.
149. Мосолов А.А. При дворе последнего императора. – СПб.: Наука, С.-Петербургское отд-ние, 1992. – 262 с.
150. Мэсси Р. Николай и Александра: Биография. – М.: Захаров, 2006. – 640 с.
151. Мясников Г. И. Философия убийства, или почему и как я убил Михаила Романова // Минувшее: Истор. альманах. – М.; СПб., 1995. – Вып. 18.
152. Нечаев М.Г. «Пермская катастрофа». // Уральская Голгофа / Материалы краеведческих слушаний по теме «Михаил II конец династии Романовых». Выпуск 1. – Пермь, ИД «Пермские новости», 2006. – С. 7–22.
153. Нечаев М.Г. Идея Учредительного собрания в российской истории. / Уральская Голгофа. Материалы II международной научно-практической конференции «Первый гражданин России», посвященной памяти Великого Князя Михаила Александровича. Выпуск 2. Пермь, 2007. – С. 6–11.

154. Никитин Б.В. Роковые годы. С предисловием Николая Старикова. – СПб.: Питер, 2015. – 320 с.
155. Николай II в воспоминаниях и свидетельствах. – М.: Вече, 2008. – 352 с.
156. Николай II глазами современников: [антология] / [сост., предисл. Н. Елисеева]. – СПб.: ООО «Торгово-издательский дом Амфора», 2016. – 351 с.
157. Ольга Александровна, Великая Княгиня. 25 глав моей жизни / сост. Л.А. Куликовская, П.Э. Куликовский, К. Рот-Николс, С. Вулменз; пер. с англ. Под ред. Л.Р. Харитонова. – М.: Кучково поле, 2017. – 328 с.
158. Опрышко О.Л. Кавказская конная дивизия. 1914–1917. Возвращение из небытия. – Нальчик: «Эль-Фа», 2007. – 512 с.
159. Опыт русского либерализма. Антология. – М.: Канон, 1997. – 480 с.
160. Пайпс Р. Русская революция. Часть первая. Авторизированный перевод с английского М.Д. Тименчика. – М., РОССПЭН, 1994. – 400 с.
161. Палей О.В. Воспоминания о России: С приложением писем, дневника и стихов ее сына Владимира / Княгиня Ольга Палей; [пер. с франц. Е. Кассировой], переизд. – М.: «Захаров», 2009. – 240 с.
162. Палеолог М. Царская Россия накануне революции: Пер. с фр. – Репринт. воспроизведение изд. 1923 г. – М.: Политиздат, 1991. – 494 с.
163. Палеолог, Морис. Царская Россия во время мировой войны: пер. с фр. – 2-е изд. – М.: Международные отношения, 1991. – 241 с.
164. Перескоков Л.В. «Дело ликвидации Романова тем самым было поставлено на очередь...» (Судьба династии в публикациях лидеров Российской социал-демократии) // Ноябрьские историко-архивные чтения – 2016 г.: Материалы научной конференции «Российская Империя накануне революционных потрясений: К 100-летию Русской революции 1917 г.» (ПермГАСПИ. 16–17 ноября 2016 г.) Сборник / Под ред. С.В. Неганова. – Пермь: Изд-во Пушка, 2017. – С. 352–365.
165. Перескоков Л.В. «Могила в Красном логу» / Исследование краеведа Л. Перескокова // Скорбный путь Михаила Романова: От престола до Голгофы: документы, материалы следствия, дневники, воспоминания / Сост. В.М. Хрусталев, Л.А. Лыкова. – Пермь: Изд-во «Пушка», 1996. – С. 203–206.
166. Перескоков Л.В.«Он такой легковерный...»: штрихи к портрету Великого Князя Михаила Александровича / Вестник Костромского Государственного университета имени Н.А. Некрасова. 2014. Том 20. Основной выпуск. № 1 январь–февраль. – С. 60–64.
167. Перескоков Л.В. «Уральская Голгофа»: Романовские дни в Перми – путь длиною в 10 лет / Л.В. Перескоков // V Международный общественный Форум «Елисаветинское наследие сегодня. Москва – Пермь – Белая Гора. 2017». «ПРЕТЕРПЕВШИЕ ДО КОНЦА» К 100-летию гибели представителей ИМПЕРАТОРСКОЙ СЕМЬИ и их окружения. Сборник материалов научной конференции. Пермь, 9 июня 2017 г. – М., Союз Дизайн, 2018. – С. 55–66.
168. Перескоков Л.В. Был ли расстрелян в Перми Великий Князь Михаил Романов? / Уральская Голгофа. Материалы III международной научно-практической конференции «Урок истории: Дом Романовых», посвященной 90-летию трагической гибели Михаила Александровича

в Перми, Царской Семьи в Екатеринбурге и Великих Князей в Алапаевске. Выпуск 3. Пермь, 2008. – С. 35–41.
169. Перескоков Л.В. Великий Князь Михаил Александрович в контексте Великой войны (по опубликованным источникам) // Ноябрьские историко-архивные чтения – 2018 г.: Материалы научной конференции «Гражданская война в России. К 100-летию Русской революции 1917 г.» (ПермГАСПИ. 21–23 ноября 2018 г.). Сборник / Под ред. С.В. Неганова. – Пермь, 2019. – С. 473–489.
170. Перескоков Л.В. Великий Князь Михаил Александрович в 1917 году / Л.В. Перескоков // Вестник Удмуртского университета. Серия история и филология. 2017. Том 27, вып. 4. – С. 629–634.
171. Перескоков Л.В. Великий Князь Михаил Александрович: Пермская Голгофа / Текст: Лев Перескоков // Родина. Исторический научно-популярный журнал. 2017. Февраль. № 2. С. 57–62.
172. Перескоков Л.В. Коллизия судьбы Великого Князя: отеческий долг и земные чувства (по книге Р. и Д. Кроуфордов «Михаил и Наталья. Жизнь и любовь последнего русского императора») / Л.В. Перескоков // Последние Романовы и императорские резиденции в конце XIX – начале XX века. Материалы научной конференции. Санкт-Петербург, 2009. – С. 134–151.
173. Перескоков Л.В. Кто они, могильщики Романовых? (Пермская трагедия: главные исполнители) / Л.В. Перескоков // Уральская Голгофа. Материалы IV международной научно-практической конференции «Эпоха Николая II: политика, экономика, культура». Выпуск 4. Пермь, 2009. – С. 66–77.
174. Перескоков Л.В. Михаил II. Неоконченная интрига. Мог ли Великий Князь Михаил Александрович стать российским императором? / Лев Перескоков // «РЕТРОспектива». Историко-архивный журнал. № 1 (25), 2013 г. – С. 44–53.
175. Перескоков Л.В. Несостоявшийся дуэт Великого Князя Михаила Александровича и председателя Государственной Думы М.В. Родзянко накануне Февральской революции в России / Великая Российская революция 1917 г.: методология, источники, историография. Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции. Республика Башкортостан, г. Стерлитамак, 29 сентября 2017 г. Стерлитамак: Стерлитамакский филиал ФГБОУВО «Башкирский Государственный Университет», 2017 – С. 114–119.
176. Перескоков Л.В. Образ Великого Князя Михаила Александровича в отзывах современников / Л.В. Перескоков // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. Выпуск 8 (124), 2013. – С. 312–319.
177. Перескоков Л.В. Образ Великого Князя Михаила Александровича в художественной литературе // Ноябрьские историко-архивные чтения – 2017 г.: Материалы научной конференции «Россия в период революционных потрясений. К 100-летию Русской революции 1917 г.» (ПермГАСПИ. 14–16 ноября 2017 г.) Сборник / Под ред. С.В. Неганова. – Пермь, 2018. – С. 389–396.
178. Перескоков Л.В. Пермская Голгофа Михаила Романова / Лев Перескоков // «РЕТРОспектива». Историко-архивный журнал. № 1 (25), 2013 г. – С. 54–60.

179. Перескоков Л.В. Человек «явно не из нашей среды». Великий Князь Михаил Александрович глазами пермяков / Лев Перескоков // «РЕТРОспектива». Историко-архивный журнал. № 2, 2012 г. – С. 47–54.
180. Перескоков Л.В. Штрихи биографии Великого Князя Михаила Александровича / Л.В. Перескоков // Уральская Голгофа. Материалы краеведческих слушаний по теме: «Михаил II – конец династии Романовых». Выпуск 1. Пермь: ИД «Пермские новости», 2006. – С. 23–29.
181. Платонов О.А. Убийство царской семьи. – М.: Сов. Россия, 1991. – 192 с.
182. Половцов П.А. Дни затмения. Записки Главнокомандующего войсками Петроградского военного округа генерала П.А. Половцова в 1917 году / П.А. Половцов. – М.: Вече, 2016. – 320 с.
183. Последние дни императорской власти / По неизд. документам сост. А. Блок. – Мн.: Выш. шк., 1991. 112 с.
184. Рашин А.Г. Население России за 100 лет (1811–1913 гг.). Статистические очерки. Под ред. акад. С.Г. Струмилина / А.Г. Рашин. – М.: Государственное статистическое издательство, 1956. – 22,0 п.л. (352 с.).
185. Ревуненков, В.Г. Марксизм и проблема якобинской диктатуры. (Исторический очерк) / В.Г. Ревуненков. – Ленинград: Издательство Ленинградского университета, 1966. – 176 с.
186. Редигер А.Ф. История моей жизни: воспоминания военного министра: в 2 т. / Федерал. Архив: Служба России. Гос. воен.-ист. архив. – М.: Канон-Пресс-Ц: Кучково поле, 1999. – (Воспоминания полководцев, военачальников) Т. 1. – М., 1999. – 576 с.
187. Ремнев А.В. Самодержавное правительство: Комитет министров в системе высшего управления Российской империи (вторая половина XIX – начало XX века). – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. – 511 с.
188. Родзянко М.В. Крушение империи. С примечаниями и предисловием С. Пионтковского / М.В. Родзянко Издание третье. Прибой. Ленинград, 1929. 82×111 – 17 л. – 272 с.
189. Романов А.М. Книга воспоминаний / А.М. Романов. – М.: АСТ; СПб.: Полигон, 2009. – 382 с.
190. Романовы. Подвиг во имя любви / Сост. В.П. Долматов, Л.А. Лыкова. – М.: «Достоинство», 2010. – 408 с.
191. Рыженко И.Э. Некоторые страницы из истории брака Великого Князя Михаила Александровича // Уральская Голгофа. Материалы II международной научно-практической конференции «Первый гражданин России», посвященной памяти Великого Князя Михаила Александровича. Выпуск 2. Пермь, 2007. С. 34–43.
192. Сивков В.Ф. Пережитое. – Пермское книжное издательство, 1968. – 264 с.
193. Скотт С. Романовы. Царская династия. Кто они были? Что с ними стало? / Стаффан Скотт. Перевод М. Николаевой. – Екатеринбург, Ларин. 1993. – 350 с.
194. Соколов Н. А. Убийство царской семьи. – М.: Алгоритм, издательство «БСК», 2007. – 384 с.
195. Софьин Д.М. Романовы. Консерваторы. Власть: политико-династические представления российских консерваторов и членов Императорского Дома, конец XIX – начало XX века : монография / Д.М. Софьин; Перм. гос. нац. иссл. ун-т. – Пермь, 2013. – 284 с.

196. Спиридович А.И. Великая Война и Февральская Революция 1914–1917 гг. – Нью-Йорк, Всеславянское Издательство, 1960-62. (1, 2 книги – 1960, 3 книга – 1962). [Электронный ресурс]. URL: http://militera.lib.ru/memo/russian/spiridovich_ai/index.html(дата обращения: 22.06.2017).
197. Стогова Л.И., Стогова А.А. Ермакова А.Г. Пермь, Кобяк. Семейная хроника. Пермь, «Раритет-Пермь», 2001.
198. Таубе М.А. «Зарницы»: Воспоминания о трагической судьбе предреволюционной России (1900-1917). – М.: «Памятники исторической мысли», «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2007. – 272 с.
199. Торопов С. Самосуд / Вечерняя Пермь. 1990. 15 января.
200. Троцкий Л.Д. История русской революции. Том 1. Февральская революция [Общ. ред. и вступ. Ст. Н. Васецкого; примеч. В. Иванова]. – М., «ТЕРРА-TERRA»; Республика, 1997 г. – 464 с.
201. Троцкий Л.Д. Моя жизнь / Лев Троцкий; вступ. ст. И. Розенталь. – М.: Вагриус, 2006. – 576 с.
202. Трубецкой С. Е. Минувшее / Князь Сергей Евгеньевич Трубецкой; предисл. Н. А. Руднева. – М.: ДЭМ, 1991. – 340 с.
203. Тупицын С.А. Два Михаила – начало и конец династии // Уральская Голгофа / Материалы краеведческих слушаний по теме «Михаил II конец династии Романовых». Выпуск 1. – Пермь, ИД «Пермские новости», 2006. – 54–56 с.
204. Убийство царской семьи Романовых. – Свердловск: Урал-Советы, 1991. – 272 с.
205. Учредительное собрание [Электронный ресурс]. – URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_law/2342/%D0%A3%D0%A7%D0%A0%D0%95%D0%94%D0%98%D0%A2%D0%95%D0%9B%D0%AC%D0%9D%D0%9E%D0%95 (дата обращения: 18.12.2015).
206. Фефелов С.В., Ливцов В.А., Абакумов С.Н. и др. Почетный гражданин города Орла Великий Князь Михаил Александрович Романов. Орел: Издательский Дом «ОРЛИК», 2016. – 84 с.
207. Фирсов С.Л. Николай II: Пленник самодержавия / Сергей Фирсов. – 2-е изд., перераб. – М.: Молодая гвардия, 2017. – 526 с.
208. Хрусталев В.М. Великий Князь Михаил Александрович. – М., «Вече». 2008. – 544 с.
209. Хрусталев В.М. Первая мировая. Во главе «Дикой дивизии». Записки Великого князя Михаила Романова / В.М. Хрусталев. – М.: АСТ, 2014. – 672 с.
210. Хухка И.А. Библиотека Великого Князя Михаила Александровича в Гатчинском дворце: утраченные и сохраненные издания / И.А. Хухка // Уральская Голгофа. Материалы V международной научно-практической конференции «Русская цивилизация: эпоха конца и вновь начала» Город Пермь, 10–11 июня 2010 года Выпуск 5. Пермь, 2010. – С. 29–40.
211. Царские дети в Гатчине. Авторы текста Т.А. Кустова, И.Э. Рыженко, А.Н. Фарафонова. СПб.: Абрис, 2004. – 36 с.
212. Чавчавадзе Д.П. Михаил и Наталья. / Князь Давид Чавчавадзе. Пер. с англ. Г. Авдониной // Романовы. Подвиг во имя любви. / Сост. В.П. Долматов, Л.А. Лыкова. – М.: «Достоинство», 2010. – С. 111–126.

213. Чернышова-Мельник Н.Д. Миллионная улица, дом № 12 / Адреса Петербурга, № 44/58/2012. – С. 56–59.
214. Чернышова-Мельник Н.Д. Отрекшийся от престола. Жизнь и любовь Михаила Романова / Наталия Чернышова-Мельник. – М.: ЭНАС, 2009. – 480 с.
215. Шульгин В.В. Дни. Россия в революции 1917. С предисловием Николая Старикова. – СПб.: Питер, 2015. – 288 с.
216. Юсупов Ф. Мемуары в двух книгах / Князь Феликс Юсупов; [пер. с фр. Е.Л. Кассировой; предисл. К. Сфири-Шереметьевой]. – переизд. – М.: Захаров, 2011. – 432 с.
217. Crawford D. The last tsar emperor Michael II / Donald Crawford. Weiden & Nicolson, Londen.
218. Gray P. The Grand Duke's Woman. London, 1972.
219. Krasnow W. G. Last Russian Tsar Was Michael, Not Nicholas / W George Krasnow // The Moscow Times. 10 July, 2013.
220. Krasnow W. G. Who Was Russia,s Last Tsar? / W George Krasnow // European Royal History Journal. Issue LV, Volume 10.1 February 2007.

Лаурицтуксен. Парадный портрет Императора Александра III с Императрицей Марией Федоровной и их сыном Великим Князем Михаилом Александровичем. 1884 год. Живопись, масло.

Семья императора Александра III. 1887 г.
Фотография. Предоставлено ГМЗ Гатчина.

И.Е. Репин.
Великий Князь
Михаил Александрович.
1901 год. Эскиз к картине
«Торжественное заседание
Государственного совета
7 мая 1901 года в честь
столетнего юбилея
со дня его учреждения.
1903 г.».
Холст, масло.

Михаил Александрович
на костюмированном балу
1903 года в Зимнем дворце.
Санкт-Петербург,
фотография на паспорту,
ателье Левицкого.

Михаил. Гатчина. 1904 г.
Фотография с ретушью.

Гусар Великий Князь Михаил Александрович. Орел, 1910 год. Фотопортрет.

Прибытие на фронт.
Осень 1914 года.
Фотография.
РГАКФД.

Grand Duke Michael Alexandrovich of Russia, 1918.
Фотографическа открытка.

23 Октября 1914 г. № 38 Цѣна 5 коп.

СИНІЙ ЖУРНАЛЪ

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

Съ приложеніемъ на годъ 3 р. — к.
„ ½ года . . . . . 1 „ 50 „
На 3 мѣсяца . . . . . — 75 к.
„ 1 мѣсяцъ . . . . . — 30 „
Перемѣна адреса . . . . — 25 „

ТАКСА ОБЪЯВЛЕНІЙ:

За строку нонпарели позади текста . . . . . — р. 80 к.
„ „ „ впереди „ . . . . . 1 „ — „
На первой стран. обложки за верхнія и нижнія клѣтки . 22 „ 50 „
За боковыя клѣтки по . . . . . 15 „ — „

Адресъ Главной Конторы и Редакціи: Петроградъ, Гороховая, 55. Телефонъ 547-51.

Непринятыя рукописи не возвращаются.

Его Императорское Высочество Великій Князь Михаилъ Александровичъ.

Великій Князь, получивъ отвѣтственное назначеніе, отбылъ на дняхъ въ дѣйствующую армію.

Его Императорское Высочество Великий Князь Михаил Александрович. Великий Князь получил ответственное назначение, отбыл на днях в действующую армию. Обложка «Синего журнала». 24 октября 1914 г. Фотография с ретушью.

ФАКСИМИЛЕ АКТА ОТРЕЧЕНІЯ НИКОЛАЯ II.

Ставка

Начальнику Штаба.

Въ дни великой борьбы съ внѣшнимъ врагомъ, стремящимся почти три года поработить нашу родину, Господу Богу угодно было ниспослать Россіи новое тяжкое испытаніе. Начавшіяся внутреннія народныя волненія грозятъ бѣдственно отразиться на дальнѣйшемъ веденіи упорной войны. Судьба Россіи, честь геройской нашей арміи, благо народа, все будущее дорогого нашего Отечества требуютъ доведенія войны во что бы то ни стало до побѣднаго конца. Жестокій врагъ напрягаетъ послѣднія силы и уже близокъ часъ, когда доблестная армія наша совмѣстно со славными нашими союзниками сможетъ окончательно сломить врага. Въ эти рѣшительные дни въ жизни Россіи, почли МЫ долгомъ совѣсти облегчить народу НАШЕМУ тѣсное единеніе и сплоченіе всѣхъ силъ народныхъ для скорѣйшаго достиженія побѣды и, въ согласіи съ Государственною Думою, признали МЫ за благо отречься отъ Престола Государства Россійскаго и сложить съ СЕБЯ Верховную власть. Не желая разстаться съ любимымъ Сыномъ НАШИМЪ, МЫ передаемъ наслѣдіе НАШЕ Брату НАШЕМУ Великому Князю МИХАИЛУ АЛЕКСАНДРОВИЧУ и благословляемъ Его на вступленіе на Престолъ Государства Россійскаго. Заповѣдуемъ Брату НАШЕМУ править дѣлами государственными въ полномъ и ненарушимомъ единеніи съ представителями народа въ законодательныхъ учрежденіяхъ, на тѣхъ началахъ, кои будутъ ими установлены, принеся въ томъ ненарушимую присягу. Во имя горячо любимой родины призываемъ всѣхъ вѣрныхъ сыновъ Отечества къ исполненію своего святого долга передъ Нимъ, повиновеніемъ Царю въ тяжелую минуту всенародныхъ испытаній и помочь ЕМУ, вмѣстѣ съ представителями народа, вывести Государство Россійское на путь побѣды, благоденствія и славы. Да поможетъ Господь Богъ Россіи.

Г. Псковъ.

2 Марта 15 час. мин. 1917 г.

Николай

Министръ Императорскаго Двора
Генералъ Адъютантъ Фредерикс

Текст отречения императора Николая II.

Тяжкое бремя возложено на Меня волею Брата Моего, передавшаго Мне Императорскій Всероссійскій Престолъ въ годину безпримѣрной войны и волненій народныхъ. -

Одушевленный единою со всѣми народами мыслію, что выше всего благо Родины нашей, принялъ Я твердое рѣшеніе въ томъ лишь случаѣ воспріять Верховную власть, если такова будетъ воля великаго народа нашего, которому надлежитъ всенародными голосованіемъ, чрезъ представителей своихъ въ Учредительномъ Собраніи, установить образъ правленія и новые основные законы Государства Россійскаго. -

Посему, призывая благословеніе Божіе, прошу всѣхъ гражданъ Державы Россійской подчиниться Временному Правительству, по почину Государственной Думы возникшему и облеченному всею полнотою власти, впредь до того, какъ созванное въ возможно кратчайшій срокъ, на основѣ всеобщаго, прямого, равнаго и тайнаго голосованія, Учредительное Собраніе своимъ рѣшеніемъ объ образѣ правленія выразитъ волю народа. - Михаилъ

3/III – 1917

Петроградъ.

Текст Акта отложенного права на Престол Великого Князя Михаила Александровича.

БЕЗПЛАТНО.

„ИЗВѢСТІЯ“

Прибавленіе къ № 8.

4-го марта.

Отреченіе Великаго Князя Михаила Александровича отъ престола.

Тяжкое бремя возложено на меня волею брата моего, передавшаго мнѣ Императорскій Всероссійскій Престолъ въ годину безпримѣрной войны и волненій народа.

Одушевленный единой со всѣмъ народомъ мыслью, что выше всего благо Родины нашей, принялъ я твердое рѣшеніе въ томъ лишь случаѣ воспринять верховную власть, если такова будетъ воля великаго народа нашего, которому и надлежитъ всенароднымъ голосованіемъ черезъ представителей своихъ въ Учредительномъ Собраніи установить образъ правленія и новые основные законы Государства Россійскаго.

Посему, призывая благословеніе Божіе, прошу всѣхъ гражданъ Державы Россійской подчиниться Временному Правительству, по почину Государственной Думы возникшему и облеченному всей полнотой власти, впредь до того, какъ созванное въ возможно кратчайшій срокъ, на основѣ всеобщаго, прямого, равнаго и тайнаго голосованія, Учредительное Собраніе своимъ рѣшеніемъ объ образѣ правленія выразитъ волю народа.

На подлинномъ подписано

„МИХАИЛЪ“.

3-го марта 1917 года.
Петроградъ.

ПЕТРОГРАДСКІЙ КОМИТЕТЪ ЖУРНАЛИСТОВЪ.

Типографія „Правительственнаго Вѣстника“.

Отречение Великого Князя Михаила Александровича от престола. — «Известия». Прибавление к № 8. 4 марта.

Всадники Кавказской туземной конной («Дикой») дивизии. 1915 г. РГАКФД.

Выезд Государя Императора Николая II с Великим Князем Михаилом Александровичем. РГАКФД.

Обход войск Великим Князем Михаилом Александровичем 31 января 1917 года. РГАКФД.

Л. И. Перевалов. Михаил Романов. 2010. Музей Романовых Свято-Троицкого Стефанова мужского монастыря Пермской митрополии Русской Православной Церкви.

Царский иконостас в Свято-Троицком Стефановом мужском монастыре Пермской митрополии Русской Православной Церкви. Фото Л. Перескокова.

Здание бывшей гостиницы «Королевские номера» в Перми, где провел свои последние дни Великий Князь Михаил Александрович и откуда его вместе с Н. Джонсоном 12 июня 1918 года увезли на расстрел. Фото Л. Перескокова.

Икона Русской Православной Церкви за рубежом «Святой Благоверный Великомученик Михаил». США, Нью-Йорк. Представлена В.Г. Красновым.

Воздвижение Царского креста у часовни благоверного князя Михаила Тверского, небесного покровителя Великого Князя Михаила Александровича на предполагаемом месте его гибели. Фото К. Сушенцова. Пермь. 2010 год.

Кабинет Великого Князя Михаила Александровича в Гатчинском дворце.
Фото 1939 г., предоставлено ГМЗ Гатчина.

Современный вид на Гатчинский дворец.
Фото предоставлено ГМЗ Гатчина.

Ежегодный Крестный ход к предполагаемому месту гибели Великого Князя Михаила Александровича и его секретаря Н.Н. Джонсона. Фото К. Сушенцова.

Дворец Великого Князя Михаила Александровича на Английской набережной, 54 в Санкт-Петербурге. Фото взято из свободного доступа в интернете.

Проект памятного монумента в Перми Великому Князю Михаилу Александровичу. Скульптор А. Матвеев.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ 6

ГЛАВА 1. **Великий Князь Михаил Александрович В ВОСПРИЯТИИ СОВРЕМЕННИКОВ 23**

§ 1. Кто он, наследник Престола? 23

1.1.1. Великий Князь в детстве, отрочестве, юности (1878–1899) 24

1.1.2. Наследник Престола – Великий Князь Михаил Александрович (1899–1904) 34

1.1.3. Период коллизий в личной жизни (1904–1914) 44

§ 2. Михаил Александрович в годы Великой войны 54

1.2.1. Начальник Кавказской туземной конной дивизии – первый год Великой войны (август 1914 г. – январь 1916 г.) 55

1.2.2. Командир Кавалерийского корпуса – второй год Великой войны (январь 1916 – январь 1917) 71

§ 3. Восприятие Великого Князя Михаила Александровича участниками и свидетелями Русской революции 1917 года 85

ГЛАВА 2. **Великий Князь Михаил Александрович КАК ЛИТЕРАТУРНЫЙ ГЕРОЙ (1920–2020 гг.)** 144

§ 1. Михаил Романов в мемуарной литературе 144

2.1.1. Михаил Александрович в мемуарной литературе жанра некролога 144

2.1.2. Дискурс по материалам воспоминаний представителей Династии и особо приближенных к Дому Романовых 151

2.1.3. Отзывы в воспоминаниях представителей военного руководства 160

2.1.4. Дискурс, развернувшийся в воспоминаниях депутатов Государственной думы 164

2.1.5. Оценки авторов высказываний, придерживавшихся нейтральных политических позиций 167

2.1.6. Представители новой власти о Михаиле Романове 174

§ 2. Михаил Александрович Романов в историографии 178

2.2.1. Образ Михаила Александровича по материалам историографических работ 178

2.2.2. Дискурс о Великом Князе в материалах архивных исследований 191

2.2.3. Дискурс о Великом Князе Михаиле Александровиче по материалам трудов о Русской революции общего характера 195

2.2.4. Дискурс авторов высказываний, относящихся к традициям придворных публикаций.....208

2.2.5. Дискурс авторов публикаций политического характера 214

2.2.6. О Георгиевском кавалере Великом Князе Михаиле Александровиче 223

§ 3. Михаил Александрович в публицистике 226
2.3.1. Ракурсы образа Великого Князя Михаила Александровича в современной российской публицистике 226
2.3.2 Великий Князь Михаил Александрович в краеведческих публикациях 239

ЗАКЛЮЧЕНИЕ 265

ПОСТСКРИПТУМ. *Взгляд через столетие* 275

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ 280

Научно-популярное издание

Перескоков Лев Валентинович

ОБРАЗ ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ МИХАИЛА АЛЕКСАНДРОВИЧА В КОНТЕКСТЕ ВРЕМЕНИ

Монография

Редактор М. В. Софьина
Дизайн обложки и верстка С. М. Карелина
Корректор Н. В. Злобина

Подписано в печать
Формат 60×90 1/16. Гарнитура «Таймс»
Печать офсетная. Заказ № 1247.

Отпечатано в ИП Дунаева Л. А.
614990, г. Пермь, ГСП-131, ул. Дружбы, 34.
Тел. 209-98-20.
E-mail: ald@starperm.ru

ISBN 978-5-6047268-1-5